

Александр Федорович Миддендорф – зоолог, путешественник, академик, практик сельского хозяйства – внес значительный вклад в разные области российской науки. Он стоял у истоков учения о вечной мерзлоте, российской малакозоологии (науки о моллюсках), зоогеографии. Именно Миддендорф дал название самому северному мысу Азии, предложил понятие и сам термин «полюс холода», открыл реку Верхняя Таймыра, горы Бырранга, Буреинский хребет. Сибирская экспедиция Миддендорфа послужила одной из важнейших предпосылок для решения «Амурского вопроса». Заслуги Миддендорфа не ограничивались исследованиями во время Сибирской экспедиции. Он положил начало изучению «Чертежной книги» Семена Ремезова, «березовой степи» Барабы, Ферганской долины. Миддендорф многое сделал для совершенствования молочного скотоводства и коневодства в Прибалтийских губерниях и Европейской России. Сочинения Миддендорфа, посвященные разным проблемам, содержат большое количество идей, не потерявших и сегодня своего значения.

Н. Г. Сухова
Э. Таммиксаар

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ МИДДЕНДОРФ

Н. Г. Сухова
Э. Таммиксаар

Александр Федорович
МИДДЕНДОРФ

Российская Академия наук
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Санкт-Петербургский филиал

Н. Г. Сухова, Э. Таммиксаар

Александр Федорович
МИДДЕНДОРФ

К двухсотлетию со дня рождения

Издание второе,
переработанное и дополненное

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 001
ББК 72.3
С91

Ответственный редактор *А. В. Курпьянов*

С91 Сухова Н.Г., Таммиксаар Э.

Александр Федорович Миддендорф : к двухсотлетию со дня рождения. Издание второе, переработанное и дополненное. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-4469-0688-8

Книга о жизни и деятельности А.Ф. Миддендорфа — ученого, путешественника, практика сельского хозяйства и активного общественного деятеля.

**УДК 001
ББК 72.3**

ISBN 978-5-4469-0688-8

© Н.Г. Сухова, 2015
© Э. Таммиксаар, 2015

Содержание

Предисловие	5
Юность	10
Первые годы	10
Университет в Дерпте	17
Университет Св. Владимира	21
Путешествие в Лапландию	22
Сибирская экспедиция	29
Предыстория	29
Путешествие	39
В Академии наук	57
Поездка в Европу	59
Действительный член Академии наук	62
В Зоологическом музее	66
Непременный секретарь	69
60-е годы	83
Семья и друзья	88
Семья	88
Друзья и родственники	96
Коллеги	108
Л.И. Шренк	108
Н.А. Сёверцов	112
Г.И. Радде	117
Ф.Б. Шмидт	122
Путешествия 60–70-х годов	126
Путешествие в Западную Сибирь	127
Путешествие по Белому и Баренцеву морям	132
Путешествие в Ферганскую долину	138
Деятельность в области сельского хозяйства	149
Помещик	149

Молочное животноводство	154
Коневодство	162
Общественная деятельность	170
В Вольном экономическом обществе	170
В Лифляндском общепольном экономическом обществе	175
В Ландтаге Лифляндии	183
Последние годы жизни Миддендорфа	189
Результаты Сибирской экспедиции	196
О картах Сибири.	198
Рельеф Восточной Сибири	213
Климат	217
Вечная мерзлота	221
Оледенение Сибири	227
Растительность Сибири	233
Сибирская фауна	246
О видах.	258
Этнография	266
Последствия экспедиции	275
Русское географическое общество	275
«Чертежная книга Сибири» С.У. Ремезова.	289
Проблема мамонта	293
К истории полярных исследований	301
Амурский вопрос	318
Заключение	337
Основные даты жизни А.Ф. Миддендорфа	343
Основные труды А.Ф. Миддендорфа	345
Основные работы об А.Ф. Миддендорфе	351
Имя А.Ф. Миддендорфа на картах	354
Простейшие, растения и животные, названные в честь А.Ф. Миддендорфа	355
Старые и современные географические названия Прибалтийских губерний	362
Список сокращений	363
Именной указатель	366

Предисловие

Академик Александр Федорович Миддендорф (Alexander Theodor von Middendorff) стоял у истоков зоогеографии, малакозоологии, науки о вечной мерзлоте, внес заметный вклад и во многие другие области российской науки, а также немало содействовал развитию некоторых областей сельского хозяйства Российской империи.

Еще при жизни Миддендорфа о нем писали как в научных, так и в популярных изданиях. Имя Миддендорфа встречается во многих биографических и энциклопедических словарях, а также в огромном количестве самых разнообразных сочинений, созданных в XIX и XX столетиях. Современники называли его знаменитым и маститым ученым, а труд Миддендорфа о Сибирской экспедиции — замечательным и даже классическим. Первые очерки, в которых перечислены практически основные события его биографии, были опубликованы, вероятно, на основании сведений, полученных от самого Миддендорфа¹.

В 1894 г., в год смерти Миддендорфа, в отчетах Петербургской Академии наук и Русского географического общества появились некрологи, авторы которых кратко, но достаточно верно, излагали основные факты его жизни и деятельности. Среди прочих некрологов наиболее содержательный принадлежал Р. Блазиусу — орнитологу (который был другом старшего сына Миддендорфа).

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей университета Св. Владимира в Киеве. Сост. и изд. В.С. Иконников. Киев, 1884. С. 423–427; Zum fünfzigjährigen Doctorjubiläum des Geheimraths Alexander Theodor von Middendorff // Rigasche Zeitung. 1887. № 121. 1. Juni 1887.

По существу Блазиус написал целую статью, включавшую воспоминания (автор часто бывал в доме Миддендорфа) и библиографию его трудов². Эмбриолог Л. Штида (первый биограф К. М. Бэра, который был знаком с Миддендорфом) в очерке для энциклопедии «Allgemeine Deutsche Biographie» (1906. Bd. 52) лишь немного дополнил биографию Миддендорфа.

В 20–30-х годах XX столетия имя Миддендорфа упоминали в своих работах представители самых разных наук, но особое внимание русских и эстонских ученых биография и труды А. Ф. Миддендорфа привлекли в 50–60-х годах XX века.

Московский зоолог П. Б. Юргенсон в 50-х годах начал собирать материал для монографии о Миддендорфе³. Тезисы Юргенсона к докладу для конференции по вопросам зоогеографии, состоявшейся в Львове в 1957 г., стали предпосылкой для его статей о Миддендорфе как зоогеографе⁴. Юргенсон был также автором книги о Миддендорфе⁵. Кроме того, увидели свет работы Н. Г. Суховой⁶ и В. Б. Сочавы⁷.

Эстонских ученых интересовала в основном история семейства Миддендорфа, а также результаты его сельскохозяйственной деятельности в Лифляндии. Для популяризации сведений о жизни и трудах Миддендорфа в Эстонии большое значение приобрели работы президента Эстонского общества естествоиспытателей Э. Кумари⁸. Особое внимание Кумари уделял исследованиям

² *Blasius R. Alexander Theodor von Middendorff. Nachruf // Ornithologisches Jahrbuch. 1894. Bd. 5. № 6. S. 221–233.*

³ В фонде Э. Кумари (Архив Академии наук Эстонии в Таллинне) сохранилось письмо Юргенсона (тогда сотрудника Всесоюзного НИИ лесоводства и механизации лесного хозяйства в Пушкино), который хотел знать, имеются ли материалы Миддендорфа в эстонских архивах (*Eesti teaduste akadeemia arhiiv. Ф. 36. Оп. 1. № 510. Л. 1*).

⁴ *Юргенсон П. Б. Значение академика А. Ф. Миддендорфа в русской зоогеографии // Бюл. МОИП. 1961. Т. 66. Вып. 1. С. 138–149; Юргенсон П. Б. Александр Федорович Миддендорф как исследователь и его научное мировоззрение // Бюл. МОИП. Отделение биологии. 1966. Т. 71. № 1. С. 142–147.*

⁵ *Юргенсон П. Б. Неизвестные тропами Сибири. М., 1964. (Сер. «Замечательные географы и путешественники»)*

⁶ *Сухова Н. Г. Географические исследования А. Ф. Миддендорфа // 4-я науч. конф. аспирантов и младших научных сотрудников (секция истории биологии и географии). М., 1958. С. 9–16; Сухова Н. Г. Сибирская экспедиция А. Ф. Миддендорфа // Вестн. ЛГУ. 1961. Сер. геол. и геогр. № 6. С. 144–151.*

⁷ *Сочава В. Б. Страницы из прошлой русской географии // Сибирский географический сборник. 1963. Вып. 2. С. 215–235.*

⁸ *Kumari E., Kirt K. 140 aastat akadeemik A. Middendorffi sünnist [140 лет со дня рождения академика А. Ф. Миддендорфа] // ENSV TA Toimetised. [Известия АН ЭССР]. 1955. № 3. С. 499–506.*

Миддендорфа в области орнитологии. Именно Кумари стал организатором конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А.Ф. Миддендорфа, состоявшейся в Тарту в августе 1965 г.⁹ В работе этой конференции принимали участие ученые не только Эстонии, но также Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза¹⁰. Доклады, прозвучавшие на заседаниях конференции, стали затем основой для ряда работ, отразивших разные стороны биографии и творчества Миддендорфа.

Эстонский учитель географии К. Пяйд в течение многих лет (с 1959 г. по 1993 г.) тщательно собирал работы, в которых упоминается имя Миддендорфа. Составленная им библиография включает более 500 названий на русском, немецком и эстонском языках¹¹. В библиографии имеются некоторые неточности, однако она позволяет обратить внимание на работы, которые до недавнего времени не привлекали внимания исследователей.

Статья В.Б. Сочавы и книга П.Б. Юргенсона¹² до недавнего времени были наиболее содержательными сочинениями о Миддендорфе. Они включают не только большое количество сведений о его биографии, но и анализ результатов его научных исследований.

Однако гораздо более широко известна книга Н.И. Леонова «Александр Федорович Миддендорф» (М., 1967). Для своего выразительного сочинения он использовал все существующие к тому времени работы о Миддендорфе, некоторые материалы из академического архива и центрального архива Узбекистана. Книга содержит много важных выводов о значении исследований Миддендорфа для разных областей науки. Однако Леонов не был знаком с целым рядом архивных и литературных материалов, которые

⁹ Конференция, посвященная Миддендорфу, оказалась первой в Эстонии в ряду конференций по истории науки.

¹⁰ Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А.Ф. Миддендорфа. Тарту, 1965.

¹¹ Püid K. Akadeemik Alexander Theodor von Middendorff meie ja meie temast [Академик Александр Федорович Миддендорф нам и мы о нем]. Kaseküla-Elva, 1993. Среди перечисленных работ встречаются такие, в которых имя Миддендорфа лишь упоминается, и ряд статей, авторы которых только повторяют сведения из биографических справочников. Библиографию можно дополнить, но более подробная библиография до сих пор никем не составлена.

¹² В 1957 и 1961 гг. Юргенсон познакомился с некоторыми архивными материалами Миддендорфа в Эстонском историческом архиве в Тарту и в Историческом музее в Таллине, но так как книга напечатана в популярной серии, в ней отсутствуют ссылки на использованные документы.

позволили бы ему критически относиться к существовавшим в то время сведениям. Поскольку книга в течение нескольких десятилетий служила основным источником сведений о Миддендорфе, некоторые неверные суждения до сих пор повторяются в работах других авторов.

Работа Э. Таммиксаара с архивными материалами К.М. Бэра в рукописном отделе библиотеки университета в Гиссене, в архиве прибалтийских дворянств в Марбурге и в разных архивах Эстонии, России и Германии позволила существенно расширить представления о Миддендорфе как человеке и ученом. Очень большое значение имело знакомство Таммиксаара с потомками Миддендорфа (Аннелизель и Андреас Миддендорф, братья Вольф, Клас и Одерт Лакшевиц, Аннемария Лакшевиц и Хелена Шиллинг), которые передали ему свои частные документы и фотографии Миддендорфа и о его родственниках. Эти материалы, а также разнообразные литературные источники послужили основой для новой книги о Миддендорфе¹³. Все письма и материалы на немецком языке, использованные при создании книги, переведены на русский язык Э. Таммиксааром. Монография была опубликована небольшим тиражом. После этого были обнаружены архивные и литературные материалы, которые позволили исправить и уточнить целый ряд суждений авторов и к 200-летию со дня рождения А.Ф. Миддендорфа подготовить переработанное и дополненное издание.

Мы благодарим А.В. Куприянова, А.А. Федотову и Д.А. Щеглова за активную помощь при подготовке рукописи к изданию, а также М.В. Винарского, сделавшего важные замечания о нашей работе и сообщившего о содержании трудов известного малаколога К. Вестерлюнда. За фотографию модели лошади, созданной Миддендорфом, мы благодарны Эхе Ярв, сотруднице Института ветеринарной медицины и животноводства Эстонского университета естественных наук в Тарту. Мы хотели бы также выразить нашу признательность Андреасу Юкскюлю из Швеции, который прислал нам объемную переписку Миддендорфа с соседом, эстляндским помещиком Бернгардом Юкскюлем; профессору эндокринологии Петеру Шварцу из Германии, предоставившему письма А.Ф. Миддендорфа к Л.Э. Шварцу; Тору Бранту за сведения

¹³ *Сухова Н.Г., Таммиксаар Э.* Александр Федорович Миддендорф 1815–1894. М., 2005.

о его предке Т. Бранте (спутнике Миддендорфа во время Сибирской экспедиции); а также В. Благодарову за помощь в составлении списка животных, названных в честь А.Ф. Миддендорфа. Э. Таммиксаар благодарен за помощь Министерству образования Эстонии (научная тема № IUT 02–16) и Эстонскому университету естественных наук (научная тема № 13005SPTL). Наша особая благодарность Н. Гольбергу (фонд И. Этцольда для исследования научной деятельности К.М. Бэра) за поддержку идеи о переиздании книги о Миддендорфе.

Юность

Первые годы

Александр Федорович Миддендорф был сыном Теодора Иоганна (Федора Ивановича) Миддендорфа, немца по происхождению. Предки Федора Ивановича, поселившиеся в Риге еще в начале XVI в., были купцами, а дед и отец — пасторами¹. Федор Иванович родился в 1776 г. в Лифляндии² в деревне Карузен (Карузе), в школе учился в Ревеле (Domschule zu Reval), затем — в Иенском университете (1795–1798 гг.). В университете он слушал лекции по богословию, философии, литературе, истории. После окончания университета Федор Иванович служил домашним учителем.

В 1804 г. Федор Иванович приехал в Петербург, а в следующем году был принят преподавателем немецкого языка в губернскую гимназию (тогда единственную гимназию в Санкт-Петербурге)³. В 1812 г., из-за приближения наполеоновских войск, гимназию решено было эвакуировать, и гимназистов отправили под присмотром Федора Ивановича. Сначала на четырех

¹ *Lackschéwitz Th.* Alexander Theodor von Middendorff. Herkunft und Vorfahren // Deutsches Familienarchiv. 1970. Bd. 43. S. 119; Ф.И. Миддендорф. Некролог // Современник. 1846. Т. 43. С. 320–322.

² В XIX столетии Лифляндская губерния включала северную часть современной Латвии и южную часть современной Эстонии, административным центром Лифляндской губернии была Рига, а Эстляндской — Ревель; города Дерпт и Пернов относились к Лифляндии.

³ Историческая записка 75-летия Санкт-Петербургской второй гимназии. СПб., 1880. Ч. 1. С. 98–100.

яхтах они плыли по Неве и Ладожскому озеру до устья р. Волхов (вместе со студентами Педагогического института и директором этого института Е.А. Энгельгардтом). От устья Волхова на подводах отправились в селение Усланка, где и жили до середины января 1813 г., после чего вернулись в Петербург⁴. Можно предположить, что именно во время эвакуации Е.А. Энгельгардт пригласил Федора Ивановича преподавать немецкий язык и латинскую словесность в Педагогическом институте, где Федор Иванович служил с 1813 г.

В 1816 г., после того как было принято решение о создании Главного педагогического института, нескольких студентов отправили в Европу для изучения новых методов преподавания. С.С. Уваров (тогда попечитель Санкт-Петербургского учебного округа) назначил Федора Ивановича инспектором будущего Института, а его будущим преподавателям «предписывалось быть в постоянных сношениях с профессором Миддендорфом». В 1819 г., после утверждения устава Санкт-Петербургского университета, Главный педагогический институт было решено упразднить, а его второй разряд сохранить под названием Учительского института. Но уже в 1822 г. появилось распоряжение о преобразовании Учительского института в гимназию. Ее назвали Санкт-Петербургской гимназией, а инспектором назначили Федора Ивановича, который и стал ее «непосредственным и единственным начальником». Гимназия была открыта 26 января 1823 г.⁵ На долю Федора Ивановича выпали все сложности организационного периода (ремонт и обустройство нового помещения, приглашение учителей, прием учеников). К тому же в 1824 г. питомцев гимназии пришлось спасать от наводнения⁶.

⁴ *Аничков Н.М.* Историческая записка пятидесятилетия третьей Петербургской гимназии. СПб., 1873. С. 9.

⁵ Все даты в тексте книги приводятся по старому стилю.

⁶ В донесении о наводнении 7 ноября 1824 г. о событиях этого дня в гимназии сообщалось: «В четверть 12-го прекращены были уроки и волноприходящие и полупансионеры были распущены, чтобы дать им время возвратиться домой. Между тем вода поднималась все выше и выше, так что в начале 1-го часа детям невозможно было оставаться в столовой и окончить обед. К исходу 1-го часа вода потопила весь первый этаж, распространяясь так стремительно, что большая часть живущих подвергалась очевидной опасности, так как приливающие волны не допускали открыть двери, и надо было разбить окна, чтобы вытащить жителей, спасавшихся на печках. Из живших [там] никто не погиб» (*Аничков Н.М.* Историческая записка... С. 193).

*Ф.И. Миддендорф — отец
А.Ф. Миддендорфа (РАОЛ)*

Бывшие ученики и губернской, и Санкт-Петербургской гимназий⁷ вспоминали о строгости, доброте и заботливости Федора Ивановича. Но уже в 1827 г. он оставил Санкт-Петербургскую гимназию, и в 1829 г. возглавил вновь созданный Главный педагогический институт, директором которого был до 1846 г.⁸ Современники с большим уважением отзывались о деятельности Федора Ивановича Миддендорфа на этом посту. «Во время управления Институтом он был душою всей его деятельности; все приращения к оному произошли не без его желания и участия

и возбуждали в нем самое живейшее сочувствие. Воспитанники его времени, обязанные своим наставникам приобретенными теоретическими познаниями в науках и развитием своих способностей, одолжены преимущественно ему своим практическим умением передавать ученикам в классах познания в меру возраста и постижением способов развивать умственные способности детей. Польза его деятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцев»⁹.

Студенты Главного педагогического института по инициативе Федора Ивановича должны были не только усваивать разные науки, но и научиться их преподавать, поэтому старшие воспитанники

⁷ В 1831–1832 гг. гимназии Санкт-Петербурга получили номера. Благородный пансион при университете стал первой гимназией, Санкт-Петербургская губернская гимназия — второй, а Санкт-Петербургская — третьей.

⁸ Здесь стоит еще раз напомнить основные вехи предыстории этого института. Педагогический институт был создан в 1804 г. на основе Учительской гимназии. В декабре 1816 г. под названием Главного педагогического института он стал рассматриваться как временное отделение будущего Университета. В 1819 г. (после создания Санкт-Петербургского университета) Главный педагогический институт прекратил свое существование. В 1829 г. Главный педагогический институт был создан вновь.

⁹ Акт двадцатипятилетнего юбилея Главного педагогического института. СПб., 1853. С. 26.

вели занятия в младшем отделении. Педагогическая практика была новинкой в процессе подготовки учителей, которую тогда еще не все одобряли. Сам Федор Иванович на подготовительном курсе Института преподавал латинскую словесность, а на первом курсе — немецкую¹⁰. В 1842 г. он открыл при подготовительном отделении Института класс полупансионеров (сначала на 10, а затем на 20 учеников), которые не вносили денег за обучение¹¹. При Федоре Ивановиче в Институте была впервые организована кафедра педагогики.

В начале 40-х годов при Институте было создано особое отделение, готовившее учителей русского языка для уездных училищ Дерптского учебного округа. В Петербург стали на два года присылать воспитанников учительской семинарии Дерпта «для усовершенствования в теоретическом и практическом знании русского языка и ознакомления с лучшими методами преподавания». Воспитанники слушали лекции по русской словесности и истории, писали сочинения, делали переводы, преподавали в младшем отделении. Руководил их занятиями директор.

О педагогических взглядах Федора Ивановича можно судить, познакомившись с опубликованной им «Повестью для образования сердца и разума» (СПб., 1821). Эта небольшая книжка включала нравоучительные истории, которые внушали юному читателю, что человек должен быть добродетельным, дружелюбным, честным и трудолюбивым. Автор осуждал заносчивость, злую насмешливость, лень, своенравие и другие непривлекательные черты личности.

Вскоре после приезда в Петербург Федор Иванович в доме своего знакомого встретил воспитанницу брата хозяина Софью, и они полюбили друг друга¹². Но так как Софья была дочерью крепостной крестьянки, а Федор Иванович — дворянином, проблема брака

¹⁰ «По немецкой словесности: профессор Ф.И. Миддендорф занимал студентов сначала переводами с русского на немецкий, объяснял Шиллеровы трагедии, и, наконец, излагал по собственным запискам обозрение немецкой литературы, особенно в конце XVIII века» (Там же. С. 41).

¹¹ Там же. С. 24–25.

¹² По семейным преданиям, Софья была незаконным ребенком помещика А.-Г. Клугена (владельца имения Лодензе в Эстляндской губернии). В Петербурге Софья жила у брата Клугена (*Lackschewitz Th. Alexander Theodor von Middendorff. Ergänzungen und Berichtigungen // Deutsches Familienarchiv. 1978. Bd. 70. S. 66*). Официально она была дочерью крестьянина Иоганна, который служил поваром в имении Лодензе. В Петербурге ее стали называть по русской традиции Софья Ивановна (*Tiik L. Kes oli akadeemik A.T. Middendorffi ema [Кем была мать академика А.Ф. Миддендорфа] // Edasi. 13. jaanuar 1971*).

чрезвычайно осложнялась; сословные предрассудки могли повредить служебной карьере Федора Ивановича. Поэтому в 1809 г., когда у них родилась дочь (Анна — Аннет), ее отдали на воспитание в чужую семью в Ревеле.

6 августа 1815 г. Софья родила сына. Невенчаные супруги вновь оказались в очень трудном положении. Отец хотел, чтобы мальчик был крещен, но его крестили не в немецкой лютеранской церкви, где Федора Ивановича все знали, а в эстонской. Обряд крещения состоялся лишь 4 января 1816 г., о чем свидетельствует выписка из церковной книги эстонского прихода¹³. В этой книге сказано, что мальчика назвали Александром, его отец — «господин Теодор фон Миддендорф», а мать — «его супруга Софья Миддендорф, рожденная Иогансон»¹⁴. Таким образом, Федор Иванович назвал Софью женой, хотя, согласно единственному источнику, в котором упоминается об их браке, Федор Иванович и Софья смогли пожениться только 17 сентября 1824 г.¹⁵

Обстоятельства, позволившие именно в этом году свершиться долгожданному событию, неизвестны, зато известно, что супруги прожили вместе долгую и необыкновенно счастливую жизнь¹⁶. Федор Иванович очень любил жену и ценил те жертвы, которые ей пришлось принести ради карьеры мужа (она должна была многие годы жить в качестве незаконной жены). В своем завещании Федор Иванович писал: «Благодаря особой скромности и трудолюбию моей горячо любимой супруги, Софьи фон Миддендорф, рожденной Иогансон, имею я большую часть моего имущества»¹⁷. Более того — на одном официальном документе Федор Иванович называет себя «тайный советник Теодор Иоганн Иогансон фон Миддендорф», чтобы показать свою тесную связь с женой¹⁸.

¹³ Эта нотариально засвидетельствованная выписка из церковной книги (Sassenfeld, Kreis Diefurt, 8. Juni 1942) находится в архиве Б. Миддендорф (РАВУМ).

¹⁴ Так как крепостные фамилий, как правило, не имели, когда понадобилось назвать фамилию матери Александра, Софья стала Иогансон.

¹⁵ Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil: Liefland. Görlitz, [1931]. Bd. 2. Lieferung 12. S. 908.

¹⁶ *Lackschéwitz H.* (geb. v. Middendorff). Theodor Johann von Middendorff. Nach Erinnerungen aufgeschrieben von seiner Grosstochter in Odenpäh/Livland, Oktober 1921. S. 10 // PAOL.

¹⁷ *Lackschéwitz Th.* Alexander Theodor von Middendorff. Herkunft... S. 121.

¹⁸ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 2. Л. 4.

Все члены семьи знали, что Софья родом из крепостных крестьян, но об этом в доме не упоминали. К матери и бабушке относились с уважением, хотя по своим привычкам она несколько отличалась от окружающих. Например, с членами семьи говорила только по-русски и никогда не выходила к гостям сына. По воспоминаниям одной из дочерей Александра Федоровича, бабушка была маленького роста и в старости очень толстой, отличалась простотой, откровенностью и большой практичностью. Последние годы своей жизни Софья Ивановна провела в имении сына Гелленорме. Она любила читать Библию, кормить кур, играть в карты и вязать¹⁹, к сыну обращалась только по имени и отчеству и говорила ему «Вы»²⁰.

*С.И. Миддендорф — мать
А.Ф. Миддендорфа*

Первые девять лет своей жизни маленький Александр жил с матерью то в имении отца в Пэрафере²¹, то в Ревеле. В Ревеле у домашних учителей он получил и начальное образование²². Не сохранились сведения об отношениях Александра с матерью, хотя, вероятно, именно от нее он унаследовал необыкновенную практичность. Зато известно, что сын очень любил отца (хотя тот часто бывал весьма строг) и считал его отличным педагогом²³. Даже став взрослым, Александр Федорович в письмах обращался к отцу

¹⁹ *Lackschewitz H.* Theodor Johann von Middendorff... S. 9–10 // PAOL.

²⁰ *Lackschewitz Th.* Alexander Theodor von Middendorff. Herkunft... S. 121.

²¹ Имение Пэрафер отец приобрел в залог в 1817 г., а в 1820 г. — купил. Можно допустить, что это имение было куплено специально для того, чтобы Софья могла спокойно жить с детьми вдали от чужих глаз, а Федор Иванович без лишних проблем мог делать карьеру. После свадьбы родителей (1824 г.) Александр был привезен в Петербург как законный сын Федора Ивановича.

²² ЕАА. Ф. 402. Оп. 2. № 16807. Л. 10.

²³ *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. I. Отд. I. С. 12.

только на «Вы», начиная их словами «Высокоуважаемый, щедрый отец»²⁴. Вероятно, Федор Иванович немало содействовал воспитанию многих положительных качеств сына. Унаследовал сын и его педагогические наклонности. Доброта, веселость, приветливость, трудолюбие, стремление прийти на помощь и многие другие черты характера Александра Федоровича притягивали к нему самых разных людей.

Когда сыну минуло десять лет, Федор Иванович подарил ему ружье. Благодаря этому мальчик рано научился стрелять и полюбил путешествовать по лесам и болотам Лифляндии. По словам самого Миддендорфа, «необыкновенное сочувствие к далеким странствиям» возникло у него под влиянием изречений древних писателей, с которыми он познакомился в «начальных латинских классах»²⁵. Возможно, изречения древних и укрепили любовь Миддендорфа к путешествиям, но возникло такое влечение прежде всего благодаря природе его родного края. Во время охотничьих прогулок Миддендорф хорошо закалился, так как в Лифляндии, по его словам, бывали «сибирские скачки температуры» (от +35° днем до нуля и ниже — после полуночи).

Согласно биографическим очеркам, Александр учился в 3-й Санкт-Петербургской гимназии. Его имя действительно имеется в списке приходящих и своекоштных ее пансионеров, но не упомянуто в списке учеников, гимназию окончивших²⁶. Следует отметить, что Миддендорф учился там, когда гимназия номера еще не имела — с 1824 по 1828 г. Из воспоминаний его друга детства К.М. Лингена можно узнать, что в 1828 г. Миддендорф недолго учился в частной школе, основанной его отцом (после того как тот перестал служить в Санкт-Петербургской гимназии). Линген, который именно в этой школе познакомился с Миддендорфом, позже вспоминал: «Александр М. всех нас значительно превосходил способностями и знаниями, что особенно ясно проявлялось во время уроков; он имел открытый, весьма доброжелательный характер»²⁷.

²⁴ *Lackschéwitz H.* Theodor Johann von Middendorff... S. 10 // PAOL.

²⁵ *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 12–13.

²⁶ *Аничков Н.М.* Историческая записка... Гимназия, созданная в 1823 г. на основе Учительского института, помещалась на Гагаринской улице в здании бывшего Пантелеймоновского училища, поэтому иногда называлась Пантелеймоновской. Третьей гимназией она стала в 1832 г.

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 33. Оп. 1. № 33. Л. 3 об.

Затем Миддендорф некоторое время учился на подготовительном отделении Главного педагогического института. Кроме того, в 1828–1831 гг. Миддендорф служил канцеляристом в департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов. Вероятно, отец считал, что сын уже в юности должен уметь зарабатывать деньги.

Университет в Дерпте

Можно предположить, что Федор Иванович хотел видеть сына учителем, но Александр учителем быть не хотел. Он решил стать врачом и в январе 1832 г. поступил на медицинское отделение Дерптского университета. По составу профессоров и уровню преподавания университет в Дерпте в первой половине XIX в. был лучшим в России. Именно поэтому в конце 20-х годов в этом университете начал работать так называемый «Профессорский институт», который должен был готовить преподавателей для других российских университетов. По мнению Н.И. Пирогова, который был выпускником «Профессорского института» и закончил университет как раз тогда, когда там учился А.Ф. Миддендорф, «Дерптский университет в это время /.../ достиг небывалой научной высоты»²⁸.

Миддендорф слушал лекции известных в то время профессоров: по терапии — Г. Замена, зоологии и физиологии — М.-Г. Ратке, химии — Ф.-И. Гебеля, анатомии — А.-Ф. Гука, а также лекции по хирургии тогда еще только начинавшего свою деятельность в области медицины Н.И. Пирогова. Его внимание привлекали также лекции по ботанике К.-Ф. Ледебуря, минералогии — М.-Ф. Энгельгардта и Э.К. Гофмана, физике — И.-Ф. Паррота²⁹.

²⁸ Пирогов Н.И. Из дневника старого врача // Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 306. Согласно Пирогову, мундир студентов Дерптского университета «был не то, что паскудный мундир того времени в других университетах; у дерптского студента воротник на мундире горел золотом — это был воротник черный бархатный (на синем мундире) с вышитыми золотом дубовыми ветвями, занимавшими большую половину воротника» (Там же. С. 323).

²⁹ ЕАА. Ф. 402. Оп. 2. № 16807. Л. 5, 7–7 об.

По воспоминаниям К.М. Лингена, который одновременно с Миддендорфом учился и в Дерптском университете, Миддендорф не стал членом какой-нибудь студенческой корпорации, как тогда было принято, и не принимал участия в буйных студенческих кутежах. Он имел немногих приятелей, которые все были «честными и благородными людьми и к тому же страстными охотниками»³⁰. Дом, в котором Миддендорф жил со своим другом Н. Вилькеном, они называли «охотничьим домиком».

Друзья Миддендорфа (В. Бётлингк, А.И. Шренк и Ю.И. Штубендорф), как и он, мечтали о путешествиях и весьма интересовались разными естественными науками, но прежде всего геологией и палеонтологией. Молодые люди нередко бывали в гостях у профессоров университета, но особенно часто — у профессора анатомии А.-Ф. Гука, который немало сделал для развития палеонтологии в Эстонии.

«Экзаменационные протоколы свидетельствуют о том, что Миддендорф был незаурядным студентом и получал в основном отличные оценки, в особенности по естественнонаучным дисциплинам», — писал В. Калнин, тщательно изучивший студенческий период жизни Миддендорфа³¹. По его же мнению, работы, написанные Миддендорфом в связи с подготовкой к экзаменам перед защитой докторской диссертации, были достаточно профессиональны с точки зрения медицины XIX столетия, так как он использовал новые методы исследования больных³². Докторская диссертация Миддендорфа «О полипах в бронхах», написанная на латинском языке³³, согласно Калнину, была первым в Дерптском университете исследованием, в котором диагностика и клиническая патология органов дыхания рассматривались на основе новых методов. Вместе с тем эта работа стала первым опубликованным сочинением Миддендорфа. В качестве эпиграфа к диссертации он взял слова из описания путешествия натуралиста А. Шамиссо: «Тому, кто хочет видеть свет, чуждый цивилизации, я советовал бы запастись

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 33. Оп. 1. № 33. Л. 15.

³¹ Калнин В. Годы учения А.Ф. Миддендорфа в Тартуском университете // Изв. АН ЭССР. 1966. Т. 15. Сер. биол. № 2. С. 242.

³² Там же. С. 243.

³³ *Middendorff A. Th. v. Quaedam de bronchorum polypis, morbi casu observato illustrata.* Dorpat, 1837.

докторскую шляпою как самым покойным колпаком для путешествия», чем очень удивил университетских профессоров. Сам Миддендорф впоследствии имел возможность убедиться в верности такого способа подготовки к странствиям³⁴.

2 июня 1837 г. Миддендорф получил диплом доктора³⁵, а затем, как тогда было принято, отправился в Европу для расширения своего образования. Он слушал лекции в университетах Праги, Берлина, Вены и Кёнигсберга, побывал и в других европейских городах. В Бреслау он учился у физиолога и анатома Я.-Э. Пуркине, в Галле осмотрел знаменитую анатомическую коллекцию И.-Ф.-К. Меккеля, в Эрлангене встречался с зоологом Р. Вагнером, в Праге — с директором Зоологического музея И. Гюртлем, с которым затем обменивался зоологическими коллекциями и трудами. В Берлине Миддендорф познакомился с самым известным физиологом того времени И. Мюллером и его молодыми сотрудниками — создателями клеточной теории Т. Шванном и М.-Я. Шлейденом, а также с анатомом К. Рейхертом, ставшим впоследствии профессором анатомии Дерптского университета. В Нейштадт-Эберсвальде, небольшом городке вблизи Берлина, Миддендорф некоторое время жил у профессора Лесной академии Ю. Ратцебурга (основателя лесной энтомологии). Отношения с некоторыми из упомянутых ученых не прекратились и после его возвращения в Россию³⁶.

В 1839 г., вернувшись из Европы в Петербург, Миддендорф оказался на перепутье³⁷. Никаких определенных планов у него не было. Он мечтал о путешествиях, но необходимо было найти и какое-нибудь постоянное место работы. По просьбе Миддендорфа профессор анатомии Дерптского университета А.-Ф. Гук,

³⁴ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 13.

³⁵ ЕАА. Ф. 402. Оп. 2. № 16807. Л. 79, 80.

³⁶ В отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) сохранились письма к Миддендорфу от Пуркине (Ф. 965. Оп. 1. № 2163), Вагнера (Ф. 965. Оп. 1. № 2843) и Гюртля (Ф. 965. Оп. 1. № 1317, 1938). Письма Ратцебурга хранятся в архиве Миддендорфа в Тарту (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8). В одном из писем к сыну Макс Миддендорф вспоминал о знакомстве с Мюллером, Шванном и Шлейденом (Pörrafer, 17. Februar 1882 // PAWL).

³⁷ Точная дата возвращения Миддендорфа в Петербург неизвестна. Но в апреле 1839 г. (в докладе Академии наук о плане экспедиции в Лапландию) академик К. М. Бэр упомянул о том, что Миддендорф, желавший принять участие в этой экспедиции, тяжело заболел (СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. № 15. Л. 24 об.). Следовательно, в апреле Миддендорф был уже в Петербурге.

А. Ф. Миддендорф. 1840-е годы

с которым он сблизился во время учебы, отправил в Харьковский университет копии его экзаменационных листов, сопроводив их рекомендацией декана медицинского факультета. Однако вскоре Гук получил от Миддендорфа письмо, из которого следовало, что Харьков ему не подходит³⁸.

Еще в Европе Миддендорф узнал о намерении академика К. М. Бэра организовать экспедицию в Лапландию. К сожалению, мы не знаем, каким образом Миддендорф об этом узнал. Можно только предположить, что об экспедиции Бэра ему сообщил отец. В конце мая 1839 г. в письме к вице-президенту Пе-

тербургской академии наук М. А. Дондукову-Корсакову Бэр отметил: «Я уже прежде пытался найти молодого естествоиспытателя, который мог бы сопровождать меня в этом путешествии [в Лапландию]. Господин доктор Миддендорф, еще находившийся в чужих краях, но уже на возвратном пути, вызвался было принять это предложение. Но по возвращении сюда он внезапно занемог и потому не может меня сопровождать»³⁹.

Знакомство с Бэром имело огромное значение для дальнейшей деятельности Миддендорфа. Бэр постоянно находил молодых талантливых ученых и помогал им реализовать свои творческие возможности. Ему, вероятно, нравилось активное стремление Миддендорфа побывать в неизведанных краях. Но в Академии наук вопрос об экспедиции в Лапландию летом 1839 г. решен еще не был. Поэтому в одном из писем Бэр сообщил Миддендорфу об очеред-

³⁸ Письмо А.-Ф. Гука к Миддендорфу (РНБ. Ф. 124. Оп. 2. № 70. Л. 1–1 об.).

³⁹ Конго Л. Я. О взаимоотношениях академиков К. Бэра и А. Миддендорфа // Folia Baeriana. 1978. Т. 3. С. 219. (См. также: СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. № 424. Л. 5).

ной Пекинской миссии (о возможности отправиться в путешествие в Китай), а также поинтересовался, не хочет ли Миддендорф стать профессором Киевского университета⁴⁰.

Летом 1839 г. министр народного просвещения С.С. Уваров⁴¹ обратился к Бэру с просьбой рекомендовать кого-нибудь на кафедру зоологии в недавно созданный университет Св. Владимира в Киеве. Бэр предложил две кандидатуры — приват-доцента Дерптского университета, палеонтолога Г.-М. Асмуса и А.Ф. Миддендорфа — «сына действительного тайного советника Миддендорфа, директора Главного педагогического института». Бэр писал также, что слышал о сыне тайного советника, как «об очень добросовестном студенте по зоологии и зоотомии, полном рвения к этой науке. Но так как он молод, талант его как преподавателя еще не мог проявиться»⁴². Бэр рекомендовал Уварову Миддендорфа еще до того, как узнал, что тот согласен стать преподавателем университета. Получив его согласие, Бэр сообщил об этом Уварову, и (по его предложению) Миддендорф подал прошение о зачислении в университет Св. Владимира.

Университет Св. Владимира

28 сентября 1839 г. Миддендорф получил место адъюнкта в Киевском университете. Новый преподаватель читал этнографию, общую зоологию и зоологию позвоночных во втором отделении философского факультета и некоторые части курса зоологии — на медицинском факультете. Он также собирал материалы для будущего зоологического кабинета. Миддендорф охотился вблизи Киева, ездил в Харьков, чтобы получить там «зоологические предметы», просил директора Зоологического музея Петербургской Академии наук Ф.Ф. Брандта присылать необходимые для его кабинета виды животных (и сам отправлял нужные Брандту виды из окрестностей

⁴⁰ К.Е. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, 5. September 1839 // DSH 190 Estland 320.

⁴¹ С.С. Уваров, который с 1818 г. был президентом Академии наук, в 1833 г. был назначен также министром народного просвещения.

⁴² К.Е. v. Baer an S.S. Uvarov, [St. Ptg.], 5. September 1839 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 24.

Киева). В 1841 г. Миддендорф писал одному из своих корреспондентов: «В Киеве у меня прекрасный кабинет и библиотека, и в придачу к этому мы получим от Медицинской академии в Вильно коллекции и книги, которые из-за политических событий будут переданы сюда»⁴³.

Миддендорф вполне ответственно относился к своим обязанностям, среди молодых коллег в университете у него появились друзья — Э.К. Гофман и Р.Э. Траутфеттер. Несмотря на это, в университетской среде Миддендорф чувствовал себя неуютно. Об этом знали его друзья и даже пробовали найти ему место зоолога в других университетах России. Больше всего Миддендорф хотел бы вернуться в Дерптский университет⁴⁴, но место зоолога там было занято. Зато неожиданно осуществилась мечта Миддендорфа о путешествиях.

Путешествие в Лапландию

В 1837 г. академик К.М. Бэр путешествовал на Новую Землю. Во время этой экспедиции он побывал и в Лапландии (на Кольском полуострове). Желая продолжить изучение Лапландии и вообще животных северных областей, 15 марта 1839 г. Бэр сообщил Конференции (общему собранию) Академии наук, что не успел познакомиться с низшими животными в окрестностях реки Колы и намерен посетить Лапландию вторично. В конце апреля того же года Бэр представил общему собранию план и смету экспедиции, подчеркивая, что пространство полуострова было еще не изучено, и что «сомнительно даже, бывал ли когда-либо образованный человек во внутренности Русской Лапландии»⁴⁵.

План Бэра был весьма обширен. Он собирался вести исследования и на берегах Белого моря, и на Новой Земле, и даже в Карском море. В Белом море его интересовала фауна заливов Кольско-

⁴³ СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 2. № 33. Л. 1 об. После восстания в Польше (1830 г.) был закрыт университет в Вильно. Сохранился только медицинский факультет, который называли Медицинской академией.

⁴⁴ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 965. Оп. 1. № 1302. Л. 1–1 об.

⁴⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 94. Л. 1 об. См. также: ЖМНП. 1840. май. Отд. III. С. 25–27.

го полуострова, особенно рыбы. Кроме того, он надеялся побывать на Соловецких островах, на островах у устья реки Колы, а также в Кандалакше⁴⁶. Бэр считал, что для расходов на такую экспедицию можно было бы использовать деньги, уже выделенные для академической экспедиции к Аральскому морю⁴⁷. Однако вопрос об Аральской экспедиции еще не был решен окончательно, поэтому министр народного просвещения С.С. Уваров, который был одновременно и президентом Академии наук, предложил перенести экспедицию в Лапландию на следующий год.

Бэр долго не был уверен, что экспедиция все же состоится. 7 января 1840 г. он писал Миддендорфу: «Я внезапно получил надежду, что этим летом смогу путешествовать по Ледовитому морю⁴⁸. Хотите ли ехать со мною, тогда очень сердечно — добро пожаловать. Но так как у нас всегда либо все хорошо, либо нет ничего или внезапно, то, если я не сделаю свое представление [об экспедиции] в течение 8 дней, все хорошие намерения улетучатся, как дым. Поэтому я не могу Вам сделать предложение, пока я не уверен в Вашем согласии»⁴⁹.

В апреле 1840 г., благодаря всеподданнейшему докладу Уварова, последовало высочайшее одобрение плана экспедиции. Уваров рекомендовал непременно секретарю Академии наук П.Н. Фусу пригласить в спутники Бэру одного или двух ученых. Сам Бэр в апреле писал Уварову, что «профессор Миддендорф в Киеве» обнаружил желание отправиться с ним в путешествие по Лапландии. По словам Бэра, «соединяя в себе отличные сведения с усердием, он, без сомнения, будет содействовать к умножению результатов экспедиции». Зная, что Миддендорф собирает экспонаты («предметы») для зоологического кабинета, Бэр нашел нужным отметить, что «он найдет в Ледовитом море больше добычи для зоологии, нежели в ближайшем к нему Черном море», и что расходы на экспедицию от приглашения Миддендорфа

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. № 15. Л. 24–24 об.

⁴⁷ План экспедиции к Аральскому морю обсуждался в Академии наук по инициативе генерал-губернатора Оренбургского края В.А. Перовского, намечавшего поход в Хиву. Но планы губернатора изменились, он перенес время похода и сам нашел ученых для исследований, отказавшись от содействия Академии наук.

⁴⁸ В России по крайней мере до 70-х годов XIX в. Северный Ледовитый океан многие называли Ледовитым морем.

⁴⁹ К.Е. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, [St. Pbg.], 7. Januar 1840 // DSHI 190 Estland 320.

не увеличатся, так как он умеет рисовать и поэтому не потребуются специальный «рисовальщик»⁵⁰.

Соображения Бэра вполне убедили Уварова, и он распорядился, чтобы попечитель Киевского учебного округа командировал Миддендорфа в экспедицию. Миддендорф чрезвычайно обрадовался, узнав, что его мечта о путешествии осуществится. 20 мая 1840 г. он писал Ф.Ф. Брандту: «Представьте себе, что предложение об экспедиции к Ледовитому морю подписано царем 23 апреля⁵¹, и я, благодаря дружеской поддержке Бэра, командирован министром в эту экспедицию. Это восторг, ликование, как Вы можете себе представить»⁵².

Путешественники выехали из Петербурга 28 мая 1840 г. Бэра и Миддендорфа сопровождал студент Петербургского университета Панкевич⁵³, в Архангельске к ним присоединился препаратор Зоологического музея Академии наук Е. Филиппов. 14 июня по Белому морю на ладье они отправились к южному берегу Кольского полуострова. Бэр и Миддендорф, а также сопровождавшие их студент и препаратор вели наблюдения и собирали морских животных и растения на берегу моря и на близлежащих островах.

В конце июля путешественники плыли по Ледовитому морю вдоль северного берега Кольского полуострова к западу, продолжая собирать коллекции в заливах полуострова. При этом они побывали на полуострове Рыбачьем и на маленьком Аникиевом острове к северо-востоку от него. На этом островке Миддендорф обнаружил каменную плиту с «автографами» разных иностранных и русских мореплавателей, сделанными в XVI–XVIII вв., и зарисовал некоторые из этих надписей⁵⁴. Бэр надеялся, что сможет вновь побывать и на Новой Земле. Однако сильный восточный ветер не позволил осуществить его намерение. Путешественники продолжали иссле-

⁵⁰ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 94. Л. 22–22 об.

⁵¹ Миддендорф ошибался. Николай I рассматривал всеподданнейшую докладную записку Уварова 19 апреля. (Там же. Л. 15).

⁵² СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 2. № 33. Л. 1–1 об.

⁵³ Студента Панкевича в 1839 г. рекомендовал Бэру профессор зоологии С.С. Куторга.

⁵⁴ Миддендорф опубликовал статью об «автографах» на Аникиевом острове лишь много лет спустя после окончания экспедиции. (Anikiev, eine Insel im Eismeere in der Gegend von Kola // Bull. Acad. 1860. Т. 2. Sp. 152–158). По его мнению, исследование таких надписей могло стать основой для изучения истории плаваний вблизи северных берегов России. В XX в. эти надписи подробно описал географ Б.И. Кошечкин в своей книге «Имена на скале» (Архангельск, 1991).

дования во время плавания к западу вдоль берегов Лапландии и достигли полуострова Нордкап и гавани Вадзё в Варангер-фьорде. Они намеревались обогнуть Нордкап, но шторм заставил вернуться в Вадзё, откуда вновь направиться морем к западу. В августе Бэр вел исследования на острове Кильдин (вблизи устья реки Колы), а Миддендорф пересек полуостров от устья реки Колы до Канда-лакшского залива. Он собирал коллекции и уточнял карту местности и даже поднялся на одну из снежных вершин Хибинских гор. 6 сентября Миддендорф встретился с Бэром, морем они отправились в Архангельск и 2 октября 1840 г. вернулись в Петербург.

Еще из экспедиции Бэр писал П.Н. Фусу: «Мои спутники превосходны. Профессор Миддендорф — усердный охотник, к тому же — осведомленный и знающий естествоиспытатель»⁵⁵. Позже Бэр вспоминал: «Будучи смолоду страстным охотником, сильный телом и духом Миддендорф привык весело переносить неприятности погоды или, лучше сказать, эти неприятности вовсе не существуют для него, покуда они еще выносимы». А в примечании к этой фразе Бэр отметил: «Пролежать целую ночь, зарывшись в сырой мох, чтобы дожидаться, не подсядет ли какой-нибудь глупый селезень к утке своей породы, было для моего спутника истинным наслаждением. Он любитель путешествий и такой искусный стрелок, какого редко найдешь /.../, он же искусный врач и хирург и при том так хорошо владеет русским языком, что может толковать с простым народом совершенно в его духе»⁵⁶.

Путешествуя по Лапландии, Миддендорф собирал сведения о животных, особенно много внимания уделяя изучению птиц. Вернувшись в Петербург, он представил Академии сообщение об орнитологических результатах экспедиции, а также сравнил птиц русской Лапландии с данными о фауне птиц Норвегии, Исландии, Гренландии и Северной Америки⁵⁷. Результаты этих исследований Миддендорф изложил в статье, опубликованной

⁵⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. № 15. Л. 75 об.

⁵⁶ Бэр К. Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. введ. 1844. № 21. 27 января. С. 94.

⁵⁷ Хронологический обзор важнейших путешествий, совершенных в России или российскими путешественниками в XVIII и XIX столетиях // Месяцеслов на 1843 г. СПб., 1843. С. 193. Автором этой анонимной статьи был переводчик Академии наук К.Ф. Свенске. Об этом в одной из своих записок, сохранившихся в академическом архиве, сообщил академик П.И. Кёппен (СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1855. № 12. Л. 80).

в 1843 г. в академическом сборнике, который издавали К.М. Бэр и Г.П. Гельмерсен⁵⁸.

Итогом путешествия Миддендорфа через Лапландию, помимо орнитологических наблюдений, стали зоологические коллекции, которые он передал как Зоологическому музею Академии наук, так и зоологическому кабинету Киевского университета, а также гербарий. Миддендорф, вероятно, первым из натуралистов видел массовые кочевки леммингов (сведения об этом произвели большое впечатление на зоологов-современников). Наблюдения на побережье Лапландии привели его к выводу о том, что весь берег полуострова поднимается. Такое мнение было новым для тогдашней геологической науки, но Миддендорф сообщил об этом в своей статье только в 1860 г.⁵⁹

Миддендорф обнаружил также, что на существующих картах неверно изображены очертания оз. Имандра, направление реки Колы и даже дорога между Колой и Кандалакшей, по которой возили почту и постоянно ездили губернские чиновники. Миддендорф вел глазомерную съёмку, используя только охотничий компас, и она не могла быть так точна, как съёмки с помощью геодезических инструментов. Однако наблюдательность и умение ориентироваться на местности позволяли путешественнику достаточно верно отмечать изгибы реки и дороги, очертания озера и соотношения между ними и вносить исправления в карту полуострова.

Он выяснил, что река Кола течет не с востока на запад, как изображали карты начала XIX в., а с юга на север, что озеро Имандра — не широкое с малоизрезанными берегами, а значительно вытянуто в длину с юга на север, а берега его весьма изрезаны. Миддендорф обратил внимание на огромное количество озер Лапландии, на их вытянутую форму, причем в одном и том же направлении — приблизительно с севера на юг, на то, что эти озера очень мелки. Очертания и направление этих озер он связал с действием «дилювиальных вод».

В 40-х годах XIX в. идея ледникового периода уже была известна, но большая часть ученых относилась к ней критически. Огром-

⁵⁸ *Middendorff A. Th. v. Bericht über die ornithologischen Ergebnisse der naturhistorischen Reise nach Lappland während des Sommers 1840 // Beiträge KRR. 1843. Bd. 8. S. 187–258.*

⁵⁹ *Middendorff A. Th. v. Anikiev, eine Insel im Eismeere, in der Gegend von Kola // Bull. Acad. 1860. T. 2. Sp. 153.*

ные валуны на земной поверхности и шрамы на скалах обычно связывали с действием потоков — «дилювиальных вод» или морских льдов. Попытка Миддендорфа объяснить образование озер Кольского полуострова общей причиной, несомненно, свидетельствовала о проникательности молодого ученого, к тому же не геолога, а зоолога.

На основе своей съёмки Миддендорф составил карту Лапландии, которая была даже гравирована в академической типографии, но, по его словам, «не пущена в свет». В 1843 г. К.М. Бэр в своем сборнике «*Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens*» опубликовал уменьшенный вариант карты с пояснениями Миддендорфа и собственными примечаниями⁶⁰, однако она не привлекла внимания картографов Военно-топографического депо (основных составителей карт России в первой половине XIX в.). Продолжали выходить в свет карты Европейской России, на которых Лапландия изображалась с ошибками, и даже на почтовых картах неверно изображались направление почтовой дороги между Колой и Кандалакшей и расположенные на ней станции. Миддендорфа очень огорчало невнимание к его работе, он даже склонен был связывать это с общей тенденцией несправедливо критического отношения к Академии наук в российском обществе: «Настоящий случай, конечно, один из самых незначительных в числе тех, где основательные труды нашей Академии не были оценены по достоинству и незаслуженно отстранены другими»⁶¹. Поэтому в 1853 г. Миддендорф счел нужным вновь — на немецком и русском языках — опубликовать статью о своих наблюдениях в Лапландии. В статье «Несколько слов в пояснение начертания пути от Колы до Кандалакши» на основе анализа старинных карт Миддендорф вновь сообщил о причинах неточностей карт, изображавших Лапландию, надеясь обратить внимание на эти неточности. Подобное исследование картографического материала впервые было сделано в России. Однако и эта статья не привлекла к себе внимания, несмотря на то, что о ней речь шла и в отчете Академии наук за 1853 г.

⁶⁰ *Beiträge KRR*. 1843. Bd. 8. Tafel V.

⁶¹ *Миддендорф А.Ф.* Несколько слов в пояснение начертания пути от Колы до Кандалакши // Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 1. С. 112.

После экспедиции в Лапландию, Миддендорф окончательно убедился, что путешествия для него гораздо привлекательнее, чем служба в Киевском университете. Вероятно, поэтому уже 3 декабря 1840 г. (через месяц после возвращения из Петербурга в Киев) Миддендорф подал прошение об отставке⁶². Неизвестно, что послужило толчком к этому шагу и что он собирался дальше делать. Решение Миддендорфа огорчило его друзей. Бэр писал ему: «Меня испугало Ваше известие, что Вы просили отставки, хотя я и воздерживаюсь от [выражения] своего мнения, так как хорошо не знаю всех условий и охотно верю, что Киев имеет свои недостатки. Но еще больше, чем первое, меня напугало Ваше второе письмо. Вы рассчитываете на место Асмуса. Но сейчас очень сомнительно, что Асмус будет сюда [в Академию наук] приглашен»⁶³. Итак, выясняется, что Миддендорф надеялся получить место приват-доцента в Дерптском университете. (Это место могло освободиться, если бы Г.-М. Асмус был избран адъюнктом Петербургской Академии наук).

Так как Миддендорф был нужен университету Св. Владимира, отставку он не получил. Более того, чтобы удержать молодого ученого, попечитель Киевского учебного округа предложил избрать Миддендорфа экстраординарным профессором. 19 апреля 1841 г. избрание состоялось, но в конце августа того же года К.М. Бэр предложил Академии наук план экспедиции в Восточную Сибирь, имея в виду, что исследования будет вести Миддендорф. В сентябре, когда идею экспедиции поддержало общее собрание Академии наук, Бэр назвал коллегам имя Миддендорфа как ее руководителя.

⁶² А. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, Kiew, 4. Dezember 1840 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

⁶³ К.Е. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, St. Pbg., 24. Februar 1841 // DSHI 190 Estland 320.

Сибирская экспедиция

Предыстория

Экспедиция Миддендорфа в Восточную Сибирь была теснейшим образом связана с проблемой изучения вечной мерзлоты. О постоянно мерзлых грунтах Восточной Сибири было известно еще в XVIII столетии, благодаря трудам российских путешественников. Однако в 20–30-х годах XIX в. некоторые европейские ученые усомнились в возможности существования постоянно замерзших почв, так как новые наблюдения свидетельствовали о повышении температуры земли с увеличением глубины. Кроме того, было известно, что в Восточной Сибири повсюду встречается растительность, и казалось, что это противоречит сведениям о том, что почва там никогда не оттаивает.

В 1828 г. купец Ф. Шергин (комиссионер Российско-Американской компании) начал рыть вблизи Якутска колодец, надеясь обнаружить воду, более вкусную, чем в реке Лене. Местные жители обычно пользовались речной водой, так как мерзлые грунты не позволяли иметь колодцы. Шергин не мог этого не знать, но, вероятно, полагал, что на большой глубине воду все же можно обнаружить. Надежды эти не оправдались, однако работы по углублению колодца он не прекратил.

Весной 1829 г. во время путешествия по Сибири в Якутске побывал немецкий физик А. Эрман. Узнав о колодце Шергина,

он понял, как важны наблюдения в этом колодце для изучения вечной мерзлоты, и измерил температуру на глубине 15 м¹.

В следующем году Ф.П. Врангель, назначенный главным правителем Русской Америки, на пути к месту новой службы останавливался в Якутске в доме Шергина и тоже заинтересовался его колодцем. Понимая, что работы в мерзлом грунте требуют больших средств, Врангель предложил Шергину продолжать углубление колодца за счет Российско-Американской компании. Врангель служил на Аляске до 1835 г. После его возвращения в Петербург компания прекратила платить Шергину, так как не видела пользы от его деятельности. Но Шергин углубление колодца продолжал и почти полгода — с 15 октября 1836 г. по 4 мая 1837 г. — измерял температуру на разных глубинах, описывал обнажавшиеся геологические слои. Так как наблюдения велись по инициативе Врангеля, в конце 1837 г. Шергин послал ему дневник своих наблюдений, включавший также описание хода работ и расходы на них. Врангель передал этот дневник геологу Г.П. Гельмерсену с просьбой дать заключение о научном значении наблюдений Шергина. Кроме того, Врангель просил К.М. Бэра сообщить в Академии наук о дневнике Шергина и выводах Гельмерсена².

1 декабря 1837 г. Бэр выполнил просьбу Врангеля, изложив содержание статьи Гельмерсена общему собранию Академии наук. Подчеркивая важность наблюдений в колодце Шергина, Бэр предложил создать особую комиссию, которая могла бы решить, «какой приличнее дать ход дальнейшим разысканиям» в Якутске. Кроме того, по мнению Бэра, Академия должна была найти средства для продолжения работ, так как Шергин больше не мог вести их за свой счет.

¹ *Erman A. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin, 1838. Bd. 2. S. 251–252.* В своих сочинениях Эрман сообщал разные сведения о результатах этого измерения, что вызывало недоумение и даже возмущение современников. Об Эрмане и о его значении для познания географии России см.: *Tammiksaar E. Adolph Erman — ein bedeutender und zugleich umstrittener Naturforscher Sibiriens // Kasten E. (hrsg.) Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg/Havel, 2013. S. 173–206.*

² В дневнике Ф. Шергина, сохранившемся в Архиве Академии наук (СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. № 289), имеются лишь сведения о ходе работ и расходах. О наблюдениях Шергина можно судить по содержанию статьи Гельмерсена «Замечания о колодце, вырытом в Якутске» (Горн. журн. 1838. Ч. II. Кн. 4. Отд. V. С. 121–128).

На этом же заседании была избрана комиссия (А.Я. Купфер, Е.И. Паррот, Э.Х. Ленц), которая 12 января 1838 г. изложила свои соображения относительно колодца Шергина. Академики считали, что его углубление продолжать не следует, так как это может стать опасным для жизни рабочих, но наблюдения в колодце продолжить необходимо. Академия собиралась отправить Шергину 30 термометров и инструкцию о способе их размещения и порядке наблюдений. Об этом комиссия уведомила Шергина, приложив к письму записку с вопросами, составленную Бэром, который хотел знать о природных условиях в области вечной мерзлоты вблизи Якутска. В конце сентября того же года Шергин сообщил Академии, что наблюдения продолжать не сможет, так как уволен из Российско-Американской компании и собирается уехать из Якутска³.

Это известие особенно огорчило Бэра, который очень надеялся, что сможет получить новые данные о мерзлоте из Якутска. Заинтересовавшись явлением вечномерзлых почв, он опубликовал несколько статей о колодце Шергина, стремясь привлечь к проблеме внимание и европейских ученых. В конце февраля 1840 г. Бэр писал секретарю Лондонского географического общества адмиралу Дж. Вашингтону: «Вы знаете, что Академия пригласила господина Шергина произвести очень точные измерения температуры на различных глубинах его колодца. По поручению Академии с этой целью было изготовлено значительное количество термометров. К сожалению, администрация Российско-Американской компании, узнав об этих наблюдениях, разгневалась на Шергина, ее комиссионера в Якутске, и уволила его. Шергин покинул Якутск, и ничего не было сделано. Академия еще не нашла физика, способного совершить путешествие в Якутск, который мог бы провести там некоторое время. Надеюсь, впрочем, что его найдут, и дело не будет брошено. Я и сам готов слегка его [это дело] подтолкнуть»⁴. (Бэр действительно обращался к нескольким молодым ученым с предложением отправиться в Сибирь.)

³ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1837. № 13. Л. 16 об. Письмо Шергина, написанное 29 сентября 1838 г., было прочитано в общем собрании Академии 30 ноября (ЖМНП. 1838. Ч. 20. Отд. III. С. 561). Вопросы Бэра и ответы Шергина опубликованы в статье «Температура почвы в Якутске» (ЖМНП. 1839. Ч. 21. Отд. VII. С. 28–30).

⁴ Из эпистолярного наследия К.М. Бэра в архивах Европы / Сост., авт. вступ. статьи, коммент. и переводов Т.А. Лукина. Л., 1978. С. 119.

Между тем, в начале 1838 г. (вскоре после того, как в Академии обсуждался вопрос о будущих наблюдениях в шахте Шергина) в Петербурге побывал генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков, который предложил Академии наук организовать экспедицию для изучения северных областей Сибири. Академики «с готовностью» отнеслись к его предложению, и та же комиссия, которая обсуждала проблему колодца Шергина, 18 мая 1838 г. представила общему собранию свой «рапорт» о результатах рассмотрения проектов будущей «ученой экспедиции»⁵.

Во время этого заседания выступил К.М. Бэр⁶, обративший внимание членов комиссии на то, что экспедиция не должна ограничиваться изучением Западной Сибири. Важны исследования также к востоку от Енисея между реками Пясиной и Хатангой — в местности, в которой еще никогда не бывали ученые. Но, прежде чем составлять программу такой экспедиции, следовало бы узнать, каковы возможности ее организации в этом безлюдном крае. Чтобы получить необходимые сведения, Бэр предложил обширный перечень вопросов, которые уже 27 мая П.Н. Фус отправил П.Д. Горчакову. В сопроводительном письме Фус отметил, что расширение пространства исследований позволит распространить план экспедиции «на несколько отраслей науки, именно же — на физику земного шара (физическую географию), естественные науки, этнографию, лингвистику и древности»⁷. Поэтому Фус просил Горчакова отправить в Туруханск и на реку Хатангу в «наискорейшем времени» грамотного человека, который смог бы собрать сведения, необходимые для составления плана экспедиции или (если сам Горчаков не найдет такого человека) попросить о том же губернатора Енисейской губернии. У него же следовало получить для Академии копии карт этой губернии. Кроме того, Фус предложил Горчакову организовать покупку одежды живущих на севере народов, предметов их быта, инструментов, орудий шаманов, черепов.

Так как пространство между реками Пясиной и Хатангой, о котором шла речь в вопросах Бэра, выходило за пределы Западной Сибири, Горчаков тотчас переслал вопросы Академии наук

⁵ЖМНП. 1838. Ч. 19. Отд. III. С. 158.

⁶Обширный текст выступления Бэра сохранился (см.: СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1838. № 6. Л. 12–23).

⁷Там же. Л. 30.

генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту с просьбой «принять в сем полезном и важном деле деятельное участие»⁸. По поручению Руперта, на вопросы Академии ответил председатель Енисейского губернского правления («управляющий губернией») Н.С. Турчанинов⁹. Но он не смог быстро выполнить это поручение. Письмо Турчанинова с подробными ответами на все 36 вопросов, написанное лишь 24 января 1841 г., Академия получила в конце февраля¹⁰. Кроме того, Турчанинов прислал в Академию тушки «песцовых мышей» (леммингов), куски янтаря и каменного угля, отметив при этом, что приобрести у местных жителей одежду, предметы быта, орудия шаманов и черепа не удалось.

27 августа 1841 г. в общем собрании Академии наук Бэр сообщил, что на основе ответов Турчанинова Академия отменила план обширной экспедиции в Сибирь, который обсуждался в 1838 г. Однако эти ответы порождали другие важные вопросы, «которые могли бы быть разрешены с малыми издержками через отправление туда [в местность между Пясиной и Хатангой] одного или двух путешественников»¹¹. Бэр определил общие черты такой экспедиции и намерен был представить более подробный план комиссии, «которую Академии угодно будет составить по этому предмету». Он предлагал объединить наблюдения вечной мерзлоты в Якутске с изучением природы в области Пясины и Хатанги. По его мнению, необходимо было воспользоваться шахтой Шергина, которая уже существует, а также расширить подобные наблюдения, чтобы выяснить условия образования мерзлоты и в других частях Сибири. Исследование пространства между Пясиной и Хатангой — этой «далеко выдвинутой к северу части Азии» — могло дать новый материал для анализа органического мира полярных областей и стать источником сведений об условиях существования организмов в этих

⁸ Там же. Л. 35.

⁹ Н.С. Турчанинов приехал на службу в Сибирь в 1828 г. после окончания Харьковского университета. По делам службы он бывал во многих частях Иркутской и Енисейской губерний, отдавая все свободное время изучению растительности. Турчанинов известен как автор первого систематического исследования флоры Забайкалья «*Flora Baicalensidaurica*» (Moscow, 1842–1856. Т. 1–2).

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1838. № 6. Письмо Турчанинова — Л. 37–37 об. Ответы — Л. 38–45 об. Ответы Турчанинова уже в 1841 г. были опубликованы в «*Beiträge KRR*» (1841. Bd. 4. S. 268–300), а русский перевод этих ответов — в «Отечественных записках» (1841. Т. 19. Отд. VII. С. 3–8), но без весьма существенных примечаний Бэра.

¹¹ ЖМНП. 1841. Ч. 32. Отд. III. С. 57.

областях. Бэр считал необходимым получить в Гидрографическом департаменте Морского министерства донесения и съёмки, которые вели морские офицеры — руководители северных отрядов Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. Д.Л. Овцын, Ф.А. Минин, В.В. Прончищев и Х.П. Лаптев, описавшие и положившие на карту побережье Ледовитого моря между Енисеем и Леной.

А через неделю, 3 сентября 1841 г., Бэр рассказал Миддендорфу о своих действиях в связи с будущей экспедицией. В начале года в Академии не было денег. Однако после того, как выяснилось, что отпущены огромные средства для экспедиции по Европейской России английского геолога Р.-И. Мурчисона¹², Бэр решил предпринять необходимые шаги, чтобы все же получить деньги и для изучения Сибири. Он писал Миддендорфу, что, предлагая план экспедиции Академии наук, не назвал имени исполнителя, хотя и упоминал имя Миддендорфа в разговорах с некоторыми коллегами. «Вы хотели оставить Киев и отправиться в большую экспедицию /.../, — писал Бэр. — Я прошу Вас сообщить мне, хотите ли Вы все еще отправиться в такую экспедицию, даже если она будет длиться три года, так как за меньшее время невозможно осуществить обе задачи»¹³.

Миддендорф, не колеблясь, ответил, что готов ехать в Сибирь. Получив согласие Миддендорфа, Бэр написал ему: «Тотчас как я получил Ваше письмо (это было очень поздно во вторник), составил я ночью от имени комиссии¹⁴ предложение, на следующее утро оно было подписано [другими членами комиссии] и во время заседания в полдень представлено и одобрено»¹⁵. Речь шла о состоявшемся 24 сентября заседании Академии, во время которого было названо имя Миддендорфа как руководителя будущей экспедиции¹⁶.

¹² Р.-И. Мурчисон и сопровождавшие его французский геолог Э. Вернейль и российский палеонтолог А.А. Кейзерлинг в 1840 и 1841 гг. (по распоряжению министра финансов Е.Ф. Канкрин) вели исследования на территории Европейской России и на Урале.

¹³ К.Е. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, 3. September 1841 // DSHI 190 Estland 320. Миддендорф, который очень ждал вестей из Петербурга, в сентябре 1841 г. писал Ф.Ф. Брандту: «Если что-нибудь услышите, не забывайте обо мне, потому что я тотчас готов уехать из Киева» (СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. № 12. Л. 248–248 об.).

¹⁴ В Комиссию для организации экспедиции в Сибирь вошли академики К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт, Э.Х. Ленц, К.А. Мейер и А.М. Шёрген.

¹⁵ К.Е. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, 4. Oktober 1841 // DSHI 190 Estland 320.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 10.

П.Н. Фус сообщил С.С. Уварову о плане этой экспедиции 10 октября. В своей записке Фус повторял доводы Бэра о важности для науки наблюдений в колодце Шергина, о том, что вопрос о мерзлоте впервые возник в России, что английские ученые, узнав о наблюдениях Шергина, организовали наблюдения в Северной Америке, но Россия имеет в этом отношении преимущества, так как глубокий колодец уже вырыт. Чтобы выяснить, «в каком отношении состоит эта оледенелая земля к внешней температуре, как далеко она распространяется в Сибири и какого рода могут прозябать в ней растения», необходимо вести наблюдения в разных ее местах¹⁷. Особенно важны наблюдения в самой северной части Сибири между реками Пясиной и Хатангой: «Это одна только из арктических стран на всем неизмеримом протяжении Сибири, которая никогда еще не была посещаемая испытателями. Сколь известно, по ту сторону Туруханска еще никогда не заходил образованный человек»¹⁸. Сообщив, что Академия рекомендовала для исследований доктора Миддендорфа, экстраординарного профессора при университете Св. Владимира в Киеве, Фус подчеркивал, что академик Бэр, который с ним путешествовал по Лапландии, «удостоверяет как в готовности его принять сие поручение, так и в том, что он и по своим познаниям, и по навыку к телесным напряжениям не оставляет ничего более желать»¹⁹.

Уваров вполне оценил доводы академиков. Однако прежде, чем составить всеподданнейший доклад, он нашел нужным обратиться к министру финансов Е.Ф. Канкрину, чтобы узнать, может ли его министерство выделить 10–13 тыс. рублей на расходы для экспедиции²⁰. Определить важность экспедиции (которая должна была решать, прежде всего, геологические вопросы) Канкрин поручил начальнику штаба Корпуса горных инженеров К.В. Чевкину²¹. На основе мнения Чевкина, одоббившего идею экспедиции, Канкрин сообщил Уварову, что наблюдение «над мерзлотою земли весьма

¹⁷ Там же. Л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 13 об.

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Сумму расходов Комиссия по организации экспедиции определила по предложению Бэра. Зная о трудностях с финансированием академических экспедиций, Бэр нашел нужным подстраховаться. Судя по содержанию его писем к Миддендорфу, в 1841 г., он сам вел «дипломатические переговоры» с Уваровым и Канкриным о деньгах для экспедиции.

²¹ К.Е. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, [St. Pbg.], 22. Oktober [1841] // DSHI 190 Estland 320.

желательно, тем более, что предмет сей обращал уже давно внимание горного начальства для Нерчинского края». Канкрин отметил также, что когда академик А.Я. Купфер был командирован в Сибирь для осмотра горных магнитных обсерваторий, ему поручалось «обратить особое внимание в Забайкальском крае на мерзлоту земли и влияние ее на прозябание и урожай хлебов».

Так как в записке Уварова для министра финансов Миддендорф не был упомянут как руководитель экспедиции, Чевкин собрался отправить в Сибирь горного инженера из своего ведомства, но Бэр (через Г.П. Гельмерсена) успел сообщить Чевкину, что в Сибирь поедет Миддендорф²². Канкрин разрешил выделить деньги, и 18 ноября 1841 г. всеподданнейший доклад Уварова об организации Сибирской экспедиции был одобрен Николаем I²³.

Интересно, что в связи с планом экспедиции речь шла и о теории Л. Агассиса: «Предполагаемые Академиею наук геологические исследования в Якутской области могут еще представить удобный случай для ближайшей проверки в отдаленном северном крае новой теории г. Агассиса о горных ледниках, и в сем отношении весьма бы желательно было, чтобы тому геологу, который Академиею послан будет, было поручено войти в ближайшее рассмотрение, в какой мере местные исследования и признаки исследуемого им Сибирского края представляют довод в пользу или против новой теории г. Агассиса»²⁴. В 1840 г. Агассис изложил идею ледникового периода, т.е. гипотезу о распространении в древности ледников за пределы горных стран, однако ученое сообщество приняло эту идею далеко не сразу. Вероятно, поэтому Чевкин, а вслед за ним Канкрин, упоминали не о теории древних ледников, а о теории горных ледников.

Уваров сообщил о будущей экспедиции не только Канкрину, но и попечителю Киевского учебного округа. В университете Св. Владимира в Киеве известие о том, что Миддендорф намерен отправиться в длительное путешествие и, следовательно, все же уйдет из университета, восприняли с вполне понятным недовольством и даже возмущением. Попечитель писал министру народно-

²² К.Е. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, [St. Pbg.], 4. Oktober 1841 // DSHI 190 Estland 320.

²³ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 26.

²⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 6–7; СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 16–17.

го просвещения, что Миддендорфа нечем заменить. Следует либо найти другого профессора зоологии, либо перенести экспедицию на весну 1842 г. Миддендорф должен иметь время, чтобы закончить начатые им курсы, а университет — чтобы подыскать другого зоолога. Кроме того, Миддендорфу необходимо присутствовать при работах по переносу в новое здание «предметов» созданного им зоологического кабинета²⁵.

Попечитель также писал Уварову, что Миддендорф в Киеве «вдруг приобрел выгоды, которые в противном случае должен был бы достигать в продолжении довольно значительного времени. /.../ Справедливость требует, — подчеркивал попечитель, — чтобы он в вознаграждении за таковое преимущество послужил при университете Св. Владимира несколько долее того времени, в продолжении которого он состоял на службе»²⁶. Попечитель подчеркнул, что Миддендорф стал профессором в двадцатипятилетнем возрасте и это приравнивало его к чиновникам 8-го класса, и к тому же он получил чин коллежского асессора.

Уваров нашел соображения попечителя убедительными и обратился в Конференцию с просьбой рекомендовать какого-нибудь другого ученого для путешествия в Сибирь или перенести экспедицию на следующий год. Фус сообщил, что Академия готова подождать до весны 1842 г., чтобы в экспедицию все же смог отправиться Миддендорф²⁷.

Итак, согласно высочайшему распоряжению, Миддендорф уже с ноября 1841 г. считался руководителем экспедиции. Однако он оставался профессором университета и, не зная, смогут ли найти ему замену на кафедре зоологии, чрезвычайно волновался. Бэр (полагавший, что Миддендорф чувствует себя как «мышь в мышеловке») старался его утешить: «Я тоже сомневался до тех пор, пока в общем торжественном собрании Академии в конце года [29 декабря] наш секретарь, *praesenti Ministro*, не сказал о плане экспедиции и что Вы для этого намечены. Теперь нет пути назад»²⁸.

Несмотря на то, что кандидатуру нового зоолога для университета в Киеве так и не нашли, в мае 1842 г. Миддендорф приехал

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 18 об. — 19.

²⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 252. Л. 21–21 об.

²⁷ Там же. Л. 24–24 об.

²⁸ K.E. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, [St. Pbg.], 16. Januar 1842 // DSHI 190 Estland 320.

в Петербург, чтобы готовиться к предстоящим исследованиям²⁹. Бэр познакомил его с литературой о Сибири, а также с дневниками морских офицеров, описавших берега Ледовитого океана во время второй Камчатской экспедиции В. Беринга. В начале сентября 1842 г. Миддендорф побывал с Бэром на островах Финского залива, где Бэр показал ему следы деятельности морских льдов и древних ледников³⁰.

Комиссия для организации экспедиции подготовила для Миддендорфа обширную инструкцию³¹. Общая часть, определявшая задачи экспедиции и включавшая наставления для геологических, метеорологических и этнографических наблюдений, была составлена А.Я. Купфером, Э.Х. Ленцем и К.М. Бэром, инструкцию по зоологии составил Ф.Ф. Брандт, по ботанике — К.А. Мейер. Кроме того, Бэр готовил инструкцию для изучения вечной мерзлоты.

Бэр с 1838 г. собирал сведения о мерзлых почвах в литературе, а также узнавал о них у путешественников, недавно побывавших в северных областях Европейской России. Он полагал, что сводка существующих данных может стать лучшей инструкцией, даст материал для сравнения, поможет определять пункты наблюдений и дальнейшие задачи исследований. Но в процессе работы Бэр решил, что собранные сведения могут быть полезны не только Миддендорфу. Их следует опубликовать, чтобы привлечь к проблеме внимание, как в России, так и за ее пределами. Статья «Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien» должна была увидеть свет в 1843 г. в очередном томе «Beiträge»³². Ее нача-

²⁹ Из университета Св. Владимира Миддендорф был уволен 8 июля 1842 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 13. № 35. Л. 1).

³⁰ Поездке Бэра и Миддендорфа, которая длилась пять дней, содействовал Ф.Ф. Беллинсгаузен (тогда главный командир Кронштадтского порта). Бэр не только благодарил Беллинсгаузена за помощь, но и сообщил ему некоторые сведения об этом путешествии. Из его письма следует, что Бэр и Миддендорф побывали на острове Сомерс, на северной и южной частях острова Гогланд, а также в заливе Гельсингфорса. Бэр писал: «во всех этих местах мы останавливались достаточно долго, чтобы исследовать там разные виды скал». (К.Е. v. Baer an F.G. v. Bellingshausen, St. Pbg., 8. September 1842 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 24 (Schachtel)).

³¹ Instruction données à M. le doctor de Middendorf, pour son voyage en Sibirie. I. Instruction générale Signe F. Brandt, E. Lenz, C. Meyer, K. Baer rapporteur // Bull. phys.-math. Série 2. 1843. T. 1. P. 177–185; 204–208.

³² Корректурь рукописи сохранились в архиве Бэра в Петербурге (СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. № 290), а также в архиве Бэра в университетской библиотеке в Гиссене. Последняя корректура недавно опубликована (Baer K.E. v. Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien. Unveröffentlichtes Typoskript von 1843 und erste

ли печатать уже в 1842 г. и набранную часть Бэр отдал Миддендорфу. Он собирался затем послать в Сибирь и остальную часть работы, но это оказалось невозможно.

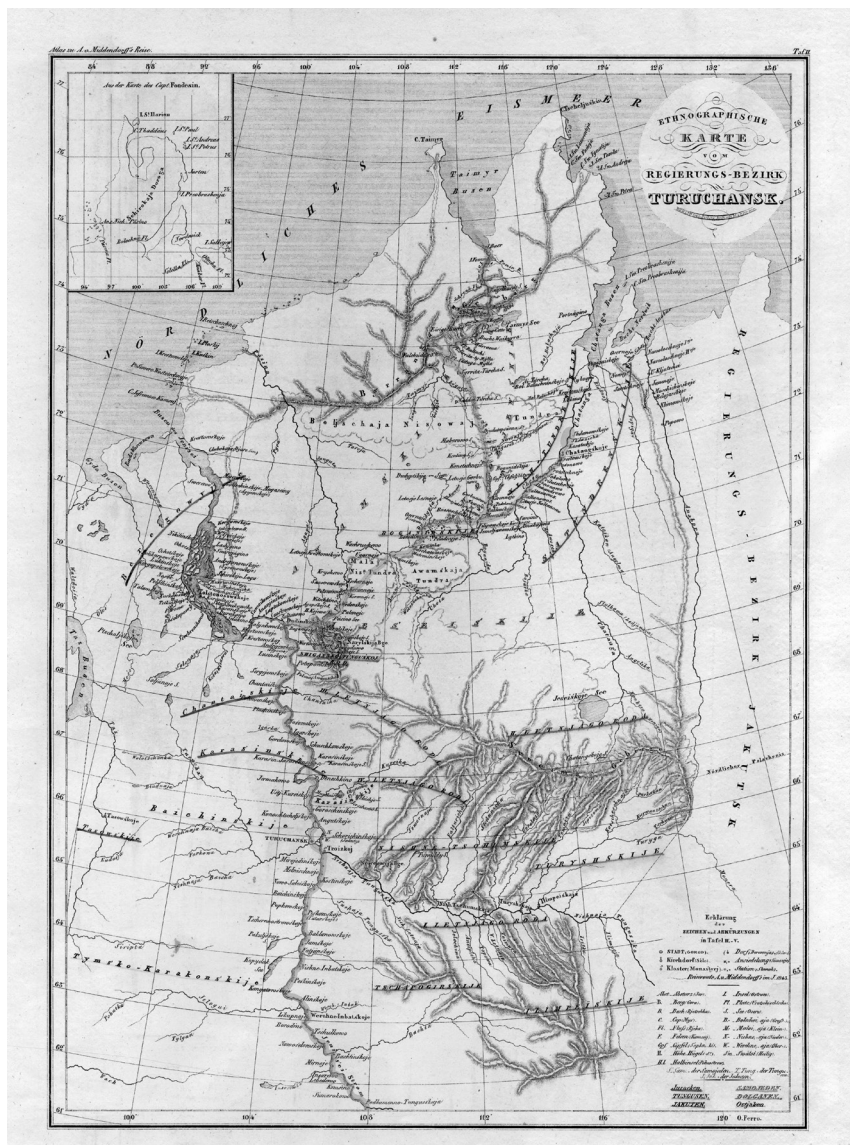
Путешествие

Миддендорф выехал из Петербурга 14 ноября 1842 г., сопровождаемый датским лесничим Т.-Э. Брантом и препаратором М. Фурманом. О Бранте Миддендорф писал: «Крепкое и привычное ко всем переменам погоды сложение лесничего, искусство в ружейной стрельбе, прекрасный талант к живописи и постоянная готовность усваивать все технические приемы в метеорологических наблюдениях и в приготовлении к сбережению естественных предметов обещали в нем дорогого спутника, и я с радостью подал руку на изъявленное им желание»³³. М. Фурман (эстонский крестьянин, слуга Миддендорфа) был зачислен в экспедицию в качестве препаратора. Он должен был помогать Миддендорфу собирать естественноисторические коллекции, но во время путешествия научился вести и метеорологические наблюдения, а также измерять температуру в шахтах, вырытых в мерзлых грунтах.

В Москве, куда Миддендорф приехал 17 ноября, он, вероятно, останавливался в доме М.Ф. Спасского, читавшего курс физики

Dauerfrostbodenkunde. Eingeleitet von *E. Tammi*ssaar herausgegeben von *L. King* (Berichte und Arbeiten aus der Universitätsbibliothek und dem Universitätsarchiv Giessen. Bd. 51. Giessen, 2001). Издан и русский перевод корректуры, сохранившейся в Петербурге (*Бэр К.М.* Материалы к познанию нетающего почвенного льда в Сибири. Якутск, 2000). К сожалению, издатели воспользовались переводом, сделанным в 1940 г., который требует серьезного редактирования. О взглядах Бэра и истории создания его труда см.: *Таммиксаар Э., Сухова Н.Г.* Проблема вечной мерзлоты в трудах Карла Бэра // Изв. РГО. 1999. Т. 131. Вып. 6. С. 1–11.

³³ *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч.1. Отд. I. С. 14. В деле о Сибирской экспедиции имеется записка Миддендорфа, адресованная в Комиссию по организации экспедиции 16 сентября 1841 г., в которой он сообщает, что пригласил отправиться с ним в Сибирь датского подданного Эмиля Бранта. Там же находим: «Свидетельство. Дано сие Датскому подданному кандидату лесоводства Эмилию Брандту [так!] в том, что он приватно определен в ученую экспедицию, снаряжаемую от Императорской Академии наук с высочайшего соизволения для исследования северной полосы Сибири» (СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 27, 28).

Карта Туруханского края из «Атласа» А. Ф. Миддендорфа,
на которую нанесен маршрут его путешествия
по Таймырскому полуострову

в Московском университете³⁴. Свое пребывание в Москве Миддендорф использовал для подготовки к будущим исследованиям. Спасский знакомил его с методами «физических» (т.е. метеорологических и магнитных) наблюдений³⁵. В Московском университете Миддендорф посетил зоологический музей и библиотеку. Кроме того, он «день и ночь» работал в музее Московского общества испытателей природы с материалами путешественника Г.С. Карелина (в 30-х годах XIX в. Карелин путешествовал к востоку от Каспийского моря). Миддендорф также заключил договор об обмене «зоологическими предметами» между Московским обществом испытателей природы и Академией наук³⁶.

Из Москвы по Сибирскому тракту (через Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Шадринск, Ишим, Омск и Томск) путешественники доехали до Красноярска. Миддендорф торопился, поэтому делал лишь краткие остановки. В Казани он познакомился с профессором Казанского университета естествоиспытателем Э.А. Эверсманом и его музеем. (Согласно одному из писем Миддендорфа, во время встречи они поспорили о содержании понятия «вид»³⁷.) В Казанском университете Миддендорф проверил свои термометры³⁸. Кроме того, он безуспешно искал в Казани помощника для метеорологических наблюдений, понимая, что один не сможет справиться со всеми задачами, решения которых требовали инструкции для экспедиции³⁹.

³⁴ Миддендорф уехал из Петербурга без «открытого листа», который должен был иметь любой путешественник по России. Архивные дела экспедиции позволяют узнать, что «лист» был прислан из Министерства внутренних дел в Министерство народного просвещения 14 ноября, но в Конференцию Академии наук его передали лишь 17 ноября (РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 31). Сохранилась записка неперменного секретаря П.Н. Фуса: «Открытый лист отправлен по просьбе г. Миддендорфа к г. проф. Спасскому в Москву 19 ноября» (СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 49). В записке Фуса Спасский назван профессором, однако в то время он был адъюнктом Московского университета.

³⁵ A. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, Moskau, 25. November 1842 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. № 12. Л. 242–244.

³⁷ СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 2. № 33. Л. 2 об.

³⁸ A. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, Kasan, 15. Dezember 1842 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

³⁹ Миддендорф полагал, что обширные инструкции, которые были составлены Комиссией по организации экспедиции, требуют, чтобы он был одновременно и физиком, и зоологом, и ботаником, и геологом, а также выполнял функции администратора и завхоза. И ему казалось, что при такой ситуации он не сможет справиться с научными задачами экспедиции, чем вызовет недовольство Академии. О своих тревогах Миддендорф

В Омске Миддендорф встречал новый (1843) год вместе со своими университетскими друзьями А.И. Шренком и Ю.И. Штубендорфом⁴⁰. Шренк возвращался из экспедиции по «киргизской степи» с обильными научными материалами, что очень вдохновило Миддендорфа. Он писал Бэру: «Оба поддержали мои силы советом и действием; можно считать особым подарком судьбы, что она мне везде посылает верных друзей»⁴¹.

Именно А.И. Шренк посоветовал Миддендорфу пригласить в экспедицию офицера Сибирского корпуса топографов, который смог бы производить съёмки местности и определять географические координаты. Миддендорф познакомился в Омске с унтер-офицером В.В. Вагановым, который пожелал отправиться в путешествие, так как был весьма недоволен своей службой в Корпусе⁴². Миддендорфу удалось получить разрешение Академии наук и военного министра, и Ваганов был командирован в его распоряжение. Расходы на переезд и содержание топографа Миддендорф обязался принять на счет экспедиции.

Из Омска Миддендорф отправился в Барнаул. Там на местном заводе, по его просьбе, собрали «земляной бур», который был необходим для бурения шахт в вечной мерзлоте. (Миддендорф еще в Казани получил чертежи, которые позволили этот бур усовершенствовать.) В Барнауле Миддендорф, вероятно, встретился с врачом и натуралистом Ф.В. Геблером⁴³. Из Барнаула Миддендорф направился в Томск.

Последнюю неделю января 1843 г. путешественники провели в Красноярске, оттуда отправились на север — в Туруханск. Сначала ехали по дороге вдоль Енисея, затем, сменив тяжелые кибитки на более легкие сани, двигались в основном по льду реки. При этом из-за туманов, снежных вихрей и ослепляющего снега почти не видели ее

писал в одном из писем к Бэру (A. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, Turuchansk, 21. März 1843 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16).

⁴⁰ А.И. Шренк с 1839 г. по 1842 г. путешествовал по так называемой Киргизской степи. Ю.И. Штубендорф в те годы служил военным врачом в Омске и совершал экскурсии, собирая зоологические и ботанические коллекции в его окрестностях.

⁴¹ A. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, Omsk, 3. Januar 1843 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

⁴² Об этом можно узнать из писем Ваганова к Миддендорфу, сохранившихся в Эстонском историческом архиве в Тарту (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 10).

⁴³ Ф.В. Геблер (с 1820 г. — главный врач Колывано-Воскресенских горных заводов, с 1833 г. — член-корреспондент Академии наук) занимался разными проблемами зоологии и географии и публиковал свои статьи в журнале Московского общества испытателей природы.

берегов. Туруханска достигли 25 февраля 1843 г. Там их уже ждали. По распоряжению енисейского гражданского губернатора, путешественникам должны были предоставить удобное (светлое и достаточно теплое) помещение и выделить в распоряжение Миддендорфа четырех местных казаков («несмотря ни на какие их возражения или служебные занятия»). Полагалось также из хлебных магазинов «хлеб отпускать без малейшего промедления за наличные деньги по той цене, что обошелся он казне с доставкой на места». При этом особо отмечалось, что следует «сообразовываться» как с существующими запасами, так и с потребностями местных жителей. Кроме того, губернатор подчеркивал, что любые чиновники должны стараться удовлетворять «все законные требования и надобности экспедиции»⁴⁴.

Путешественники провели в Туруханске почти месяц. Там они начали исследования — бурили шурфы и измеряли температуру почвы. 25 марта из Туруханска отправились по льду Енисея до селения Усть-Курейского, оттуда на оленях — в селение Дудино (на реке Дудинке), затем к озеру Пясины и, наконец, достигли селения Введенского на реке Пясины.

Во Введенском Миддендорф познакомился с семидесятилетним местным жителем Титом Лапуковым, который знал самоедский язык и согласился быть толмачом (переводчиком). Впрочем, как отметил Миддендорф в одном из своих писем к Бэру, ему было легче общаться с местными жителями самому, чем с помощью своего «толмача». Тит имел своеобразный характер и весьма колоритный вид. По словам Миддендорфа, «это был человек вроде гнома, не согбенный, но как бы сохшийся, и до того закаленный против всех непогод севера, что, смотря на него, думалось, может ли умереть эта мумия»⁴⁵. Миддендорф и Ваганов после окончания экспедиции неоднократно по разным поводам вспоминали забавные привычки и высказывания Тита.

Из Введенского по безлесной тундре, через водораздел между Пясиной и Боганидой, отправились в селение Коренное-Филиповское на реке Боганиде (притоке Хеты, которая впадает в реку Хатангу).

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 65 об. Распоряжения енисейского губернатора были следствием указания генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта, который в свою очередь активно откликнулся на просьбу Академии наук содействовать Миддендорфу и его спутникам во время их путешествия.

⁴⁵ *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 18.

Здесь путешественники (кроме Миддендорфа и Бранта) заболели какой-то болезнью, похожей на корь, и Миддендорфу пришлось вспомнить о своей профессии врача.

В Коренном-Филиповском по поручению Миддендорфа Брант занялся метеорологическими наблюдениями. Сам Миддендорф спустился на лодке вниз по Хете к Хатанге, чтобы выяснить, существуют ли возможности для путешествия по этой реке до Ледовитого моря, как того требовала инструкция. Достигнув погоста Казачьего, в котором обитали лишь немногие русские семейства, Миддендорф узнал, что по Хатанге он не сможет плыть к морю, так как рыбацьи лодки местных жителей не приспособлены к перевозу большого количества тяжелых грузов. Но зато он с удивлением обнаружил, что в Казачьем сохранилась лодка Х.П. Лаптева с обшивкой и даже гвоздями. По словам Миддендорфа, «сказанное когда-то слово „собственность Государыни“ в течение столетия охраняло гвозди от завидливости и кочевых, и оседлых туземцев, а дерево — от употребления на топку»⁴⁶. В Коренное-Филиповское Миддендорф вернулся 23 апреля. А 27 апреля туда приехал и Ваганов, который затем сопровождал Миддендорфа во всех его маршрутах и стал не только надежным спутником, но и «неразлучным и любимым товарищем»⁴⁷.

Так как по Хатанге достигнуть Ледовитого моря было невозможно, Миддендорф решил спуститься к океану по реке Таймыре вслед за кочующими самоедами. Однако для плавания по реке необходимо было везти с собой каркас лодки. Леса кончались южнее Коренного-Филиповского, а местные жители из-за отсутствия дерева большие лодки делать не умели. Созданием каркаса пришлось заняться самому Миддендорфу. «Посмотрел бы ты на меня там наверху (на севере), — писал Миддендорф одному из своих друзей. — Там-то я был в своей стихии. Лодку мы собственноручно построили

⁴⁶ Там же. С. 19.

⁴⁷ Миддендорф высоко оценивал деятельность Ваганова как своего помощника во время путешествия. На основе сведений Миддендорфа о Ваганове П.Н. Фус в одной из своих записок об экспедиции писал: «Искусство его, усердие, с которым он переносил безропотно все лишения и делил все опасности, сметливость и готовность его в оказании таких услуг экспедиции, которые выходили из круга его естественных обязанностей, достойны всякой похвалы». По словам Фуса, именно Ваганову «экспедиция преимущественно обязана богатством географических приобретений» (РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 76–76 об). Съёмки Ваганова стали основой карт, опубликованных в труде Миддендорфа об экспедиции.

вдвоем с одним из моих людей, который ничего не смыслил в этом деле, но у которого однако ж по-русски топор в руках был и стругом, и долотом, и пилой, словом [инструментом] универсальным, хотя и грубым»⁴⁸.

Путешествие на собаках к северу началось 7 мая. Бранта и Фурмана Миддендорф оставил в Филиповском. Они должны были вести метеорологические наблюдения и собирать естественноисторические коллекции. В путешествии Миддендорфа сопровождали Ваганов, «старик-толмач» и три «дюжих и бодрых казака». Необходимое снаряжение везли на 8 санях, запряженных оленями. Когда, наконец, встретили самоедов, оказалось, что все они больны. Так как женщины из-за болезни не смогли ко времени встречи сшить полог для палатки, путешественникам при температуре -18°R ($-22,5^{\circ}\text{C}$) и жестоким урагане пришлось три дня жить в палатке без крыши.

Затем выяснилось, что ни одно местное племя самоедов никогда не кочует севернее Таймырского озера, так как о тамошней природе имелись весьма пугавшие их легенды. Миддендорф с трудом нашел проводника-долгана, который довел путешественников до реки Таймыры, но «рассудил за благо удалиться», едва они достигли берегов реки. Миддендорф обнаружил, что на картах Азиатской России Таймырский край изображали неверно. «По этим картам озеро Таймыр имеет лишь незначительные притоки; самая же река этого имени есть только единственный незначительный исток озера; между тем как в действительности это есть река, величаявая по объему своих вод даже гораздо выше того места, где она вливается в озеро», — писал Миддендорф в одном из своих отчетов об экспедиции⁴⁹.

На Таймыре (позже Миддендорф назвал ее Верхней Таймырой) путешественники оказались в начале июня. Большая часть оленей к этому времени пала. Понадобилось много времени, чтобы подготовиться к плаванию до Ледовитого моря. Необходимо было «обшить» каркас «байдары», для чего использовали «дощечки», из которых были сделаны сани, перевезти к Таймырскому озеру инструменты и запасы еды и сделать там склад. Плавая вверх и вниз по реке, они вели съёмки и собирали коллекции.

⁴⁸ Бэр К. Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. введ. 1844. № 20. 26 января. С. 88.

⁴⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 137 об. — 138.

*Компас, с которым
Миддендорф путешествовал
по Сибири (РАВУМ)*

4 июля от 74° с.ш. путешественники отправились в плавание на «байдаре», которую назвали «Тундра» (для груза на буксире имелась небольшая «ладья»), спустились по реке до озера и 27 июля медленно поплыли вдоль его западного берега. 5 августа достигли истока реки, которую Миддендорф назвал Нижней Таймырой⁵⁰. Нижнюю Таймыру, благодаря ее быстрому течению, удалось преодолеть за одну неделю (между 5 и 12 августа). Скали-

стые берега предохраняли путников от сильных ветров, но очень быстро кончились запасы еды. Так как охота и рыбная ловля были неудачны, приходилось удовлетворяться небольшим количеством сухарей и скудными порциями сырой рыбы. К тому же 6 августа, в день рождения Миддендорфа, выпал снег. Через три дня Миддендорф обнаружил на берегу следы пребывания людей: обрубок рукоятки топора, распиленный клык мамонта, челюсть лошади и пришел к выводу, что в этом месте останавливался Х.П. Лаптев.

12 августа путешественники достигли устья реки и в Таймырском заливе открыли остров, который Миддендорф назвал именем К.М. Бэра⁵¹. Однако от дальнейшего плавания к северу пришлось отказаться из-за сильных ветров и мелей. 14 августа вблизи 76° с.ш. путешественники вынуждены были повернуть назад, «томимые голодом и холодом, страдая от лишений всякого рода, равно

⁵⁰ Так как путешественники находились в совершенно неизвестной области, Миддендорф давал названия всем полуостровам, островам, рекам, которые встречались на их пути.

⁵¹ 9 марта 1844 г. Миддендорф писал Бэру, что в Таймырском заливе вблизи устья реки Таймыры они открыли остров, который «крестили» именем Бэра. К своему письму Миддендорф приложил шутивное удостоверение, подписанное им, а также Брантом, Вагановым и Фурманом: «Herrn Acad. v. Polar-Baer. Der Taufhandlung unseres geliebten Findlinges Insel «Baer», als Tauf-Papa /.../. Scherz-Drucksache. Jakutsk, 8. März 1844» (Господину академику Бэру-Полярному как крестному отцу при обряде крещения нашего дорогого найденшца острова «Бэр». Шутивный формуляр.) (*Tammiksaar E. Findbuch zum Nachlass Karl Ernst von Baer. 1792–1876 // Berichte und Arbeiten aus der Universitätsbibliothek und dem Universitätsarchiv Giessen. Giessen, 1999. Bd. 50. S. 133*).

как и от позднего времени года»⁵². Плавание к югу осложняли тина, мешавшая грести, быстро убывавшая вода в реке, ненастная погода. Приходилось лезть в ледяную воду, чтобы сталкивать лодку с мели или очищать весла от тины, у путешественников не хватало сил долго грести. К тому же ночи становились все длиннее и холоднее. Через десять дней путники достигли северного берега Таймырского озера, но сели на мель. Дальнейшему плаванию помешала и сильная буря, которую пришлось пережить в мокрой одежде 4 дня.

28 августа буря внезапно прекратилась. «Едва только стихло, льдины, наполнявшие озеро и пльвшие с Верхней Таймыры, смыкаясь с новым, кругом пристававшим к ним льдом, с невероятною быстротою стали смерзаться. С трудом мы избегли опасности вмерзнуть среди озера; еще с большим трудом достигли мы западного берега реки Таймыры против мыса Ленца, после того как челнок потонул, а лодка, попорченная льдинами, наполнилась водою»⁵³. Люди спаслись, но в «челноке» находились собранные коллекции, а место, где путешественникам удалось пристать к берегу, оказалось далеко от склада продовольствия.

Чтобы добраться до склада, изготовили сани из досок, которыми была обшита лодка. Однако снега было мало, и сани вскоре развалились. Тогда Миддендорф решил отправить спутников на поиски самоедов. Он отдал им остатки сухого бульона и мясо верной собаки (она была специально выдрессирована для «зоологических целей», но ее пришлось застрелить), а сам остался на берегу один, «больной, без приюта, среди наступившей арктической зимы, под 75° широты, подверженный всей суровости непогоды»⁵⁴.

О том, что испытал Миддендорф, оставшись в одиночестве в «полярной пустыне», он писал родным в Петербург: «Прошло около 12 дней с тех пор, как товарищи по страданиям оставили меня. Не оставалось никакой надежды на помощь, я был убежден, что предоставлен собственным, никуда не годным силам, следовательно, все равно что похоронен. Но я все еще был бодр, пока мог любоваться на величественные горы. Подобно нашим белкам, я поворачивался каждый день в ту сторону, куда дует ветер. Когда же

⁵² Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 21.

⁵³ Там же.

⁵⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 143 об. — 144.

наступала долгая бессонная ночь, тогда открывалось передо мной царство фантазии, и я забывал даже голод. Тут из ущелий Борей так зашумел, как будто хотел вскинуть меня на небо. Вместо воздуха около меня закружилась невдыхаемая стихия, и скоро я был завален снегом, погружен в темную ночь. Свечей у меня не было, и я так и сидел неподвижно. За днем последовала ночь, за нею еще такой день и такая ночь, и когда на третий день все было то же, мне стало страшно. Тягостное чувство возрастало больше и больше. Вечером — может была уже и ночь — мною овладело сильное беспокойство, — я вспомнил наказания посредством мрачных безмолвных темниц, которые потом были отменены, потому что за таким заключением следовало сумасшествие. Меня обуял невыразимый страх: я боялся сойти с ума; этот страх сдавил мне сердце и стал невыносимым. Напрасно придумывал я средства к спасению: мозговая коробка моя сделалась односторонней и не удерживала никакой другой мысли [кроме страха]. Вдруг одна сверкнула, словно молния с неба. Я поспешно пожертвовал небольшим остатком дерева, налил стакана три воды из снегу, и благодетельный огонь опять потух. Я взял спирт из одного препарата, влил в воду и напился. С этим питьем явилась новая жизнь во мне. Мысли снова понеслись к родным, к тем безоблачным дням, которые я провел с друзьями юности. Скоро погрузился я в глубокий сон. Сколько он продолжался, не знаю. Проснувшись, я чувствовал себя снова оживленным. Чувство благодарности разогрело грудь мою. Я взял из хирургической готовальни заволочную иглу и сшил себе сапоги из своей шубы; на другой день окончил салазки и с одной белой куропаткой пустился отыскивать товарищей»⁵⁵.

Миддендорф решил сам найти склад продовольствия, полагая, что спутники его погибли, так как прошло уже 20 дней с тех пор, как они расстались. Однако, к счастью, Миддендорф не успел уйти далеко от места, где провел эти дни, и его смогли обнаружить самоеды. Оказалось, что спутники не погибли и довольно скоро нашли ожидавших их вблизи Верхней Таймыры самоедов, но не смогли сразу вернуться к Миддендорфу из-за непогоды. После благополучной встречи путешественники приехали в Коренное-Филиповское. «С упоительной радостью, — вспоминал Миддендорф, —

⁵⁵ *Бэр К.* Новейшие известия... С. 89, примечание.

встретил я 8 октября опушку леса, а 9/21 — после пятимесячной жизни под палаткой — курную избу в Филиповском на Боганиде, наконец, моих товарищей и мягкий хлеб»⁵⁶.

Через неделю путешественники уехали из Коренного-Филиповского. Больше месяца (с 18 ноября) провели они в Туруханске, где вели метеорологические наблюдения. В Петербург были отправлены ящики с ботаническими и зоологическими коллекциями, собранными на Таймыре⁵⁷. Из Туруханска путешественники на санях отправились к югу и 14 января 1844 г. достигли Красноярска, где пробыли всего два дня. Некоторую часть пути от Красноярска до Иркутска Миддендорф и его спутники проделали вместе с сенатором, который из Петербурга был командирован в Восточную Сибирь для ревизии.

В Иркутске, где они провели несколько дней, Миддендорф познакомился с губернатором Восточной Сибири В.Я. Рупертом, который встретил Миддендорфа «крайне предупредительно». Однако в Иркутске они не задержались, так как Миддендорф решил, что путешествовать вместе с сенатором-ревизором выгоднее, чем без него⁵⁸. Это позволяло двигаться быстрее, так как не было задержки с получением лошадей. Рассказывая об этом в письме к Бэру, Миддендорф назвал себя «псевдо-чиновником». Из Иркутска путешественники уехали 27 января, а 18 февраля были уже в Якутске — главной цели экспедиции. Семь недель понадобилось, чтобы просверлить отверстия для установки термометров в колодце Шергина, — задача оказалась очень сложной. Затем под руководством Миддендорфа начались геотермические наблюдения.

Одновременно шла подготовка к путешествию к Охотскому морю. Миддендорф искал жителя Якутска, который смог бы продолжить наблюдения в шахте Шергина, пока будут вестись исследования на юго-востоке Сибири. При этом, обратив внимание на то, что новый порядок взимания ясака совершенно разорял «инородцев», ставя их на грань выживания, Миддендорф счел своим долгом сообщить об этом министру внутренних дел⁵⁹.

⁵⁶ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 22.

⁵⁷ A. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, Turuchansk, 17. Dezember 1843 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

⁵⁸ Там же. Irkutsk, 26. Januar 1844.

⁵⁹ Там же. Jakutsk, 9. März 1844; 29. März 1844.

В планах Сибирской экспедиции о путешествии к Охотскому морю упоминалось лишь между прочим, в связи с тем, что следовало выяснить, как далеко «оледенелая земля» распространяется в Сибири. В записке П.Н. Фуса для С.С. Уварова после очень подробного обоснования необходимости исследований в Якутске и на севере Сибири отмечалось: «Разрешение всех предполагаемых здесь задач потребует по крайней мере три года, считая одну зиму для путешествия в Якутск, одно лето на то, чтобы из Якутска отправиться к Ледовитому или Охотскому морю и опять возвратиться в Якутск, произвести вторичные наблюдения над впущенными прежде в землю термометрами, одну зиму на путешествие в Туруханск, одно лето на путешествие к Ледовитому морю к устью Хатанги и одну зиму на возвратный путь, но, впрочем, самому путешественнику должно быть предоставлено распорядиться своим временем в частности, как он найдет то всего удобнее для самого себя и всего удобнее с обстоятельствами»⁶⁰.

И Миддендорф «распорядился своим временем» — он совершенно изменил план экспедиции, построив маршрут более рационально и так, чтобы обязательно осталось время для путешествия к Охотскому морю. Еще из зимовья Введенского Миддендорф отправил Фусу смету расходов, которые потребуются для такого путешествия, а Бэра просил содействовать тому, чтобы эти деньги были выделены как можно быстрее. Позже Миддендорф писал Бэру: «Удское кажется мне все важнее и важнее, так что я твердо решил туда отправиться, даже если Академия никаких денег не пошлет»⁶¹.

В Академии наук вопрос о путешествии Миддендорфа к Охотскому морю начали активно обсуждать в 1844 г. В январе этого года в заседании Физико-математического отделения было прочитано письмо Миддендорфа — его отчет о путешествии летом 1843 г. В том же письме, написанном 31 октября, Миддендорф сообщил о своем намерении посетить Удский острог и просил, чтобы Академия выделила дополнительные деньги для этого путешествия⁶². В связи с этой просьбой в конце января 1844 г. вице-президент Академии наук М.А. Дондуков-Корсаков от имени Физико-математи-

⁶⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 14–14 об.

⁶¹ A. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, Irkutsk, 26. Januar 1844 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

⁶² ЖМНП. 1844. Ч. 43. Отд. III. С. 26.

ческого отделения обратился к С.С. Уварову. Он писал: «Труднейшую и опаснейшую часть своего поручения Миддендорф выполнил с такою осмотрительностью и постоянством, которые превзошли все ожидания Академии, и с таким успехом в отношении к науке, который, конечно, не приминет снискать отечеству нашему в высокой степени благодарность и признание ученого света»⁶³. Речь шла о том, что, если работы по изучению вечной мерзлоты в якутском колодце будут успешны, Академия предоставит Миддендорфу средства для научных исследований и на берегах Охотского моря. «Окрестности Удского острога с Шантарскими островами граничат с совершенно неизвестной областью Амура и столько же неизведанным в естественном отношении Охотским морем. Уже некоторые сведения о климатологических отношениях того края были бы весьма важны потому, что донныне только вообще известно, что в древнем мире [старом свете], как и в новом, восточный берег гораздо холоднее западного, но вовсе недостает масштаба для точнейшего определения этой разности; и таковой масштаб может быть получен только в России и всего лучше из окрестностей Удского острога, доколе область Амура остается недоступною для ученого света»⁶⁴. Академия наук просила Уварова ходатайствовать о высочайшем разрешении на выделение дополнительных денег (5000 рублей серебром) для продолжения экспедиции. Разрешение было получено, не возражал и министр финансов.

Но Миддендорф не стал дожидаться официального разрешения. 7 апреля 1844 г. вместе с Фурманом и в сопровождении двух казаков и двух якутов, умевших делать «кожаные байдары», он отправился в Амгинск, чтобы оттуда добраться до Удского острога. Брант и Ваганов с инструментами и необходимыми припасами уехали из Якутска раньше (2 апреля). Для путешествия по Охотскому морю пришлось везти с собой канаты, якоря и кожу для обтяжки лодки, а также большое количество провизии (край был очень слабо заселен, неизвестно было, смогут ли путешественники достать еду). Все это отправили на санях, запряженных волами.

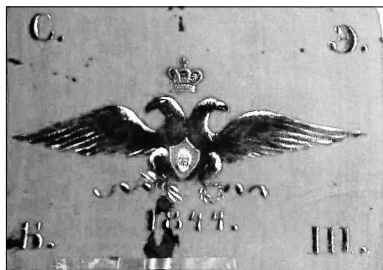
Миддендорф и его спутники ехали на ямских лошадях сначала очень быстро. «Дорога была отличная, наезженная, превосходные

⁶³ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 88 об.

⁶⁴ Там же. Л. 89 об. —90.

лошади живущих здесь якутов мчали нас со станции на станцию /.../ Зимой ледяной и снежный покров почвы избавляет путешественников от объездов болотистых мест, луж и озер, которыми богат этот путь, хотя в такой же степени беден свежою водою, годною для питья»⁶⁵. Но после Амгинска дорога существенно изменилась — она шла по горной области, где высокие хребты перемежались с долинами рек, а долины имели то скалистые берега, то топкие болотистые низины с множеством озер и речек. Летом лошади могли переходить речки вброд, но весной эти речки разливались. Передвигаться можно было лишь на вьючных лошадях, а перевозка груза значительно осложнилась. Потребовалось очень много вьючных и запасных лошадей.

Преодолев все трудности на своем пути, 9 июня путешественники добрались до Удского. Здесь якуты обтянули кожами каркас лодки, и все участники экспедиции на этой «ладье» («байдаре») спустились вниз по реке Уде к Охотскому морю. Путешественники несколько дней не могли выйти в море из-за сильных ветров, и в это время Миддендорф с огорчением обнаружил бедность органического мира как в устье Уды, так и в море вблизи ее устья. Наконец, благодаря усилиям «большой и дружной команды», все же удалось отправиться к Шантарским островам. В письме к Бэру Миддендорф колоритно описывал свою команду, состоявшую из «одного датчанина, одного российского немца, четырех русских из Омска, Нижне-

Часть флага, с которым Миддендорф путешествовал по Охотскому морю (РАВвМ)

Колымска, Ижиги и Якутска, одного эстонца, одного тунгуса и четырех якутов, среди которых один ссыльный, один ловкий парень, один носильщик». При наличии «шнапса» команда, по словам Миддендорфа, выглядела «очень разбойничьей», однако в благодарность за хорошую работу, после окончания исследований на Шантарских островах, он выдал своим спутникам двойную порцию водки⁶⁶.

⁶⁵ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 128.

⁶⁶ A. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, Удской острог, 13. Juni 1844; Cap Nichta Westufer der Tugurbucht, 15. August 1844 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

Возвратившись на берег после исследований на Шантарских островах, 14 августа 1844 г., Миддендорф отправил Бранта и Фурмана на «ладье» в Удское. Брант с коллекциями должен был вернуться в Якутск и организовать там продолжение наблюдений в колодце Шергина, а Фурман — остаться в Удском остроге, чтобы вести метеорологические наблюдения. Миддендорф и Ваганов на двухвесельной лодке поплыли по морю к устью реки Тугур. Отсюда на оленях они отправились в селение гиляков. Затем на легкой гиляцкой лодке Миддендорф и Ваганов плавали по Тугурскому заливу и вели съёмки. Миддендорф надеялся, что они смогут достигнуть устья Амура, до которого, по словам гиляков, были лишь три ночевки, однако буря заставила их вернуться к устью Тугура. К тому же времени до конца экспедиции оставалось мало, а следовало в намеченный срок успеть достигнуть истоков Амура.

20 сентября 1844 г. от устья Тугура Миддендорф и Ваганов в сопровождении якутских проводников отправились к западу — через горы и «дремучие девственные леса». Передвигаясь то на оленях, которых привели с собой якуты, то пешком, путешественники достигли реки Нимелен (притока Амгуни), затем пересекли Буреинский хребет и побывали в местности, где истоки Буреи приближаются к истокам Селемджи⁶⁷. 15 ноября переправились через Селемджу и направились к реке Зее. Через месяц вышли к этой реке ниже впадения в нее реки Гилюй, поднялись по Зее до устья Гилюя, шли вдоль Гилюя, затем повернули к юго-западу, 12 января спустились к долине Амура и 14 января 1845 г. добрались до казацкого поста Усть-Стрелочного, который находился вблизи слияния рек Шилки и Аргуни, дающих начало Амуру. Из Усть-Стрелочного почтовым трактом (через Нерчинск и Кяхту) Миддендорф и Ваганов приехали в Иркутск 3 февраля 1845 г. Там их уже ждал Брант. Ваганов остался в Иркутске, а Миддендорф и Брант 20 марта вернулись в Петербург⁶⁸.

Но исследования экспедиции еще не закончились. Фурман с 1 мая 1844 г. до 1 сентября 1845 г. вел метеорологические наблюдения в Удском, а затем по поручению Академии наук (до 1847 г.) — геотермические наблюдения в Амгинске, Витимске и Олекминске. В Якутске геотермические наблюдения в колодце Шергина после отъезда Бранта продолжал штатный смотритель училищ Якутской

⁶⁷ Миддендорф считал, что Бурея соединяется с Селемджей (он называл ее Силимджа).

⁶⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 150; РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 71.

области Д.П. Давыдов, который считался «состоящим при делах ученой Северо-восточной экспедиции»⁶⁹.

О ходе своих исследований в Сибири Миддендорф регулярно общался Бэру и в Академию наук. В январе 1844 г. Физико-математическое отделение познакомилось с первым его отчетом о путешествии по Таймырскому краю и наблюдениях в Туруханске. В мае того же года Академия получила письмо Миддендорфа с описанием исследований в колодце Шергина. В августе 1844 г. из Удского Миддендорф сообщил Академии, что намерен оставить там Фурмана для метеорологических наблюдений, а Бранта отправить в Якутск для продолжения наблюдений в колодце Шергина, в декабре — о своем путешествии из Якутска в Удский острог, а затем — на Шантарские острова. Последнее письмо Миддендорфа о его путешествии от Охотского моря к истокам Амура было прочитано в Физико-математическом отделении на заседании, состоявшемся 21 марта 1845 г., уже после его возвращения в Петербург.

Еще до возвращения Миддендорфа его письма с отчетами об экспедиции печатались в «Bulletin» Академии наук, о содержании писем сообщалось в протоколах заседаний Физико-математического отделения (которые публиковались в «Журнале Министерства народного просвещения»), о событиях и результатах экспедиции рассказывал П.Н. Фус в годичных отчетах о деятельности Физико-математического отделения Академии наук. Статьи о приключениях Миддендорфа публиковал К.М. Бэр. На основе статьи Бэра И.Ф. Крузенштерн изложил историю путешествия Миддендорфа по Таймырскому полуострову в 1843 г. Перевод статьи Крузенштерна был опубликован в журнале Лондонского географического общества⁷⁰. П.Н. Фус в отчете Академии наук за 1844 г.

⁶⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1841. № 2. Л. 158. В 1846 г. Д.П. Давыдов должен был переехать на службу из Якутска в Верхне-Удинск. Из-за наблюдений он не мог в 1845 г. ехать в Иркутск, чтобы сдать дела (как того требовало начальство) и беспокоился, что лишится места в Верхне-Удинске. Но Академия наук с помощью министра народного просвещения уладила это дело, и Давыдов смог спокойно продолжить наблюдения (Там же. Л. 164—164 об.). Правительство ассигновало для Сибирской экспедиции 15000 серебряных рублей. Так как Миддендорф истратил только 13320 рублей, оставшиеся деньги были использованы для оплаты работ М. Фурмана и Д.П. Давыдова. Вопрос об отправлении им денег в Сибирь в Академии наук обсуждался еще и в августе 1847 г. (Там же. Л. 147—147 об., 167—170, 182—182 об.).

⁷⁰ Narrative of M. Middendorff's Journey in Northern Siberia Communicated by Admiral von Krusenstern, Translated by the Editor // The Journal of the Royal Geographical Society of London. 1844. Vol. XIV. P. 247—259. В январе 1844 г. И.Ф. Крузенштерн писал немецкому картографу Г. Бергхаузу, что он вскоре сможет прочитать «очень интересный отчет Академии наук о замечательном путешествии профессора Миддендорфа» (ЕАМ. Ф. 114. Оп. 1. № 3. Л. 55 об.).

отметил: «Подробности путешествия Миддендорфа обошли уже в журналах по всему свету; их повсюду читали с участием и по справедливости удивлялись благородному энтузиазму и самоотвержению, которые любовь к наукам может внушить истинным их питомцам»⁷¹.

Уже 21 марта 1845 г. (после того, как в Физико-математическом отделении было прочитано последнее письмо Миддендорфа) Бэру было поручено составить «обозрение путешествия» как для публикации, так и для поднесения царю⁷². 25 марта министр народного просвещения С.С. Уваров сообщил Николаю I об окончании экспедиции Миддендорфа. Уваров писал также: «Я буду иметь счастье всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству о плодах экспедиции, которая уже обратила на себя внимание Европы, изумленной мужеством доктора Миддендорфа /.../ и станет наравне с самыми смелыми доселе покушениями путешественников на морях и на суше»⁷³.

На основе «обозрения путешествия», составленного Бэром⁷⁴, П.Н. Фус подготовил обширную записку для Уварова, которую тот использовал для всеподданнейшего доклада, представленного императору 5 апреля 1845 г. В докладе шла речь и о необходимости награды для путешественников. Подчеркивая, что участники морских экспедиций обычно награждались орденами и деньгами, а путешествие по Сибири сложнее морских, Уваров предлагал наградить Миддендорфа орденом Св. Владимира 4-й степени, Бранта — орденом Св. Анны 3-й степени, а также ходатайствовать через начальника Главного штаба Ф.Ф. Берга о награде для Ваганова.

Император согласился наградить путешественников и вместе с тем пожелал прочесть краткий отчет об экспедиции, составленный самим Миддендорфом. По поручению Фуса, Миддендорф составил «Краткий обзор путешествия по Северной Сибири», и 23 апреля этот обзор (отредактированный Бэром и Фусом) Уваров представил Николаю I. Познакомившись с подробностями экспедиции, император начертил на рукописи: «Весьма любопытно, и смелость, и решительность достойны всякого уважения»⁷⁵.

⁷¹ Извлечение из отчета по первому и третьему отделениям Императорской Академии наук... // СПб. введ. 1845. № 51. С. 227.

⁷² ЖМНП. 1845. Ч. 46. Отд. III. С. 60–61.

⁷³ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 67 об.

⁷⁴ СПб АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 136–140. Русский перевод — Там же. Л. 130–133 об.

⁷⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 133.

Еще до того, как Николай I прочитал «Краткий обзор путешествия», капитул Российской империи и царских орденов получил указ императора (от 7 апреля) о наградах для Миддендорфа и Бранта. Миддендорф, кроме ордена Св. Владимира, должен был получать сверх жалования 400 рублей серебром в год с 5 апреля 1845 г. до тех пор, пока будет оставаться на службе в Академии наук⁷⁶. Об этих наградах Уваров сообщил Фусу 11 апреля и, вероятно, тогда же о них узнал и Миддендорф.

За два года Миддендорф преодолел многие сотни верст, изучил обширные пространства, в которых еще никогда не бывали ученые, и успешно выполнил основные задачи, стоявшие перед экспедицией. Как отметил П. Н. Фус в записке, представленной С. С. Уварову после возвращения путешественника в Петербург: «Все эти три задачи так важны для познания физических отношений земного шара, что каждая из них уже сама по себе стоила бы особой экспедиции; но все три были поручены Миддендорфу»⁷⁷.

Сам Миддендорф, упоминая о трудностях экспедиции, отмечал: «Подобно кочующим, надо уметь продовольствовать себя охотой или рыбной ловлей, и еще лучше всякого кочевника надо иметь гибкую готовность и сноровку то управлять парусами, то обращаться с собаками, оленями или лошадьми, то быть гребцом, то неутомимым пешеходом /.../ Одним словом, пускаясь в путешествие для открытий, надобно иметь на все готовую сноровку, неистощимую изобретательность на всякие извороты, не только быть в одном лице всем: и знатоком всякой сухопутной езды и всякого рода плавания, и звероловом, и рыболовом, портным, сапожником, плотником, кузнецом и т.д., но и во всех этих ремеслах должно уметь тотчас по первому требованию минуты взяться за выполнение дела самими простыми орудиями полудикаря времен первобытных»⁷⁸.

Заслуги и мужество Миддендорфа высоко оценили не только в ученых, но и в правительственных кругах — орден он получил необычайно быстро. Кроме ордена и денежного вознаграждения, Миддендорф приобрел еще одну, по существу наиболее ценную награду — он был избран действительным членом Академии наук.

⁷⁶ Там же. Л. 130–130 об.

⁷⁷ Там же. Л. 72.

⁷⁸ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 15.

В Академии наук

Сибирская экспедиция официально длилась с ноября 1842 г. по март 1845 г. Все это время Миддендорф имел временное «звание» путешественника Академии наук. «Звание» за ним сохранили и после возвращения в Петербург — на время подготовки к изданию материалов путешествия¹.

Из экспедиции Миддендорф вернулся 20 марта 1845 г., а уже 2 мая К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт и П.Н. Фус предложили Физико-математическому отделению Академии наук «избрать Александра Миддендорфа адъюнктом по части зоологии»². Избрание в отделении состоялось 23 мая³, а 2 августа этот выбор поддержало общее собрание Академии⁴. В представлении общему собранию, которое составил Бэр и подписали Ф.Ф. Брандт и П.Н. Фус, отмечалось, что Миддендорф «имел благоприятный случай не только показать на деле обширность и основательность своих познаний, но и собрать для будущих исследований богатый, почти неиссякаемый материал»⁵. Академики также отметили, что Миддендорф

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 13. № 35. Л. 19–19 об. По высочайшему повелению, «бывшего экстраординарного профессора Миддендорфа следовало считать в действительной службе при Академии со времени отправления в экспедицию до окончания». (Там же. Л. 5–5 об).

² Там же. Л. 27; См. также: ЖМНП. 1845. Ч. 47. Отд. III. С. 48–49.

³ ЖМНП. 1845. Ч. 47. Отд. III. С. 56.

⁴ Во всех биографических очерках именно 2 августа указано как день избрания Миддендорфа адъюнктом. Но в формулярных списках имеется и другая дата — 9 декабря 1845 г. В этот день избрание было высочайше одобрено императором Николаем I. Иногда, например, в списке, составленном в 1855 г., указана только эта дата.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 13. № 35. Л. 27 об.

еще не мог представить в Академию сочинений, в которых излагались бы результаты его Сибирской экспедиции, но о его возможностях свидетельствует статья о птицах Лапландии⁶, которая удостоилась одобрительных отзывов зоологов Академии Бэра и Брандта.

Став членом Петербургской Академии наук, Миддендорф активно занялся обработкой зоологических коллекций и других материалов экспедиции. Осенью 1845 г. он представил Физико-математическому отделению план четырехтомного труда, который должен был включать результаты этих исследований: первый том — материалы по геогнозии (геологии), палеонтологии и ботанике, второй — по зоологии, третий — по этнографии и лингвистике, четвертый — по истории экспедиции. Кроме того, Миддендорф собирался опубликовать атлас, включающий карты, составленные на основе съёмок, этнографические портреты, рисунки одежды и обуви сибирских народов, а также изображения предметов естественной истории.

Коллеги высоко оценили этот план. И даже в отчете Министерства народного просвещения за 1845 г. отмечалось: «По удостоверению академической комиссии, рассмотревшей в рукописи обширный план г. Миддендорфа, предполагаемое издание по важности своей станет наряду со знаменитыми творениями сего рода времен императрицы Екатерины II»⁷. В отчете того же министерства за следующий год сообщалось, что уже готовится к изданию первый выпуск труда Миддендорфа о Сибирской экспедиции и что императору «благоугодно было пожаловать» 10 300 рублей серебром на издание атласа⁸. П. Н. Фус в отчете по Физико-математическому отделению Академии наук за 1845 г. подробно изложил историю путешествия Миддендорфа от Охотского моря до истоков Амура. Затем Фус добавил: «Излишне почитаем присовокуплять, что г. Миддендорф с помощью своих ученых приятелей деятельно занимается описанием своей экспедиции, и что Академия приняла на себя обязательство содействовать изданию его путешествия»⁹.

⁶ *Middendorff A. Th. v. Bericht über die ornithologischen Ergebnisse der naturhistorischen Reise nach Lappland während des Sommers 1840 // Beiträge KRR. 1843. Bd. 8. S. 187–258.*

⁷ ЖМНП. 1846. Ч. 50. Отд. I. С. 84–85.

⁸ ЖМНП. 1847. Ч. 54. Отд. I. С. 104.

⁹ ЖМНП. 1846. Ч. 49. Отд. III. С. 96.

Поездка в Европу

Миддендорф считал, что для обработки собранных в Сибири зоологических коллекций полезно сравнить их с материалами, хранящимися в музеях разных стран. Поэтому весной 1846 г. он обратился в Физико-математическое отделение Академии наук с просьбой разрешить ему поездку в Европу. Миддендорф собирался побывать в Швеции, Дании, Германии и Великобритании, чтобы посетить естественноисторические музеи и познакомиться с учеными этих стран. Кроме того, он знал, что за границей дешевле обходилась гравировка карт, планов и рисунков, которые должны были иллюстрировать его будущий труд о результатах экспедиции. Миддендорф хотел также лечиться на водах в Германии, так как был не совсем здоров. Считая, что для поездки по Европе ему понадобится 5 или 6 месяцев, Миддендорф просил Академию сохранить за ним на это время оклад, а также ходатайствовать о том, чтобы его заграничный паспорт был освобожден от пошлины.

19 апреля П.Н. Фус от имени Физико-математического отделения обратился к С.С. Уварову, поясняя что поездка в Европу необходима Миддендорфу как для его научных исследований, так и для «восстановления здоровья, расстроенного от лишений и трудностей, претерпленных во время арктической его экспедиции»¹⁰. На эту просьбу Уваров ответил, что в связи с высочайшим распоряжением об экономии средств он не может ходатайствовать о сохранении жалования на время отпуска. Фус вынужден был снова писать Уварову, поясняя, что речь идет не об отпуске, а о командировке, которая важна для обработки материалов Сибирской экспедиции. Фус считал, что Уваров все же должен «для успеха предприятия, в котором государь император неоднократно изволил изъявить Высочайшее свое участие, повергнуть ходатайство отделения через кабинет министров на Высочайшее Его Императорского Величества воззрение»¹¹.

Это письмо Фуса, написанное 3 мая, тоже не имело успеха. Понимая, что получить разрешение на длительную поездку в Европу невозможно, Миддендорф просил Физико-математическое

¹⁰ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 166–166 об.

¹¹ Там же. Л. 170.

отделение об исходатайствовании ему хотя бы «29-дневного сверх летних вакаций отпуска для пользования Гамбургскими водами, необходимого по совету врачей для поправления совершенно расстроенного во время экспедиции здоровья его»¹².

О новой просьбе Миддендорфа Фус сообщил Уварову 17 мая. Неизвестно, какова была бы реакция министра народного просвещения на этот раз, но тут в дело вмешались более влиятельные силы. 16 мая Уваров получил записку от гофмейстера двора великого князя Михаила Павловича, в которой сообщалось: «Великая княгиня Елена Павловна, отправляясь 21-го числа сего месяца за границу на пароходе „Богатырь“, желает, чтобы академик Миддендорф поехал также на нем до чужих краев». Великая княгиня хотела, чтобы министр исходатайствовал на то высочайшее повеление¹³.

Желание великой княгини мгновенно изменило ситуацию. В тот же день, «во исполнение желания Её Высочества», Уваров представил докладную записку государю наследнику (великому князю Александру Николаевичу), испрашивая разрешения «на отпуск Миддендорфу в чужие края на четыре месяца»¹⁴. На следующий день он обратился к министру внутренних дел с просьбой о заграничном паспорте, который тотчас и был выписан. Проблема была быстро решена, и Миддендорф в мае вместе со свитой великой княгини смог уехать в Европу.

Из писем палеонтолога А.А. Кейзерлинга¹⁵, сопровождавшего вел. кн. Елену Павловну, можно узнать, что Миддендорф вместе со свитой великой княгини из Штеттина доехал до Берлина¹⁶. Оттуда вся свита отправилась на курорт в Ишль, а Миддендорф остался в Берлине, где должен был найти заведение для литографирования карт Сибирской экспедиции. В Берлине Миддендорф побывал в Обществе земледения, где познакомился с его президентом известным географом К. Риттером. Еще до этой встречи Риттер знал о путешествии Мид-

¹² РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 586. 1846. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 1. Великая княгиня Елена Павловна — супруга великого князя Михаила Павловича.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ А.А. Кейзерлинг был спутником английского геолога Р.-И. Мурчисона во время его путешествия по России в 1840 и 1841 гг. Миддендорф познакомился с Кейзерлингом вскоре после возвращения из Сибирской экспедиции в 1845 г. (в гостях у К.М. Бэра).

¹⁶ *Taube von der Issen H. Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern.* Berlin, 1902. Bd. 1. S. 280–281.

дендорфа, так как академик Х.Д. Френ прислал ему отчет Миддендорфа, опубликованный в 1844 г. в «Бюллетене Академии наук»¹⁷. Сам Миддендорф рассказал Риттеру о результатах своей Сибирской экспедиции и об экспедиции в Среднюю Азию своего друга А.И. Шренка (о чем Риттер сообщил на очередном заседании Общества)¹⁸. Согласно послужным спискам Миддендорфа, 6 июня 1846 г. он был избран почетным членом Берлинского общества земледения.

В Берлине в российском посольстве Миддендорф получил письмо Кейзерлинга с известием о том, что по предложению Р.-И. Мурчисона¹⁹ 25 мая 1846 г. он награжден золотой медалью Лондонского географического общества²⁰. Кейзерлинг писал: «Вы первый российский подданный, который заслужил такое отличие. Надеются, что Вы с радостью воспримете эту награду и уже с благодарностью поедете в Саутгемптон и будете участвовать в собрании естествоиспытателей»²¹. После Берлина Миддендорф побывал на курорте в Ишле, а также в Касселе, где изучал моллюсков из коллекции немецкого зоолога и путешественника Р.-А. Филиппи²².

В начале сентября Миддендорф приехал в Англию, где пробыл три недели, посещал музеи и знакомился с учеными. 5 сентября вместе с Мурчисоном Миддендорф побывал в Лондонском

¹⁷ Этот отчет Риттер напечатал в журнале Берлинского общества земледения в 1845 г. (*Ritter C. Herrn Dr. A. Th. v. Middendorff's Bericht über die Ergebnisse seiner Expedition in das nordöstliche Sibirien während der Sommehälfte des Jahres 1843; datiert Turuchansk in December 1843 und Jenisseisk am 10 Januar 1844 (Durch den Akademiker Hrn. Staatsrath Frähn gütigst mitgetheilt) // Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. Neue Folge. 1845. Bd. 2. S. 206–231*). В следующем году в том же издании Риттер поместил небольшую заметку А. Эрмана, в которой тот изложил содержание письма Г.П. Гельмерсена. В письме речь шла об итогах его изучения плато Устюрт, а также о некоторых результатах экспедиций А.Ф. Миддендорфа и А.И. Шренка. (*Erman A. Hrn. G. v. Helmersen's Nachrichten über die geognostischen Verhältnisse des Ust-Urt und über einige Ergebnisse der sibirischen Reise des Herrn Dr. v. Middendorff und Dr. Schrenck. (Aus einer brieflichen Mittheilung) // Там же. 1846. Bd. 3. S. 353–355*).

¹⁸ *Ritter C. Vierzehnte Übersicht der Thätigkeit der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin vom 2. Mai 1846 bis zum 12. Mai 1847 // Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1848. Neue Folge. Bd. 5. S. 7*.

¹⁹ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 8 об.

²⁰ Presentation of the gold medals, awarded respectively to count P.E. de Streletcki and professor Middendorff // *The Journal of the Royal Geographical Society of London. 1846. Vol. 16. P. XXXVII. С 1839 г. в Лондонском географическом обществе выдавали две медали — Founder's medal и Patron's medal. Миддендорф получил Patron's medal. (Cameron I. To the Furthest Ends of the Earth. The History of the Royal Geographical Society 1830–1980. London; Sydney, 1980. P. 262–266)*.

²¹ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 8.

²² Там же. № 8. Л. 162 об.

географическом обществе, где встретился с секретарем Общества Дж. Джексоном²³. Мурчисон приглашал Миддендорфа на свои вечера и даже побывал с ним в гостях у министра иностранных дел Великобритании Г.-Дж. Пальмерстона. Интересно, что когда возникла идея рассказать Пальмерстону о приключениях Сибирской экспедиции, оказалось, что в доме *министра иностранных дел* нет современной карты мира. Для иллюстрации пришлось воспользоваться французской картой XVIII столетия²⁴.

С 10 по 16 сентября Миддендорф принимал участие в заседаниях юбилейной конференции общества «British Association for the Advancement of Science», проходившей в Саутгемптоне. Членами этого общества (которое было основано по инициативе Мурчисона и в 1846 г. отмечало свое 15-летие) были Ч. Дарвин, Ч. Лайель²⁵, А. Седжвик, Р. Оуэн и многие другие известные в то время геологи и биологи. В Саутгемптон были приглашены ученые и других стран, например, Л. Агассис и Ж. Шарпантье из Швейцарии и А.-А. Ретциус из Швеции. Открывая конференцию, Мурчисон рассказал о Сибирской экспедиции Миддендорфа, сообщив, что путешественник находится в зале. В одном из заседаний конференции Миддендорф выступил с докладом о народах Сибири²⁶.

Действительный член Академии наук

Возвратившись в Петербург, Миддендорф занялся обработкой своих коллекций и подготовкой рукописи. Судя по официальным академическим отчетам, дела обстояли вполне благополучно.

²³ Там же. № 16. Л. 2–3.

²⁴ *Geikie A. Life of Sir Roderick I. Murchison based on his journals and letters. London, 1875. Vol. 2. P. 63.*

²⁵ В 8-м издании своего знаменитого труда Ч. Лайель упомянул о том, что в сентябре 1846 г. Миддендорф сообщил ему о своих исследованиях в Сибири. См.: *Lyell Ch. Principles of Geology. London, 1850. 8th ed. P. 83; Лайель Ч. Основные начала геологии. М., 1866. С. 90, 93–94.* (Русский перевод сделан с 9-го английского издания труда Лайеля, опубликованного в 1859 г.).

²⁶ *Middendorff [A. Th. v]. On certain Races of Siberia // Report of the Sixteenth Meeting of the British Association for the Advancement of Science. 1846. London, 1847. Notices and Abstracts... P. 115–116.*

Однако 28 ноября 1846 г. в письме к своему другу Н. Вилькену Миддендорф сетовал на трудности работы: «Что ты хотел узнать о моих научных занятиях — для меня тема „жмущего ботинка“ [болезненная тема]. Приобретением новых знаний я занимаюсь с удовольствием и возможно слишком много работаю с книгами, но писать так трудно, что временами лучше хотелось бы повеситься. /.../ Что касается моего „Путешествия“, то печатание начинается весною, первые тома — чистая, сухая наука; так как у меня 8 сотрудников, некоторые части получатся очень подробными. Последние оба тома (4 in folio) хотел я наполнить популярным изложением о Сибири. Материал уже есть, но я ни на йоту дальше не продвинулся, так как писание для меня Torture [пытка. — *англ.*], и ты станешь моим спасителем, если найдешь кого-нибудь, кто возьмет от меня весь этот хлам — шероховатый труд многих лет, и придаст моим мыслям форму»²⁷.

Вероятно, именно из-за того, что Миддендорфу сначала было сложно писать, в 1847 г. была опубликована не первая, а вторая часть первого тома труда «*Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844*», включавшая данные по ботанике, обработанные Р.-Э. Траутфеттером и Ф.И. Рупрехтом. Первая часть этого тома увидела свет в следующем году. Она включала введение Миддендорфа с изложением задач и истории экспедиции, его статьи о результатах геотермических и метеорологических наблюдений, инструкцию для экспедиции, статьи: К.М. Бэра — о климате Таймырского края (Taimyrland), Э.Х. Ленца — о результатах магнитных наблюдений экспедиции, В.А. Миддендорфа²⁸ — о метеорологических наблюдениях, Г.П. Гельмерсена — о геологических наблюдениях, а также статьи А.А. Кейзерлинга и немецких ученых Г.-Р. Гёпперта, И. Мюллера и Хр. Петерса — о разных видах окаменелостей, обнаруженных Миддендорфом.

В 1851 г. была опубликована первая часть второго тома, содержащая составленные Миддендорфом описания коллекций моллюсков, ракообразных, насекомых, а также первая часть третьего тома, в которую вошли материалы о якутском языке, собранные

²⁷ А. Th. v. Middendorff an N. v. Wilcken, St. Petersburg, 28. November 1846 // РАВvМ.

²⁸ Владимир Андреевич Миддендорф — вероятно, двоюродный брат Александра Федоровича. В 1848–1856 гг. он был директором обсерватории в городе Ситха (Русская Америка).

Миддендорфом и обработанные О.Н. Бётлингом. В 1853 г. увидела свет вторая часть третьего тома труда Миддендорфа, включавшая результаты его зоологических исследований — описания млекопитающих, птиц и амфибий (земноводных).

В конце 40-х — начале 50-х годов, наряду с подготовкой к изданию частей труда «*Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844*», Миддендорф публиковал в журналах Академии наук и других изданиях отдельные статьи о результатах своих зоологических исследований. Кроме того, он часто выступал с докладами об этих исследованиях в заседаниях Физико-математического отделения. Миддендорф участвовал также в обсуждении планов академических экспедиций, писал отзывы на работы «посторонних ученых», представленные на соискание Демидовских премий или для публикации в академических журналах, был членом комиссий, решавших разные проблемы, возникавшие в жизни Академии наук. Имя Миддендорфа часто встречалось в протоколах заседаний Физико-математического отделения. В годичных отчетах Академии ее непреременный секретарь П.Н. Фус не ограничивался сообщениями о выходе работ Миддендорфа, но обычно довольно подробно излагал их содержание.

Активное участие Миддендорфа в деятельности Академии наук было высоко оценено коллегами. 2 марта 1850 г. общее собрание Академии наук на основе представления Физико-математического отделения почти единодушно (33 голоса «за» и 1 «против») избрало Миддендорфа экстраординарным академиком. В представлении, которое составил Ф.Ф. Брандт, а подписали К.М. Бэр и Г.И. Гесс, отмечались заслуги Миддендорфа по подготовке к изданию труда о Сибирской экспедиции. «Сверх того, — писали академики, — он, независимо от большей частью оригинальных работ для описания своего путешествия в качестве зоолога Академии, обширнейшими и важными, уже изданными отдельно большими или меньшими диссертациями по части малакозоологии России или же назначенными для описания путешествия трудами о мягкотелых животных нашего отечества, снискал себе не только отличное место между малакозоологами и зоотомами, но еще мастерски обработал — отчасти на основании своих собственных начал — дотоле вовсе пренебреженный отдел животных российской фауны, не упуская при этом случаев как

к точному определению малакозоологической коллекции Академии, так и к обогащению ее новыми покупками. Наконец, мы обязаны ему еще в самом недавнем времени обширными и весьма основательными исследованиями о медведе, которыми он несомненно доказал как родовое тождество всех поныне еще водящихся в Европе и в северной и восточной Азии пород сего животного, так и различие их от ископаемого медведя»²⁹. Брандт обратил внимание на важнейшие к этому времени заслуги Миддендорфа в области зоологии, и коллеги с его оценкой согласились.

Через два года (12 марта 1852 г.) Физико-математическое отделение предложило избрать Миддендорфа ординарным академиком. К этому времени была уже опубликована часть его труда, включавшая отдел о моллюсках. К.М. Бэр (автор представления общему собранию, которое было подписано также Ф.Ф. Брандтом и К.А. Мейером) вновь наибольшее внимание уделил заслугам Миддендорфа в области малакозоологии, подчеркивая, что своим трудом он положил основу для изучения русской малакофауны, и в этом труде особенно важен критический анализ систематики моллюсков. Бэр отметил также значение исследований Миддендорфа об ископаемом медведе с точки зрения определения признаков видов. Обширный отзыв Бэра, насыщенный рассуждениями о зоологических проблемах, которыми занимался Миддендорф, интересен и с точки зрения взглядов самого Бэра. В заключение Бэр подчеркнул, что основательность и истинно ученое направление этих работ «позволяют академикам считать, что нет более достойного кандидата на место второго академика по зоологии, тем более что своим путешествием он украсил летопись нашей Академии наук»³⁰.

1 мая 1852 г. общее собрание Академии наук избрало Миддендорфа ординарным академиком. Но если Физико-математическое отделение избрало его единогласно, то во время голосования в общем собрании он получил 5 черных шаров³¹.

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. № 16. Л. 4–4 об.

³⁰ Там же. Л. 15.

³¹ Там же. Л. 20.

В Зоологическом музее

Исследования Миддендорфа во второй половине 40-х и первой половине 50-х годов были теснейшим образом связаны с деятельностью Зоологического музея. Миддендорф передал в музей большое количество коллекций: млекопитающих, птиц, моллюсков, рыб, собранных во время Сибирской экспедиции. Его материалы дополнили также коллекции насекомых, кишечнорастворимых и кольчатых червей³². Многие из привезенных экземпляров Миддендорф сам и обработал. Приняв на себя обработку материалов конхиологического отдела (отдел раковин), за десять лет работы (1845–1855) он привел в порядок все существовавшие там коллекции. В 1847 г. Миддендорф представил в общем собрании Академии каталог раковин (который впоследствии затерялся). Но именно Миддендорф ввел в своем отделе (впервые в Зоологическом музее) стандартные этикетки. Они изготовлялись в типографии, имели одинаковые размеры, и на них, кроме латинского названия вида, в левом углу обозначалось место сбора экземпляра, а в правом — год доставки и имя «доставившего предмет». Такими этикетками затем стали пользоваться для всех зверей, птиц и прочих «предметов», сохранявшихся в музее в сухом виде³³.

Созданный в 1832 г. музей имел в своей основе коллекции Кунсткамеры, которые очень плохо сохранились. Между тем для пополнения экспонатов музея Академия выделяла весьма скудные средства. Музей мог расширять свои коллекции в основном за счет подарков или обмена дублетами с разными музеями России и Европы. Экспедиции с естественноисторическими целями Академия отправляла редко, и только в 1841 г. по инициативе создателя и директора музея Ф.Ф. Брандта Конференция Академии наук постановила, чтобы «все предметы, собранные академическими путешественниками, безусловно поступали в академические коллекции»³⁴.

³² А.А. Штраух (ставший директором Зоологического музея в 1879 г.) писал, что после наукообразных хуже всего в музее представлены черви. Но и эту коллекцию обогатил Миддендорф, добавив к ней 14 видов, среди которых 9 новых (*Штраух* А.А. Зоологический музей Академии наук. СПб., 1889. С. 254).

³³ Там же. С. 111. Штраух отметил также, что коллекция раковин музея и в 80-х годах сохраняла этикетки, составленные Миддендорфом (Там же. С. 113).

³⁴ Там же. С. 65.

В 1847 г. Брандт решил, что среди экспонатов Зоологического музея должна быть пара зубров — самец и самка. Зубры водились только в Беловежской пуще (месте царской охоты), и для охоты на них требовалось высочайшее разрешение. Такое разрешение должен был получить министр государственных имуществ, к которому от имени Академии обратился министр народного просвещения. Получив такую просьбу, министр государственных имуществ строго спросил, зачем Академии понадобилось это животное, если в 1824 г. ей уже «был отпущен один зубр?»³⁵ Брандту пришлось объяснять, что старое чучело, хранившееся в Кунсткамере, пришло в негодность — «волосы съедены молью и червями». Объяснения удовлетворили министра, и высочайшее соизволение на охоту было получено.

Как ни странно, затем возникло некоторое препятствие для осуществления идеи. Зоологический музей имел особые правила препарирования и собирался отправить на охоту своего сотрудника. Но министр государственных имуществ считал, что отстрелом зубров в Беловежской пуще должен заниматься консерватор зоологического кабинета университета Св. Владимира в Киеве. В Академии понимали, что такое решение увеличит расходы. Физико-математическое отделение сообщило министру народного просвещения, что дело это полезнее «предоставить собственному распоряжению директора Зоологического музея /.../, тем более, что на этот случай адъютант Миддендорф сам вызвался вместе с препаратором отправиться на место охоты и принять это дело под свое наблюдение»³⁶. Причем Миддендорф собирался отправиться в Беловежскую пущу за свой счет «отчасти для своего здоровья», а также поохотиться и помочь «препарированию некоторых мягких частей»³⁷.

В середине декабря 1847 г. Миддендорф в Беловежскую пущу приехал, однако препаратор из Киева к назначенному сроку туда не явился. Миддендорф не мог ждать, так как у него кончался отпуск и следовало успеть домой к рождеству. Он убил зубра, снял с него шкуру, исследовал анатомическое строение, очистил кости и вместе со шкурой отправил их в Петербург. Препаратору Миддендорф оставил письмо с подробными наставлениями о том,

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1847. № 9. Л. 4.

³⁶ Там же. Л. 11.

³⁷ Там же. Л. 13.

как поступить с двумя зубрами, которых тот должен был убить. И останки двух зубров, препарированных необходимым образом, вскоре были присланы в Зоологический музей.

Миддендорфу, как любителю охоты, решили поручить добывать и других животных, которых Зоологический музей мог бы использовать для обмена. Поэтому в марте 1848 г. от имени Академии наук П.Н. Фус просил министра государственных имуществ выдать разрешение Миддендорфу охотиться в Петербургской губернии «в пользу Зоологического музея», так как «охота — единственное средство для приобретения предметов мены»³⁸. Свидетельство Лесного департамента на право беспрепятственной ловли в казенных лесах «птиц и зверей» Миддендорф получил³⁹. Неизвестно, как долго Миддендорф пользовался этим правом, однако можно предположить, что некоторые зайцы и медведи, которых он исследовал в музее, добывались самим Миддендорфом. Во всяком случае, в работе «Естественная история медведя бурого»⁴⁰ Миддендорф очень подробно описывал не только повадки медведей, но и охоту на них.

В апреле 1851 г. вблизи Ревеля рыбаки обнаружили у берега кита и убили его. Туша была привезена в Ревель, где ее выставили для всеобщего обозрения, так как кит был необычным животным для Балтийского моря⁴¹. Академия наук, узнав об этом, поручила Миддендорфу исследовать и препарировать кита⁴². Скелет кита затем был привезен в Петербург и выставлен в одном из залов Зоологического музея, который тогда находился в музейном флигеле Академии. (Этот скелет и сегодня можно увидеть в Зоологическом музее.)

Заметку о ките, найденном вблизи Ревеля, содержащую большое количество ошибок, уже в апреле поместила газета «Северная пчела». Поэтому вскоре в академической газете «St. Petersburgische Zeitung» Миддендорф счел нужным опубликовать статью об истории находки ревельского кита, сообщив при этом и сведения об этом виде. Исправив ошибки в статье «Северной пчелы»,

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 8. Л. 4 об.

³⁹ Там же. Л. 8.

⁴⁰ Русская фауна или описание и изображение животных, водящихся в Российской империи. (Издание Ю.Л. Симашко). СПб., 1851. Т. 2. С. 187–295.

⁴¹ Auszug aus einem Schreiben des Akademikers; wirkl. Staatsrathes v. Baer an den beständigen Sekretair der Akademie, d.d. Reval, den 18. April 1851 // St. Petersburgische Zeitung. 1851. № 89. S. 359.

⁴² St. Petersburgische Zeitung. 1851. № 87. S. 349.

Миддендорф выражал надежду, что газеты в будущем будут публиковать только верную информацию, чтобы ученым не приходилось вмешиваться в это дело⁴³.

Непрерывный секретарь

В конце 1854 г. П.Н. Фус тяжело заболел. Понимая, что не успеет подготовить к годовичному собранию отчет по первому и третьему отделениям Академии наук, Фус предложил, чтобы в этот день с докладами выступили академики Н.Г. Устрялов и А.Ф. Миддендорф⁴⁴. 29 декабря в общем собрании, состоявшемся в конференц-зале Петербургского университета, Миддендорф сделал на французском языке доклад «Очерки органической жизни в Сибири»⁴⁵, в котором кратко коснулся тех проблем, которые затем собирался развивать в четвертом томе своего труда о Сибирской экспедиции.

П.Н. Фус, почти 30 лет успешно выполнявший обязанности непрерывного секретаря Академии наук, 10 января 1855 г. скончался⁴⁶. Временно эти обязанности возложили на академика В.Я. Буняковского. Но по уставу требовалось *избрание* непрерывного секретаря. Когда на общем собрании (20 января) стали решать, когда назначить выборы, выяснилось, что в уставе 1836 г., по которому жила Академия, процедура избрания прописана не очень подробно. К тому же в 1841 г. в состав Академии наук вошло Отделение русского языка и словесности (II отделение), о правах и обязанностях членов которого и не могла идти речь в уставе. В связи с этим возникли три вопроса: 1) могут ли избирать непрерывного секретаря представители всех трех отделений или только первого (Физико-математического) и третьего (Историко-филологического),

⁴³ *Middendorff A. Th. v. Der Walfisch in Reval // St. Petersburgische Zeitung. 1851. № 116. S. 467–468.* В этой статье Миддендорф благодарил Ф.П. Литке (тогда начальника Ревельского порта) и И. Грюневальдта (губернатора Эстляндской губернии) за то, что они содействовали сохранению кита.

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1. № 491. Л. 7 об.

⁴⁵ *Middendorff A. Th. v. Esquisse de la vie organique en Sibirie // Compte rendu de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. St. Pbg., 1854. P. 131–155.*

⁴⁶ П.Н. Фус стал непрерывным секретарем Академии наук в 1826 г.

2) все ли академики могут баллотироваться в непременные секретари или только ординарные, 3) имеет ли право кандидат отказаться от баллотировки?

Общее собрание достаточно единодушно ответило на первый вопрос, решив, что непременного секретаря следует избирать из представителей всех трех отделений. Однако при обсуждении двух других вопросов мнения разделились. Одни полагали, что непременного секретаря следует избирать только из ординарных академиков, так как экстраординарные были приравнены в правах к адъюнктам; другие — что можно избирать также экстраординарных академиков; некоторые считали, что кандидат может отказаться от баллотировки, другие возражали. Об этих разногласиях вице-президент Академии С.И. Давыдов сообщил министру народного просвещения А.С. Норову⁴⁷, отметив, что по его мнению, следует избирать непременного секретаря только из ординарных академиков, а отказаться кандидат может лишь после баллотировки, если выяснится, что два кандидата получили одинаковое количество голосов. С таким мнением Норов согласился.

Выборы были назначены на 3 февраля, но по инициативе министра народного просвещения неоднократно переносились. Это было связано как с занятостью министра, так и с событием чрезвычайным — смертью Николая I⁴⁸. Избрание непременного секретаря состоялось только 7 апреля 1855 г. и проходило в два тура. Сначала на закрытых билетах каждый академик писал имена предлагаемых кандидатов, а затем голосовали белыми и черными шарами за тех, кто получил наибольшее число голосов. Когда открыли билеты, оказалось, что в непременные секретари предлагали четырех академиков — В.Я. Буняковского, А.Ф. Миддендорфа, Э.Х. Ленца и Н.Г. Устрялова. При этом за первого подано 14 голосов, за второго — 18, а за двух послед-

⁴⁷ А.С. Норов стал министром народного просвещения в 1853 г.

⁴⁸ Выборы были перенесены на 17 февраля. Однако 16-го февраля оказалось, что А.С. Норов еще ясно не сообщил своего решения по этому поводу, и выборы отменили. (СПФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1–1855. № 522. Л. 10). А 18-го февраля скончался Николай I, и некоторое время все были озабочены проблемой траурной церемонии. Интересна деталь этого события, имеющая отношение к Миддендорфу. В комиссию «Церемониала печальной процессии», определявшую порядок похорон, следовало доставить список академиков, которые должны участвовать в процессии. При этом академики обязаны были расписаться, что извещены о церемонии. Расписался и Миддендорф, но сообщил, что он болен. (СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1855. № 12. Л. 9).

них — по 1 голосу. Ленц и Устрялов тотчас отказались от баллотировки. После голосования шарами ситуация несколько изменилась. За Миддендорфа были поданы 19 голосов, но Буняковский получил теперь 17. Против Миддендорфа голосовали 15 академиков, а против Буняковского — 17⁴⁹. Таким образом кандидаты имели почти равные шансы. Можно представить, что обстановка в Академии наук в этот день была весьма напряженной.

Задача выбора непремленного секретаря (третьего по значению лица в Академии наук) после П.Н. Фуса, которого все уважали и к которому привыкли, была, конечно, сложной. На личные симпатии и антипатии к кандидатам накладывались, так сказать, и политические мотивы. По воспоминаниям К.С. Веселовского, некоторые академики считали, что по традиции непремленный секретарь должен быть из математиков (Буняковский). Но другие академики, «отдавая полную справедливость благородству характера его, находили, что недостаток в нем самостоятельности и энергии при крайней скромности и уступчивости могли иметь неблагоприятное влияние на ход общего академического дела»⁵⁰. Эти «другие» и выставили кандидатуру Миддендорфа (видимо, находя в нем необходимую энергию и самостоятельность).

Но сохранилась и иная точка зрения. А.В. Никитенко (член II отделения, ставший академиком как раз в 1855 г.) писал тогда же в своем дневнике, что Буняковский и Миддендорф были в Академии представителями русской и немецкой «партий». Каждая из «партий» хотела видеть на посту непремленного секретаря своего кандидата. Это вносило дополнительную остроту в проблему выбора и накаляло атмосферу. Никитенко полагал, что «немецкая партия» победит, так как она имела больше голосов. Однако результаты голосования показали, что не все «немцы» отдали свои голоса Миддендорфу. Интересно, что сам Никитенко, по мнению которого именно Миддендорф должен был стать непремленным секретарем (так как владел немецким и французским языками, что было важно для переписки с иностранными учеными), голосовал за Буняковского не потому, что тот русский, а просто «за очень хорошего человека»⁵¹.

⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1—1855. № 522. Л. 24; РГИА. Ф. 735. Оп. 13. № 176. Л. 34.

⁵⁰ *Веселовский К.С.* Время президентства графа Д.Н. Блудова. 1855–1864 // Русская старина. 1901. Т. 108. С. 497.

⁵¹ *Никитенко А.В.* Записки и дневники. СПб., 1893. Т. II. С. 6.

Как бы то ни было, Миддендорф «победил» и приступил к исполнению новых обязанностей, весьма далеких от зоологических исследований. Он вел заседания общего собрания и отделений, знакомил президента с деятельностью отделений, а отделения — с распоряжениями президента, отвечал на многочисленные письма, поступавшие на имя неперменного секретаря и в Академию вообще. Непременный секретарь должен был составлять отчеты о деятельности Академии наук (Миддендорф составил 2 отчета: за 1854–1855 гг. и за 1856 г.), а также о Демидовских конкурсах (о результатах этого конкурса Миддендорф подготовил отчет за 1856 г.). В ведении неперменного секретаря находились все издания Академии наук (среди прочего следовало позаботиться о том, чтобы их получали академики), а также архив академической канцелярии. Он должен был решать разные дела, связанные с библиотекой Академии, и следить за получением приборов для астрономической обсерватории и лабораторий.

В качестве неперменного секретаря Академии Миддендорф принимал участие в работе двух комиссий. О них стоит сказать особо, потому что их деятельность была связана с важными проблемами в жизни Академии наук.

Первая комиссия была создана в 1855 г. для решения вопроса об издании в Академии наук журнала на русском языке⁵². Вопрос возник отчасти из-за противоречий, существовавших между Академией и российским обществом. Некоторые сограждане относились к Академии критически потому, что плохо знали о ее деятельности и полагали, что она изолирована от практических нужд страны, других раздражало, что в ее составе было много ученых с иностранными фамилиями. Их называли немцами, даже если они родились в России и хорошо говорили по-русски. Негативное отношение к Академии наук было связано и с тем, что ее издания публиковались в основном на немецком или французском языках.

Второе отделение Академии наук в 1852 г. начало издавать свои «Известия» на русском языке. В следующем году историк А.А. Кунник издал первый том «Ученых записок по I и III отделениям императорской Академии наук». В этом издании опубликовано множество до тех пор неизвестных сведений по истории Академии наук

⁵² В комиссию вошли В.Я. Буныковский, Г.П. Гельмерсен, О.Н. Бётлингк, К.С. Веселовский и А.Ф. Миддендорф.

XVIII в., включая первую летопись ее деятельности в этом столетии, а также отчеты Академии начала 50-х годов XIX в. и протоколы заседаний Физико-математического и Исторического отделений.

Несмотря на интересные материалы о прошлом Академии наук и ее современной деятельности, «Ученые записки» не пользовались популярностью, и тираж их быстро сократился. В связи с этим академическая комиссия пыталась решить два вопроса: «1) какой цели должно вообще соответствовать печатание на русском языке особого от Академии издания; 2) удовлетворяют ли сей цели „Ученые записки“ в том виде, как они ныне издавались»⁵³. После пространных рассуждений о науке как явлении международном — она «не знает географического разграничения народов», и поэтому научные труды должны печататься на иностранных языках — члены комиссии пришли к выводу, что жалобы на то, что труды Академии мало известны в России, «имеют некоторую степень основательности»⁵⁴. Следовательно, полезно иметь издание, которое позволяло бы российскому читателю лучше судить о деятельности Академии.

Так как «Ученые записки», издававшиеся Куником, не вполне достигали такой цели, это издание предлагалось прекратить и создать новый журнал. В этом журнале следовало публиковать протоколы заседаний, записки, которые представляли в Академию ее члены, посторонние ученые и иностранные корреспонденты, инструкции для экспедиций, извлечения из больших трудов, известия об изменениях в составе Академии, о книгах, приносимых ей в дар, о деятельности музеев и пополнении ученых коллекций. Представляя для нового журнала свои сочинения, академики должны были сообщать, что в этих сочинениях является «новым приобретением для науки». Отмечалось также, что публикация отчетов о заседаниях должна производиться «под непосредственным надзором непремленного секретаря и при содействии всех членов Конференции». В связи с этим следовало назначить в помощь секретарю «постороннего ученого с приличным вознаграждением»⁵⁵.

Комиссия полагала, что если благодаря будущему журналу «публика более ознакомится со всею обширною и разностороннею

⁵³ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1852. № 10. Л. 16 об.

⁵⁴ Там же. Л. 18 об.

⁵⁵ Там же. Л. 27.

деятельностью Академии, доверие ее к сему учреждению возрастет, труды академиков лучше будут оценены, чаще станут и правительственные места, и частные лица, занимающиеся наукою, обращаться в Академию за ответом и разрешением разных вопросов, и таким образом установится столь желаемая теснейшая связь между первенствующим в Империи ученым сословием и просвещенною частью русской публики»⁵⁶. На издание журнала было решено предусмотреть необходимые расходы в бюджете Академии уже в 1856 г., а начать публикацию в 1857 г. К сожалению, Миддендорф, которому (как непремемному секретарю) отводилась важная роль в осуществлении задачи, ничего не сделал для ее решения. «Записки имп. Академии наук» на русском языке начали публиковаться лишь в 1862 г.

В 1855 г. президентом Академии наук стал Д.Н. Блудов, сменивший на этом посту скончавшегося в этом году С.С. Уварова. Познакомившись с делами Академии, Блудов обнаружил много недостатков. Он считал, что одной из причин этих недостатков было несоответствие организационной структуры Академии уставу 1836 г. По инициативе Блудова в марте 1856 г. в Академии наук была создана комиссия для разработки проекта нового устава, которая должна была, прежде всего, определить права и обязанности членов второго отделения — привести в соответствие с правами и обязанностями членов двух других отделений. Комиссия должна была решить, что в уставе следовало исправить, изменить или вовсе устранить, а также точно определить права и обязанности лиц, «заведующих учеными принадлежностями Академии, Отделений и Общего собрания, а также Комитета правления»⁵⁷. Комиссия работала с 5 апреля 1856 г. по 23 февраля 1857 г. Заседания проходили достаточно регулярно (даже летом) — раз в неделю по четвергам в 7 часов вечера в «малой конференц-зале» Академии наук. По распоряжению Блудова, Миддендорф должен был присутствовать на каждом заседании комиссии, и судя по его подписям, отсутствовал только на трех.

Сохранившиеся в академическом архиве протоколы позволяют судить о тех вопросах, которые обсуждались на заседаниях комиссии, но в протоколах отсутствуют сведения о мнениях отдельных академиков, выступавших по этим вопросам. Миддендорф,

⁵⁶ Там же. Л. 24 об.

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1856. № 13. Л. 1.

несомненно, принимал участие в обсуждении главы проекта устава, относящейся к деятельности непременного секретаря. Параграфов стало больше, а обязанности секретаря описаны более подробно, чем в уставе 1836 г.

Комиссия не ограничивалась обсуждением предложенных ей проблем. Речь шла о разных сторонах жизни Академии: об окладах академиков и служащих Академии, о состоянии музеев, об академических квартирах и проч. Так, Миддендорф представил в комиссию большую записку о недостатках в распределении казенных квартир. По его мнению, тех, кто такие квартиры не получает, следует снабжать «квартирными деньгами». Миддендорф явно критически относился к тому, что казенные квартиры по собственному усмотрению назначают президент и вице-президент. В связи с этим он закончил свою записку следующим образом: «даже более сочувственные из членов Академии являлись к начальству с просьбами своими о квартирах, едва выждав последний вздох своего сотоварища, и, несмотря на то, неоднократно опаздывали, предупрежденные в своих видах просителями, основывавшимися на предсказаниях врачей, которые пользовали умирающих»⁵⁸.

Неизвестно, повлияла ли эта выразительная записка на состояние дел с распределением квартир, но из нее теперь можно узнать, где жили многие академики. Сам Миддендорф имел квартиру в том доме на 7-й линии Васильевского острова⁵⁹, который до сих пор называют «академическим».

Комиссия закончила работу в конце февраля 1857 г., и проект устава был передан в общее собрание для обсуждения. Академики очень ответственно отнеслись к своей задаче. Миддендорф получал множество записок с предложениями об улучшении работы музеев и лабораторий, об основании ботанического сада при Академии, пополнении штата Академии представителями наук, которые в ней еще не были представлены. Эти записки, позволяющие дополнить сведения об истории отдельных учреждений Академии наук в середине XIX в., не были использованы в проекте, но сохранились в канцелярии непременного секретаря. 30 мая 1857 г. общее собрание Академии наук одобрило подготовленный комиссией

⁵⁸ Там же. Л. 19.

⁵⁹ Там же. Л. 20.

проект устава. Однако затем не последовало никаких конкретных действий для его принятия. Проект даже не был передан министру народного просвещения. Во всяком случае, об этом нет сведений в архивном деле о деятельности комиссии.

Пребывание на посту неперменного секретаря позволило Миддендорфу глубже познакомиться с разными проблемами Академии. Результаты размышлений о причинах недостатков в ее работе нашли наиболее отчетливое выражение в составленном Миддендорфом отчете о деятельности Академии наук за 1856 г.⁶⁰

Этот отчет резко отличался по содержанию от всех предшествующих и последующих отчетов Академии. Миддендорф лишь упоминал о деятельности некоторых академиков, не касаясь содержания важнейших исследований (как это обычно было принято в отчетах). В связи с нападками на Петербургскую Академию наук в русском обществе Миддендорф рассуждал об Академии как научном учреждении. Он сравнивал финансовое положение академий в Европе и России, отмечал несовершенство системы избрания новых членов, которая мешала справедливому выбору в любые академии, говорил о том, что не сразу можно обнаружить выгоду, которую приносит наука⁶¹, размышлял о недостатках национальных академий и о пользе создания «универсальной» Академии наук.

Особое внимание Миддендорф уделял Петербургской Академии наук. По его мнению, финансовое положение Академии не соответствовало ее научному значению, многие задачи она не могла решать из-за скудности средств. Россия была плохо изучена, так как Академия редко отправляла экспедиции. Миддендорф отвергал мнение о ее нежелании вести географические исследования. Он напоминал историю Академии наук и ее заслуги в этом отношении в XVIII и начале XIX в. и первым обратил внимание на роль академиков в истории основания Русского географического общества и его дальнейшей деятельности.

Академию наук в русской периодической печати постоянно упрекали за то, что она мало занималась решением практических

⁶⁰ [Middendorff A. Th. v.] Discours du secrétaire perpétuel (29 décembre 1856) // Compte rendu de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. St. Pbg., 1856. P. 15–87.

⁶¹ «Если бы развитие наиболее значительных наук было прибыльно в самом грубом и заурядном смысле этого слова, — писал Миддендорф, — капиталистические спекулянты и деловые общества не упустили бы случая завладеть выдающимися и учеными умами, чтобы извлечь из этого ростовщическую выгоду». (Там же. С. 23).

задач. Миддендорф не отрицал необходимости решения таких задач, но подчеркивал, что Академия делает для практики гораздо больше, чем было принято считать в российском обществе, и даже больше того, что полезно для развития самой науки. «Не может не быть вредным, когда физиолог — основатель нового направления в науке о развитии животных — отвлекается от своих занятий с микроскопом для изучения влияния необдуманной вырубki лесов на судоходство наших рек, затем предпринимает всеобъемлющее изучение рыбных промыслов на севере и юге России и, наконец, обращается к геологическим исследованиям»⁶². По мнению Миддендорфа, такая деятельность не соответствовала научному духу Академии. Впрочем, К.М. Бэр, которого он имел в виду, вовсе не считал подобную деятельность напрасной.

К сожалению, мы не знаем о реакции коллег Миддендорфа на его взгляды. Можно только предположить (на основе сохранившихся в канцелярии непременного секретаря записок академиков), что их одобряли некоторые члены и Физико-математического и Историко-филологического отделений, тем более, что в отчете нашли отражение многие из тех проблем, которые в это время обсуждались в упомянутых выше комиссиях. Палеонтолог А.А. Кейзерлинг (почетный член Академии наук), которому Миддендорф послал черновик этого отчета, писал: «Я с большим интересом читал Вашу речь и радовался, что Вы выступили публично против одностороннего материализма нашего времени. /.../ Общую картину деятельности Академии невозможно оценить иначе, чем успешную, потому что имена многих мужей, которые там вместе работают, в науке всегда вызывают только уважение»⁶³.

Готовя отчет о деятельности Академии наук за 1856 г., Миддендорф пользовался не только сведениями о финансовом положении Академии наук, подготовленными для него академиком (статистиком) П.И. Кёппеном, но также «Запиской о мерах к извлечению из Академии наук непосредственной пользы

⁶² Там же. С. 44.

⁶³ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 19–19 об. В этом же письме (7 ноября 1856 г.) Кейзерлинг вспомнил о статье Миддендорфа «Очерк об органической жизни в Сибири». По словам Кейзерлинга: «эта статья может послужить поводом для различных интересных дискуссий. Я жалею, что в тексте нет научных примечаний, подобно тому, как это сделал Гумбольдт в своих „Картинах природы“. Такие примечания в этой статье, естественно, не уместны, но они могли бы позволить лучше понимать ее содержание».

для государства». Эта интересная записка сохранилась среди бумаг Миддендорфа в архиве Тарту, поэтому П. Б. Юргенсон считал, что она написана в 1855 г. самим Миддендорфом⁶⁴. Между тем, судя по содержанию, записка составлена раньше и, видимо, П. Н. Фусом (в конце имеется помета: «верно: неперменный секретарь П. Фус»)⁶⁵.

В те годы, когда Миддендорф был неперменным секретарем, он организовывал вечера, на которые приглашал представителей всех трех отделений Академией наук. В XIX в. многие академики в определенные дни собирали гостей. Но вечера Миддендорфа пользовались особой популярностью. Как вспоминал К. С. Веселовский, «Миддендорф в бытность свою неперменным секретарем составлял как бы центр, около которого охотно группировались ученые и образованные люди, будучи привлекаемы к нему его значением в науке, его умом и остроумием, его любезностью и приветливостью. Устроенные им тогда у себя еженедельно по воскресеньям⁶⁶ журфиксы были весьма многолюдны и оживленны. Здесь всегда можно было встретиться с интересными личностями из мира ученого, медицинского, педагогического и просто с людьми просвещенными, интересующимися наукою. Кто-нибудь из гостей, а чаще всего сам хозяин, читал составленное специально для этой цели полужанровое-полужурфиксовое изложение какой-нибудь интересной темы для оживления беседы в ожидании скромного, но всегда веселого ужина, которым кончался вечер»⁶⁷.

Хотя на эти «журфиксы» приглашались все академики, представители второго отделения вечера игнорировали. «Имели ли они что-либо против Миддендорфа или же причиною их отсутствия было то, что фамилия хозяина кончалась на *дорф*, и что он был лютеранин, не знаю», — писал Веселовский⁶⁸. Причиной, вероятно, было и то, и другое. Во всяком случае, попытка Миддендорфа расшеять неприязнь к *немцам* успеха не имела.

⁶⁴ Юргенсон П. Б. Неведомыми тропами Сибири. С. 34.

⁶⁵ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 6. Л. 19. Эта записка опубликована: Миддендорф А. Ф. О мерах к извлечению из Академии наук непосредственной пользы для государства. Экономика и организация промышленного производства // Народное хозяйство Сибири и Дальнего востока. 1974. № 2. С. 46–49.

⁶⁶ К. С. Веселовский ошибся, вечера Миддендорфа происходили по вторникам.

⁶⁷ Веселовский К. С. Время президентства... С. 503.

⁶⁸ Там же.

Миддендорф достаточно ответственно относился к своим обязанностям непрерывного секретаря, но пробыл на этом посту недолго. Согласившись занять должность секретаря (ему, несомненно, приятно было доверие коллег), Миддендорф вряд ли представлял себе, как многообразна эта деятельность, включавшая множество дел, не имевших отношения к науке. Миддендорфу приходилось получать ящики с минералами на таможне, содействовать оформлению подорожных для уезжавших в экспедиции или за границу, выяснять, можно ли печатать депеши из-за границы в немецких «Санкт-Петербургских ведомостях», которые издавала Академия наук. Он составлял списки книг, с которыми следовало бы познакомить государя императора, отвечал на множество писем, поступавших в Академию не только от ученых, но и от любителей науки...

А. Ф. Миддендорф.

*(Иллюстрированный календарь
на 1868 г.)*

Стремясь упорядочить деятельность канцелярии непрерывного секретаря, чтобы оставалось время для исследований, Миддендорф уже в августе 1855 г. просил согласия коллег и вице-президента «назначить для взаимного свидания, переговоров и занятий в канцелярии преимущественно дневные послеобеденные часы». Для освещения канцелярии он приобрел «надлежащие снаряды»⁶⁹, так как в Петербурге осенью и зимой рано темнеет, и освещение в помещениях нередко требуется и днем.

Миддендорф получил разрешение перенести работу непрерывного секретаря на вторую половину дня. Однако это было неудобно коллегам, да и самому Миддендорфу не облегчило жизни. Во всяком случае в январе 1857 г. (не прошло и двух лет со времени избрания)

⁶⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1855. № 12. Л. 34.

Миддендорф обратился к общему собранию Академии наук с просьбой освободить его от обязанностей неперменного секретаря.

В записке, в которой излагалась эта просьба, Миддендорф отметил, что ему не удалось упростить дела в канцелярии, поэтому трудно было найти время для исследований: «не находя уже времени трудиться в пользу науки, — писал Миддендорф, — даже заметно отстаю, следя за успехами моего специального предмета — зоологии»⁷⁰. Он считал, что нужен помощник для ведения дел в канцелярии. Об этом уже шла речь при обсуждении проекта устава Академии, но так как вопрос о принятии нового устава будет решен нескоро, Миддендорф просил освободить его от обязанностей неперменного секретаря, тем более, что для окончания подготовки к изданию 4-го тома «Путешествия на север и восток Сибири» и так потребуется несколько лет.

Конференция очень быстро отреагировала на просьбу Миддендорфа. Была даже создана особая комиссия, которая обсуждала вопрос, как организовать работу канцелярии, чтобы неперменный секретарь «мог при отправлении своей должности не оставлять научных занятий»⁷¹. Уже в марте Д.Н. Блудов распорядился до утверждения нового устава принять в канцелярию «по вольному найму» чиновника и одного писца⁷², что и было тогда же сделано.

Однако Миддендорф, видимо, твердо решил избавиться от обязанностей неперменного секретаря. К тому же обострилась одна из его болезней, и он потерял голос. В начале мая 1857 г. Миддендорф писал Блудову, что у него продолжается «воспаление гортани», и врачи считают, что ему необходимо отправиться за границу на воды «для предотвращения опасности гортанной чахотки». Так как для лечения необходимо было уехать из России по крайней мере на четыре месяца, Миддендорф просил либо о длительном отпуске, либо об увольнении из Академии⁷³.

Блудов, который высоко ценил Миддендорфа как ученого, не захотел, чтобы тот ушел из Академии. Он выхлопотал у министра народного просвещения разрешение на длительный отпуск

⁷⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1857. № 9. Л. 4 об.

⁷¹ Там же. Л. 6.

⁷² Там же. Л. 10–10 об.

⁷³ Там же. Л. 12 об.

и даже позаботился о том, чтобы Миддендорф смог уехать в Европу ближайшим пароходом⁷⁴.

На курорте в Германии, где лечился Миддендорф, у него, помимо воспаления гортани, обнаружили «болезненное состояние печени и сердца», и врачи, опасаясь «почти верной гибели», запретили ему переутомляться⁷⁵. Поэтому после возвращения в Петербург 2 октября 1857 г. Миддендорф вновь обратился к Блудову с просьбой об увольнении с должности непременного секретаря, но просил разрешения остаться членом Академии для завершения своего труда⁷⁶. Блудов удовлетворил просьбу Миддендорфа, и через месяц (1 ноября) непременным секретарем был избран К.С. Веселовский, который вполне дружелюбно относился к Миддендорфу, но очень критически оценивал его деятельность на этом посту. По словам Веселовского, Миддендорф был «наименее создан и подготовлен для такой деятельности»⁷⁷.

Миддендорф, конечно, не был «создан» для должности непременного секретаря (подобно П.Н. Фусу и самому К.С. Веселовскому, более 40 лет остававшемуся на этом посту). Но все же Миддендорф не так плохо выполнял свои обязанности, как можно заключить из слов Веселовского. Отмечая, что длительное время замещал Миддендорфа в 1856 и 1857 гг.⁷⁸, Веселовский знал, что Миддендорф не выполнял свои обязанности непременного секретаря по уважительным причинам. В 1856 г. его пригласили принять участие в работах по созданию нового кавалерийского устава. Этим уставом Миддендорф занимался не по собственной инициативе и с разрешения президента Академии наук⁷⁹. В 1857 г. Миддендорф долго отсутствовал, так как уезжал лечиться за границу. Причем, уже будучи больным, он до самого отъезда выполнял функции непременного секретаря.

⁷⁴ Там же. Л. 15.

⁷⁵ Там же. Л. 22–22 об.

⁷⁶ Там же. Л. 20–21.

⁷⁷ *Веселовский К.С.* Время президентства... С. 497, 502. По мнению Веселовского, главным доказательством плохой работы Миддендорфа на посту непременного секретаря, было то, что тот перенес канцелярские дела на вторую половину дня, а также, что помощник Миддендорфа не всегда оставлял копии писем, которые отправлялись от имени Академии наук. Когда Веселовский попенял Миддендорфу за эту оплошность, тот ответил: «И, батенька, все мы и всё, нами писанное, потонет в лете забвения; не стоят они [эти бумаги] сохранения» (Там же. С. 502).

⁷⁸ Там же. С. 503.

⁷⁹ СПФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1–1856. № 545. Л. 2–3.

На непродолжительное время Миддендорфу пришлось оставить свой пост и в начале февраля 1856 г. Он получил сообщение о том, что его отец при смерти, и поспешил в Пэрафер. Об этом мы узнаем из письма Д.Н. Блудова, который 4 февраля 1856 г. просил санкт-петербургского губернатора срочно выдать Миддендорфу подорожную без официального полицейского свидетельства: «Миддендорф получил известие, что его отец, находящийся на жительстве в Лифляндской губернии, тяжело болен. Ему необходимо ехать туда немедленно, ибо несколько часов промедления могут лишить его утешения застать отца в живых»⁸⁰. Неизвестно, успел ли Миддендорф проститься с отцом, но эта смерть была для него большим горем.

Освободившись в конце 1857 г. от обязанностей непременно секретаря, Миддендорф принялся за подготовку к изданию четвертого тома труда о результатах своего путешествия. Если раньше основное внимание Миддендорф уделял зоологии, то теперь он занялся также проблемами географии, геологии, ботаники и этнографии. Для того, чтобы систематизировать собранные во время экспедиции материалы, необходимо было изучить и огромное количество литературных источников — как о предшествующих исследованиях, относящихся к Сибири, так и опубликованных после окончания его экспедиции.

Болезни и не очень благоприятная обстановка в Академии наук привели Миддендорфа к решению расстаться с Академией. В конце 1859 г. он писал в Физико-математическое отделение и президенту, что из-за расстроенного здоровья должен надолго уехать из Петербурга и в связи с этим готов подать в отставку. Однако Блудов считал, что проблему можно решить иным путем. Он обратился к министру народного просвещения (Е.П. Ковалевскому) с просьбой разрешить Миддендорфу жить вне Петербурга. «Ученые заслуги и польза, принесенная им Академии, при коей он состоит более 15 лет весьма деятельным членом,— писал Блудов,— содействуют такое к нему снисхождение весьма справедливым, тем более, что началом болезненного расстройства, коим он страдает, он обязан своему сибирскому путешествию, во время которого он подвергся сильной простуде и едва не лишился жизни»⁸¹. Блудов

⁸⁰ Там же. № 540. Л. 6.

⁸¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1857. № 9. Л. 28 об. – 29.

обращал также внимание министра на то, что Миддендорф должен завершить описание Сибирской экспедиции, а академическая служба не требует «постоянного пребывания в месте службы».

По всеподданнейшему докладу министра Миддендорф получил разрешение Александра II жить вне Петербурга из-за расстроенного здоровья. 28 марта 1860 г. П.И. Кёппен писал Миддендорфу: «Сейчас городская почта принесла мне радостное известие, что Вам и мне разрешено жить вне Петербурга, оставаясь академиками. Высочайшее разрешение утверждено 24 марта»⁸².

60-е годы

Покинув Петербург, Миддендорф неоднократно должен был приезжать в столицу по самым разным делам, а также для подготовки к изданию 4-го тома труда о Сибирской экспедиции. В 1859 г. были напечатаны немецкий вариант первого отдела этого тома, а также атлас карт. В отчете Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за этот год К.С. Веселовский отметил: «Печатаемый ныне последний том содержит в себе общие выводы из специальных исследований по разным частям естествознания, изложенных во всей подробности в первых трех томах, и представляет сверх того не только историю путешествия, но и критический обзор всей литературы о Сибири. Цель автора состояла здесь в том, чтобы выводы собственных его местных изысканий пояснить исторически и связать с известиями других путешественников и писателей»⁸³. Затем Веселовский регулярно сообщал о подготовке к изданию очередных отделов 4-го тома труда Миддендорфа и при этом подробно излагал их содержание.

В 1860 г. увидели свет первый отдел 4-го тома («География») русского издания «Путешествия на север и восток Сибири» и второй отдел на немецком языке (на русском языке он был опубликован в следующем году). Второй отдел был посвящен орографии

⁸² ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 30.

⁸³ ЖМНП. 1860. Ч. 105. Отд. III. С. 6.

и геологии («геогнозии»). Миддендорф представил общий характер рельефа Восточной Сибири, а также рассмотрел результаты геотермических наблюдений и явления, связанные с мерзлыми почвами. Особое внимание он уделял описанию процессов образования рек и озер в условиях вечной мерзлоты.

Третий отдел 4-го тома на немецком языке, включавший описание климата, вышел в свет в 1861 г. Как отметил Веселовский, общий обзор климатических условий был необходим для дальнейших исследований о растительности и животном мире Сибири. По словам Веселовского, Миддендорф представил «общую картину всех нынешних познаний о климатологии Сибири», существенно дополнив фактические данные о различных явлениях, и вместе с тем указал на те «огромные пробелы, которые предстоит еще пополнить в этой части физического познания земного шара»⁸⁴. В 1862 г. отдел о климате был опубликован и на русском языке, а в конце того же года Миддендорф представил в Академию для немецкого издания рукопись следующего отдела своего труда, посвященного растительности Сибири.

В феврале 1864 г. умер Д.Н. Блудов. Президентом Академии наук был назначен вице-председатель Русского географического общества Ф.П. Литке. 6 марта он как президент был представлен общему собранию Академии (с 1829 г. Литке — член-корреспондент Академии наук, с 1855 г. — ее почетный член). Вскоре он получил письмо Миддендорфа, написанное 10 марта, в котором тот просил об отставке, полагая, что его место может быть отдано другому более молодому ученому.

Литке был знаком с Миддендорфом со времени его возвращения из экспедиции. О дружеских отношениях между ними свидетельствует уже то, что Миддендорф пригласил Литке на свою свадьбу в 1850 г. Когда в 1857 г. Миддендорф вернулся из Европы, где лечился, Литке писал ему: «Добро пожаловать в П[етер]бург, дорогой друг и сосед». Сохранилась также записка Литке, в которой он приглашает Миддендорфа «пожаловать откушать /.../ в бесцеремонном кружке приятелей»⁸⁵.

О дружеском отношении Литке к Миддендорфу свидетельствует и ответ Литке на упомянутое письмо: «Почтеннейший

⁸⁴ Зап. АН. 1862. Т. 1. Кн. 1. С. 6–7.

⁸⁵ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 76, 84, 92.

Александр Федорович, Президент Академии наук имел удовольствие получить приятное письмо Ваше от 10-го м[арта]. Но будучи очень занят и зная старинные дружеские отношения наши, поручил мне отвечать вместо него и выразить, как приятно ему было найти в этом письме знак той же благосклонной приязни, которую Вы ему всегда и прежде оказывали. Удаление Ваше из Петербурга считает он потерей и для Академии, и для науки, а еще более предположение Ваше передать место Ваше другому ... (тут в письме Вашем встречается выражение *einem Würdigeren* [более достойному], с которым Президент не может согласиться). Но в уверенности, что каждый шаг Ваш основан на глубоко обдуманых мотивах, ему остается только сожалеть об этом, в полной, впрочем, надежде, что собраты Ваши по Академии не лишатся через то содействия и сотрудничества Вашего на общем поле науки»⁸⁶.

Содержание письма на первый взгляд весьма странно — Литке говорит от имени президента, хотя сам в это время и был президентом. Вероятно, Литке избрал такую форму письма потому, что, оказавшись в должности начальника Миддендорфа, не хотел, чтобы тот почувствовал дистанцию между ними. Письмо имеет две части, причем обе части («от имени президента» и «от себя») выразительно характеризуют не только адресата, но и автора письма: «Исполнив поручение Президента, скажу и от себя, почтеннейший Александр Федорович, что отсутствие Ваше из П[етер]бурга есть большое лишение для всех друзей Ваших и, в особенности, для меня, находившего так много наслаждения в поучительной вашей беседе. Интересные вторичные Ваши кружки оставили незаменимый доселе пробел, по крайней мере, для меня. — Собираются и у меня... Но все не то»⁸⁷.

Неизвестно, как отреагировал на это письмо Миддендорф, но вопрос о его увольнении обсуждался в Министерстве народного просвещения только в самом конце года. Министром тогда стал А.В. Головин, который сообщил Литке, что Миддендорф просил зачет ему для получения пенсии срок службы в университете Св. Владимира в Киеве, а также, чтобы в качестве прибавки к пенсии были сохранены 400 рублей, которые в 1845 г. прибавили к его

⁸⁶ Там же. Л. 95–95 об.

⁸⁷ Там же. Л. 95 об. —96.

окладу по высочайшему повелению. Поддержав просьбы Миддендорфа, Литке нашел нужным особо подчеркнуть: «Что же касается до просьбы г. Миддендорфа об обращении ему в прибавок к пенсии пожизненно получаемого ныне оклада в 400 рублей в год за Сибирскую экспедицию, то в уважение оказанных г. Миддендорфом в этом путешествии важных услуг науке и познанию столь важной страны, как присоединенный вскоре затем к Российской империи Амурский край, а также принимая во внимание трудности и даже опасности, с которыми было сопряжено это путешествие, я полагаю, что эта просьба могла бы быть повергнута на Всемиловитивейшее воззрение Государя Императора»⁸⁸.

Переписка по этому поводу продолжалась и в 1865 г. И лишь 16 марта Литке сообщил Миддендорфу: «Государь Император высочайше соизволил на увольнение» с полной академической пенсией в 1429 рублей 60 копеек, соответствовавшей окладу, и пенсия будет производиться с 8 марта (даты высочайшего соизволения). Но Александр II не считал нужным сохранить надбавку — вероятно, по формальным признакам — она была дана лишь на время службы в Академии наук. 5 ноября 1865 г. Миддендорф был избран почетным членом «с правом присутствия на всех заседаниях Конференции наравне с действительными членами Академии»⁸⁹.

Выйдя в отставку, Миддендорф не порвал отношений с Академией, хотя они и не были систематическими. Он сообщал о своих научных исследованиях, представлял Физико-математическому отделению новые работы, изредка выступал с докладами на его заседаниях. Миддендорф продолжал готовить к изданию очередные отделы четвертого тома труда о Сибирской экспедиции. Многочисленные обязанности оставляли мало времени для этой работы. В своем труде о путешествии Миддендорф отметил: «Условия, при которых я живу уже несколько лет сряду, привели к большим замедлениям в издании выпусков предлежащего путешествия. Они даже лишают меня возможности следить за зоологической литературой. Свободное время мое раздроблено, библиотеки у меня нет под рукою; наконец, наступило и бремя прожитых лет. Несколько исследований, написанные в это время по разным случаям, пока-

⁸⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. № 399. Л. 4–4 об.

⁸⁹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. № 78. Л. 21 об.

зывают, куда отвлекали меня обстоятельства. Я посетил тропики, изучал морские течения в Ледовитом океане между Новой Землей и Исландией, исследовал Барабинскую степь внутри Сибири, производил практические наблюдения и в особенности опыты скрещивания рогатого скота и т.п.»⁹⁰.

В письмах к детям Миддендорф неоднократно сообщал о ходе работы и о том, как ему трудно было отыскать для нее большой отрезок свободного времени. Например, 6 января 1872 г. Миддендорф писал дочери: «Из Ревеля /.../ поеду на два месяца в Петербург, чтобы работать над моим путешествием, так как здесь — из-за изобилия дел — работа [над рукописью] совершенно остановилась. Но долг чести требует, чтобы я закончил до тех пор, пока не стану слишком дряхлым. И уже теперь мне трудно писать. Поэтому должен торопиться»⁹¹. В письме Миддендорфа к сыну (24 марта 1873 г.) читаем: «Итак, через неделю вы будете у меня! Это радость. В ожидании этого я работаю над моим путешествием с раннего утра до позднего вечера, не показываясь во дворе»⁹².

⁹⁰ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1877. Ч. II. Отд. V. С. 451.

⁹¹ A. Th. v. Middendorff an H. v. Middendorff, Hellenorm, 6. Januar 1872 // PAWL.

⁹² Middendorff's Hellenormer Briefe. Livland (1847–1894). S. 142. (Рукопись сост. Аннелизель Миддендорф. Giessen, 1996).

Семья и друзья

Семья

12 апреля 1850 г. в Петербурге состоялась свадьба Миддендорфа. Его женой стала Гедвига Гиппиус — дочь К.-Ф. Гиппиуса, управляющего имениями графа А.Г. Кушелева-Безбородко¹. (Позже Гиппиус служил в канцелярии императрицы Марии Фёдоровны). Семейство Гиппиус, в котором соединились немецкие и шведские корни, в 1822 г. переселилось из Эстляндии в Петербург, где в 1825 г. и родилась Гедвига. Она, как и ее сестры, получила домашнее образование, владела немецким, русским, английским, французским и эстонским языками, рисовала, а также занималась музыкой. По сведениям современников, Гедвига была очень красивой, умной и приветливой женщиной, и к тому же — превосходной хозяйкой, которую высоко ценили в разных кругах Петербургского общества². Сохранилось письмо К.М. Бэра, который в начале февраля 1848 г. писал Ф.П. Врангелю: «Гедвигу Гиппиус мы снова видели в расцвете ее красоты»³.

Кстати, Бэр невольно содействовал знакомству Миддендорфа и Гедвиги. Именно он был инициатором обеда в честь счастливого возвращения Миддендорфа из Сибири и в качестве главного

¹ *Lackschewitz Th.* Vorfahren und Nachkommen der Hedwig Elisabeth von Hippus geb. Boustedt 1797–1871. Köln, 1962. S. 15.

² *Lackschewitz Th.* Vorfahren... S. 17; *Hurt J.* Kurzer Überblick die Amtszeit des Pastors Jakob Hurt zu Odenpäh von 1872–1880 // ЕКМ ЕКЛА. Коопиад. № 3:5. Л. 10.

³ Переписка Карла Бэра по проблемам географии / Публикация, перевод и примечания Т.А. Лукиной Л., 1970. С. 240.

организатора пригласил друга своей юности К.-Ф. Гиппиуса⁴. Вскоре после этого, 17 апреля 1845 г., на ужине в доме К.-Ф. Гиппиуса Миддендорф познакомился с его дочерью Гедвигой. Один из гостей, приглашенных на ужин, в этот день писал жене: «Сегодня я буду есть у Гиппиуса вместе с Бэром, Гофманом и молодым Миддендорфом, который возвратился из Сибири и предмет всеобщего внимания»⁵. Можно предположить, что и юную Гедвигу (ей было тогда 20 лет) заинтересовал «предмет всеобщего внимания». Миддендорф тоже не остался равнодушным к молодой особе «в расцвете ее красоты». Так началась их любовь⁶.

Александр и Гедвига счастливо прожили вместе 18 лет. У них было две дочери (Гедвига и Кристина) и три сына (Эрнст, Карл и Макс). Еще один сын умер вскоре после рождения. Карл, родившийся в 1852 г., в девятнадцать лет скончался от туберкулеза в Карлсбаде⁷.

В 1868 г. после длительной тяжелой болезни жена Миддендорфа скончалась, и ему пришлось одному воспитывать своих детей, которых он чрезвычайно любил. Миддендорф постоянно о них заботился, рассказывал сказки и разные интересные истории, интересовался их делами и брал с собой, путешествуя по России или по Европе (даже по делам службы). Так как Миддендорф имел много разнообразных обязанностей, младшим детям нередко приходилось жить

⁴ СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 30; Переписка Карла Бэра... С. 215.

⁵ ЕАМ. Ф. 66. Оп. 1. № 104.

⁶ Об их бурном романе свидетельствуют некоторые карикатуры приятеля Миддендорфа художника Р.К. Залемана, которые сохранились в частном архиве Вольфа Лакшевица в Швеции (PAWL).

⁷ *Lackschéwitz Th. Vorfahren...* S. 17; *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe. Livland (1847–1894).* [Рукопись]. Giessen, 1996. S. 68.

*Гедвига Миддендорф — жена
А.Ф. Миддендорфа (РАВУМ)*

Р.К. Залеман — «О, какое счастье быть отцом!» 1854 г. (PAWL)

у бабушки и дедушки (родителей жены), у тети (Паулины Шиллинг, сестры жены), у друга Миддендорфа Н. Вилькена, у жены астронома Л.Э. Шварца⁸, у дочери Бэра М. Линген. Миддендорф очень скучал без детей и писал им длинные письма. Из них видно, что он знал о мельчайших подробностях жизни детей и, в свою очередь, тщательно описывал события, которые могли их интересовать. Во второй половине жизни он часто подписывал свои письма не «Papa», а «Alter» (старик).

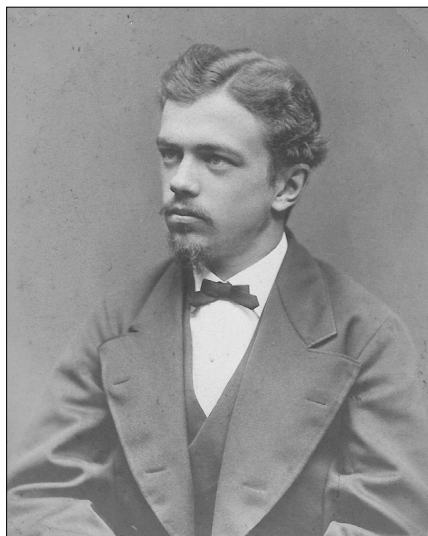
Старшим сыном Миддендорфа был Эрнст, который родился в 1851 г. в Петербурге. Уже в детстве он (как отец и младшие братья) очень любил охотиться. Впоследствии домашний учитель семейства Миддендорфа вспоминал: «Сыновья [Миддендорфа], мои ученики, были настоящие немвроды [страстные охотники], которые все свободное от учебы время почти без исключения посвящали охоте»⁹.

⁸ Художница Ю. Гаген-Шварц (жена Л.Э. Шварца), очень любила детей Миддендорфа. После смерти Карла Миддендорфа на основе фотографии она написала его портрет. За это А.Ф. Миддендорф сердечно ее благодарил. (A. Th. v. Middendorff an J. Hagen-Schwarz, Dorpat, 23. April 1872 // ТКМ. Мapp 15).

⁹ *Hurt J. Kurzer Überblick... // ЕКМ ЕКЛА. Koopiad. № 3:5. Л. 10.*

В 1869 г. Эрнст поступил на физико-математический факультет Дерптского университета. Сначала он большое внимание уделял химии, а затем сельскому хозяйству. Так как Эрнст должен был стать наследником родового имения отца, ему полезно было получить знания, которые могли пригодиться для деятельности в этой области. Еще до университета отец старался приобщить Эрнста к хозяйственным заботам в Гелленорме. Во время учебы в Дерптском университете Эрнст всей душой наслаждался радостями студенческой жизни, но мало интересовался учебой. К тому же он тратил очень много денег, что не нравилось отцу. Миддендорф считал, что прежде, чем дети не начнут зарабатывать деньги, они не должны их широко тратить — «выбрасывать». Он постоянно давал Эрнсту разные советы, упоминая о долге перед семьей и необходимости прислушиваться к советам отца. В 1872 г., когда Эрнста пригласили стать председателем студенческого землячества «Лифляндия», Миддендорф не разрешил ему принять эту должность, считая, что она помешает Эрнсту вовремя закончить университет. Между тем Миддендорф хотел, чтобы старший сын скорее освободил его от части хозяйственных дел в имении, и в связи с этим писал сыну: «Пока молодой мужчина не может существовать на собственные деньги, он должен каждый час помнить о своих обязанностях»¹⁰.

В 1874 г. Эрнст окончил университет, а в январе 1876 г. состоялась его свадьба. Женой Эрнста стала Мэри — дочь самого близкого друга Миддендорфа Николая Вилькена. Молодые поселились

*Эрнст Миддендорф —
старший сын Миддендорфа
(РАВУМ)*

¹⁰ *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe...* S. 126, 128–129. Хотя Эрнсту было уже 22 года, отец составил таблицу, из которой следовало, на что и сколько часов в день должен тратить время молодой человек, противопоставляя это тому, на что, по его мнению, тратил время сын.

Карл Миддендорф — средний сын Миддендорфа (Из книги «Julie Hagen-Schwarz, 1824–1902». Lüneburg, 1990. S. 65)

в Гелленорме, у них было четверо детей. По мнению Миддендорфа, Эрнст, который отличался сердечностью и доброжелательностью, занимался хозяйственными делами Гелленорма не очень успешно, что очень тревожило отца. Родовое имение должно было обеспечивать доходами всех детей Миддендорфа, а также семью его сестры Аннет. Между тем Эрнст брал многочисленные кредиты и поэтому денег для других членов семейства не хватало. Миддендорфу постоянно приходилось вмешиваться в деятельность Эрнста.

Федор Иванович на смертном одре просил сына не продавать земли родового имения, и Миддендорф ему это обещал.

Однако к началу 80-х годов продажа земли оказалась единственным средством, чтобы поправить денежные дела в Гелленорме. В 1882 г. Миддендорф решил нарушить данное отцу обещание. Он продал часть земель и передал Эрнсту права на владение родовым имением, хотя и оставался его официальным владельцем до конца жизни¹¹.

Все сыновья Миддендорфа любили охотиться на птиц, а затем стали заниматься орнитологией. Наиболее значительных результатов в этой области зоологии достиг Эрнст. По мнению эстонского орнитолога Э. Кумари, Эрнст был пионером в области изучения миграции птиц в Прибалтийских губерниях. И именно он впервые в этих губерниях организовал сеть станций для наблюдений за перелетами птиц, которые теперь называются орнитофенологическими. Эрнст опубликовал немного статей по орнитологии, но имел крупную коллекцию шкурок птиц, часть которой до сих пор хранится в Зоологи-

¹¹ Там же. S. 262–283; ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 110. Л. 1–2 об.

ческом музее Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, а другая — в Зоологическом музее Берлинского университета.

Эрнст был избран членом нескольких орнитологических обществ Европы (в том числе Международного орнитологического комитета) и стал вице-президентом Международного съезда орнитологов в Будапеште в 1891 г. Современные орнитологи считают Эрнста одним из первых профессиональных орнитологов Эстонии¹². Кроме того, Эрнст изучал рыб и даже был председателем Лифляндского отделения Русского общества рыболовства. Скончался Эрнст в Гелленорме в 1916 г.

Гедвига родилась в Петербурге в 1854 г. Миддендорф любил ее больше других детей, о чем свидетельствуют его чрезвычайно трогательные письма¹³. Она постоянно болела, часто простужалась, у нее было тяжелое заболевание глаз (долго не могли поставить диагноз), поэтому много времени ей приходилось проводить на курортах Германии. Миддендорф нередко не только сам сопровождал Гедвигу на курорт, но и путешествовал с нею в другие места и вообще старался доставлять дочери разные удовольствия.

Так, в 1866 г. он искал для Гедвиги и Кристины собаку. Из Штеттина Миддендорф писал: «Ваши Высочества, мои ласковые и терпеливые принцессы! Посылаю отчет Вашего покорнейшего слуги

*Гедвига Миддендорф —
старшая дочь Миддендорфа
(РАВМ)*

¹² Kumari E.V. Russowi ja E. Middendorffi ornitoloogilise tegevusest ja nende tähtsusest Baltimaade linnustiku uurijana [Орнитологическая деятельность Ф. Руссова и Э.А. Миддендорфа и ее значение для исследования фауны птиц Прибалтики] // Eesti Looduseuurijate Seltsi Aastaraamat. 1955. T. 48. C. 47–58.

¹³ Эти письма хранятся в частном архиве В. Лакшевица (PAWL) в Швеции и охватывают период с 1864 г. до года смерти Миддендорфа.

об экспедиции за собакой (пинчер). Мне доставляет большое удовольствие сообщить, что после того, как я оставил Силезию и Бреслау /.../, где невозможно было найти ни одной подходящей собачки, стал я находить маленьких собачек только выехав из Франкфурта на Одере в Штеттин. /.../ Здесь в Штеттине я уже вышел на след одного пинчера, очень смышлен, ему полгода, коричневого цвета, не очень красив, но и не безобразен; однако к сожалению, и не так безобразен, чтобы считать его красивым. В том, что Ваш преданный раб сделает все, что в его силах, Вы можете быть уверены. С высочайшим смирением любящий Вас руководитель экспедиции за собаками, включая пинчеров, даже скверных»¹⁴.

Гедвига долго не выходила замуж и посвятила свою жизнь отцу, которого очень любила. С 1876 г. Миддендорф с Гедвигой и Кристиной жил в Пэрафере, и Гедвига управляла хозяйством имения.

*Кристина Миддендорф —
младшая дочь Миддендорфа
(РАВvМ)*

В 1885 г., когда Миддендорф тяжело заболел, он вернулся в Гелленорм и стал жить в семье Эрнста. Гедвига приезжала туда навещать отца и именно в Гелленорме встретила со своим будущим мужем — врачом и энтомологом Паулем Лакшевицем, который лечил Миддендорфа летом 1889 г.¹⁵ Свадьба Пауля и Гедвиги состоялась незадолго до смерти Миддендорфа в июне 1893 г. в Царском Селе в доме Н.Г. Шиллинга (дяди Гедвиги). Затем семья переехала в Либаву¹⁶. В 1913 г. Гедвига разошлась с мужем и после этого жила то в Петербурге, то в Царском

¹⁴ А. v. Middendorff an H. v. Middendorff, Stettin, 7. Mai 1866 // PAWL.

¹⁵ Письма П. Лакшевица 1889 года к Максусу из Гелленорма находятся в частном архиве В. Лакшевица (PAWL).

¹⁶ *Lackschéwitz O. Das Geschlecht Lackschéwitz aus Ladse in Kurland nebst weiteren Stammen gleichen Namens // Baltische Ahnen – und Stammtafeln. Sonderheft 21. Hamburg, 2001. S. 24.* Либава — тогда город в Курляндской губернии, теперь Лиенава в Латвии.

Селе¹⁷. У Гедвиги и Пауля было трое детей. После революции 1917 г. Гедвига переехала в Гелленорм, где и умерла в 1929 г.

Кристина (Китти) родилась в 1858 г. в Петербурге. Сведения о ней очень мало. Известно лишь, что в 1879 г. она вышла замуж за врача Фрица Вальтера — сына профессора акушерства, хирургии и глазных болезней Дерптского университета. Свадьба состоялась в Гелленорме. Вальтеры поселились в Альт-Лайцене в Лифляндии, где муж Кристины приобрел имение. Некоторое время Вальтер работал врачом в городе Верро. Брак был бездетным. Китти умерла в 1928 г. в Тарту¹⁸.

*Макс Миддендорф —
младший сын Миддендорфа
(РАVМ)*

Макс родился в 1861 г. в Гелленорме и, вероятно, получил свое имя в память о брате, скончавшемся 1856 г. через шесть недель после рождения. Когда сын подрос, Миддендорф иногда брал его с собой в поездки по России. Например, будучи гимназистом, Макс сопровождал отца во время его путешествия в Туркестан. Мы не знаем, сам ли Макс захотел отправиться в это путешествие или ему предложил отец. Однако сохранился любопытный «документ», придуманный Миддендорфом. В ноябре 1876 г., когда вопрос о самой экспедиции еще не был окончательно решен, он заключил «контракт» с сыном. Согласно этому «контракту», тот должен был научиться тщательно умываться, рисовать и готовить пищу, а также хорошо учиться в гимназии. И если Макс выполнит все эти условия, он сможет отправиться в экспедицию¹⁹. Вероятно, Макс выполнил договор, так как в 1878 г. он побывал в Туркестане.

¹⁷ *Lackschéwitz Th. Vorfahren...* S. 23.

¹⁸ Там же. S. 17–18.

¹⁹ A. Th. v. Middendorff. Kontrakt. Pörrafer, 26. November 1876 // PAWL.

Макс изучал медицину в Дерптском университете (1880–1888). Переписка Миддендорфа с Максом в эти годы свидетельствует о том, что Миддендорф неоднократно давал ему, как и старшему сыну, наставления, как аккуратно обращаться с деньгами. Став специалистом по глазным болезням, Макс некоторое время практиковал в Петербурге, а с 1890 г. — в Ревеле. В 1893 г. вместе с несколькими коллегами он основал в Ревеле глазную клинику, где работал до конца жизни²⁰. Женился Макс в 1890 г. в Дерпте на Эллен — дочери скульптора Франца Гуиллемо де Виллебуа. У них было четверо детей.

Сын и отец имели весьма сходные характеры. Макс тоже был целеустремленным человеком, «упрямым, когда речь шла о справедливости и верности убеждений»²¹. В последние годы жизни Миддендорфа Макс часто ему писал, приезжал в гости и своим вниманием пытался облегчить его страдания. Умер Макс в Таллинне в 1926 г.

Друзья и родственники

Миддендорф был чрезвычайно общительным человеком, и многие из тех, с кем он общался, становились его друзьями. У Миддендорфа были друзья в Дерптском университете и в университете Св. Владимира в Киеве, дружеские отношения установились также со спутниками по Сибирской экспедиции и с некоторыми коллегами по Академии наук, друзьями Миддендорфа становились и его родственники.

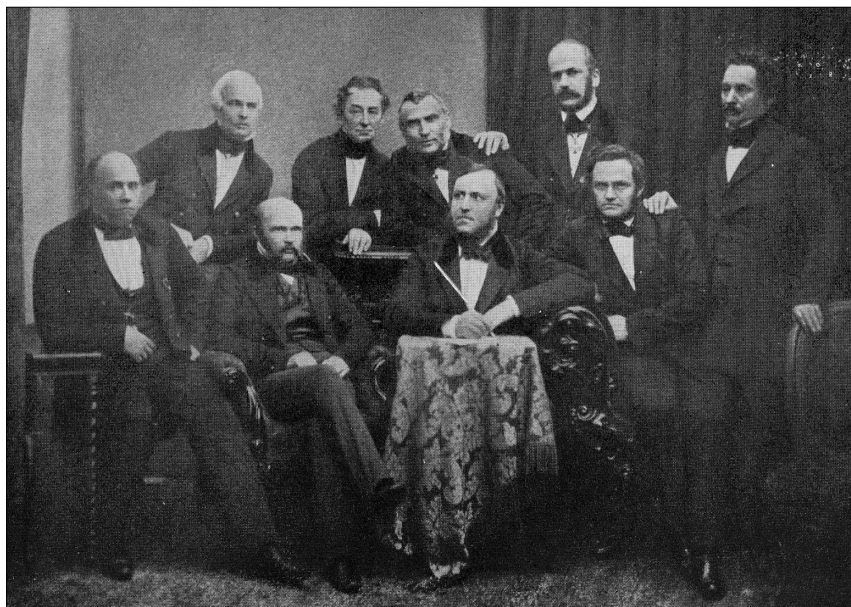
Другом детства Миддендорфа был Карл Линген²², который одновременно с Александром учился медицине в Дерптском университете. В Петербурге Миддендорф и Линген часто встречались. После возвращения из Сибири Миддендорф плохо себя чувствовал, и Линген давал ему разные советы для укрепления здоровья. Друзья принимали участие в работе кружка немецких врачей в Петербурге²³.

²⁰ *Lackschewitz Th. Vorfahren...* S. 27.

²¹ Там же. S. 28.

²² *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe...* S. 385.

²³ Миддендорф бывал на заседаниях объединения врачей, которое называлось Пироговским (*Pirogoff'scher Verein*). Сохранилась фотография членов этого объединения, на котором

Группа Pirogoff'scher Verein. 1848–1849 гг. Сидят: второй слева — Н.И. Пирогов, первый справа — А.Ф. Миддендорф (Из книги «Николай Иванович Пирогов и его наследие. Пироговские съезды». СПб., 1911)

К.М. Линген многие годы был главным врачом больницы Марии Магдалины, а также домашним врачом многих академиков²⁴. В 1847 г. он стал ходить на вечера, которые по пятницам происходили у К.М. Бэра. На этих вечерах Линген познакомился с дочерью Бэра Марией и влюбился. Как позже вспоминал сам Линген, это стало темой пересудов в академических кругах, однако он долго не мог набраться смелости сделать предложение. Для решения «проблемы» Миддендорфу пришлось «принять меры». Он сказал Лингену, что тот не сможет больше ходить на вечера Бэра, так как ставит в неловкое положение и Марию, и ее отца. Лингену пришлось побороть

изображены молодые Пирогов и Миддендорф (Николай Иванович Пирогов и его наследие. Пироговские съезды. СПб., 1911). Миддендорф был знаком с Н.И. Пироговым еще во время учебы в университете — сдавал ему один из экзаменов. (Калнин В. Годы учения А. Миддендорфа в Тартуском университете // Изв. АН ЭССР. 1966. Т. 15. Сер. биологич. № 2. С. 243). В. Калнин обнаружил в архиве Миддендорфа письма, из которых следует, что он поддерживал отношения с Пироговым и в Петербурге. (Там же. С. 241).

²⁴ ЕАМ. Ф. 108. Оп. 1. № 1. Л. 69.

свою застенчивость и просить у Бэра руки его дочери, а Миддендорф «создал условия» для разговора друга с академиком.

После того как в 1849 г. состоялось обручение, Миддендорф однажды внезапно появился у дома Бэра — в санях, запряженных оленями, и в якутской одежде. По приглашению Миддендорфа Карл и Мария сели в сани, Миддендорф — на место кучера, и в сопровождении нескольких друзей и настоящих якутов (которые в то время находились в Петербурге) кавалькада проехала через весь Петербург²⁵.

Свадьба Лингена и Марии состоялась в феврале 1850 г. (за два месяца до свадьбы Миддендорфа). Отмечая последний вечер холостяцкой жизни друга, Миддендорф сочинил для него длинное веселое стихотворение. Так как друзья называли Миддендорфа Мишкой, то в заглавии он писал, что Мишка своему другу «проревет стихотворение»²⁶. Впоследствии в Петербурге чета Лингенов неоднократно помогала Миддендорфу заботиться о его детях.

Самым близким другом Миддендорфа был Н. Вилькен. Они познакомились, вероятно, во время учебы в Дерптском университете. Из интересной переписки Миддендорфа с Вилькеном следует, что Миддендорф не скрывал от него даже самые сокровенные стороны своей жизни. Например, мы узнаем, что одной из причин, по которой Миддендорф согласился стать руководителем Сибирской экспедиции, была его безответная любовь в Киеве. Миддендорф надеялся, что климат Сибири сможет охладить его сердце²⁷. В своих письмах Вилькен называл друга Мишкой или «Kohlspatz», т.е. капустным воробышком²⁸.

С Вилькеном, который успешно занимался сельским хозяйством в своем имении Чудлей в Эстляндской губернии, Миддендорф обсуждал как хозяйственные, так и политические проблемы, особенно касающиеся Прибалтийских губерний. Он неоднократно бывал у Вилькена в его имении, которое находилось на пути из Гелленорма в Петербург. После того как Миддендорф был избран президентом Лифляндского общепольного экономического общества, Вилькен стал его членом. На страницах журнала Общества он пу-

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 33. Оп. 1. № 33. Л. 76–81.

²⁶ Там же. Л. 1–9 об.

²⁷ A. Th. v. Middendorff an N. v. Wilken, St. Pbg., 20. Oktober 1842 // PABvM.

²⁸ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 15. Л. 114.

бликовал статьи о проблемах сельского хозяйства, а также активно поддерживал идеи Миддендорфа в области аграрной политики²⁹.

После путешествий по Лапландии и Сибири Миддендорф подружился с К.М. Бэром. Сначала они так часто общались, что, по словам Бэра, некоторые в Петербурге полагали, что Миддендорф — член его семьи³⁰. Для Миддендорфа Бэр стал наставником в науке, тогда как Бэр, несмотря на большую разницу лет (23 года), считал Миддендорфа ближайшим другом. В стихотворении, которое он посвятил Миддендорфу в день его свадьбы, Бэр писал: «Ты стал другом моей жизни, которого я так долго и напрасно ждал»³¹. Это был единственный раз, когда Бэр сказал Миддендорфу «Ты».

Бэр оказал большое влияние на научные представления Миддендорфа. Обширная переписка Бэра и Миддендорфа свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые расхождения взглядов, дружеские отношения между ними сохранялись до конца жизни Бэра. В 1864 г., когда праздновалось пятидесятилетие его научной деятельности, от имени Академии наук Бэра поздравил Миддендорф³².

В 1860 г. сестра жены Миддендорфа Паулина (Полли) вышла замуж за морского офицера Н.Г. Шиллинга. Не удалось выяснить, когда познакомились Миддендорф и Шиллинг. Однако известно, что они оба были преподавателями у сыновей императора Александра II. Миддендорф до 1859 г. преподавал естественные науки цесаревичу Николаю Александровичу³³, а Шиллинг с 1859 по 1872 г. был воспитателем великого князя Алексея Александровича и обычно сопровождал его во время путешествий³⁴. Однако в 1867 г. по Средиземному морю и Атлантическому океану, а в 1870 г. по Белому и Баренцеву морям с Алексеем Александровичем путешествовал Миддендорф.

²⁹ Там же. Ф. 1185. Оп. 1. № 410. Л. 3.

³⁰ К.Е. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, [St. Pbg.], 28. Dezember 1849 // DSHI 190 Estland 320.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 33. Оп. 1. № 33. Л. 71.

³² ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 42–45. Рукопись речи Миддендорфа о заслугах Бэра сохранилась в Отделе рукописей РНБ (Ф. 124. № 2799). Изданный в 1864 г. немецкий вариант отдела «Растительность» в четвертом томе своего труда о путешествии по Сибири Миддендорф посвятил К.М. Бэру: «Ставший старым ученик Мурманского берега, Таймыра и Амура — никогда не стареющему учителю» (*Middendorff A. Th. v. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. St. Pbg., 1864. Bd. IV. Th. 1*).

³³ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 20–26. В связи с совершеннолетием наследника престола (великого князя Николая Александровича) «за отличное усердие» Александр II пожаловал Миддендорфу в 1859 г. золотую табакерку, украшенную бриллиантами (РГИА. Ф. 472. Оп. 35. № 41. Л. 340–340 об.). Николай Александрович скончался в 1865 г.

³⁴ Общий морской список. СПб., 1900. Ч. XII. С. 325–329.

Во время поездок из Лифляндии в Петербург Миддендорф нередко останавливался в гостеприимном доме Паулины и Николая Шиллингов. В этом семействе (в Зимнем дворце и в Царском Селе) после смерти жены Миддендорфа часто гостили и его дети. Шиллинги, в свою очередь, иногда отдыхали в Гелленорме у Миддендорфа³⁵. Так как Шиллинг интересовался морскими течениями и природой Северного Ледовитого океана, а в 1870–1871 гг. возглавил комиссию Русского географического общества для разработки программы экспедиции в северные моря³⁶, Миддендорфу было интересно обсуждать с ним научные вопросы.

Родственником Миддендорфа стал и Э.В. Толль, который подружился с Эрнстом Миддендорфом, когда учился в Дерптском университете. В 80-х годах они оба часто бывали в гостях у Н. Вилькена. Эрнст был мужем старшей дочери Вилькена, а Толль в 1889 г. стал мужем его младшей дочери Эмми. Тогда Толль и познакомился с Миддендорфом. Из писем Миддендорфа к сыновьям можно узнать, что Толль неоднократно бывал в Гелленорме. В известной мере под влиянием Миддендорфа Толль стал полярным исследователем (он был участником трех экспедиций в северные области Восточной Сибири и две из них возглавлял). Из последней — Русской полярной экспедиции (1900–1902 гг.), отправившейся на поиски Земли Санникова, — он не вернулся. О гибели Толля сообщили его жене и Эрнсту Миддендорфу³⁷.

В Петербурге Миддендорф постоянно поддерживал дружеские отношения со многими выходцами из Прибалтийских губерний. Особенно он подружился с филологом-академиком О.Н. Бётлингом, библиотекарем великой княгини Елены Павловны

³⁵ *Schilling H. v., Tammiksaar E.* Nikolai Baron von Schilling (1828–1910) Seeoffizier und Wissenschaftler // *Jahrbuch des baltischen Deutschtums*, 1998. 1999. Bd. 56. S. 104.

³⁶ Там же. С. 115.

³⁷ *Сухова Н.Г.* Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках. СПб., 2013. С. 170–219. 11 февраля 1905 г. Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции Академии наук пришла к выводу, что не осталось надежды на отыскание Толля и его спутника Ф.Г. Зееберга, которые еще в 1902 г. отправились с Новосибирских островов для исследований острова Беннета. В связи с этим комиссия постановила «уведомить о гибели барона Э.В. Толля и Ф.Г. Зееберга страховое общество “Россия” и выдать удостоверение в том же баронессе Э.Н. Толль, г-ну Э.А. Миддендорфу и семье г. Зееберга в виде выписки из этого протокола». Этот протокол, сохранившийся в академическом архиве, обнаружил и опубликовал В.В. Синюков в книге «Александр Васильевич Колчак» (М., 2000. С. 201).

В. Геном и Г. Беркгольцом (тогда библиотекарем Публичной библиотеки, который впоследствии стал редактором известного прибалтийского журнала «*Baltische Monatschrift*»)³⁸. Этот «квартет» часто встречался в «Немецком клубе» (который находился в доме на углу Демидовского переулка и набережной Мойки), где по немецкой традиции имели «*Stammtisch*» (стол для постоянных посетителей)³⁹. Друзья играли в шахматы⁴⁰, пили пиво, активно и с юмором обсуждали волновавшие их темы⁴¹. В 60-х годах, после переезда Миддендорфа в Гелленорм, «квартет» распался, однако Беркгольд и Миддендорф довольно регулярно переписывались.

Бётлингк, Ген и Беркгольд были постоянными посетителями вечеров Миддендорфа. 8 ноября 1855 г. Миддендорф писал Ф.П. Врангелю: «Сегодня открывается ряд [моих] вечеров»⁴². На эти вечера, которые происходили по вторникам⁴³, собирались его друзья, коллеги, немцы, приезжавшие в Петербург из Прибалтийских губерний (прежде всего выпускники Дерптского университета), а также иностранные ученые. Вечера Миддендорфа собирали ученых, священников, юристов, врачей, библиотекарей, помещиков, чиновников. Это было место отдыха и дружеского общения, обсуждались проблемы, особенно волновавшие выходцев из Остзейских провинций,— положение науки в этих провинциях, вопросы языка, состояние лютеранской церкви в России, вопросы сельского хозяйства, отношение к лицам немецкого происхождения в российском обществе.

О вечерах Миддендорфа сохранились лишь краткие сведения. Но священник Г. Дальтон в книге своих воспоминаний посвятил вечерам целую главу⁴⁴. Дальтон подробно рассказывал о гостях Миддендорфа, которые оставили у него самые яркие впечатления.

³⁸ Г. Беркгольд был основателем собрания «*Rossica*» в Публичной библиотеке.

³⁹ *Schiemann Th.* Viktor Hehn. Stuttgart, 1894. S. 166–167.

⁴⁰ По мнению академика Ф.И. Видемана, игра в шахматы помогала Миддендорфу общаться с друзьями, когда он терял голос и мог говорить только шепотом. Чрезвычайно интересные воспоминания Видемана на немецком языке сохранились в архиве Эстонского исторического музея в Таллине (ЕАМ. Ф. 108. Оп. 1. № 1). К сожалению, эти воспоминания, в которых много сведений о жизни Петербургской академии наук 60–90-х годов XIX в., переведены только на эстонский язык (*Wiedemann F.J.* Mälestusi minu elust [Воспоминания моей жизни]. Tartu, 2014).

⁴¹ *Schrader O.* Viktor Hehn. Ein Bild seines Lebens und seines Werkes. Berlin, 1891. S. 29.

⁴² ЕАА. Ф. 2057. Оп. 1. № 467. Л. 36–36 об.

⁴³ В одном из своих писем к Миддендорфу Ф.П. Литке сожалел, что не смог побывать во вторник на его очередном интересном собрании (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 79).

⁴⁴ *Dalton H.* Lebenserinnerungen. Berlin, 1907. Bd. 2. S. 255–294.

«Свой гостеприимный дом, — вспоминал Дальтон, — Миддендорф сделал центральным пунктом для общения образованного мира Петербурга. В течение долгих зимних месяцев он приглашал большой круг своих друзей и коллег каждые четырнадцать дней на „вечера научной болтовни“, причисление к которым ценилось как привлекательное отличие. За столом собирались в восемь часов. Хозяин заранее просил одного из гостей сделать доклад на тему его занятий, который был бы всем интересен. Доклад, сопровождавшийся чашкой чая и пуншем, побуждал к оживленной беседе, которая позже превращалась в уютную болтовню, кончавшуюся часто только к полуночи»⁴⁵. Некоторые из этих докладов, по словам Дальтона, были тщательно подготовлены и иногда использовались для дальнейших исследований и публикаций⁴⁶.

1 марта 1860 г., после того как стало известно, что Миддендорф уезжает из Петербурга, друзья собрались у него в последний раз. Миддендорф выступил с докладом о роли муравьев в природе⁴⁷. Свое выступление он начал словами: «С чувством глубокого сожаления думаю я о том, что наступил последний столь приятный для меня вечер». Чтобы отметить исключительность этой встречи, Миддендорф предложил гостям ужин, что раньше было не принято. Гости в свою очередь подарили на память Миддендорфу фотографии, которые делались на вечерах⁴⁸. Некоторые из этих снимков Дальтон поместил в своей книге, среди них имеется и изображение Миддендорфа.

Бэр продолжил традицию вечеров, но многих огорчало, что прекратились именно вечера Миддендорфа⁴⁹. Ф.П. Литке в 1860 г. писал ему: «Почему судьба выдергивает Вас из кружка, который Вы сами у себя создали и где мы себя духовно и сердечно хорошо

⁴⁵ Там же. С. 257–258.

⁴⁶ На одном из вечеров Миддендорфа Бэр сделал доклад «Какая точка зрения о живой природе верна и как можно эту точку зрения использовать в энтомологии?», который послужил основой для выступления Бэра на первом заседании Русского энтомологического общества. (Там же. С. 258). Академик Ф.И. Видеман опубликовал свой доклад об этнографии финских племен (Классификация народонаселения России по языкам // Месяцеслов на 1860. СПб. С. 354–373).

⁴⁷ *Middendorff A. Th. v. Über Ameisen.* [St. Pbg.], Dienstag, am 1. März 1860 // PAOL.

⁴⁸ ЕАМ. Ф. 108. Оп. 1. № 1. Л. 72.

⁴⁹ Г. Беркгольц писал Бэру: «Воспоминание о торжественных великокняжеских обедах, о вечерах Миддендорфа и Ваших представляется мне теперь мечтою о погибшем волшебном мире» (G. Berkholz an K.E. v. Baer, Riga, ohne Datum // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 2).

чувствовали? Мы еще долго будем сожалеть об отсутствии Ваших интересных и уютных вечеров»⁵⁰.

На вечерах Миддендорфа бывал и палеонтолог А.А. Кейзерлинг. Они познакомились 24 марта 1845 г. в гостях у Бэра, где Миддендорф рассказывал о своей Сибирской экспедиции. Кейзерлинг присутствовал и на праздничном обеде (4 апреля), организованном Бэром для чествования Миддендорфа⁵¹. Позднее Кейзерлинг принимал участие в обработке палеонтологических коллекций для труда Миддендорфа о Сибирской экспедиции.

Сохранилось большое количество писем Кейзерлинга к Миддендорфу⁵². Из этих писем можно узнать, что Миддендорф посылал Кейзерлингу свои работы, а Кейзерлинг сообщал ему свое мнение о них. Они часто обсуждали проблемы, возникавшие и в Академии наук, и в Дерптском университете⁵³. Когда Миддендорф переселился в Гелленорм, они нередко обсуждали как политические вопросы, так и вопросы, относящиеся к сельскому хозяйству Прибалтийских губерний. Особенно часто Миддендорф и Кейзерлинг общались, когда Миддендорф жил в Пэрафере, так как имение Кейзерлинга Райкюль находилось недалеко от имения Пэрафер.

Из писем Кейзерлинга можно узнать, как высоко он ценил Миддендорфа не только как ученого, но и как человека. Одному из своих друзей Кейзерлинг писал: «Кажется, что Миддендорф, чем старше он становится, тем приятнее пишет. Вы это заметите на страницах его „Ферганы“, где Миддендорф подобен одному из сортов самых отличных зимних яблок, который только со временем утрачивает свою терпкость»⁵⁴. Кейзерлинг сравнивал Миддендорфа также с вином хорошего сорта⁵⁵. Так как Миддендорф много путешествовал, Кейзерлинг в 1883 г. выразительно определил его стремление к перемене мест: «Всеобъемлющее беспокойство носит его по миру, как современного Агасфера»⁵⁶.

⁵⁰ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 90.

⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 29–30.

⁵² ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11.

⁵³ С 1862 г. Кейзерлинг был попечителем Дерптского учебного округа.

⁵⁴ *Taube von der Issen H. Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern.* Berlin, 1902. Bd. 2. S. 225–226.

⁵⁵ Там же. S. 280.

⁵⁶ Там же. S. 356.

С задачами, стоявшими перед Сибирской экспедицией, Миддендорф успешно справился не только благодаря энергии, мужеству, настойчивости и умению найти выход из казалась бы безвыходной ситуации, но и потому, что имел надежных, трудолюбивых и преданных спутников. На отношения, сложившиеся между членами экспедиции, несомненно, влиял характер руководителя — его доброжелательность, юмор, уважение к окружающим. Миддендорф не командовал, а предлагал способы решения проблемы и вместе со всеми брался за любую самую трудную работу. Из Сибири он писал отцу: «Кроме моего хорошего обращения с ними и кроме их убеждения в моей непогрешимости, которые утвердили в них особенно мои мореходные познания и распоряжения, больше всего поддерживало такой дух то обстоятельство, что с той же минуты, как стал командиром, я всюду принимался за дело наравне с подчиненными, ел с ними из одного котла и т.д., словом, разделял с ними все, кроме водки, которую они пили одни»⁵⁷.

После окончания экспедиции Миддендорф позаботился о судьбе каждого из своих спутников. Т. Бранта он рекомендовал для участия в Уральской экспедиции, которую в 1847 г. организовало Русское географическое общество. М. Фурман по инициативе Миддендорфа в Иркутске стал помощником Ю.И. Штубендорфа⁵⁸ и до 1850 г. сопровождал его во время служебных поездок по Восточной Сибири. Затем Фурман был участником Забайкальской экспедиции (1850–1852 гг.) под руководством Н.Х. Агте, а также сопровождал преподавателя Иркутской гимназии Р.К. Маака во время его путешествий по Вилюйскому округу (1854 г.) и по Амуру (1855–1856 гг.)⁵⁹.

В «Путешествии на север и восток Сибири» Миддендорф писал, что В.В. Ваганов сделался его «неразлучным и любимым

⁵⁷ Бэр К. Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. вedom. 1844. № 20. С. 89, примеч.

⁵⁸ Ю.И. Штубендорф служил в Иркутске врачом. В 1848 г., когда генерал-губернатором Восточной Сибири стал Н.Н. Муравьев, он назначил Штубендорфа сверхштатным чиновником особых поручений. Штубендорф должен был сопровождать Муравьева в поездках или выполнять поручения в разных частях вверенного ему края.

⁵⁹ См. Бородин И.П. Коллекторы и коллекции флоры Сибири // Труды Ботан. музея Имп. Акад. наук. 1908. Вып. IV. С. 131; Tammiksaar E. Ein kurzer Überblick über die russische «Geheimexpedition» nach Transbaikalien // «Leb wohl, leb wohl, Du mein Alles». Der Briefwechsel zwischen Emilie Hagen und Ludwig Schwarz in den Jahren seiner ersten sibirischen Expeditionsreise 1847 bis 1853 / Schwarz P., Conrad Chr. (Red.). (Geschichte und Geschichten der Familie Schwarz. Einblicke in das Familienarchiv. Hft. 10). Leipzig, 2012. Bd. 1. S. 20.

товарищем»⁶⁰. Дружеские отношения между ними сохранились и после окончания экспедиции. Ваганов не хотел возвращаться в Омск и остался в Иркутске (вероятно, по ходатайству Миддендорфа). В.Я. Руперт (тогда генерал-губернатор Восточной Сибири) определил Ваганова на службу в губернскую чертежную, где он копировал карты. О своей жизни в Иркутске Ваганов подробно сообщал в письмах к Миддендорфу⁶¹. Эти письма — выразительное свидетельство эпохи, позволяющее судить о характерах как автора, так и адресата.

Ваганов был лишь на пять лет младше Миддендорфа, но относился к нему как к весьма почтенному человеку и, несмотря на возражения Миддендорфа, называл его «Ваше высокоблагородие», «бесценный благодетель», «незабвенный начальник». Эти высокопарные обращения были не формальностью, но выражением искреннего уважения и приязни. Взрослый мужчина и к тому же военный постоянно трогательно напоминал Миддендорфу о своей сердечной привязанности. Например, он писал: «Ничто не мешает излить Вам мою душевную благодарность не только за мысли обо мне, но и за каждую черту — с намерением или без намерения — отдельно и вообще. Вы ангел мой и более не скажу Вам, а то, пожалуй, покажется болтовня моя уже приторною. Сердце желало бы более. Но нельзя же следовать его влечению /.../ Не огорчайтесь — я уже старею, но душа моя — Ваша собственность»⁶².

7 мая 1845 г. в качестве награды за участие в Сибирской экспедиции Ваганов был произведен в прапорщики Корпуса военных топографов⁶³, о чем ему сообщил Миддендорф. В ответ Ваганов писал: «Слава экспедиции была столь же для меня приятна, как приятен теперь мне чин прапорщика /.../ Ура царю, ура Вам — Бесценному благодетелю /.../ бегаю из конца в конец по городу и не знаю, где будет предел радости. Все заинтересованы Вами, а через Вас и мною. Наперерыв читают письмо — радуются, а еще с большей радостью распито шампанское в квартире Николая Христофоровича Агте: первый бокал за Ваше здоровье, второй — за славу экспедиции,

⁶⁰ Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. I. Отд. I. С. 14.
⁶¹ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 10. К сожалению, письма Миддендорфа к Ваганову нам неизвестны.

⁶² Там же. Л. 10. 14 марта 1846 г.

⁶³ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 151.

а третий — за славу орденов Св. Владимира и Св. Анны и новорожденного прапорщика»⁶⁴.

По поручению Миддендорфа Ваганов отправлял ему в Петербург карты и разные сведения о Сибири. В свою очередь Миддендорф выполнял просьбы Ваганова, а также посылал ему подарки (и деньги, когда узнавал, что Ваганов в них нуждался). Послал Миддендорф в Иркутск и первые выпуски своего труда о Сибирской экспедиции.

Сначала Ваганов в Иркутске часто болел, хандрил и мечтал переехать в Петербург, полагая, что там ему будет жить легче (и к тому же — ближе к Миддендорфу). Но в 1848 г. в Иркутск приехал новый генерал-губернатор — Н.Н. Муравьев, который (несомненно, по инициативе Миддендорфа) приблизил Ваганова к себе. Уже летом этого же года Ваганов сопровождал Муравьева в его поездке по Забайкальскому краю. Узнав о намерении одного англичанина отправиться в путешествие с женой на плоту по Амуру, Муравьев (полагавший, что англичанин был шпионом) приказал Ваганову вернуть его в Иркутск «живого или мертвого», и Ваганов «чрезвычайно ловко исполнил данное поручение»⁶⁵.

В 1849 г. Ваганов путешествовал вместе с Муравьевым на Камчатку, а в следующем году (возможно, тоже вместе с Муравьевым) собирался ехать в Петербург. Срок поездки Муравьева сначала не был точно определен, вероятно, поэтому Ваганов сообщил Миддендорфу о своей поездке уже в начале года⁶⁶. А 14 мая 1850 г. он писал: «Вчера я получил билет, посланный Вами /.../ Не стану повторять Вам и мою радость, ибо Бог слышит да и услышит мои молитвы»⁶⁷.

Но мечтам Ваганова не суждено было осуществиться. Летом этого года Муравьев поручил Ваганову произвести секретную рекогносцировку местности вблизи верховьев Амура в северной Монголии. Об этом в своих воспоминаниях упомянул один из ближайших помощников Муравьева Б. Струве: «Ваганов в сопровождении двух казаков перешел в августе 1850 г. реку Аргунь около крепости Цурухайтуй. С того времени о нем не было получено

⁶⁴ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 10. Л. 14–14 об. Речь идет об орденах, полученных Миддендорфом и Брантом.

⁶⁵ Струве Б. Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. Т. 195, апрель. С. 178.

⁶⁶ Как отметил Б. Струве в своих воспоминаниях, почта в Иркутск и «в хорошее время года ходила четыре недели, следовательно ближайший ответ мог получиться через два месяца» (Там же. Т. 196, май. С. 90).

⁶⁷ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 10. Л. 49.

никаких сведений»⁶⁸. Струве по поручению Муравьева в 1851 г. пытался узнать о судьбе Ваганова, но «ничего верного» узнать не удалось, лишь очевидно было, что он погиб. Как ни странно, китайские власти наказали убийц и прислали в Иркутск останки Ваганова, которые в 1853 г. «были преданы земле»⁶⁹. Эта дата и считалась датой смерти Ваганова⁷⁰. Миддендорф в своем труде упомянул о том, что Ваганов был убит, хотя и не назвал года, когда это произошло⁷¹.

⁶⁸ *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. Т. 196, июнь. С. 105–106.

⁶⁹ Там же. С. 106.

⁷⁰ Исторический очерк деятельности корпуса Военных топографов. СПб., 1872. Приложение 1. С. 37.

⁷¹ *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 151; 1877. Ч. II. Отд. IV. С. 738.

Коллеги

Миддендорф не имел учеников в прямом смысле этого слова. Но представители разных областей естествознания в той или иной степени испытывали его влияние, а некоторые даже считали себя последователями Миддендорфа. Особенно заметно это влияние в работах исследователей Сибири.

Л.И. Шренк

В начале 1853 г. великий князь Константин Николаевич (председатель Русского географического общества, назначенный в этом году и главой Морского министерства) обратился в Академию наук с просьбой рекомендовать ученых для участия в морской экспедиции. Экспедиция должна была летом отправиться в Охотское море. Академия с готовностью откликнулась на это предложение. Тотчас была создана комиссия (в нее вошел и Миддендорф), которая занялась подготовкой программы исследований. Из-за скудости средств Академия решила отправить в морскую экспедицию не трех ученых, как предлагал Константин Николаевич, а только одного. По инициативе Миддендорфа для исследований в области физической и зоологической географии, а также этнографии комиссия пригласила Л.И. Шренка¹.

¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1853. № 2. Л. 15 об. Л.И. Шренк — брат друга Миддендорфа А.И. Шренка.

Незадолго до этого Шренк окончил университет в Дерпте, слушал в Берлинском университете лекции по географии знаменитого географа К. Риттера, защитил диссертацию по естествознанию в Кёнигсбергском университете и должен был занять кафедру географии в Дерптском университете². Получив предложение Академии отправиться в морскую экспедицию, Шренк от кафедры отказался.

В архивных бумагах академической комиссии, готовившей инструкцию для путешественника, не упоминается о том, что инициатором приглашения Шренка был Миддендорф. Об этом позволяет судить только письмо Шренка к Миддендорфу от 26 мая 1853 г. «После Вашего известия о более детальных целях естествоиспытателя будущей экспедиции вокруг света, — писал Шренк, — я, который уже раньше выражал желание стать членом этой экспедиции, теперь могу повторить это с большей определенностью»³.

Согласившись принять участие в экспедиции, Шренк не приехал в Петербург тогда, когда его ждали в Академии, хотя прежде сообщил, что может явиться по первому ее требованию. Это беспокоило непременно секретаря П.Н. Фуса. В связи с этим 3 июля 1853 г. Миддендорф писал ему из Гелленорма: «С уверенностью, что после личного появления у Вас г. Шренка отпадут опасения, которые я читал в Вашем взгляде /.../, я посылаю Вам свою часть инструкций для его экспедиции»⁴. Объясняя причину своей задержки в Дерпте, Шренк сообщил, что искал препаратора, и при этом упомянул: «через г. статского советника фон Миддендорфа я узнал, о том, что получил от императорской Академии наук почетное поручение участвовать в экспедиции на Сахалин»⁵.

Фрегату «Аврора» (который должен был доставить Шренка в Охотское море к устью Амура) из-за большого количества больных на борту пришлось направиться в Петропавловский порт (на Камчатке). Шренк добирался до устья Амура на других судах. В 1854 г. он начал исследования в Николаевском посту, где организовал метеорологические наблюдения. Затем

² Сообщив в 1857 г. об окончании экспедиции, Д.Н. Блудов упомянул, что Шренк был приглашен для участия в ней как раз в то время, когда Дерптский университет избрал его на кафедру географии (СПФ АРАН. Ф. 733. Оп. 1–1853. № 2. Л. 95. См. также: РГИА. Ф. 733. Оп. 13. № 279. 1853. Л. 113).

³ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1853. № 2. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 67.

⁵ Там же. Л. 24.

Шренк путешествовал по Сахалину и Амуру, собирая зоологические, ботанические и этнографические коллекции. «Два раза я ездил на остров Сахалин, — писал Шренк в одном из своих трудов, — на южной оконечности которого мне, кроме того, пришлось побывать еще летом 1854 г.; затем я посещал разные местности побережья морей Охотского и Северо-Японского, заходил в долину Горина, поднимался по Уссури и, наконец, на возвратном пути — по всему Амуру и части Аргуни»⁶.

О своих наблюдениях Шренк сообщал Миддендорфу не только как инициатору путешествия, но и как неперемennom секретарю Академии наук. Письма Шренка, содержавшие сведения о Сахалине (он оказался первым исследователем природы и жителей острова), показались Миддендорфу очень интересными. Он отправил их в Русское географическое общество, и письма Шренка были опубликованы⁷.

Шренк вернулся в Петербург в начале 1857 г. и в качестве путешественника был прикомандирован к Зоологическому музею для обработки своих коллекций⁸. Вскоре он представил Физико-математическому отделению Академии наук план своего будущего труда — «Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854–1856». План этого сочинения повторял план труда Миддендорфа — он должен был иметь четыре тома, включающие сведения по географии, зоологии, ботанике и этнографии.

Миддендорф продолжал опекать Шренка и после того, как перестал быть неперемненным секретарем. Можно лишь предположить, что Шренк был оставлен при Зоологическом музее для обработки своих коллекций по инициативе Миддендорфа, но совершенно точно известно, что Миддендорф вместе с К.М. Бэрром, Ф.Ф. Брандтом и Ф.И. Рупрехтом представлял Шренка для избрания в 1862 г. адъюнктом, а в 1863 г. — экстраординарным академиком⁹.

⁶ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. I. С. 5.

⁷ Письмо Леопольда Шренка к неперемнному секретарю Академии наук // Вестн. РГО. 1857. Ч. 19. Кн. 3. Географические известия. С. 6–13; Извлечение из письма Леопольда Шренка к неперемнному секретарю Академии наук // Там же. С. 13–20.

⁸ Во всеподданнейшем докладе речь шла о «дозволении Шренку в продолжение экспедиции считаться в действительной государственной службе при Академии наук в качестве путешественника с правами и преимуществами адъюнкта, оной предоставленными» (СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2–1853. № 176. Л. 3).

⁹ Извлечения из протоколов заседаний Физико-математического отделения Академии // Зап. АН. 1862. Т. 1. С. 94; 1863. Т. 3. С. 275.

В марте 1864 г. Миддендорф сообщил президенту Академии наук, что намерен оставить место академика. Отметив при этом, что следует освободить место для более молодого коллеги¹⁰, Миддендорф имел в виду Шренка, который в 1865 г. (после отставки Миддендорфа) и был избран ординарным академиком по зоологии.

Коллекции Шренка существенно обогатили собрание Зоологического музея, многие «предметы» он сам и обрабатывал. В своих зоологических исследованиях Шренк, как и Миддендорф, много внимания уделял моллюскам, пополнив отдел Зоологического музея видами, собранными на Амуре и в Охотском море. Шренк вслед за Миддендорфом заинтересовался проблемой мамонтов. В 80–90-х годах XIX столетия он был инициатором нескольких академических экспедиций, одной из задач которых был поиск останков этих животных.

Шренк готовил к изданию описание материалов своей экспедиции в течение многих лет. Издание этого сочинения, начавшееся в 1859 г., завершилось лишь после смерти автора — в начале XX столетия. Этнографические наблюдения, которые Шренк вел на Амуре и Сахалине, вошли в его трехтомный труд «Об инородцах Амурского края» (СПб., 1883–1903), опубликованный сначала на немецком, а затем и на русском языках. Труд этот до настоящего времени высоко оценивают этнографы. В первом томе своего сочинения Шренк особо отметил, что воспользовался заметками о гилляках, которые ему передал Миддендорф¹¹. Шренк также использовал данные Миддендорфа о других сибирских народах из 4-го тома его труда о Сибирской экспедиции.

В 1887 г., когда отмечалось пятидесятилетие со времени начала научной деятельности Миддендорфа, Шренк, поздравляя своего коллегу, подчеркнул: «Я /.../ обязан Тебе всем моим положением в науке, и вся работа моей жизни продвигается на фундаменте, который Ты заложил»¹². В связи с юбилеем Миддендорф был награжден золотой медалью Бэра. Сообщая Миддендорфу об этой награде, Шренк писал (30 декабря 1888 г.), что Академия наук поручила ему составить рецензию и доложить ее на годичном заседании.

¹⁰ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 95.

¹¹ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. I. С. 5–6.

¹² L. v. Schrenck an A. Th. v. Middendorff, Mereküll, 31 Mai 1887 // PABvM.

Шренк отмечал, что выступал с удовольствием, так как ему приятно было говорить о таком человеке, к научным заслугам которого он испытывал самую большую признательность, а к самому — чувства сердечной благодарности¹³.

В течение многих лет научная жизнь ученых в той или иной мере переплеталась. И скончались они почти одновременно (Шренк — 8 января, а Миддендорф — 16 января 1894 г.). На это «удивительное совпадение» вскоре после смерти Миддендорфа обратил внимание один из его коллег¹⁴.

Н.А. Сёверцов

В 1856 г. молодой зоолог Н.А. Сёверцов за свою первую небольшую книгу «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» получил половинную Демидовскую премию. Рецензию на эту работу написал Миддендорф. Из письма Сёверцова, которое сохранилось в Эстонском историческом архиве, выясняется, что они познакомились еще до того, как состоялся конкурс. Можно предположить, что Миддендорф и был инициатором отправления книги на конкурс в Академию наук¹⁵.

В своей рецензии Миддендорф высоко оценил сочинение Сёверцова, подчеркивая значение «методы», которую тот использовал для анализа своих наблюдений. По словам Миддендорфа, *«надобно было вовсе покинуть избитую обыкновенную тропу, и искать главнейших целей зоологической географии не в подробном, хотя и сравнительном исчислении животных пород исследуемой страны, а напротив того, в разрешении несравненно*

¹³ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 40–40 об.

¹⁴ С. Schmidt an E. v. Middendorff, Dorpat, 26. Januar 1894 // РАВvМ.

¹⁵ 28 сентября 1856 г., посылая свою работу в Академию, Сёверцов сообщал Миддендорфу, что не смог воспользоваться его советом и дополнить ее сведениями о влиянии климатических условий на организмы. Из этого письма также следует, что Сёверцов читал корректуру труда о Сибирской экспедиции, которую получил от самого Миддендорфа (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 271–272 об.). Вероятно, это была корректура опубликованной в 1853 г. второй части тома «Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844», посвященного зоологии.

труднейшей задачи, т.е. в определении той тесной связи, которая существует между отличительными свойствами данной фауны и особенностями как той почвы, на которой она живет, так и того климата, в котором она дышит и развивается (выделено нами. – Авт.)»¹⁶. Таким образом Миддендорф изложил не только мнение о важности труда Сёверцова, но и собственные представления о задачах зоогеографии.

Миддендорф полагал, что с работы Сёверцова «начинается новый отдел зоологической литературы в России»¹⁷, что работа заслуживала докторской степени, и сожалел, что Академия наук таких степеней присуждать не может. Вместе с тем, он рекомендовал Академии использовать дарования способного, трудолюбивого и талантливому ученого для отправления его в экспедицию к Аральскому морю для изучения влияния континентального климата на органический мир вблизи реки Сыр-Дарьи.

Физико-математическое отделение тотчас откликнулось на предложение Миддендорфа. 17 апреля 1856 г. Сёверцов был удостоен Демидовской премии, а уже 23 апреля на основе отзыва Миддендорфа отделение приняло решение отправить экспедицию к Аральскому морю¹⁸. 29 января 1857 г. было получено «высочайшее соизволение». Члены комиссии, созданной для разработки инструкций (К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт, А.Я. Купфер и А.Ф. Миддендорф), полагали, что экспедицию следовало отправить в марте этого же года. Миддендорф, который более или менее регулярно писал Сёверцову, сообщил ему о решении отделения. Однако Сёверцов, который летом 1856 г. уехал в Европу (чтобы готовиться к исследованиям), еще не собирался возвращаться. В письмах он рассказывал Миддендорфу о встречах с учеными, своих выступлениях, о приобретении необходимых инструментов и планах расширения пространства будущих исследований¹⁹.

2 апреля 1857 г. Миддендорф отправил Сёверцову официальное приглашение в экспедицию. 1 мая в заседании Физико-математического отделения Академии наук было прочитано письмо

¹⁶ Миддендорф А.Ф. Разбор сочинения г. Сёверцова под заглавием «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» // Двадцать пятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 194.

¹⁷ Там же. С. 205.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1856. № 8. Л. 6–6 об.

¹⁹ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 260–272 об.

Се́верцова, в котором он благодарил за приглашение и сообщал, что для ботанических исследований пригласил в экспедицию И.Г. Борщова, «уже известного Академии своими исследованиями»²⁰.

Экспедиция должна была продолжаться два года. Се́верцов, сопровождавшие его И.Г. Борщов и препаратор И. Гурьянов приехали в Оренбург 17 июня 1857 г.²¹, но наблюдения начались позже, чем намечалось, так как и в начале июля в Оренбург еще не были доставлены ящики с инструментами и инструкции.

И завершилась экспедиция раньше намеченного срока в результате трагических обстоятельств. Весной 1858 г. из-за собственной неосторожности Се́верцов попал в плен к кокандцам и был тяжело ранен²². Некоторое время он вообще не мог вести исследования. В декабре 1858 г. после адресованного Миддендорфу письма Се́верцова, в котором он написал о своих наблюдениях и самочувствии, Физико-математическое отделение «признало, согласно с мнением академиков Брандта и Миддендорфа, действия экспедиции в Сыр-Дарьинском крае оконченными». Об этом К.С. Веселовский тотчас сообщил Се́верцову в Оренбург²³.

Но Се́верцов вернулся в Петербург только в феврале 1859 г., так как заехал к родным в Воронеж, а там тяжело заболел. В марте по просьбе Се́верцова Миддендорф представил Физико-математическому отделению предварительный отчет о результатах его экспедиции; в мае и сам Се́верцов рассказал о своих исследованиях в заседании отделения, и материалы экспедиции было решено опубликовать. Отчет о результатах своих наблюдений передал в Академию наук и Борщов. Так как «представленные от Се́верцова и Борщова донесения заслужили совершенное одобрение Академии», по мнению Д.Н. Блудова, путешественников следовало наградить. Ходатайство президента было удовлетворено, и в начале 1860 г. Се́верцов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, Борщов —

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1856. № 8. Л. 9—9 об. Чиновник министерства финансов И.Г. Борщов активно занимался ботаникой.

²¹ Там же. Л. 9—9 об., 19—20, 62.

²² Се́верцов (по рекомендации Миддендорфа) поступил на службу к генерал-губернатору Оренбургского края А.А. Катенину. После того, как Се́верцов был освобожден из плена, Катенин сообщил в Академию наук, что Се́верцов получил 12 легких ран пиками и саблями, а две раны — «саблею в висок и пикою в грудь довольно опасны и могут иметь дурные последствия» (Там же. Л. 96 об.).

²³ Там же. Л. 121.

орденом Св. Анны 3-й степени, а Гурьянов получил звание личного почетного гражданина²⁴.

Сёверцов передал в Зоологический музей обширную коллекцию животных, которую сам и обрабатывал. Он полагал, что принят в Академию наук на правах адъюнкта (подобно Л.И. Шренку, который недавно возвратился из путешествия по Амурскому краю) и в течение двух лет будет получать жалование за свою работу²⁵. Но Сёверцов не уточнил, каков на самом деле его статус в Академии наук. По существу этот статус вообще не был определен. Комитет правления Академии наук (по распоряжению президента Академии наук) должен был производить Сёверцову «вознаграждение за его труд» в течение только одного года²⁶.

Между тем обработка коллекций двигалась медленно. При этом Сёверцов не представлял в Физико-математическое отделение статьи о результатах своих исследований, а в 1860 г. надолго за собственный счет уехал в Киргизские степи для новых исследований и пополнения коллекций.

Сёверцов полагал, что после окончания этой «командировки» получит в Академии деньги. Каково же было его удивление и огорчение, когда, в конце 1860 г., возвратившись в Петербург, узнал, что жалование ему уже не полагается, и что он не имеет такого статуса в Академии наук, как Шренк. Считая, что работает не хуже Шренка, Сёверцов не мог понять, почему к нему отнеслись так несправедливо. Тем более, что его отчет об Аральской экспедиции Академией наук был принят, и он даже получил орден за эти исследования. О своих недоумениях Сёверцов написал директору Зоологического музея Ф.Ф. Брандту обширное письмо, в котором сообщал о результатах своей научной деятельности и огорчениях по поводу упомянутых «несправедливостей». При этом Сёверцов несколько раз ссылался на «словесные обещания», якобы данные ему Миддендорфом²⁷.

Узнав о содержании письма Сёверцова, Миддендорф чрезвычайно возмутился и отправил в Физико-математическое отделение «оправдательную записку»²⁸. С одной стороны, он чувствовал

²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 5. № 45.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1856. № 8. Л. 172.

²⁶ Там же. Л. 153.

²⁷ Там же. Л. 174–180.

²⁸ Там же. Л. 182–186.

себя ответственным за то, что рекомендовал Сёверцова в экспедицию, а тот пока еще не оправдал его надежды. С другой — Миддендорф рассматривал письмо Сёверцова как упрек за невыполненные обещания, которых он вовсе не давал. К тому же это был период особенно активных нападок в периодической печати на Академию наук, и Миддендорфа беспокоило, что письмо Сёверцова попадет в газеты и станет основой для новой порции несправедливых обвинений в ее адрес.

Миддендорфу изменила его обычная доброжелательность, и в своей записке он перечислял как истинные, так и мнимые прегрешения Сёверцова, даже не имевшие отношения к Аральской экспедиции, и к тому же делал это в очень резкой форме. Многие замечания Миддендорфа были верны, но совсем не обязательно было упоминать о странностях в характере Сёверцова, или о том, что его не приняли доцентом в Московский университет. Однако в конце этого длинного, местами даже грубого послания, содержавшего и несправедливые упреки, Миддендорф очень мирно предложил выдать Сёверцову «второе годичное жалование», так как обработкой своих коллекций он все же занимался, а затем посмотреть, как дальше пойдут дела. Кроме того, Миддендорф предложил, чтобы два члена биологической секции объяснили Сёверцову, в чем он неправ, а затем перечислил его действительные ошибки.

Неизвестно, читал ли Сёверцов письмо Миддендорфа и какова была его реакция, но о содержании письма он, несомненно, знал. Никаких сведений об отношениях между Миддендорфом и Сёверцовым после этой печальной истории найти не удалось. Между тем в труде о Сибирской экспедиции Миддендорф неоднократно ссылался на наблюдения Сёверцова. В свою очередь Сёверцов (один из первых зоогеографов России, который к тому же внес существенный вклад в познание географии горных систем Тянь-Шаня и Памира)²⁹, в своих сочинениях упоминал некоторые

²⁹ Уже в 1857 г. Сёверцов мечтал о путешествии на Тянь-Шань. В письме к Миддендорфу он писал, что полезно вести наблюдения не только вблизи Аральского моря, но также в Киргизской степи и в местности около озера Иссык-Куль. «Schlagintweit уже на Кюен-Люне, — писал Сёверцов, — неужели я по недостатку денег не проникну до Болор-тага (в землю Черных киргизов на юго-западе от Иссык-Куля)?» (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 270 об.). А.А. Катенин с трудом уговорил Сёверцова отказаться от этой идеи. (Впервые Сёверцов попал на Тянь-Шань в 1864 г.) Болор, согласно древним китайским географам, с которыми европейцев познакомил А. Гумбольдт, — меридиональный хребет

зоогеографические идеи Миддендорфа³⁰ и даже назвал в его честь один из видов птиц.

Можно сожалеть, что два талантливых зоолога XIX в., больше других сделавших для развития зоогеографии в Российской империи, не нашли общего языка. Но, вероятно, даже если бы не случилась эта неприятная история, дружеские отношения между Миддендорфом и Северцовым были невозможны из-за несомненной полярности характеров и несовпадения некоторых научных и политических взглядов.

Г.И. Радде

В середине XIX в. Русское географическое общество организовало экспедицию на юго-восток Сибири³¹. Экспедиция должна была иметь два отряда. Первый — математический — отправился в юго-восточную Сибирь в 1855 г. Одним из членов этого отряда стал немецкий натуралист Г.И. Радде. Радде приехал в Россию из Пруссии и работал в Крыму у ботаника Х.Х. Стевена. Узнав о намечавшейся экспедиции, Стевен в 1853 г. рекомендовал Обществу «лично известного ему» Радде, который «собственно аптекарь и очень хорошо знает химию и все фармацевтические науки, но с тем вместе и по натуральной истории сведущ — наипаче в орнитологии и ботанике; превосходно снимает шкуры и набивает чучела, сверх того очень скоро и хорошо рисует»³². Рекомендацию Стевена поддержал и академик П.И. Кёппен, познакомившийся с Радде в Крыму³³.

в Центральной Азии. Сведения о Болоре встречались в географических сочинениях, по крайней мере, до начала 70-х годов XIX в. — времени появления более или менее достоверных сведений о Памире.

³⁰ См., например: *Северцов Н.А.* О зоологических (преимущественно орнитологических) областях внетропических частей нашего материка // Изв. РГО. 1877. Т. 13. Вып. 3. С. 137.

³¹ Историю Сибирской экспедиции РГО см.: *Сухова Н.Г.* Русское географическое общество и Академия наук в XIX веке // Академия наук в истории культуры России XVIII–XIX веков. СПб., 2010. С. 574–584.

³² Арх. РГО. Ф. 1–1850. Оп. 1. № 38. Ч. I. Л. 304–304 об. Письмо Стевена было прочитано 4 февраля 1853 г. во время заседания комиссии РГО, обсуждавшей состав участников Сибирской экспедиции.

³³ Там же. Л. 389.

Радде, который был приглашен в экспедицию в качестве preparator и рисовальщика, собрал обширный фактический материал как о животных и растениях, так и об условиях их существования в Забайкалье и Приамурском крае (особенно много сведений о рельефе). Миддендорф, собирая сведения для очередного тома своего труда, уже в 1856 г. интересовался результатами наблюдений Радде³⁴. В 1857 и 1858 гг. об этих наблюдениях Радде сообщал как в Географическое общество, так и в письмах к Кёппену и Миддендорфу. Кёппен публиковал наиболее интересные письма Радде в «Вестнике РГО», а Миддендорф — в академическом журнале («Bulletin phys.-math.»).

В 1857 г. Ф.П. Литке писал Кёппену: «Какой молодец! Это совершенная находка для нас. Надеюсь, что его поддержат и ободрят». А в следующем году: «...Молодец, каких у нас мало, /.../ в случае, если будете писать ему прежде меня, заверьте его, что я со своей стороны сделаю все, от меня зависящее, чтобы труды его были оценены и ему принесли пользу»³⁵. В одной из своих записок, адресованных Миддендорфу, Литке сообщил, что посылает ему донесение Радде «с просьбой возвратить к завтрашнему»³⁶. В другой записке Литке читаем: «Достойнейший Александр Федорович, Вы намеревались написать Радде. В надежде, что Вы не отложите благого намерения порадовать и ободрить странника, прошу Вас не замедлить доставлением мне Вашего письма. NB! — если Вы посылаете его через меня — надо торопиться, чтобы наши письма застали еще в Иркутске почту, отправляемую на Амур»³⁷.

Письма от Радде получал и К.М. Бэр. Во всяком случае, в мае 1859 г. он писал Литке, что Радде беспокоится о том, где сможет работать после экспедиции. Бэр сообщал, что Радде мог бы получить место в Ботаническом саду, но вместе с тем просил рекомендовать Радде Миддендорфу (для работы в Зоологическом музее): «Едва ли он сможет найти другого — более ревностного к службе»³⁸. (Через несколько дней Бэр написал Литке об интересном письме Радде, которое отправил в газету).

³⁴ G. Radde an L. Schwarz, Kulutussutajefsk, 24. August/6. September 1856 // ТКМ. Мapp 13.

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. № 158. Л. 3, 4.

³⁶ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 98.

³⁷ Там же. Л. 102–102 об.

³⁸ Переписка Карла Бэра по проблемам географии / Публикация, перевод и примечания Т.А. Лукиной. Л., 1970. С. 120.

Радде вернулся в Петербург позже, чем другие члены математического отряда — в начале 1860 г. «Радушно встретили меня старые академики,— вспоминал он в автобиографии. — Большую часть их я знал со времени моего первого пребывания в Петербурге в 1855 г. По моим письмам они были достаточно осведомлены о ходе и успехах моего путешествия»³⁹. Среди «старых академиков» Радде упомянул и Миддендорфа, которому в 1860 г. было 45 лет! Миддендорф не только радушно встретил путешественника, но предложил ему бывать на своих вечерах. На одном из этих вечеров Радде выступил с докладом об Амуре. «Я был чрезвычайно польщен, когда фон Миддендорф предложил мне прочесть во вторник вечером у него на дому лекцию об Амуре. Задачей моей было провести параллель между картиной грандиозной девственной природы Амура, с одной стороны, и неудачными действиями насильственной колонизации края — с другой»⁴⁰.

Академия наук по инициативе Литке приобрела коллекции Радде⁴¹. Самого Радде приняли внештатным консерватором в Зоологический музей⁴², где он должен был обработать свои коллекции для будущего труда. В 1860 г. Радде часто обсуждал с Миддендорфом ход работы и составил план сочинения, основываясь на плане его «Reise». Радде писал Миддендорфу: «Шренк и Максимович⁴³ написали очень подробно [о Приамурском крае], тем легче будет мне на [основе] этих и Ваших работ строить дальше»⁴⁴.

В 1861 г. Радде представил в Академию наук рукопись первого тома труда и просил Академию «принять на себя» его издание. В надежде получить средства для публикации, Радде отдал рукопись

³⁹ Радде Г. Автобиография // Коллекции Кавказского музея. Тифлис, 1912. Т. 6. Ч. 1. С. 59.

⁴⁰ Там же. С. 60.

⁴¹ 5 февраля 1860 г. Ф.П. Литке писал: «Так как коллекции не могут получить лучшего назначения, как послужить дополнением превосходных собраний Императорской Академии наук, то Общество имеет честь предложить Академии означенные коллекции /.../ в твердой надежде, что Императорская Академия не оставит со своей стороны снабдить г. Радде денежными средствами, необходимыми для разработки превосходного материала для науки» (Арх. РГО. Ф. 1—1850. Оп. 1. № 38. Ч. IV. Л. 12—12 об).

⁴² Там же. Л. 27.

⁴³ В июле 1855 г. сотрудник Ботанического сада Петербурга К.И. Максимович почти одновременно с Л.И. Шренком путешествовал по Амуре, а уже в 1859 г. опубликовал труд «*Primitae Flora Amurensis. Versuch einer Flora des Amurlandes*». Вводная часть к этому труду увидела свет и на русском языке: Максимович К.И. Амурский край // Зап. АН. 1862. Т. 2. Приложение 2.

⁴⁴ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 170 об.

в типографию. Но в Академии, как всегда, денег было мало, тем более, что в это же время она публиковала сочинения Миддендорфа и Шренка. Президент Академии наук Д.Н. Блудов обратился к министру народного просвещения Е.В. Путятину, полагая, что тот сможет ходатайствовать в Государственном казначействе о выделении Академии наук дополнительных средств для публикации сочинения Радде, содержавшего «новые и важные научные результаты». Так как Блудов упомянул о причине отсутствия денег в Академии, Путятин нашел своеобразный выход из сложившейся ситуации — он предложил сократить средства на издание труда Миддендорфа и на сэкономленные деньги напечатать сочинение Радде⁴⁵. К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт и А.Ф. Миддендорф не согласились с таким предложением министра. В феврале 1862 г. они подготовили для Физико-математического отделения записку, в которой подчеркивали, что «считают долгом своим вторично и настоятельно предложить Конференции о принятии надлежащих мер к исходатайствованию потребных по смете для полного издания в свет путешествия г. Радде 6000 рублей»⁴⁶. Однако Блудов после отказа министра не мог повторять свою просьбу

Хотя деньги на издание первого тома от Академии Радде не получил⁴⁷, в том же году по инициативе Физико-математического отделения за рукопись этого тома (под названием «*Untersuchungen über die Säugethier-Fauna des Süden von Sibirien*») он был награжден «второстепенной» Демидовской премией. Рецензию на сочинение Радде написали Миддендорф и Брандт (первый рассматривал значение труда для географии, а второй — для зоологии). Весьма содержательная рецензия Миддендорфа посвящена анализу не столько содержания

⁴⁵ 22 августа 1861 г. Е.В. Путятин писал Д.Н. Блудову: «Как между тем, Академия и Ваше сиятельство полагают издание в России путешествия г. Радде полезным, и как действительно материалы и сведения, им собранные, свежее и обнимают большее пространство, нежели описание г. Миддендорфа, и при этом относятся к стране, представляющей в настоящее время огромный интерес, то я считаю нужным обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшей просьбой, не изволите ли более полезным, ограничься в пособии на издание путешествия г. Миддендорфа теми средствами, которые ему доньше были предоставлены, оказать содействие Академии в издании путешествия г. Радде, столько ею одобряемом» (СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1861. № 8. Л. 10 об.).

⁴⁶ Там же. Л. 21 об.

⁴⁷ Радде считал, что Академия наук не хотела помочь изданию его труда, а если бы непременным секретарем Академии оставался Миддендорф, проблема была бы решена (G. Radde an L. Schwarz, St. Pbg., 25. Juni 1861 // ТКМ. Мapp 13).

первого тома, сколько отчетов Радде из экспедиции для РГО, которые были опубликованы в академическом сборнике, издававшемся К.М. Бэр и Г.П. Гельмерсеном⁴⁸. Географические наблюдения Радде Миддендорф сравнивал с наблюдениями его предшественников и предлагал свои комментарии. По его мнению, Радде, «одаренный глазом отличного собирателя и сравнительным взглядом остроумного наблюдателя»⁴⁹, удачно выбрал поле для исследований.

Первые два тома сочинения Радде «*Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855–1859*» были опубликованы Русским географическим обществом в 1862 и 1863 годах. По инициативе Литке, РГО получило деньги для публикации с помощью Министерства народного просвещения (которое отказывалось содействовать выделению средств из Государственного казначейства для Академии наук). Рукописи этих томов по просьбе Радде редактировал Миддендорф. Сообщая Миддендорфу в 1863 г. о том, что вышел в свет второй том его труда, Радде подчеркнул: «Это прекрасно, что мое „Сибирское путешествие“ публикуется теперь так, как оно того заслуживает. Я еще раз благодарю за Вашу добрую поддержку в этом деле»⁵⁰. Третий том Радде так никогда и не написал.

Из писем Радде можно узнать, что в 60-х годах он неоднократно встречался с Миддендорфом по разным поводам. Так, летом 1861 г. Радде с нетерпением ждал Миддендорфа в Петербурге, желая показать ему карту с изображением распространения животных в юго-восточной Сибири. Эту «зоологическую» карту он собирался опубликовать в журнале А. Петермана⁵¹. В 1862 г. во время Азовской экспедиции, организованной Географическим обществом, Бэр и сопровождавший его Радде специально заехали в Карловку⁵² (имение великой княгини Елены Павловны, хозяйство которой в это время инспектировал Миддендорф). В том же году Радде вместе с Миддендорфом охотился в Гелленорме⁵³.

⁴⁸ *Radde G. Bericht über Reisen im Süden – und Ost-Sibirien /.../ in den Jahren 1855 bis 1859 // Beiträge KRR. 1861. Bd. XXIII.*

⁴⁹ *Миддендорф А. Ф. Разбор сочинения г. Радде «Исследования над фауною млекопитающих животных Восточной Сибири» // Тридцать первое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 25 мая 1862 года. СПб., 1862. С. 114–120.*

⁵⁰ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 173 об.

⁵¹ G. Radde an L. Schwarz, St. Pbg., 25. Juni 1861 // ТКМ. Мapp 13.

⁵² Там же. Таганрог. 11./23. Juli 1862.

⁵³ Там же. [St. Pbg.], 24. März 1863.

В 1864 г. Радде переехал в Тифлис, где получил работу в метеорологической обсерватории, а уже в начале ноября стал директором Кавказского музея. Выясняется, что Радде получил место директора отчасти благодаря рекомендации Миддендорфа. В одном из писем, адресованных Л.Э. Шварцу, Радде отметил: «Хорошие рекомендации Ник[олая] Никол[аевича] и ф. Миддендорфа к Великому князю⁵⁴ содействовали здесь моей, может быть, слишком быстрой удаче»⁵⁵.

В 1871 г. Александр Федорович писал Радде, что его сын Эрнст хочет поехать на Кавказ. Радде надеялся, что в Тифлис придет и сам Миддендорф, однако поездка не состоялась. В 1885 г. Радде получил от Миддендорфа письмо, где тот рекомендовал ему одного из своих родственников, который тоже собирался отправиться на Кавказ. Из этого письма Радде с огорчением узнал, что Миддендорф тяжело болен. В последнем письме к Миддендорфу в 1886 г. Радде вспоминал, как обедал в «академическом доме» у него в квартире, которая, как ему казалось, находилась над академическим физическим кабинетом⁵⁶.

Ф.Б. Шмидт

Жизненные пути Миддендорфа и геолога Ф.Б. Шмидта пересеклись еще в середине 50-х годов: К.-Ф. Гиппиус (отец жены Миддендорфа) был братом матери Ф.Б. Шмидта⁵⁷. Из его «Автобиографии» известно, что семья жила в стесненных условиях, и чтобы юный Шмидт смог поступить в Дерптский университет, Эстляндское дворянство выдало ему стипендию. По окончании университета Шмидт обязан был стать учителем русского языка в Ревельской дворянской гимназии⁵⁸. Однако Шмидт вовсе не хотел быть

⁵⁴ В 60-х годах наместником Кавказа был вел. кн. Михаил Николаевич — брат вел. кн. Николая Николаевича.

⁵⁵ G. Radde an L. Schwarz, Tiflis, 4./16. Februar 1864 // ТКМ. Мapp 13.

⁵⁶ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 179 об.

⁵⁷ *Lackschéwitz Th. Vorfahren...* S. 27.

⁵⁸ Академик Ф.Б. Шмидт как ботаник [Автобиография] // Тр. Ботан. сада Имп. Юрьевского ун-та. 1902. Т. III. № 1. С. 54.

учителем русского языка; в университете его больше привлекали естественные науки.

В надежде отыскать способ освобождения от обязательства перед Эстляндским дворянством, в конце 1853 г. Шмидт отправился в Петербург. В «Автобиографии» Шмидт не упоминал, благодаря каким «добрым людям» он нашел выход из сложной ситуации. Но из писем Миддендорфа можно заключить, что именно он содействовал «освобождению» Шмидта от должности учителя. В начале 1854 г. Миддендорф спрашивал А.А. Кейзерлинга (который пользовался значительным влиянием в Эстляндском дворянстве), на каких условиях Шмидт может избавиться от должности учителя и посвятить себя научной карьере. Кейзерлинг ответил, что для этого следует вернуть стипендию⁵⁹. У Шмидта денег, естественно, не было, но в Петербурге нашелся «великодушный покровитель», который передал Эстляндскому дворянству необходимую сумму⁶⁰. Так как с Кейзерлингом вопрос об «освобождении» Шмидта обсуждал Миддендорф, возможно, он и нашел этого «великодушного покровителя».

В 1856 г. Шмидт стал помощником директора университетского ботанического сада в Дерпте, в 1858 г. в качестве приват-доцента Дерптского университета читал лекции по общей ботанике. Между тем, больше ботаники уже в это время Шмидта интересовали геологические отложения Лифляндии. Свою магистерскую диссертацию в 1855 г. в Дерптском университете он защитил по геологии, а затем отправил ее нескольким ученым Петербурга. Миддендорф, получивший диссертацию Шмидта, заинтересовался его геологическими исследованиями и затем посылал необходимые ему карты и книги из Академической библиотеки.

Когда возник вопрос об организации физического отряда Сибирской экспедиции РГО, Ф.Б. Шмидт, по его словам, «искал в ней участия». По предложению академика Г.П. Гельмерсена (тогда председателя отделения физической географии Общества и члена комиссии по организации экспедиции) Шмидт был назначен руководителем этого отряда⁶¹. Гельмерсену, несомненно, была известна

⁵⁹ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 11. Л. 15 об. — 16.

⁶⁰ *Kupffer K.R.* Zur Erinnerung an den Akademiker Friedrich Schmidt und seine botanische Leistungen // *Korrespondenzblatt des Naturforscher-Vereins zu Riga.* 1909. Bd. 52. S. 7.

⁶¹ *Семенов П.П.* История полувековой деятельности имп. Русского географического общества 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 1. С. 194.

работа о силурийских отложениях Лифляндии, за которую в 1858 г. Шмидт получил Демидовскую премию. Но, возможно, к его приглашению в экспедицию имел отношение и Миддендорф. Во всяком случае, в своих письмах в Дерпт он сообщал Шмидту о событиях, связанных с подготовкой к экспедиции⁶².

Физический отряд под руководством Шмидта вел исследования на Амуре и Сахалине в 1859–1862 гг. Шмидт часто и подробно описывал Миддендорфу ход экспедиции, сообщал о геологических и ботанических открытиях, о возникавших трудностях, просил прислать ему карту Восточной Сибири, составленную руководителем математического отряда Л.Э. Шварцем, и однажды написал: «Я Вам очень благодарен за то, что Вы сделали мое путешествие возможным»⁶³.

Вскоре после возвращения из Приамурского края Шмидт опять отправился в Сибирь, на этот раз на север. В 1866 г. К.М. Бэр получил сведения о трупe мамонта, который видели в Сибири вблизи Тазовской губы. Академия наук отправила для исследования останков мамонта Ф.Б. Шмидта. Сведения, полученные Бэром о месте находки мамонта, оказались неверными. Останки мамонта находились не в Тазовской губе, а в верховьях р. Гыды, впадающей в эту губу. К тому же там сохранился не целый труп, а лишь отдельные кости, лоскуты кожи и волосы. На основе этих останков нельзя было судить ни об анатомии животного, ни о том, чем оно питалось. Так как Шмидт попал в полярную область, почти неизвестную ученым, он занялся геологическими исследованиями вблизи низовьев Енисея, а также собрал там обширный гербарий. По словам неперменного секретаря Академии наук К.С. Веселовского, коллекция растений, собранная Шмидтом «вместе с материалами, привезенными г. Миддендорфом, представят полную картину флоры Сибирских тундр»⁶⁴.

Миддендорф не имел отношения к организации этой экспедиции, но, судя по содержанию писем к нему Шмидта из Сибири, он получал от Миддендорфа рекомендации для исследований⁶⁵.

⁶² ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9.

⁶³ Там же. Л. 58 об.

⁶⁴ Отчет Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому делениям за 1866 г. СПб., 1867. С. 6.

⁶⁵ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 64 об.

Шмидт имел с собой части труда Миддендорфа⁶⁶, сравнивал свои наблюдения с его зоологическими, ботаническими и палеонтологическими данными и сообщал Миддендорфу в письмах собственные соображения по разным поводам. Шмидт считал очень полезными сведения Миддендорфа о моллюсках. Эти сведения помогли Шмидту привести в порядок собственные находки⁶⁷. По мнению Шмидта, «Этнографическая карта Туруханского округа» из атласа Миддендорфа — «до сих пор это самое правильное и полное изображение нижнего течения Енисея»⁶⁸. Шмидт сообщил Миддендорфу, что, несмотря на то, что прошло уже более двадцати лет со времени его экспедиции, у местных жителей все еще сохранились о ней воспоминания⁶⁹.

Из переписки Миддендорфа и Шмидта можно узнать, что после окончания этой экспедиции они довольно часто встречались в Петербурге или Гелленорме, а затем такие встречи стали редкими.

⁶⁶ Там же. Л. 66 об.

⁶⁷ *Schmidt Fr.* Vorläufige Mittheilungen über die wissenschaftlichen Resultate der Expedition zur Aufsuchung eines angekündigten Mammuthcadavers // Bull. Acad. 1869. Т. 13. Sp. 97–130; *Schmidt Fr.* Wissenschaftliche Resultate der zur Aufsuchung eines angekündigten Mammuthcadavers von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften an den unteren Jenissei ausgesandten Expedition // Mém. Acad. 1872. Т. 18. № 1.

⁶⁸ *Schmidt Fr.* Vorläufige Mittheilungen... Sp. 97, Fussnote.

⁶⁹ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 66.

Путешествия 60–70-х годов

Миддендорф вышел в отставку, когда ему исполнилось 50 лет. В XIX столетии человека в таком возрасте считали старым, даже если он был полон сил. Миддендорф не был вполне здоров, но сохранял завидную работоспособность и любовь к путешествиям.

Еще в начале 50-х годов Миддендорф познакомился с некоторыми членами императорского семейства. Он преподавал иппологию (науку о лошадях) великим князьям Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу, позже — естествознание сыну Александра II Николаю, а с двумя другими его сыновьями (Алексеем и Владимиром) путешествовал. В XIX в. было принято отправлять великих князей в путешествия, чтобы они могли познакомиться как с Российской империей, так и с другими странами.

В 1867 г. с великим князем Алексеем Александровичем Миддендорф плывал по Средиземному морю и Атлантическому океану до Азорских островов. Из скудных источников можно узнать, что путешественники побывали в Крыму, Константинополе, Греции (в Афинах), на острове Мальта, в Италии (вблизи вулканов Этна и Везувий), в Испании (в Кадисе) и на Канарских островах¹. Во время этого плавания Миддендорф собрал зоологическую коллекцию, которую передал в Зоологический музей Академии наук².

¹ *Middendorff A. Th. v. Tagebuchaufzeichnungen // PABvM; Blasius R. Alexander Theodor von Middendorff. Nachruf // Ornithologisches Jahrbuch. 1894. Bd. 5. № 6. S. 225.*

² Зап. АН. 1868. Т. 13. С. 318.

Путешествие в Западную Сибирь

В середине мая 1868 г. с великим князем Владимиром Александровичем Миддендорф отправился в путешествие по России³. Путешествие длилось всего три месяца, но за это время они смогли «спуститься по Волге, осмотреть Оренбургскую губернию, рудники и золотые россыпи Южного Урала, равно как и южного и северного Алтая до Бийска, а на обратном пути — Томск, Барабинскую степь, Иртыш на большей части его протяжения, Тобольск и громадные заводы Пермской губернии»⁴.

Путешественники осмотрели некоторые деревни и военные поселения Оренбургской губернии⁵, на Южном Урале посетили Верхнеуральск, Златоуст, Миасс и Троицк. Затем по Сибирскому тракту доехали до Омска, откуда отправились к югу в Семипалатинск. О том, что путешественники побывали на Алтае, Миддендорф упомянул при описании растительности Омской степи: «Не столь пышною растительностью, но прелестью своих лугов, при виде которых душа наполняется восторгом, меня поразили неделями двумя раньше виденные скаты Алтая вблизи Бухтарминска (на протяжении между этим городом и Усть-Каменогорском)»⁶.

На обратном пути от Барнаула ехали по высокому левому берегу Оби до деревни Крутихи, а затем отправились на запад к озеру Чаны (в центре Барабинской степи). Путешественники побывали также в верховьях реки Омь (правого притока Иртыша) и вблизи озера Убинского⁷.

После путешествия с великим князем Миддендорф опубликовал обширную статью «Бараба», в которой изложил свои представления о природе и сельскохозяйственной деятельности населения Барабинской степи. Миддендорф обнаружил, что существовавшие

³ Во всех кратких биографических очерках и в послужных списках Миддендорфа это путешествие относится к 1869 г.

⁴ *Миддендорф А. Ф.* Бараба // Зап. АН. 1871. Т. 19. Кн. 1. Приложение № 2. С. 49. По мнению Миддендорфа, объехать все эти места за столь короткий срок было «неслыханным делом» и его удалось осуществить только благодаря энергии попечителя великого князя.

⁵ В Оренбурге в губернском статистическом комитете в 1868 г. для высокого гостя был подготовлен «Историко-статистический очерк губернии» (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 22).

⁶ *Миддендорф А. Ф.* Бараба... С. 15.

⁷ Миддендорф писал: «Мне удалось пробыть в Барабинской степи три недели» (Там же. С. 49).

А. Ф. Миддендорф (PABvM)

описания и карты Барабинской степи создавали неверные представления о ее природе.

На картах Барабинскую степь изображали как обширное заболоченное пространство. Между тем, хотя болота там и встречаются, по всей территории Барабы можно проехать на телеге даже в местах, покрытых водой, так как равнина очень плоская, а ее поверхность сложена крепким песчаным суглинком.

Еще в 1843 г. на пути в Восточную Сибирь Миддендорф видел березовые рощи в Ишимской, Омской и Барабинской степях и уже тогда пришел

к выводу, что название «степь» для этих местностей противоречит традиционным представлениям о степях как безлесных пространствах. После поездки по Барабинской степи в 1868 г. Миддендорф убедился в верности своих наблюдений и предложил называть Барабу «березовой степью». Он полагал, что почвы и климат не мешают произрастанию там березы, которая не растет только на солонцах и в местах, большую часть года покрытых водой. Но во многих местах береза уничтожена местным населением. По мнению Миддендорфа, название «степь» появилось в связи с относительным безлесьем этих пространств, но постепенно их вид стал все больше соответствовать такому названию.

Миддендорф первым определил естественные границы Барабинской степи и на основе различия растительности выделил следующие виды местности в ее пределах: тайга, урманы, моховые болота (рям), торфяные болота (аллат или чимган), гривы. Видел он в Барабинской степи и дюны, на которых росли сосновые боры.

Барабинскую степь Миддендорф считал необычайным геологическим явлением из-за ее удивительно ровной поверхности. Даже большие озера там неглубокие и имеют ровное дно. Мид-

дендорф полагал, что характер поверхности Барабы подтверждает мнение А. Гумбольдта о том, что некогда она была дном древнего моря, соединявшего Арало-Каспийский бассейн с Ледовитым океаном. «Своим видом и настоящим характером Бараба обязана поверхностному, но совершившемуся в определенном однообразном направлении геологическому процессу новейшего времени, который одновременно распространяется как на все занимаемое ею пространство, так и на обширные окружающие ее местности»⁸.

Своеобразие поверхности Барабы выражается также в том, что полуострова и острова на озере Чаны чрезвычайно вытянуты в восточно-северо-восточном направлении. В том же направлении вытянуты и небольшие озера. Миддендорф сравнивал их с «дилювиальными рубцами» и «щелчистыми формациями озар» (озов) вблизи Балтийского моря. «Представьте себе, что те самые силы, которыми вызваны озары, действовали последовательнее и сильнее на большем пространстве, и мы вправе предположить, что они могли произвести такие же формы, какие мы видим на карте»⁹, — писал Миддендорф, но не уточнял, какие именно силы имеет в виду. Однако в труде о Сибирской экспедиции он утверждал, что в Сибири отсутствуют следы древних ледников, а «озары» (озы) относил к морским отложениям. Поэтому можно предположить, что упомянутые «рубцы» и «озары» подтверждали его мысль о Барабе как бывшем морском дне. Кстати, в конце главы о геологических особенностях Барабы Миддендорф отметил, что «внешняя форма поверхности Барабы показывает, что при этом процессе лед не оказывает никакого влияния»¹⁰.

Между тем, работа была написана в то время, когда ученое сообщество Европы уже признало идею ледникового периода, и в России некоторые исследователи склонялись к поддержке этой идеи. Упоминание Миддендорфа о полуостровах, вытянутых к востоку-северо-востоку, о «дилювиальных рубцах» и «озарах» позволяло делать иные, чем в его работе, выводы о происхождении поверхности Барабы. В 1871 г. рецензент журнала «Знание», писавший о статье Миддендорфа, не только сообщил, что общей причиной внешнего вида Барабинской степи «следует считать действие древних ледников», но и приписывал этот вывод автору

⁸ Там же. С. 30–31.

⁹ Там же. С. 31.

¹⁰ Там же. С. 44.

статьи: «Миддендорф находит возможным сравнить эту правильность с правильностью ледниковых борозд»¹¹. Сам рецензент считал, что вытянутые в одном и том же направлении острова и заливы озера Чаны и вытянутые в том же направлении острова и заливы Онежского озера позволяют «для обоих явлений предположить одну и ту же причину — действие ледников»¹².

Много внимания в своей статье Миддендорф уделил анализу хозяйственной деятельности местных жителей. По его мнению, в Барабе очень плодородные земли, но причиной их плодородия следует считать не тонкий слой почвы (Миддендорф называл его черноземом), а подпочву — глинистый сланец.

Однако крестьяне Барабинской степи весьма нерационально вели хозяйство. Поля они не удобряли, а после истощения участков распахивали новые. К тому же развитию зернового хозяйства мешали ранние и поздние заморозки, засухи и набеги саранчи. Местный скот (особенно лошади) часто погибал летом из-за широкого распространения сибирской язвы, которую не умели лечить, а зимой — от голода (из-за отсутствия кормов). При наличии богатых лугов в степях Западной Сибири не было принято косить траву, чтобы на зиму запастись кормом для скота.

Плодородие местных земель весьма привлекало переселенцев. Миддендорф выразительно описывал их стремление на восток из «благословенных полос Европейской России» под влиянием «баснословных рассказов» о чудесах и удивительном плодородии сибирских земель. «Зачем вы покинули родину? — спрашивал я. — Тесно, слишком тесно стало у нас, — был их постоянный ответ»¹³. Миддендорф весьма критически относился к этому почти беспричинному движению, тем более, что переселенцы не умели использовать благоприятные местные условия.

Миддендорф много размышлял о проблеме сибирской язвы. Описанию признаков этой болезни, причин возникновения, спо-

¹¹ [Рецензия]. *A. Th. v. Middendorff. Die Baraba. St.-Pet. 1870 // Знание. 1871. № 5. Критика. С. 134.* (Без подписи).

¹² Там же. С. 135. В России к началу 70-х годов XIX в. однозначно признавали гипотезу ледникового периода, кажется, только П.А. Кропоткин и Г. Вейденбаум — сотрудник журнала «Знание», который, вероятно, и был автором рецензии. Вейденбаум не просто интересовался проблемой ледникового периода, он собирался написать труд о теории оледенения. К сожалению, этому помешала ранняя смерть Вейденбаума.

¹³ *Миддендорф А.Ф. Бараба...* С. 18, 140.

собов лечения, областей распространения и истории ее изучения в России он посвятил особую главу своей работы.

По мнению Миддендорфа, название болезни появилось потому, что академик И.-Г. Гмелин подробно описал ее после своего путешествия по Сибири во время Второй Камчатской экспедиции, хотя болезнь свирепствовала еще во времена Римской империи и встречается во всех странах света. В России ветеринары занялись поисками способов лечения сибирской язвы лишь в начале XIX в. и сначала полагали, что она заносится из Европы.

До путешествия Миддендорфа существовало мнение, что сибирская язва широко распространена на Урале и на Алтае. Миддендорф обнаружил, что мнение это неверно и в горах сибирская язва практически не встречается. Он полагал, что ее распространению содействуют испарения стоячих болот низменных местностей и обилие насекомых — главных переносчиков болезни.

Миддендорф писал, что выводы о причине и распространении язвы складывались под влиянием второстепенных условий, «которые затемняют вопрос о причине эндемических болезней», и что «нельзя пренебрегать медико-географическим исследованием этой язвы»¹⁴. Он считал также важным рассмотреть «простые условия, при которых сибирская язва является в несомненно главной квартире своего зарождения, т.е. в Западной Сибири»¹⁵. «Второстепенными условиями» Миддендорф называл ситуации, при которых лошади гибнут от истощения и плохого обращения, а не собственно от эпизоотий.

Сведения Миддендорфа о природе Барабинской степи привлекли внимание современников. Труд «Бараба» долго оставался одним из важных источников для тех, кто исследовал южные области Западной Сибири. В 1882 г. В.В. Докучаев воспользовался данными Миддендорфа при описании природных условий Барабинской степи. Но Докучаев критически отнесся к мнению Миддендорфа о причинах ее плодородия. Докучаев считал, что почвы Барабы нельзя относить к черноземам: «по своей толщине и по своему составу они, видимо, ближе подходят к нашим северным дерновым, а вероятно, и к болотно-луговым почвам, чем к русскому степному

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 53.

чернозему»¹⁶. По мнению Докучаева, неверным было и мнение Миддендорфа о том, что плодородие земель Барабинской степи определяется характером подпочв. При этом ошибочность вывода Миддендорфа Докучаев доказывал, опираясь на данные о геологическом строении Барабы, имеющиеся в работе самого Миддендорфа.

Материалы Миддендорфа использовал и почвовед Г.И. Танфильев. Как ученик и сотрудник Докучаева, он, конечно, знал его мнение, однако вслед за Миддендорфом называл почвы Барабинской степи черноземом. Формы поверхности этого пространства, по мнению Танфильева, можно объяснить действием не морских, а ледниковых вод — талых вод обширного ледника, находившегося на севере Западной Сибири¹⁷. В наше время Барабинскую степь вслед за Докучаевым называют лесостепью, но (вопреки его мнению) почвы Барабы считают черноземом.

Путешествие по Белому и Баренцеву морям

В 1870 г. А.Ф. Миддендорф с великим князем Алексеем Александровичем путешествовал на корвете «Варяг» из Архангельска по Белому и Ледовитому (Баренцеву¹⁸) морям (между Новой Землей и Кольским полуостровом) и по Атлантическому океану до Исландии¹⁹.

¹⁶ Докучаев В.В. По вопросу о сибирском черноземе // Тр. ВЭО. 1882. Т. 2. С. 300.

¹⁷ Танфильев Г.И. Бараба и Кулундинская степь. СПб., 1902. С. 104.

¹⁸ Название «Баренцево море» Миддендорф в своих сочинениях не использовал. Это название впервые поместил на карту немецкий географ А. Петерман — в книге Г. Веера о путешествиях В. Баренца. (*Veer G. de. A true description of three Voyages by the North-East towards Cathay and China, undertaken by the Dutch in the years 1594, 1595 and 1596.* London, 1853). Однако затем на картах Северного Ледовитого океана самого Петермана названия «Баренцево море» не было. Оно появилось на картах Европы в весьма популярных атласах немецкого картографа А. Штилера (*Stieler A. Hand-Atlas über alle Theile der Erde nach dem neuesten Zustande und über das Weltgebäude.* Gotha, 1875) и шотландского географа А.К. Джонстона (*Johnston A.K. The Royal Atlas of modern geography.* Edinburgh; London, 1878). В России еще и в начале XX столетия море называли Мурманским. Название «Баренцево море» можно обнаружить в статье о В. Баренце, опубликованной в 1891 г. в словаре Брокгауза. На русской карте Европы Баренцево море появилось только в 1905 г. в атласе мира А.Ф. Маркса.

¹⁹ Путешествие великого князя Алексея Александровича в 1870 г. // Изв. РГО. 1871. Т. 7. Вып. 9. Отд. 2. С. 438–444.

Миддендорф взял с собой Эрнста, который описывал приключения этого путешествия в своих письмах к Карлу. Из писем Эрнста можно узнать, что великий князь и его спутники выехали из Петербурга в начале июня и добирались до Архангельска на разных пароходах по Неве, Ладожскому и Онежскому озерам, по каналам, соединяющим реки и озера, и, наконец, по Северной Двине. В пути они побывали в Петрозаводске и на водопаде Кивач. В своем первом письме Эрнст писал Карлу: «Отец очень весел, спит, как мы все, очень много и этим очень доволен. Это путешествие несомненно будет для него благотворным»²⁰.

Несколько дней путешественники провели в Архангельске, осматривая город. Затем они посетили Соловецкие острова, где Миддендорф не только побывал в монастыре, но и ознакомился с местными породами коров. На Новой Земле (вблизи бухты Костин Шар) Миддендорф и Эрнст охотились и собирали гербарий. После Новой Земли путешественники побывали на Мурманском берегу у устья Колы. Миддендорф и Эрнст и там охотились в ближайших горах. Великий князь и его спутники посетили также несколько городов Норвегии и из порта Тромсё морем отправились в Исландию.

Хотя путешествие было интересным, уже в Норвегии Миддендорф и его сын мечтали поскорее вернуться домой. Эрнст писал Карлу: «Папа и я совершенно здоровы и чувствуем себя очень хорошо. Несмотря на это, мы оба очень скучаем по дому и были бы, честно говоря, очень довольны, если бы не должны были идти в Исландию, так как это задержит наше возвращение на четыре недели»²¹.

В Исландии они провели неделю. Побывали в Рейкьявике, ездили на лошадях в глубь острова, где видели вулкан Гекла, ледники, гейзеры и проч. И, наконец, морем — через Копенгаген, Ревель и Кронштадт — 10 сентября вернулись в Петербург.

Великий князь Алексей Александрович должен был в будущем стать руководителем морского ведомства. Поэтому учебное плавание, происходившее под руководством вице-адмирала К.Н. Посьета (попечителя великого князя), превратилось в своеобразную научную экспедицию. Кроме «Варяга» в плавание отправились еще два судна.

²⁰ *Middendorff A. v. Ernst von Middendorff mit dem Dampf-Segelschiff nach Nowaja Semlja und Island 1870. [Рукопись] Giessen, 1996. S. 8.*

²¹ Там же. S. 29.

На всех судах велись астрономические, магнитные и гидрологические наблюдения²². В свите великого князя, кроме Миддендорфа, находились и другие естествоиспытатели, собиравшие коллекции²³.

Во время путешествия с великим князем Миддендорф не только отдыхал и охотился. Он принимал также участие в наблюдениях, которые велись на борту «Варяга» по программе международной морской конференции, состоявшейся в Брюсселе в 1853 г. Офицеры «Варяга» регулярно измеряли температуры воздуха и воды на поверхности моря и на разных глубинах. Миддендорф следил за этими наблюдениями и в некоторых случаях рекомендовал производить измерения чаще, чем предусматривалось инструкцией. Прибор для измерения температуры на глубине был не очень точен, а условия для самих измерений по курсу движения судна не всегда благоприятны. Однако Миддендорф считал, что результаты наблюдений на пространстве, где до тех пор подобные измерения не производились, весьма важны для изучения моря. Они позволяли уточнить представления о распространении теплых вод Гольфстрима в Ледовитом океане к северу от Европейской России.

Английский мореплаватель В. Скорсби, обнаружив в начале XIX в. теплую воду к западу от Шпицбергена, высказал предположение, что ее приносит из Атлантического океана течение Гольфстрим. О теплых водах к северу от Европы упоминали и другие мореплаватели, но специальные научные наблюдения там не велись. К.М. Бэр после своих наблюдений на Новой Земле и путешествия Миддендорфа предположил, что теплое течение вблизи западных берегов Новой Земли связано с теплыми водами Атлантического океана²⁴. В 1852 г. немецкий физик Г.-В. Дове, на основе скудных данных о характере распределения температур на пространстве Ледовитого океана, на карте к своей работе протянул Гольфстрим до Новой Земли²⁵. Мнение это с 60-х годов XIX в. широко распространилось благодаря работам немецкого географа А. Петермана. На основе

²² Смирнов В.Г. Исследование Гольфстрима на корвете «Варяг» (1870 г.) // Изв. РГО. 2003. Т. 135. Вып. 1. С. 81–87.

²³ Во время путешествия наблюдения вели член Общества испытателей природы при Московском университете В.Н. Ульянов, студент И.С. Раевский и натуралист Н.Я. Данилевский (Там же. С. 82).

²⁴ Baer K.E. v. Ueber das Klima des Taimyr-Landes // Bull. phys.-math. 1845. Т. 4. № 20–21. Sp. 315–336.

²⁵ Dove H.W. Die Verbreitung der Wärme auf der Oberfläche der Erde. Berlin, 1852.

наблюдений русских исследователей, обнаруживших полынью в Ледовитом океане вблизи Новосибирских островов и незамерзающее море к востоку от них, Петерман пришел к выводу, что воды Гольфстрима достигают мыса Якан (недалеко от Берингова пролива)²⁶. Доказательством вывода о распространении Гольфстрима к востоку от Новой Земли для Петермана служило и сообщение Миддендорфа в труде о Сибирской экспедиции, о том, что в августе 1843 г. Таймырский залив был свободен ото льда.

Описанию влияния Гольфстрима на природу северной части Атлантического океана и ближайших к нему стран Европы Петерман посвятил особую статью²⁷. Вероятно, поэтому вскоре после возвращения в Петербург (29 сентября 1870 г.) Миддендорф выступил на заседании Физико-математического отделения Академии наук с сообщением о некоторых результатах наблюдений, которые велись на «Варяге»²⁸. Затем (по предложению Отделения) он опубликовал статью «Гольфстрим к востоку от Нордкапа» сначала на немецком языке в академическом «Бюллетене», а через год в «Записках Академии наук».

Вся работа Миддендорфа была реакцией на статью Петермана. Он считал прекрасным замечание последнего о том, что «исследуя Гольфстрим, мы узнаем явление, которому Европа (а, следовательно, и весь свет) обязана передовым значением в отношении культуры»²⁹. Вместе с тем некоторые выводы Петермана казались Миддендорфу «слишком смелыми» или «заходящими весьма далеко».

Миддендорф высказал свои соображения о причинах, позволивших Петерману считать, что воды Гольфстрима распространяются в Ледовитом океане далеко к востоку. Миддендорф отмечал как правомерность, так и недостаточную убедительность выводов Петермана, а затем, дополняя и уточняя его сведения на основе наблюдений «Варяга», описал северные ветви Гольфстрима.

²⁶ Таммиксаар Э., Сухова Н.Г. Концепция Северного Ледовитого океана Августа Петермана и взгляды ученых России // Изв. РГО. 1997. Т. 129. Вып. 6. С. 17.

²⁷ *Petermann A. Der Golfstrom und Standpunkt der thermometrischen Kenntniss des Nord Atlantischen Oceans und Landgebiets im Jahre 1870 // Petermann's Mittheilungen... 1870. Bd. 17. S. 201–254.*

²⁸ Зап. АН. 1871. Т. 18. Кн. 1. С. 94.

²⁹ *Миддендорф А.Ф. Гольфстрим на восток от Нордкапа // Зап. АН. 1871. Т. 19. Кн. 1. С. 74.*

Течение между Медвежьим островом и берегом Норвегии, обнаруженное Петерманом, Миддендорф назвал Нордкапским течением и считал его главным рукавом Гольфстрима к северу от Европы, а уже известное Шпицбергенское — второстепенным. Миддендорф полагал, что масса нагретой воды в Нордкапском течении так велика, что можно допустить ее «нагревательное действие» и дальше к востоку, хотя вода охлаждается, и это нагревание едва заметно. Другую ветвь Гольфстрима Миддендорф назвал Канинским течением. Одна часть его тянется на север вдоль Новой Земли, а другая направляется в сторону Карского моря — к «Печорской стране» и Вайгачскому заливу. Теплое течение вдоль Новой Земли отделено от ее берегов холодным течением, которое проходит по «желобу» — рытвине в морском дне, протянувшейся вдоль этих берегов. Миддендорф также согласился с мнением Петермана, согласно которому воды Гольфстрима проникают и в Белое море.

Предлагая схему ветвей Гольфстрима к северу от Европы, Миддендорф понимал, что точно определить направление течений на основе данных только о температуре воды невозможно. По его словам, из-за сочетания одновременно действующих причин потребуются еще много времени, чтобы выяснить, как велико это воздействие и имеется ли какое-нибудь влияние теплой воды Гольфстрима на температуру вод Ледовитого океана³⁰.

В заключение своей работы Миддендорф выразил восхищение смелыми предположениями Петермана и важностью проделанных им исследований. Вместе с тем Миддендорф надеялся, что «Сибирское полярное море», содержащее огромные сокровища, привлечет к себе внимание исследователей «прежде, чем внутри наших собственных границ иностранцы не отнимут у нас первенства»³¹. Миддендорф предположил также, что «встреча» теплых вод Гольфстрима с холодными водами Ледовитого океана содействует появлению там большого количества низших животных, а это в свою очередь ведет к обилию рыбы и тюленей.

В 1872 г. Миддендорф вернулся к теме Гольфстрима, так как от одного из спутников плавания на «Варяге» получил новые данные о морских температурах вблизи Нордкапа. Эти сведения

³⁰ Там же. С. 100.

³¹ Там же.

подтвердили выводы Миддендорфа о распространении вод Гольфстрима к востоку от Нордкапа³².

Работу Миддендорфа можно рассматривать как одну из предпосылок для дальнейших исследований (хотя не все его выводы были верны). Сведения Миддендорфа о Гольфстриме использовал П.А. Кропоткин в «Докладе комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря»³³. В 1873 г. в «Обзоре плавания к берегам Новой Земли» отмечалось, что суждения Миддендорфа о направлении ветвей Гольфстрима подтверждали «теоретические положения о возможности судоходства по Ледовитому океану»³⁴.

Излагая результаты своих наблюдений 1893–1894 гг. во время экспедиции на «Фраме» по Северному Ледовитому океану, Ф. Нансен повторил предложенное Миддендорфом название «Нордкапское течение», тем самым закрепляя его в географической литературе. Нансен сообщил, что его наблюдения подтвердили сведения Миддендорфа как о температуре воды, так и о солености к востоку от Нордкапа. Согласно Нансену, мнение Миддендорфа о проникновении ветви Гольфстрима в Белое море не подтвердилось, но верен вывод о том, что воды Нордкапского течения попадают в Печорскую губу. И хотя спутники Нансена в Карских воротах следов теплого течения не обнаружили, сам он полагал, что теплую воду там все же можно найти на большой глубине. Нансен поддержал также предположение Миддендорфа о богатстве органической жизни в местах соприкосновения теплых и холодных вод Ледовитого океана³⁵.

В начале XX в. в Ледовитом океане к северу от Европы велись интенсивные исследования, поэтому, по мнению Н.М. Книповича, статья Миддендорфа представляла уже только «исторический интерес». Сообщив, что работа Миддендорфа имела «бесспорно, весьма важное значение, как первая попытка разобраться в гидрологии

³² *Middendorff A. Th. v. Nachträge zur Kenntniss des Nordkapstromes // Bull. Acad. 1872. T. 18. Sp. 3–5.*

³³ Доклад комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря, составленный Кропоткиным при содействии А.И. Воейкова, М.А. Рыкачева, Н.Г. Шиллинга, Ф.Б. Шмидта и Ф.Ф. Яржинского, был опубликован в «Известиях РГО» (1871. Т. 7. Отд. 1. С. 29–117), а также отдельным изданием. Организовать эту экспедицию обществу не удалось.

³⁴ Морск. сб. 1873 Т. 124. № 1. Ч. неофиц. С. 60.

³⁵ *Nansen F. The Oceanography of the North Polar Basin // Nansen F. The Norwegian North Polar Expedition 1893–1896. Scientific results. Christiania; London; Leipzig, 1902. Vol. 3. P. 258–271.*

наших северных вод», Книпович отметил: «результатом работы не могла не явиться картина не только неточная, но и совершенно неверная во многих отношениях»³⁶, а затем подробно изложил взгляды Миддендорфа о ветвях Гольфстрима. Казалось бы, если работа Миддендорфа тогда представляла уже только исторический интерес, стоило ли много внимания уделять изложению его взглядов. Кстати, отмечая ошибочность «ученых предвидений» А. Петермана, Книпович подчеркивал: «ошибки Миддендорфа существенно иного рода, чем ошибки Петермана. Миддендорф гораздо больше опирался на факты в своих попытках разобраться в тех крайне сложных явлениях, с которыми ему пришлось иметь дело»³⁷. С таким выводом трудно не согласиться.

Путешествие в Ферганскую долину

В 1878 г. Миддендорф вновь отправился в путешествие, на этот раз в Туркестанский край, лишь недавно присоединенный к Российской империи. И хотя там долго не прекращались военные действия, генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман активно содействовал изучению «новоприобретенных земель». Известный исследователь Средней Азии геолог И.В. Мушкетов отмечал: «Всемирному миру известно, что покойный Туркестанский генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман относился с редким необыкновенным сочувствием к научным изысканиям и не только всегда оказывал им нравственное или материальное содействие, но во многих случаях был сам инициатором их. Период его управления, по всей справедливости, можно назвать периодом расцвета научной деятельности в Туркестане /.../ По его инициативе и большей частью на средства, предоставленные им, состоялись многие замечательные экспедиции, получившие европейскую известность, например, экспедиции Северцова, Федченко, Миддендорфа и др.»³⁸.

³⁶ Книпович Н.М. Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана // Зап. РГО по общей географии. 1906. Т. 42. С. 19.

³⁷ Там же. С. 20.

³⁸ Мушкетов И.В. Туркестан. СПб., 1886. Т. 1. С. XIII.

В 1875 г. Кауфман обратился к П.П. Семенову с просьбой рекомендовать ученого для исследований экономических условий Туркестана. Семенов, знавший, что Миддендорф занимается не только наукой, но и сельским хозяйством, рекомендовал его Кауфману, и о своем предложении сообщил Миддендорфу. Но Кауфман не сразу пригласил его для исследований. Поэтому 6 мая 1876 г. Миддендорф написал Семенову: «Ждал, ждал и, наконец, в январе с.г. не мог более отказать Её Высочеству Екатерине Михайловне и взял на себя главную администрацию имения Карловка Полтавской губернии /.../. Итак, я на один год решительно связан». В том же письме Миддендорф отметил, что «задача бросить сельскохозяйственный взгляд, основанный на естествознании», его интересует, но это дело требует особой подготовки. В 1876 г. на него рассчитывать не стоило, но Миддендорф надеялся, что сможет договориться с великой княгиней, чтобы она отпускала его на полгода в Туркестан в 1877, 1878, 1879 гг.³⁹ Миддендорф считал, что для естественноисторических исследований его должны сопровождать два молодых человека. Сам он собирался заниматься изучением только экономического устройства края. «Конечно, генерал Кауфман ожидает себе более удобного человека, и, не рассчитывая на продолжение этой корреспонденции, повторяю Вашему превосходительству мою благодарность за добрую память», — так закончил Миддендорф свое письмо⁴⁰.

Однако Семенов подробно изложил Кауфману содержание письма Миддендорфа, добавив: «Со своей стороны я полагаю, что взгляд одного из первоначальных естествоиспытателей, соединяющих в себе обширные научные познания с опытностью практического агронома, глубоко изучившего сельскохозяйственные отношения северной и южной России, могли бы принести Туркестанскому краю существенную пользу, не говоря уж о пользе для науки географической и экономической»⁴¹.

В ответ на это письмо Кауфман просил Семенова продолжать быть посредником между ним и Миддендорфом. После интенсивной переписки Миддендорф был назначен начальником экспедиции, однако вопрос о ее начале был решен не сразу. В своих письмах

³⁹ Арх. РГО. Ф. 1–1876. Оп. 1. № 14. Л. 1, 9–9 об. Вел. кн. Екатерина Михайловна стала владелицей Карловки после смерти матери — вел. кн. Елены Павловны.

⁴⁰ Там же. Л. 10 об.

⁴¹ Там же. Л. 11 об. — 12.

к сыновьям Миддендорф касался и политической ситуации в Туркестане. В письме к Максусу в апреле 1877 г. он писал: «Состоится ли [экспедиция] в Туркестан сейчас, конечно, под вопросом, это зависит от того, как успешны были там последние бои»⁴². В октябре того же года Миддендорф писал Максусу: «Я с удовольствием сообщил бы тебе желаемые известия, но совершенно непонятным образом я не нашел здесь никаких известий о Туркестане. Таким образом, кажется мне, что дело это шаткое»⁴³. Но 3 ноября Миддендорф сообщил сыну, что путешествие состоится в начале января следующего года.

8 ноября 1877 г. Миддендорф предложил Физико-математическому отделению Академии наук отправить с ним зоолога для исследований почти неизвестной фауны Туркестана⁴⁴. 7 декабря о намечающейся в 1878 г. экспедиции для исследования сельскохозяйственных и экономических условий Туркестана в общем собрании сообщил секретарь Русского географического общества⁴⁵.

В 1875 г. Кокандское ханство, в пределах которого находилась Ферганская долина, еще не принадлежало России. (Высочайшее повеление о присоединении этого ханства состоялось в феврале 1876 г.) В письмах Семенова, Кауфмана и Миддендорфа весной и летом 1876 г. речь шла об исследованиях в Туркестане⁴⁶. Решение об исследованиях в Ферганской долине Кауфман принял в этом же году только после того, как обстановка в Туркестане стала более или менее спокойной, но, как следует из писем Миддендорфа, окончательно определить сроки экспедиции удалось лишь в конце следующего года.

Миддендорф уехал из Петербурга 9 января 1878 г. Его сопровождали ученый хранитель Зоологического музея Академии наук В. Ф. Руссов (страстный охотник и превосходный орнитолог)⁴⁷, инженер В. Перру⁴⁸ и сын Макс⁴⁹. 12 февраля они были в Ташкенте,

⁴² A. Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff, Pörrafer, 17. April 1877 // PAWL.

⁴³ Там же. Pörrafer, 16. Oktober 1877.

⁴⁴ Зап. АН. 1878. Т. 31. С. 376–377.

⁴⁵ Изв. РГО. 1878. Т. 14. Действ. общ. С. 33.

⁴⁶ Дело архива РГО об экспедиции называется «Переписка о поездке академика Миддендорфа для осмотра сельскохозяйственных отношений Туркестанского края».

⁴⁷ Зап. АН. 1878. Т. 31. С. 376–377. До 1874 г. В. Руссов служил хранителем музея в Дерптском университете.

⁴⁸ В. Перру был родом из Лифляндии и в 1872 г. окончил Рижский политехнический институт.

⁴⁹ Макс путешествовал отчасти за деньги, выделенные генерал-губернатором, а отчасти на средства отца. (*Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe. Livland (1847–1894)*. [Рукопись] Giessen, 1996. S. 193).

где Миддендорф встретился с Кауфманом и обсуждал с ним план дальнейших действий⁵⁰. В Ташкенте Миддендорф знакомился также с материалами и картами, необходимыми для исследований.

23 февраля Миддендорф приехал с Перру в Маргелан в Ферганской долине. Там через несколько дней к ним присоединился ботаник С.М. Смирнов (консерватор ботанического музея Казанского университета). Для поездок по долине Миддендорф приобрел в Маргелане собственных лошадей. (На пути в Туркестан лошадей на станциях не хватало, и приходилось их очень долго ждать, что весьма огорчало Миддендорфа⁵¹.)

Путешественники побывали в разных частях Ферганской долины — в её восточной части (в Ходженте и Коканде), в южной части (у подошвы Алайского хребта), а также на северо-востоке (в Оше, Ургенте, Андижане и в долине реки Нарым)⁵². С.М. Смирнов собирал гербарий и описывал культурные растения долины. В. Перру в течение месяца вел метеорологические наблюдения в Маргелане и копировал существующие там карты. Сопровождая Миддендорфа в экскурсиях по Фергане, он измерял высоты⁵³.

В середине мая Миддендорф отправился в Ташкент, чтобы обсудить с Кауфманом результаты своих наблюдений. Затем он некоторое время знакомился с состоянием сельского хозяйства на берегах Сыр-Дарьи⁵⁴, а 2 июня уже был в Казалинске (в устье реки). В Европейскую Россию Миддендорф возвращался вместе с Перру. Из его писем известно, что в Туле они расстались, Миддендорф

⁵⁰ Впоследствии в одном из писем Миддендорф писал о Кауфмане: «очень мудрый, очень многознающий, находчивый, но преувеличивает свое значение. К науке относится с уважением, но собственные погоны генерал-адъютанта ценит больше. /.../ Но я считаю Кауфмана действительно единственным человеком, который на чрезвычайно сложном посту находится на своем месте» (A. Th. v. Middendorff an B. v. Uexküll, Pörrafer, 25. November 1881 // PAAvU).

⁵¹ A. Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff, Margelan, 23. Februar 1878 // PAWL.

⁵² Там же. Margelan, 4. März [18]78 // PAWL.

⁵³ Миддендорф был очень доволен деятельностью Перру как наблюдателя и картографа, о чем писал Максу (Margelan, 13. März 1878). По рекомендации Миддендорфа, после окончания экспедиции Перру до 1881 г. вел организованные Лифляндским общепольным экономическим обществом геодезические нивелировки в Лифляндии, а в 1882 г. — на острове Эзель. ([*Seidlitz C.J. v.*] General-Nivellement von Livland. Zweite, dritte und vierte (Schluss-Lieferung): mit einer hypsometrischen Karte von Esth- und Livland. Dorpat, 1883; [*Seidlitz C.J. v.*] General-Nivellement der Inseln Oesel und Moon. Dorpat, 1886).

⁵⁴ *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe...* S. 192; A. Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff, Taschkent, 15. Mai 1878 // PAWL.

отправился в Карловку, а Перру — в Ригу. 2 июля Миддендорф вернулся в Пэрафер⁵⁵.

Руссов путешествовал с Максом. Они вели зоологические исследования в окрестностях г. Чиназа, в восточной части Голодной степи, в верховьях рек Саназар и Зеравшан и вблизи оз. Искандер-куль. Затем приехали в Самарканд, откуда отправились в горы с военным отрядом. Однако оказалось, что вести наблюдения при быстром движении отряда невозможно, и путешественникам пришлось вернуться в Самарканд. Они побывали и в Ташкенте, откуда приехали в Петербург⁵⁶. О своих наблюдениях и приключениях во время путешествия Руссов сообщал в письмах академику А.А. Штрауху (директору Зоологического музея)⁵⁷, а Макс — отцу⁵⁸. К сожалению, на обратном пути Руссов заразился черной оспой и в начале января в Петербурге скончался⁵⁹.

С.М. Смирнов оставался в Ферганской долине до 1881 г. и продолжал там ботанические наблюдения. Кроме того, он изучал болезни винограда, местные плоды как предмет торговли, выяснял проблемы укрепления песков и орошения. Результаты своих наблюдений, а также выписки из дел Ферганского правления и полученные там карты Смирнов посылал Миддендорфу для его работы о Фергане⁶⁰.

Коллекции экспедиции частями доставляли в Дерпт с августа по сентябрь 1878 г. Особенно важными Миддендорф считал образцы почв Ферганской долины, которые должен был обработать профессор химии Дерптского университета К. Шмидт⁶¹. (Миддендорф

⁵⁵ Сохранилось письмо Макса к отцу — ответ на письмо Миддендорфа, написанное в Пэрафере 2 июля 1878 г. (РНБ. Ф. 124. № 2806. Л. 1–2 об.). Уже 3 июля о возвращении Миддендорфа от К.С. Веселовского узнал Ф.П. Литке (Там же. № 2513. Л. 34 об. —35). См. также: Экспедиция академика А.Ф. Миддендорфа для исследования сельскохозяйственных условий русского Туркестана // Изв. РГО. 1878. Т. 14. Вып. 1. Мелкие изв. С. 116.

⁵⁶ *Ошанин В.Ф.* Ученые экспедиции, занимавшиеся исследованиями Туркестанского края в 1878 г. Ташкент, 1879. С. 11–12.

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 50. Оп. 2. № 224.

⁵⁸ Отрывки из писем Макса к отцу опубликованы в «Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou» за 1878 г. Оттиск статьи «*Middendorff M. v. Kurzgefasster Auszug aus den Reisebriefen, geschrieben während einer Rundreise aus Orenburg (über Taschkent und Tschinas durch Ferghana-Thal)*» сохранился в отделе рукописей РНБ (Ф. 124. № 2807).

⁵⁹ А.Ф. Миддендорф просил А.А. Штрауха содействовать, чтобы Академия позаботилась о семье Руссова, особенно о его детях (СПФ АРАН. Ф. 50. Оп. 2. № 171. Л. 1–2 об.).

⁶⁰ Арх. РГО. Ф. 1–1876. Оп. 1. № 14. Л. 3, 5.

⁶¹ В юности К. Шмидт хотел быть путешественником, но не стал им после рассказов Миддендорфа о трудностях Сибирской экспедиции. После смерти Миддендорфа Шмидт

полагал, что после анализов Шмидта почвы Ферганской долины будут лучше известны, чем почвы Лифляндии⁶².)

Исследования Ферганской долины Миддендорф прекратил раньше, чем намечалось. Об этом мы узнаем из его письма к П. П. Семенову, которое было написано в Чимкенте 18 мая 1878 г.: «Вследствие необходимости некоторые разносторонние взгляды выяснить устными сообщениями, я вынужден был оставить Фергану раньше предположенного срока и выехать в Ташкент для свидания с Константином Петровичем. При общей тревоге не стоит вернуться на короткое время к востоку, так что я направил свое шествие сюда, намереваясь ближе осмотреть правый берег Сыр-Дарьи»⁶³.

Из содержания письма трудно понять, почему Миддендорф был «вынужден» оставить Фергану, какие «разносторонние взгляды» требовали срочного обсуждения с Кауфманом. Можно лишь предположить, что, согласившись отправиться в Туркестан, куда его влекло научное любопытство, Миддендорф переоценил свои силы. Он был уже немолод и не очень здоров. Климат Ферганы существенно отличался от того, к которому привык житель Европейской России. Как писал сам Миддендорф — днем жарко, а ночью невыносимо душно, и в мае температура «уже отяготительна для европейца — северянина». К тому же условия жизни в Фергане (даже в Маргелане) были весьма далеки от цивилизованных. Из писем Миддендорфа к Максусу можно узнать о проблемах с едой (в первые дни в Маргелане ему пришлось несколько дней питаться только хлебом и яйцами, запивая их чаем), о трудностях с передвижением, о том, что местные жители, сопровождавшие Миддендорфа во время поездок по долине, не хотели выполнять необходимые ему работы и проч.

Неприятности разного рода во время экспедиции и сведения об отношении в политических кругах к Кауфману («деликатные-запутанные обстоятельства») явно вывели Миддендорфа из душевного равновесия. Об этом свидетельствует несвойственный ему корявый язык в письме, адресованном Семенову. Вероятно, сочетание всех этих обстоятельств и привело к тому, что Миддендорф

писал Эрнсту, что благодарен его отцу за то, что тот «спас» его для химии (C. Schmidt an E. v. Middendorff, Dorpat, 26. Januar 1894 // PABvM).

⁶² A. Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff, Pörrafer, 4. August 1878; 9. September 1878 // PAWL.

⁶³ Арх. РГО. Ф. 1–1876. Оп. 1. № 14. Л. 30.

решил прекратить исследования в Ферганской долине раньше намеченного срока⁶⁴.

В Ферганской долине Миддендорф пробыл немногим более двух с половиной месяцев (с конца февраля до начала мая), однако за этот короткий срок он многое успел увидеть и узнать. Материалы, собранные другими участниками экспедиции, дополнили его собственные наблюдения⁶⁵. Уже 10 апреля 1879 г. в заседании Физико-математического отделения Академии наук Миддендорф сообщил о том, что подготовил «записку» о своих исследованиях в Ферганской области, которую хотел бы поместить в каком-нибудь академическом издании⁶⁶.

Более полно результаты экспедиции Миддендорф изложил в обширном труде «Einblicke in das Ferghana-Thal», который был опубликован Академией наук в 1881 г.⁶⁷ Так как К.П. Кауфман хотел, чтобы труд был издан также на русском языке, уже в ноябре 1879 г. он послал Миддендорфу деньги на перевод⁶⁸. Русский вариант труда под названием «Очерки Ферганской долины» увидел свет в 1882 г.⁶⁹

В предисловии Миддендорф отметил: «трудно писать о Фергане в недоступном уголке Лифляндии». Имение Пэрафер, где он тогда жил, не было «недоступным уголком». Однако огромное количество разнообразных дел, которыми Миддендорф должен был заниматься одновременно, позволяли ему лишь ненадолго ездить в Петербург, чтобы знакомиться с необходимой литературой. Огромный труд был написан очень быстро, но это стоило автору большого напряжения сил. В письмах к Эрнсту, написанных в октябре 1880 г., Миддендорф сообщал, что работал днем и ночью так интенсивно, что у него начали болеть глаза⁷⁰.

⁶⁴ A. Th. v. Middendorff an B. v. Uexküll, Pörrafer, 10. September 1880 // PAAvU.

⁶⁵ Миддендорф поручил астроному Л.Э. Шварцу вычислить результаты астрономических наблюдений для определения географического положения отдельных населенных пунктов в Фергане (A. Th. v. Middendorff an L. Schwarz, Pörrafer, 04. Juni 1880 // Privatnachlass Dr. Peter Schwarz, Dresden).

⁶⁶ Зап. АН. 1879. Т. 34. С. 121.

⁶⁷ *Middendorff A. Th. v. Einblicke in das Ferghana-Thal. Nebst chemischer Untersuchung der Bodenbestandtheile von C. Schmidt* // *Mém. Acad.* 1881. VII Série. T. 39. № 1.

⁶⁸ A. Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff, Pörrafer, 10. November 1879 // PAWL.

⁶⁹ Труд Миддендорфа перевел на русский язык В.И. Ковалевский — сотрудник статистического отдела Министерства государственных имуществ, который занимался вопросами сельского хозяйства.

⁷⁰ *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe...* S. 229–230; 232; 235.

Работа над сочинением о Ферганской долине осложнялась мрачными размышлениями Миддендорфа. В письме к одному из своих друзей он писал: «Моя „Фергана“ становится все более и более скучной в классическом смысле, чем дальше я продвигаюсь. Между неповоротливыми научными мыслями и специальными исследованиями в самом скучном виде, ухмыляются мне необразованные головы начальников, членов кадастровой комиссии, и я спрашиваю себя, могут ли эти глупые черти меня понять?»⁷¹. Миддендорфу чрезвычайно нравилась Фергана, и его огорчало, что возможное непонимание местной администрации и политические взгляды в правительственных кругах могут помешать ему сказать всё, что он хотел, создавая свой труд.

«Очерки Ферганской долины» содержат сведения как о природных условиях, так и о разных сторонах хозяйственной деятельности жителей долины. Рассуждая о рельефе, почвах и климатических условиях Ферганы, Миддендорф не ограничивался изложением фактических данных. Он приводил различные точки зрения по поводу отдельных проблем, уже обсуждавшихся в науке, а затем излагал собственные взгляды, полагая, что будущие исследователи должны их либо уточнить, либо отвергнуть. Для решения возникших вопросов Миддендорф использовал огромное количество сочинений прошлого и настоящего. Мы находим в его труде имена и мысли К. Риттера, Ф. Рихтгофена, Р. Мальтуса, И.-Г. Тюнена⁷² и многих других ученых XIX в.

В труде Миддендорфа встречаются весьма интересные (и в ряде случаев не потерявшие своего значения) рассуждения о происхождении и особенностях лёсса, различии причин образования дюн

⁷¹ A. Th. v. Middendorff an B. v. Uexküll, Pörrafer, 25. November 1881 // PAAvU.

⁷² Сегодня имя И.-Г. Тюнена — автора трехтомного труда (*Thünen J.H. Der isolierte Staat in Bezeichnung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie...* Hamburg, 1862–1863. Bd. 1–3) — хорошо известно экономистам. Уже в 1926 г. труд был издан и на русском языке (Изолированное государство. М., 1926). Но в конце XIX в. труд Тюнена был почти забыт. В 1878 г. в «Вестнике Европы» (Т. 5. Кн. 9. Сентябрь. С. 1–27) появилась чрезвычайно интересная статья Л. Слонимского «Забытые экономисты Тюнен и Курно». Можно предположить, что именно эта статья привлекла внимание Миддендорфа к труду Тюнена. Миддендорф не только познакомился с его взглядами, но и сравнил схему идеального земледельческого государства Тюнена со своими наблюдениями в Ферганской долине. По мнению Миддендорфа, эта схема не приложима к Фергане, где нельзя выделить «кольцеобразные» области, но скорее «звездные», которые к тому же сложно переплетаются друг с другом. (Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 268–269).

и барханов, разных видах «почв» — пустынных грунтов⁷³, о влаге в песках и причинах опустынивания, а также о свойствах чернозема в Фергане. Миддендорф не только был знаком с трудами современных ему русских и немецких исследователей Центральной Азии, затрагивавших эти вопросы, но уточнял и дополнял их данные.

В главе «Земледелие» речь идет как о «пахотном слое», так и о разных видах удобрений. Огромный отдел посвящен задачам и способам орошения, рассматриваются способы обработки почвы, перечисляются культурные растения и сообщаются обстоятельства, мешающие их существованию. В главе «Скотоводство» подробно рассматриваются все породы местного скота и условия его содержания. В главе «Древесная растительность» Миддендорф много внимания уделял вопросам о соотношении лесов и влаги и способах сохранения древесных пород, укрепляющих склоны. Особая глава, посвященная истории колонизации края, включает и этнографические сведения. Подробно рассматриваются аграрные проблемы Ферганской долины.

Согласно Миддендорфу, его книга должна была определить «руководящие рамки для местных чиновников». Но содержание ее выходило за «рамки», которые могли интересовать только администрацию Ферганской долины. Рассуждая о способах совершенствования хозяйственной деятельности, Миддендорф постоянно сравнивал состояние разных отраслей земледелия и скотоводства Ферганской долины с их состоянием в других губерниях России. Состояние отдельных отраслей Миддендорф анализировал, учитывая исторические и культурные традиции местного населения. По его мнению, эти веками развивавшиеся традиции позволяли организовать некоторые отрасли хозяйства в Фергане так удачно, что Европейская Россия может этому только позавидовать. Использование исторических традиций гораздо полезнее, чем грубое вмешательство российской администрации в деятельность коренных жителей.

⁷³ Согласно И.В. Мушкетову: «Все названные формы почвы Ферганы, хотя и были известны до Миддендорфа, но никто не описывал их с такою полнотою, и никто не постарался выяснить происхождения их; он сделал первый шаг в этом направлении. Насколько совершенна эта попытка, покажет будущее, но во всяком случае установленная им точка зрения на происхождение этих образований вполне научная и дает твердый метод для дальнейших исследований» (*Мушкетов И.В. Туркестан... С. 282*).

Миддендорф критиковал систему местных налогов, которая не способствовала хозяйственной деятельности, считал, что крестьяне должны иметь кредиты для приобретения новых земель, что государство должно помогать строительству новых оросительных каналов, что забота об экономическом благополучии местных жителей может предохранить от распространения «коммунистических» идей, фанатизма ислама и восстаний. Все проблемы, затронутые в «Очерках Ферганской долины», перечислить невозможно. Следует лишь обратить внимание на то, что многие выводы автора звучат удивительно современно.

В 1879 г. по инициативе Кауфмана была создана комиссия, занимавшаяся проблемой происхождения и укрепления песков. Комиссия работала до весны 1881 г. В работе комиссии принимал участие и С.М. Смирнов, Кауфман благодарил его «за постановку работы на научные основания»⁷⁴. Вероятно, итогом деятельности комиссии стала статья «Ферганские пески и их укрепление», содержащая программу научных исследований песков и сведения о мерах, которые уже предпринимались для их укрепления⁷⁵. Статья включала также «Прокламацию» — обращение К.П. Кауфмана к жителям Ферганской области, с призывом беречь растительность, покрывающую пески, реже использовать ее в качестве топлива, выращивать новую, не рубить горные леса. Сама эта статья и «Прокламация» Кауфмана, несомненно, были реакцией на труд Миддендорфа. Сам Кауфман не смог проследить, в какой степени реализовывались предложения комиссии и Миддендорфа, повлияли ли они на деятельность администрации Ферганской области, так как в 1882 г. скончался.

В 1882 г. несколько ученых по просьбе Академии наук в связи с предполагавшейся экспедицией изложили свое мнение о задачах изучения Туркестана. Сёверцов в своей записке писал о сочинении Миддендорфа: «Это обширный, систематический, самый многосторонний свод всех сведений, собранных на месте (и в других частях края) разными лицами; свод тщательно проверенный и сильно дополненный многочисленными и весьма меткими собственными наблюдениями автора»⁷⁶.

⁷⁴ Арх. РГО. Ф. 1–1876. Оп. 1. № 14.

⁷⁵ Ферганские пески и их укрепление // Изв. РГО. 1882. Т. 18. Геогр. изв. С. 142–149.

⁷⁶ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1882. № 3. Л. 19 об.

Высоко оценил «Очерки Ферганской долины» И.В. Мушкетов. (Исследования в Ферганской долине он вел в том же году, когда там путешествовал Миддендорф.) По словам Мушкетова, по возвращении из путешествия Миддендорф издал «превосходный труд под скромным названием „Очерков“, в котором со свойственной ему талантливостью представил настолько полное и всестороннее описание Ферганы, что очерки его в настоящее время могут считаться лучшим источником для ознакомления с этой областью»⁷⁷. В своем сочинении «Туркестан» (в отделе «Геология») Мушкетов широко использовал данные Миддендорфа, постоянно ссылаясь на этот труд. Особое внимание Мушкетова привлекли идеи о происхождении лёсса, об особенностях барханов и дюн, о подвижности песков, а также — о Ферганской долине как продолжении «Туранского бассейна».

Новые и важные для конца XIX столетия взгляды Миддендорфа на разные проблемы не только Ферганы, но и Средней Азии, не потеряли своего значения и в XX столетии⁷⁸. Например, в основу классификации пустынь по существу легли представления Миддендорфа о типах «почв» Ферганской долины. Впрочем, авторы этих классификаций его имени не упоминали.

⁷⁷ *Мушкетов И.В.* Туркестан... С. 279.

⁷⁸ *Гвоздецкий Н.А.* Труд А.Ф. Миддендорфа о Ферганской долине и современные проблемы Средней Азии // Учен. зап. Тартуского государственного университета. 1969. Вып. 237. Труды по географии VI. С. 182–189.

Деятельность в области сельского хозяйства

Помещик

Трудности путешествия по Сибири не прошли даром для здоровья Миддендорфа. Он долго и тяжело болел и в 1847 г. даже размышлял, не оставить ли занятия наукой, не купить ли имение и не поселиться ли на лоне природы, чтобы заниматься сельским хозяйством¹. К счастью для российской науки Миддендорф все же выздоровел и продолжил обрабатывать материалы Сибирской экспедиции. Однако сельским хозяйством он тоже занялся, и постепенно деятельность в этой области стала основной в жизни Миддендорфа.

В 1850 г. его отец Федор Иванович приобрел за 10 800 серебряных рублей «в Дерптском уезде находящиеся мызы Гелленорм, а также Саллоал и Самгоф со всеми угодьями и инвентарем»². В 1853 г. Федор Иванович оформил их вместе с уже принадлежавшей ему мызой Пэрафер как единое целое — непродажное родовое имение. Он хотел позаботиться о будущем всех членов своего семейства — не только Александра Федоровича, который в 1850 г. женился, но и его замужней сестры³. Каждый из членов семьи

¹ *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe. Livland (1847–1894).* [Рукопись]. Giessen, 1996. S. 2–3.

² ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 1. Л. 1.

³ Муж Аннет (в замужестве — Богословской) умер в начале 50-х гг. XIX в. Судя по сохранившимся письмам, А.Ф. Миддендорф постоянно заботился о судьбе ее сына Григория

должен был получать определенную сумму из совокупных доходов этих имений. Александру Федоровичу предназначался Гелленорм.

В Прибалтийских губерниях крестьянская реформа началась раньше, чем в остальной России. В Лифляндии с 1804 г. существовал крестьянский устав, благодаря которому крестьяне, хотя и были прикреплены к помещику, но имели право передавать свою усадьбу в наследство. В 1819 г. было принято положение, согласно которому крестьяне становились независимыми гражданами. Однако приобретать землю они не могли, и свобода передвижения по-прежнему ограничивалась. Разрешалась аренда земли, но крестьянин должен был платить за нее натурой (барщина). В 1849 г. (после длительных дискуссий) Лифляндский ландтаг решил, что плата за аренду может производиться деньгами (оброком), но право владеть землей крестьяне так и не получили⁴.

В 1856 г. (после смерти отца) Миддендорф стал владельцем всего родового имения. Крестьянам Гелленорма повезло, так как он оказался талантливым хозяином и к тому же сторонником либеральной аграрной политики. Миддендорф стремился действовать в духе закона 1849 г.⁵ (вступившего в законную силу в Лифляндии гораздо позже) и в той или иной форме облегчать положение крестьян. Он заключал с ними договоры⁶, сдавал крестьянам землю в аренду и в то же время платил им деньги за работу в своем

*Аннет Богословская — сестра
Миддендорфа (РАВоМ)*

Петровича Богословского (РНБ. Отд. рукоп. Ф. 124. № 2798, 2801).

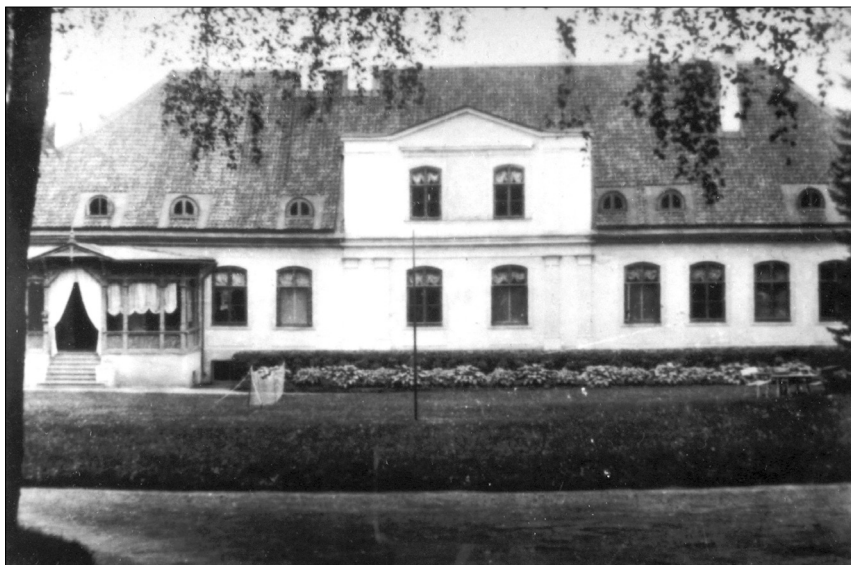
⁴ *Tobien A. v. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Riga, 1911. Bd. 1–2.*

⁵ Решение Лифляндского ландтага утвердил своим указом Николай I.

⁶ *Johnson J. Materialien zur Kenntniss der Knechtwirtschaft in Liv- und Esthland // Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1860. S. 252–254.*

хозяйстве. После смерти отца Миддендорф передал каждому крестьянскому двору в Гелленорме столько зерна, сколько требовалось, чтобы семья могла прокормиться до нового урожая⁷, и организовал «кассу старости»⁸ для обеспечения своих работников средствами в конце жизни. До 70-х гг. вступление в кассу было добровольным, но затем Миддендорф сделал его обязательным. Сама идея обеспечения крестьян пенсией некоторым помещикам Лифляндии показалась удачной, и они тоже стали организовывать такие кассы в своих имениях⁹.

В Гелленорме Миддендорф начал энергично осуществлять обширные планы по преобразованию и усовершенствованию разных областей хозяйства. Он ввел новую для Европейской России трехпольную систему земледелия, выращивал картофель, который еще в 40-х гг. XIX в. не был популярен в России¹⁰, а также клевер

Дом в имени Гелленорм. Фасад, начало XX в. (РАВvМ)

⁷ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 2. Л. 25–25 об.

⁸ Там же. Ф. 1185. Оп. 1. № 516. Л. 3–4.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ В труде о Сибирской экспедиции, рассуждая о хозяйственной деятельности, Миддендорф особое внимание уделил истории появления картофеля в России и прежде всего в Сибири (*Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1867. Ч. I. Отд. IV. С. 669–672*).

Имение Гелленорм. Дворовый фасад, начало XX в. (РАВФМ)

на корм скоту (что тоже было новинкой), приобретал плуги новейших конструкций. В имении осушались болота, а торф из них использовался для удобрения. При осушении болот и озер применялся дренаж — наиболее совершенный для середины XIX в. способ мелиорации, разработанный в Великобритании¹¹. Миддендорф занимался также садоводством и даже пробовал, хотя и не всегда удачно, выращивать экзотические растения, например, виноград и амурский пробковый дуб. В Гелленорме было налажено производство водки, скипидара, черепицы для крыш, работала маленькая фабрика по выделке ниток и тканей¹².

Особенно интенсивно Миддендорф занимался животноводством. Сначала он только приобретал телят на откорм и продавал, когда они подрастали. После 1860 г. Миддендорф переключился на молочное животноводство и занялся разведением коров разных пород. Продавая племенных животных из своего стада другим помещикам¹³, он помогал повышать ценность молочного скота в Лифляндии¹⁴.

¹¹ Johnson J. Ein kleiner Beitrag zur Kenntniss der wirtschaftlichen Verhältnisse in Esth- und Livland // Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1859. S. 412–414.

¹² Там же. S. 414.

¹³ ВВ. 1874. Sp. 132.

¹⁴ Stegmann P. Geschichte der baltischen Rindviehzucht // Landwirtschaftliche Jahrbücher. 1923. Bd. 57. № 3. S. 408.

Сведения о Миддендорфе как специалисте в области сельского хозяйства широко распространились в 1860–1870-х гг. Поэтому некоторые помещики Прибалтийских губерний (и даже Украины)¹⁵, желая воспользоваться знаниями Миддендорфа, отправляли к нему учиться хозяйственной деятельности своих сыновей и управляющих имениями. Таких учеников Миддендорф в своих письмах называл «сельскохозяйственными студентами»¹⁶. В 1875 г. сто эстонских хозяев посетили имение Миддендорфа в Гелленорме, чтобы познакомиться с опытом ведения сельского хозяйства в этом имении¹⁷.

В пределах своего имения Миддендорф заботился также о повышении уровня знаний эстонских крестьян. На его средства в Самгофе была построена новая крестьянская школа, кроме того, Миддендорф оказывал помощь при организации учебы в других школах прихода Оденпа, куда входило имение Гелленорм¹⁸.

В 1862 г. великая княгиня Елена Павловна пригласила Миддендорфа для ревизии своего имения Карловка в Полтавской губернии. В записке, адресованной управляющему имением К.В. Энгельгардту, сообщалось: «По известной Вам воле Её Императорского Высочества /.../ отправляется в Карловское имение президент Лифляндского экономического общества академик, действительный статский советник Александр Федорович Миддендорф, на которого возложено обозрение всех местностей и угодий имения, всех находящихся в нем хозяйств и фабричных заведений и всего вообще порядка управления по письменной и скотской частям»¹⁹. Судя по вопросам, которые задавал Миддендорф, готовясь к ревизии, он был весьма опытным экономистом²⁰. Из писем Миддендорфа к Елене Павловне и ее фрейлине Раден можно узнать, что он и впоследствии следил за положением дел в Карловке.

¹⁵ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 14. Л. 70, 72.

¹⁶ A. Th. v. Middendorff an Hedwig von Middendorff, Pörrafer, 8. August 1874 // PAWL.

¹⁷ Karelson M. Lehekülgi Eesti põllumajanduse ja talurahva minevikust (kuni 1917. aastani) [Страницы о прошлом эстонского земледелия и крестьянства (до 1917 г.)]. Tallinn, 1981. Lk. 95.

¹⁸ ЕКМ ЕКЛА. Коопiad. М 3:5. Л. 22–23.

¹⁹ РГИА. Ф. 548. Оп. 4. № 97. Л. 10.

²⁰ После смерти великой княгини Елены Павловны (1873 г.) ее дочь Екатерина Михайловна поручила Миддендорфу провести ревизию хозяйства Карловки, а затем пригласила его стать управляющим этого огромного имения. Миддендорф был управляющим Карловки в 1876–1880 гг. (*Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe...* S. 162, 237).

Имение Пэрафер, начало XX в. (РАВоМ)

В середине 70-х годов, в связи с предполагаемой женитьбой Эрнста, Миддендорф решил передать ему Гелленорм и переехать в Пэрафер. После смерти Федора Ивановича там никто не жил, поэтому в имении следовало произвести ремонт и наладить хозяйство: сделать новую крышу для главного здания, построить дом для управляющего, новый коровник и маслозавод, наладить производство водки и пива. С 1874 г. Миддендорф много времени проводил в Пэрафере, где, как когда-то в Гелленорме, лично руководил работами. Это требовало много сил, а Миддендорф был уже не молод.

Молочное животноводство

Миддендорф великолепно организовал молочное хозяйство в собственном имении. Вместе с тем он содействовал развитию молочного животноводства в Европейской России. Миддендорф принимал участие в сельскохозяйственных выставках, которые происходили в Петербурге, Москве и Прибалтийских губерниях, а также в Европе. Бывая в Германии, Голландии, Австро-Венгрии, Англии, он встречался с учеными, занимавшимися проблемами

сельского хозяйства, изучал опыт местных скотоводов и, по поручению Министерства государственных имуществ, приобретал породистых коров, которых можно было бы использовать в России для выведения новых продуктивных пород.

До 60-х годов XIX столетия российские скотоводы не обращали внимания на географические условия, в которых существовала та или иная порода скота. Миддендорф одним из первых осознал, как важно учитывать такие условия при работах по акклиматизации. Путешествуя по Европе в 1862 г., Миддендорф обнаружил, что на севере Германии, в провинции Шлезвиг-Гольштейн, природные условия возвышенности Ангельн сходны с природными условиями Прибалтийского края, и решил, что порода ангельнских коров (ее называли и «англер») может быть использована для улучшения породы коров в Лифляндской губернии. Он привез в Россию несколько животных, и к концу XIX в. значительную часть молочного стада в Лифляндской губернии составлял красный скот, полученный в результате скрещивания местных пород с ангельнской. Роль Миддендорфа в решении этой проблемы была отмечена в одной из работ начала XX столетия²¹.

Стремясь делиться своими знаниями с другими хозяевами, Миддендорф часто публиковал статьи в «Земледельческой газете», в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство», в газете «Baltische Wochenschrift». Рассказывая о рациональных способах организации молочного стада, Миддендорф обращал внимание читателей как на практические приемы, позволяющие извлекать доходы даже при неблагоприятных условиях, так и на научные основы содержания коров. Советы Миддендорфа сопровождались пространными пояснениями, ссылками на литературу, собственный и чужой опыт, на практику скотоводства в разных странах Европы. Миддендорф рассуждал об условиях содержания коров и выращивания телят в центральных и северо-западных частях Европейской России, опираясь на опыт наиболее совершенных тогда хозяйств в Прибалтийских губерниях.

По мнению Миддендорфа, доходность молочного хозяйства определяется не обязательно численностью стада — при определенных условиях выгоднее иметь небольшое число голов. Особое внимание он уделял правилам рационального кормления

²¹ Штегман П. Красный ангельнский скот в Прибалтийском крае. Юрьев, 1903. С. 18–19.

коров. Считая, что хороший хозяин должен постоянно следить за качеством молока каждой коровы, Миддендорф изобрел прибор для измерения «достоинства молока» — «галактоскоп»²². При этом он счел нужным описать в «Земледельческой газете» не только свой, но и другие приборы, чтобы каждый хозяин, который захочет купить его прибор, мог сделать осознанный выбор.

Согласно Миддендорфу, для выведения новой породы скота очень важно знать качества каждого отдельного животного²³. Полагая, что необходимо отбирать и сохранять лучших производителей для укрепления молочного стада в Прибалтийских губерниях, в 1884 г. на заседании Лифляндского общепольного экономического общества Миддендорф предложил создать «племенную книгу», в которую будут занесены лучшие производители. В результате обсуждения этого предложения было основано Общество балтийских скотоводов, занявшееся созданием такой книги²⁴.

Миддендорф давал советы не только о способах выведения новых пород и содержании животных, но также об их сохранении. В России в XIX в. большое количество коров погибало от чумы рогатого скота. Миддендорф принял активное участие в дискуссии о мерах, препятствующих распространению этой болезни, содействовал подготовке в Лифляндском общепольном экономическом обществе закона, который обязывал бы хозяев страховать скот²⁵, и призывал помещиков делать коровам прививки против чумы.

В XIX столетии чума рогатого скота была одной из самых страшных болезней, которая, как считали многие европейские ветеринары, возникала в степных областях Российской империи. Причина появления и распространения болезни не была известна. Одни считали, что «заразное начало» сохраняется в стадах в течение многих поколений и по какой-то причине проявляется внезапно, по мнению других распространение болезни зависит от природных условий (степного климата и почв) и от плохих условий содержания животных. Поэтому боролись с болезнью, либо изолируя больных животных, либо уничтожая их.

²² Миддендорф А. Ф. О молокомерах // Земледельческая газета. 1869. № 8. С. 120–124.

²³ Middendorff A. Th. v. Zur Baltischen Zuchtviehproduction // BW. 1866. № 21. Sp. 317–323.

²⁴ Baltisches Stammbuch edlen Rindviehs, 1885. Dorpat, 1886. S. III.

²⁵ Middendorff [A. Th. v.]. Assecuranz gegen Rinderpest. (Gesetzvorschlag) // Beilage zur BW. 1871. № 21. Sp. 1–4.

Европейские ветеринары считали выяснение области возникновения болезни и борьбу с нею обязанностью россиян²⁶. В России инициатором исследования чумы рогатого скота и экспериментов с «чумопрививанием» как более надежным способом борьбы с болезнью стал профессор ветеринарии, директор Дерптского ветеринарного института П. Иессен. Миддендорф познакомился с Иессеном в начале 50-х годов, и вскоре они стали друзьями²⁷.

В 1853 г. Иессен опубликовал брошюру «О совершенном истреблении скотской чумы»²⁸, которую подарил Миддендорфу. В этой статье речь шла о важности организации в России ветеринарного учреждения для проведения опытов прививок от чумы рогатого скота. Иессен разработал методику прививок и предложил план исследований их результатов, который передал председателю ученого комитета Министерства государственных имуществ А.И. Левшину²⁹. По мнению Иессена, план был принят благодаря активной поддержке Миддендорфа³⁰. Летом 1853 г. Иессен создал ветеринарную станцию в Новороссийском крае вблизи Одессы в Гидириме (Gidirim). Для прививания он использовал либо слезы, либо выделения слизистых оболочек больных животных, разбавленные дистиллированной водой. Первые опыты показали определенную эффективность метода — некоторые животные выздоравливали³¹.

Опыты Иессена продолжали поиски ветеринаров XVIII столетия, пытавшихся бороться с чумой рогатого скота с помощью вакцинаций, которые к тому времени уже относительно успешно предохраняли людей от черной оспы³². Однако, не имея представления о возбудителе болезни, Иессен действовал практически вслепую.

²⁶ *Jessen P.* Vorschläge zur Erforschung der Rinderpest auf internationalem Wege // Oesterreichische Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Veterinärkunde. 1872. Bd. 29. S. 11–19.

²⁷ См. переписку между Иессеном и Миддендорфом в 1852–1859 гг.: ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 7. Л. 171–189 об.

²⁸ *Jessen P.* Ueber die gänzliche Ausrottung der Rinderpest. Dorpat, 1852; *Иессен П.* О совершенном истреблении скотской чумы. СПб., 1853.

²⁹ ЕАА. Ф. 384. Оп. 1. № 924. Л. 5–9; план Иессена см.: ЕАА. Ф. 404. Оп. 1. № 436. Л. 45–47.

³⁰ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 7. Л. 174.

³¹ ЕАА. Ф. 404. Оп. 1. № 439. Л. 24–25; Ф. 384. Оп. 1. № 937. Л. 5–5 об.

³² *Huygelen C.* The immunization of cattle against rinderpest in eighteenth-century Europe // Medical History. 1997. Vol. 41. № 2. P. 182–196.

Миддендорф, как и Иессен, считал прививки перспективным методом борьбы с болезнью³³. Вероятно, поэтому, когда великая княгиня Елена Павловна решила создать в своем имении Карловка «чумопрививательное заведение» для исследования результатов прививок, Миддендорф содействовал тому, чтобы туда отправились известные тогда ветеринары. «Заведение» начало работу в 1857 г. под руководством М. Раупаха³⁴, который успешно вел исследования, по крайней мере, до 1870 г.³⁵ Судя по отчетам Иессена, благодаря прививкам, значительное количество животных не заболело или было вылечено³⁶. Однако в других сходных заведениях России борьба с болезнью при помощи прививок встречала специфические трудности³⁷, и результаты такой «борьбы» не были успешны. Поэтому прививки по методу Иессена во второй половине 60-х годов XIX в. не находили поддержки у российских ветеринаров и даже подвергались резкой критике. Это огорчало Миддендорфа и его сторонников, о чем свидетельствовало обсуждение этой проблемы во время заседания российских ветеринаров, происходившего 13 октября 1869 г. под председательством Миддендорфа в Петербурге на Всероссийской выставке коров. Ветеринары и ученые — сторонники метода прививок — выражали сожаление по поводу того, что государство с 1862 г. перестало поддерживать эти исследования³⁸ и развитием метода

³³ *Jessen P.* [Vorwort zur] Berathung über die Frage von der Rinderpestimpfung unter dem Präsidium des Ehren-Akademikers v. Middendorff 13. October 1869 // *Oesterreichische Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Veterinärkunde*. 1872. Bd. 37. S. 38–79.

³⁴ *Jessen P.* (hrsg.). Erster Bericht über die Impfungen der Rinderpest in dem Impfinstitute auf dem Gute Karlowka, im Poltawaschen Gouvernement. Dorpat, 1858. S. 3; ЕАА. Ф. 404. Оп. 1. № 567. Л. 29–29 об.

³⁵ *Jessen P.* (hrsg.). Erster Bericht über die Impfungen...; *Jessen P.* (hrsg.). Zweiter Bericht aus dem Impfinstitute zu Karlowka, im Poltawaschen Gouvernement. Dorpat, 1859; *Paynax M.* Отчеты о действиях чумопрививального института в имении Карловка, в Полтавской губернии. Дерпт, 1862; Доклад П. Иессена 22 ноября 1873 г. в Обществе естествоиспытателей в Дерпте (Sitzungsberichte der Naturforscher-Gesellschaft zu Dorpat in den Jahren 1879 bis 1874. Dorpat, 1873. Bd. 3. S. 421–425). См. также: ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. № 869. Л. 1–4; Ф. 698. Оп. 1. № 130. Л. 1–1 об.

³⁶ В одном из писем к Елене Павловне (1865 г.) Миддендорф назвал Иессена «пророком прививок» (ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. № 869. Л. 3).

³⁷ Ср.: *Jessen P.* Immunität und Mitigation // *Oesterreichische Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Veterinärkunde*. 1865. Bd. 24. S. 58–75.

³⁸ В марте 1857 г. для обсуждения результатов наблюдений в Гидириме при медицинском департаменте внутренних дел была создана специальная комиссия под руководством А.И. Левшина из представителей разных ведомств. Комиссия нашла, что следует продолжать опыты прививок, по крайней мере, еще три года в трех ветеринарных

занимались только частные «чумопрививательные заведения», например, в Карловке³⁹.

В 60–70-х годах XIX столетия французский микробиолог и химик Л. Пастер сформулировал новую концепцию инфекционных заболеваний, в которой решающая роль отводилась внешним болезнетворным агентам⁴⁰. В 1881 г. он доказал эффективность предохранительных прививок против сибирской язвы с помощью вакцины, созданной с использованием ослабленных бактерий. Пастер готов был заняться вакцинацией рогатого скота и в России, но Министерство государственных имуществ не поддержало эту идею, а Вольное экономическое общество не нашло средств для приглашения Пастера⁴¹. Узнав об открытии Пастера, Миддендорф высоко оценил его заслуги. Он был рад, что, наконец, всем стала очевидна важность и польза прививок, но сожалел, что российские ветеринары не смогли быть первыми в этом деле⁴².

В течение всего XIX столетия молочное скотоводство в России находилось в неудовлетворительном состоянии. Попытки Министерства государственных имуществ, в ведении которого находилась эта отрасль хозяйства, наладить дело «не имели надлежащего успеха»⁴³. Богатый опыт Миддендорфа привлекал внимание как Министерства государственных имуществ, так и многих помещиков, в имениях которых занимались молочным скотоводством. В начале марта 1872 г., в музее Министерства государственных имуществ, заведениях, специально основанных для этой цели на государственных землях империи (ЕАА. Ф. 384. Оп. 1. № 937. Л. 86–86 об., журнал заседаний комиссии — Л. 64–90).

³⁹ [Jessen P.]. Berathung über die Frage von der Rinderpestimpfung... S. 43–61.

⁴⁰ Фильтрующий вирус, возбудитель болезни, был выделен только в 1902 г., а действенная вакцина была создана лишь в середине XX века. Чтобы координировать международные усилия по борьбе с чумой крупного рогатого скота, в 1924 г. создана Всемирная организация здравоохранения животных. В 2011 г. эта организация объявила о полном искоренении заболевания. Чума крупного рогатого скота стала, таким образом, вторым после черной оспы вирусным заболеванием, полностью уничтоженным человеком (См.: Özkul T., Gül R.T.B. The Collaboration of Maurice Nicolle and Adil Mustafa: The Discovery of Rinderpest Agent // *Revue de Médecine Vétérinaire*. 2008. Vol. 159. № 4. P. 243–246; Plowright W., Ferris R.D. Studies with rinderpest virus in tissue culture. The use of attenuated culture virus as a vaccine for cattle // *Research in Veterinary Science*. 1962. Vol. 3. P. 172–182; Joint FAO/OIE Committee on Global Rinderpest Eradication. Final Report. May 2011. Rome; Paris, 2011). — *Примеч. А.В. Курцянова.*

⁴¹ Федотова А.А. Ветеринарная командировка почвоведца П.А. Костычева // *Лоскутова М.В., Федотова А.А.* Становление прикладных биологических исследований в России. СПб., 2014. С. 156–157.

⁴² A. Th. v. Middendorff an B. v. Uexküll, Pörrafer, 16. August 1880 // РAAvU.

⁴³ Исследование современного состояния животноводства в России. М., 1884. Вып. 1. С. I.

Миддендорф прочел три лекции о практике и научных основах молочного хозяйства. К этим лекциям он очень тщательно готовился, подбирая не только фактические данные, но и большие картины для их иллюстрации⁴⁴. Такая подготовка казалась ему тем более важной, что существовали разные взгляды о направлениях дальнейшего развития скотоводства в России. Эти проблемы должны были обсуждаться на всероссийской Политехнической выставке, намечавшейся летом того же года в Москве, однако из-за начавшейся эпидемии коровьей чумы открыть отдел молочного скота не удалось⁴⁵. 29 августа Миддендорф по этому поводу писал Гедвиге: «Сегодня я всю ночь дежурил в здании выставки. К сожалению, еще до открытия выставки в зданиях, похожих на дворцы, которые были специально построены для выставки, обнаружилась чума коров. Мы должны были прекратить всякое принятие животных, и вообще оставить надежду открыть выставку, и сконцентрировать наши усилия для того, чтобы в общих чертах научить людей бороться против чумы. Неслыханное нерадение господствует здесь везде. Все ругаются, но почти никто не хочет серьезно вмешиваться. Что я с самого начала целиком впутался в дело, само собою разумеется. Чем энергичнее я действовал (вплоть до грубости), тем больше было результатов»⁴⁶.

Помимо сведений о правилах содержания коров, необходимых нормах кормов и способах выращивания телят, Миддендорф в своих лекциях предложил понятие «удойность» и даже «формулу удойности». По его мнению, каждый хозяин должен следить за «достоинствами коровы» — ее удойностью — «с помощью числа»⁴⁷. В этих лекциях Миддендорф коснулся и взглядов Ч. Дарвина, отметив, что его теория уже начинает проникать в сельскохозяйственную науку.

Представления Миддендорфа о практике молочного скотоводства оставались актуальными и в конце XIX столетия, когда Министерство государственных имуществ решило предпринять

⁴⁴ «Я сам здесь [в Петербурге] плотно готовлюсь к моим испытаниям, но вряд ли смогу все подготовить. Я живу у Вилькенов уединенно, где изолирован как небеса. Ни один человек не приходит меня сюда искать.» (*Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe...* S. 96).

⁴⁵ A. Th. v. Middendorff an H. v. Middendorff, St. Pbg., 26. Februar/9. März 1872 // PAWL. Выставка крупного рогатого скота состоялась только весной 1873 г. (BW. 1872. Sp. 600–603).

⁴⁶ A. Th. v. Middendorff an H. v. Middendorff, Moskau, 29. August 1872 // PAWL.

⁴⁷ Миддендорф А.Ф. О способах улучшения скотоводства. СПб., 1872. С. 10–11. (Прил. к журн. «Сельское хозяйство и лесоводство». 1872. № 7).

шаги для совершенствования этой отрасли сельского хозяйства. Для того, чтобы определить рациональные мероприятия, необходимо было сначала познакомиться с состоянием дела на местах. Для этого по распоряжению министра государственных имуществ была организована специальная экспедиция для изучения скотоводства в Европейской России. Возглавить эту экспедицию пригласили Миддендорфа⁴⁸.

Летом 1883 и 1884 гг. участники экспедиции осмотрели коров в Пермской, Вятской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Олонецкой и Архангельской губерниях. Во всех этих губерниях (кроме Архангельской) побывал и Миддендорф⁴⁹. В письмах к Эрнсту он подробно описывал маршруты экспедиции и происходившие во время поездки события. В 1883 г. Миддендорф плывал по Волге и Каме⁵⁰, посещал разные города и селения, где знакомился с состоянием молочного скотоводства. В июле ему пришлось прервать свои наблюдения, чтобы отправиться в Германию на выставку скотоводства, которая происходила в Гамбурге⁵¹.

Возвратившись из Германии, Миддендорф в том же году побывал в Ярославле и Костроме. Когда наблюдения закончились, он поехал в Финляндию, чтобы познакомиться с существовавшими там «молочными школами». Министерство государственных имуществ собиралось наладить сельскохозяйственное образование в тех губерниях, в которых побывала экспедиция, и Миддендорф хотел рассказать в министерстве об опыте Финляндии в этом отношении. Свою поездку в Финляндию он считал очень удачной⁵².

⁴⁸ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ по сельскохозяйственной части в 1881–1891 гг. СПб., 1891. С. 19.

⁴⁹ Исследование современного состояния скотоводства в России. М., 1884. Вып. 1. Рогатый скот. С. П. Сохранились письма Миддендорфа, отправленные летом 1883 г. из Ярославля и Костромы к академику А.А. Штрауху. В них он сообщал о планах путешествия и черепах коров, которых приобрел и собирался отправить в Зоологический музей. (СПФ АРАН. Ф. 50. Оп. 2. № 171. Л. 3–4).

⁵⁰ На пути в Пермь в устье Камы на пароходе вспыхнул пожар, который удалось потушить только через много часов, благодаря помощи местных крестьян. Миддендорф упал от сильного толчка во время взрыва, несколько раз перевернулся и сильно ударился головой. Всех пассажиров посадили на другой пароход, тогда как члены экспедиции из-за большого количества багажа должны были вернуться в Казань, чтобы сделать новую попытку все-таки добраться до Перми. (*Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe...* S. 329–331).

⁵¹ Там же. С. 338–339.

⁵² A. Th. v. Middendorff an H. v. Middendorff, Buj, Kreisstadt an d. Kostroma, 17. Juli 1883 // PAWL.

В 1884 г., несмотря на ухудшающееся самочувствие, Миддендорф вновь отправился в экспедицию. Он побывал в Смоленской губернии, на Волге между Тверью и Казанью, в Уфе⁵³. Болезнь помешала ему принять участие в работах экспедиции следующих лет. Но для первого выпуска труда «Исследование современного скотоводства в России» («Рогатый скот»), который увидел свет уже в 1884 г., Миддендорф написал главу «О породе рогатого скота в северной России и улучшении ее». В этой главе он поместил обширные таблицы данных своих измерений черепов коров и комментарии к ним, а также отделы об ископаемых предках коров, о скифском комолом скоте, о масти, «тасканках» и «горемычках»⁵⁴.

Можно предположить, что автором предисловия к труду «Исследование современного скотоводства в России» тоже был Миддендорф, хотя подписано оно всеми участниками экспедиции. Предисловие начиналось с критических замечаний в адрес Министерства государственных имуществ. Эти слова затем дословно повторил безымянный автор книги «Обозрение деятельности Министерства государственных имуществ по сельскохозяйственной части в 1881–1891 гг.» (СПб., 1891), которую, кстати, преподнесли Александру III.

Коневодство

Миддендорф интересовался лошадьми уже в молодости. Во время Сибирской экспедиции путешественники неоднократно должны были передвигаться на лошадях (верхом или в повозках разного рода), и Миддендорф достаточно хорошо изучил повадки и особенности строения тела якутских лошадей.

В декабре 1851 г. Миддендорф сообщил Физико-математическому отделению, что служит в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где читает лекции по иппологии

⁵³ *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe...* S. 349–356.

⁵⁴ Исследование современного состояния скотоводства... С. В-40. По словам Миддендорфа, из-за бескормицы корова превращается в «тасканку», тогда как «горемычки» — помтомки «тасканок».

(учение об анатомии и физиологии лошади), поэтому ему необходимы книги из библиотеки управления коннозаводства. Библиотека находилась в ведении Министерства государственных имуществ, и по ходатайству Академии Миддендорф получил разрешение брать там книги⁵⁵.

Директор школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров А.Н. Сутгоф полагал, что будущим кавалеристам полезно знать анатомию и физиологию лошади⁵⁶. Узнав в Париже, что уже существуют специальные анатомические препараты, Сутгоф решил создать при своей школе иппологический кабинет и организовать преподавание иппологии. «Когда же опыты осуществления этой мысли оказались неудовлетворительными, генерал Сутгоф избрал для ее выполнения меня, — писал Миддендорф, — и приглашал так неотступно, что я после многократных отрицаний не мог не ответить готовностью на оказанное мне доверие; моя нерешимость выйти на это чисто практическое поприще должна была уступить уверению, что в это время не на кого было возложить подобное поручение. Вот причина, почему я дозволил себе изменить своему главному академическому назначению»⁵⁷. Миддендорф преподавал в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в 1851–1854 гг.

Лекции по иппологии пробудили дремавший в Миддендорфе талант преподавателя. Его лекции привлекали большое количество слушателей — любителей лошадей. На них собирались не только воспитанники школы, но и начальники ее и другие знатоки из военного сословия. В январе и феврале 1852 г. Миддендорфа слушали великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич⁵⁸. В том же году великие князья наградили Миддендорфа бриллиантовым перстнем «за полезные сведения, почерпнутые ими из прекрасных уроков по иппологии». В 1854 г. за преподавание иппологии в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Миддендорф получил орден Св. Анны 2-й степени⁵⁹.

⁵⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1851. № 4.

⁵⁶ Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1898. С. 68.

⁵⁷ Миддендорф А.Ф. О задачах иппологии в отношении к потребностям кавалерии // Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. 1853. Т. I. Вып. 3. С. 295–296.

⁵⁸ Когда великие князья не могли посетить лекцию, их наставник, считая эти занятия очень интересными и полезными, просил Миддендорфа ее перенести на другое время (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 16–17, 18).

⁵⁹ Об этом сообщали все послужные списки Миддендорфа, составившиеся после 1855 г.

В иппологии Миддендорф видел предмет научного исследования и поэтому считал, что она важна не только будущим кавалеристам и их начальникам. Он выступал с докладами в заседаниях Физико-математического отделения Академии наук и опубликовал на русском и немецком языках статью о задачах иппологии в академических журналах⁶⁰.

Миддендорфа огорчал разрыв, существовавший в коневодстве между практикой и наукой. Кавалеристы не стремились осваивать научные основы коневодства, а наука не умела «проложить себе путь к практической жизни и ее потребностям»⁶¹. Согласно Миддендорфу все авторы, писавшие до тех пор о лошадях, обращали внимание только на их внешние признаки. Но, по его мнению, необходимо было изучать также анатомию и физиологию лошади. Зная физиологию и анатомию разных пород, можно судить о том, как каждую из них лучше использовать⁶².

В середине XIX в. лошадь была главной «производительной силой» — средством для передвижения, перевозки грузов, сельскохозяйственной деятельности. Миддендорф подчеркивал значение коневодства как важнейшей отрасли промышленности и торговли России и считал, что именно поэтому оно должно развиваться на научной основе. Отмечая, что следовало бы основать «высшее практическое иппологическое учреждение»⁶³, Миддендорф полагал, что иппологию полезно было бы преподавать не только в военных, но во всех учебных заведениях России, чтобы любой образованный человек мог познакомиться с этой «машиной», необходимой в хозяйстве.

Рассматривая лошадь как живую (самоходную) машину, Миддендорф считал, что следует изучать как строение и качества лошадей, так и способы их «употребления», «сбережения», «починки» и правила кормления. Он писал: «Общие физиологические основания иппологии показывают, что всякой лошади по природе свойственна своя особенная пропорция между тяжестью груза,

⁶⁰ Миддендорф А. Ф. О задачах иппологии... С. 295–327; *Middendorff A. Th. v. Die Anforderungen des Kavallerie-Wesens an die Pferdekunde // Mélanges biologiques tirés du Bulletin physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. 1852. T. 1. Livr. 4. S. 456–489.*

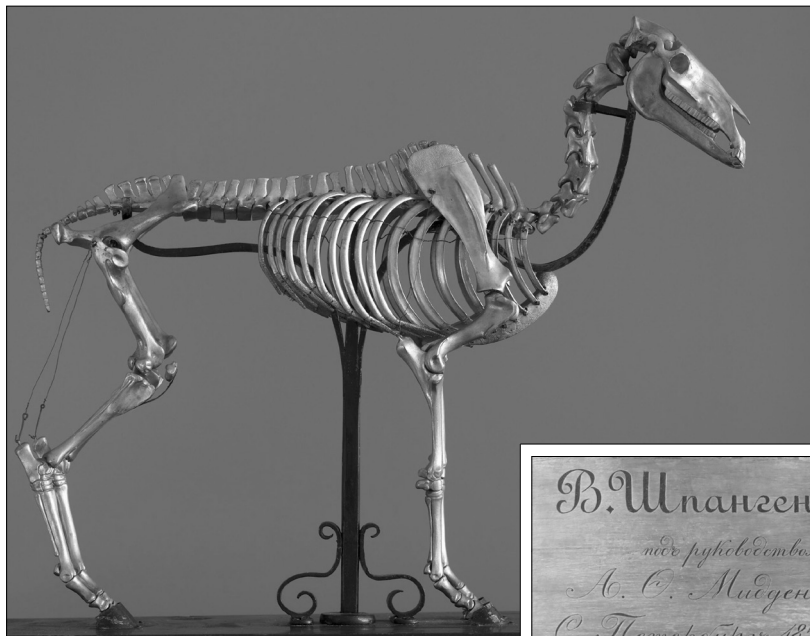
⁶¹ Миддендорф А. Ф. О задачах иппологии... С. 297.

⁶² Там же. С. 300.

⁶³ Там же. С. 320.

скоростью бега и продолжением рабочего времени, и мы должны строго наблюдать эту относительную меру, если хотим, чтобы лошадь оказала нам наибольшие услуги»⁶⁴.

В поисках физиологических и анатомических признаков разных пород лошадей для создания их классификации, Миддендорф занимался измерением углов движения костей. Для этого он изобрел особый прибор — угломер, а также (вместе с В. Шпангенбергом) в 1853 г. создал бронзовую модель лошади, с помощью которой можно было изучать механизм ее движения⁶⁵.

Бронзовая модель лошади

На основе своих исследований и многочисленных измерений Миддендорф смог создать первую зоотехническую классификацию лошадей, отделив скаковые породы от тяжеловозов. Миддендорф разделил их по преобладающему аллюру, различая лошадей

⁶⁴ Там же. С. 310.

⁶⁵ Эта модель, которую создал В. Шпангенберг под руководством А. Ф. Миддендорфа, хранится в Ветеринарном институте Эстонского университета естественных наук.

быстрых — «галопирующих», «рысистых» и медленных — «шаговых»⁶⁶. В отчете Физико-математического отделения за 1853 г. непреходящий секретарь Академии наук П.Н. Фус нашел нужным особо отметить доклад Миддендорфа об иппологии. По его словам, «изыскания нашего зоолога привели его к рациональному делению пород лошадей, более сообразному с существующими типами и способному положить конец путанице, мало помалу произведенной слишком исключительным признанием географического элемента»⁶⁷. Такая естественная и удобная классификация лошадей широко распространялась в Российской империи и используется до сих пор⁶⁸.

Авторитет Миддендорфа в области иппологии был велик. В 1856 г., когда военное ведомство готовило новый кавалерийский устав, в комиссию, занимавшуюся его подготовкой, пригласили Миддендорфа для описания анатомии лошади⁶⁹. В 1864 г. Главное управление коннозаводства назначило его в Остзейские провинции своим корреспондентом⁷⁰. В этой должности Миддендорф участвовал в первой Всероссийской выставке лошадей в сентябре 1866 г. в Москве⁷¹.

Миддендорф активно стремился содействовать усовершенствованию коневодства, как в Прибалтийских губерниях, так и в России в целом. Именно поэтому он привозил из Европы таких лошадей, которые могли улучшить качество «туземных» пород. Например, в 1862 г. во время путешествия по Бельгии он приобрел двух жеребцов и десять кобыл в Намуре (Арденны)⁷². В декабре этого года, выступая в Физико-математическом отделении Академии наук, Миддендорф нашел нужным сообщить и о своей деятельности в области

⁶⁶ *Middendorff A. Th. v. Hippologische Beiträge // Bull. phys.-math. 1856. T. 14. № 6. Sp. 83–86.*

⁶⁷ Отчет имп. Академии наук по I и III отделениям за 1853 г. // Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. 1853 Т. II. Вып. 4. С. 621.

⁶⁸ *Mauring H. Hobusekasvatus ja ratsasport [Коневодство и конный спорт] (2-е дополненное издание). Tallinn, 1988. Lk. 208.*

⁶⁹ СПФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1–1856. № 545. Л. 2–3.

⁷⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 5. № 78. Л. 216.

⁷¹ *Jessen P. Die erste Ausstellung von Pferden aus Gesamttrussland. In Moscau, im September 1866. Dorpat, 1867. S. 5.*

⁷² Об этой покупке весьма выразительно писал Эрнст в письме к матери (2 августа 1862 г. из Намура): «Необходимое количество лошадей куплено. /.../ Как приятно, что наконец мы не должны больше торговаться, так как часто приходилось ссориться целый час для того, чтобы приобрести лошадь за умеренную цену. /.../ Без папы это было бы сделать еще труднее, так как люди здесь невероятно упрямы». (*Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 12–13*).

коневодства. В протоколе заседания записано: «Академик Миддендорф словесно сообщил о предпринимаемых в Лифляндии опытах улучшения конской породы посредством введения арденнской расы, через которую, как надеются, можно образовать породу, удовлетворяющую современным требованиям земледелия»⁷³.

Арденнскую породу лошадей использовали для скрещивания в Торгельском конном заводе в 60–70-х годах XIX в.⁷⁴, пока Миддендорф был членом комиссии по разведению лошадей этого завода, принадлежавшего Лифляндскому дворянству. В 80-х гг. для скрещивания стали использовать другие породы⁷⁵.

Миддендорф опубликовал много статей в «Журнале коннозаводства»: об основах коннозаводства, способах подготовки опытных практиков (которых в России было очень мало), об иппоголиометре (приборе для измерения углов при движении костей в скелете лошади) и проч. Подчеркивая важность научного подхода к практике разведения лошадей, Миддендорф полемизировал с теми, кто сомневался в необходимости такого подхода. По его мнению, «самый гениальный практически коневод без знаний, обобщаемых наукою, /.../ далеко не приносит той пользы ни себе, ни отечеству, которую мог бы принести»⁷⁶.

В 1872 г. Москве на третьей Всероссийской конской выставке Миддендорф рассказывал съехавшимся со всей России коннозаводчикам о рациональных способах выращивания жеребят⁷⁷.

В сентябре следующего года во время Международной выставки в Вене проходила выставка лошадей. Миддендорф был ее вице-президентом. Позже он сожалел, что из-за множества обязанностей заметки о ней в его записной книжке недостаточно подробны. Однако в особой статье Миддендорф тщательно описал достоинства и недостатки организации выставки, помещения, условия

⁷³ Зап. АН. 1863. Т. 3. С. 91.

⁷⁴ *Middendorff A. Th. v. Das Landesgestüt der livländischen Ritterschaft zu Torgel // Mitteilungen der Kaiserlichen Livländischen gemeinnützigen und ökonomischen Sozietät. 1872. № 3. S. 1–100.*

⁷⁵ *Пунг А.* О работе А. Миддендорфа по разведению сельскохозяйственных животных // Изв. АН ЭССР. 1966. Т. 15. Сер. биол. № 2. С. 249.

⁷⁶ *Миддендорф А. Ф.* Ответ на вопрос г-на Л. Черняева: «Что-же действительно опасным для коневодства считает г. Миддендорф в моих статьях» // Журн. коннозав. 1867. № 5. С. 3.

⁷⁷ *Коптев В. И.* Материалы для истории развития русского коннозаводства. М., 1887. С. 529. Сообщив, что в «Журнале коннозаводства» публиковались статьи «известных и уважаемых в европейской науке ученых», Коптев первым назвал «академика Миддендорфа».

содержания лошадей, представленные на ней породы, цены. Рассматривал он и разные проблемы коневодства в России и Европе, сравнивал организацию выставок в Вене и Гулле в Англии, где он перед этим побывал на выставке земледелия, анализировал удачные опыты подбора производителей в разных странах.

Миддендорф сожалел, что на выставках основное внимание уделялось призам, а не «началам производства лошадей». По его мнению, не следовало с патриотических позиций утверждать, что в России все благополучно с точки зрения коннозаводства, даже если российская лошадь на Венской выставке заняла первое место. Мнение Миддендорфа весьма выразительно: «Найдутся у нас, конечно, горячие патриоты, которые укажут на отличную нашу кавалерию, на бесчисленных удивительных степных коней от Буга до Амура, на добрую финскую породу, разных клепперов и т.д. Не дай Бог нам закисать от закваски мнимого патриотизма /.../. Я говорю как хозяин, у которого до сотни лошадей работает на полях, как хозяин неотсталый в крае, признанном у нас передовым по сельскому хозяйству, и спрашиваю себя: соответствует ли моя упряжка настоящим сельскохозяйственным требованиям? Спрашиваю, сколько бы лошадей из моих и окружающих меня помещиков и крестьян пригодились бы для потребности военных?»⁷⁸. Затем Миддендорф отметил: «Чем страдает весь строй нашего государства, тем и конское население его»⁷⁹. Он считал также, что если бы «американские соперники в Вену приехали, Россия не получила бы за свою лошадь первую премию»⁸⁰.

Интересно, что на статью Миддендорфа нашло нужным отозваться Главное управление коннозаводства. Была опубликована статья, содержащая по существу отчет о деятельности этого управления. В ней упоминалось о лошадях, которых приобрел Миддендорф на выставке, о том, куда были переданы эти лошади, о стоимости покупки и даже — о чрезвычайной бережливости Миддендорфа. Речь шла и о том (несомненно в ответ на реплику Миддендорфа), что «Россия с нынешними лошадьми всегда будет в состоянии /.../ снабдить армию нужным материалом»⁸¹.

⁷⁸ Миддендорф А.Ф. Венская международная выставка лошадей // Журн. коннозав. 1874. № 1. С. 82.

⁷⁹ Там же. С. 83.

⁸⁰ Там же. С. 91.

⁸¹ Журн. коннозав. 1874. № 2. Ч. офиц. С. VII.

В 1872 г. в катакомбах вблизи Керчи были найдены фрески, которые описал известный критик В.В. Стасов. В отчете о результатах своих исследований он писал: «Желая получить точное и положительное сведение о том, не представляют ли животные, изображенные на фресках, черт сходства с известными породами старого и нового времени, я обращался о разъяснении этого вопроса к почетному члену нашей Академии наук фон А.Ф. Миддендорфу, и он, с готовностью всякого истинного ученого помочь чужому труду, пожертвовал несколько времени на подробное рассмотрение зоологических образчиков, встречающихся на Керченских фресках»⁸². Стасов использовал сведения Миддендорфа о разных животных, но особенно много внимания уделил анализу изображений встречающихся на фресках пород лошадей.

А.А. Кейзерлинг писал своему другу в конце 1881 г.: «Вчера я читал в “Фергане”⁸³ отдел о домашних животных. То, что Миддендорф говорит там о лошадях, особенно свидетельствует о таком мастере, какого возможно еще не было и какой вряд ли скоро появится. Почему у нас не используют такого специалиста лучше? Конечно, как самостоятельный администратор Миддендорф слишком любит парадоксы и удивительные решения. /.../ Но как министр государственного коннозаводства, он сделал бы больше, чем Левашев, и возможно, чем только для администрации подходящий Грюневальдт»⁸⁴.

⁸² Стасов В. Катакомбы с фресками, найденные в 1872 г. близ реки Керчи // Отчет имп. Археол. комиссии за 1872 г. СПб., 1875. С. 283. На работу Стасова обратил внимание П.Б. Юргенсон в своей работе «Неведомыми тропами Сибири» (М., 1964. С. 38–39). Юргенсон был не только зоологом, но и специалистом в области византиноведения.

⁸³ Middendorff A. Einblicke in das Ferghana-Thal // *Mém. Acad.* 1881. VII Ser. T. 29. N1.

⁸⁴ Taube von der Issen H. Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Berlin, 1902. Bd. 2. S. 277. В.В. Левашев — управляющий государственным коннозаводством в 1843–1848 гг. Эстляндский помещик М. Грюневальдт в 1856 г. стал генералом русской кавалерии, а в 1859–1874 гг. он служил главным управляющим государственного коннозаводства.

Общественная деятельность

В Вольном экономическом обществе

В 1852 г. Вольное экономическое общество (ВЭО) получило из Западной Сибири шкуру белой россомахи, которая была передана «для рассмотрения» Миддендорфу. Вскоре Миддендорф прислал в Общество письмо, в котором сообщил, что россомаха — редкость для Западной Сибири и вообще не встречается в Европе. Белые россомахи распространены на Камчатке и в меховой торговле считаются бесценными из-за чрезвычайной редкости. Так как в Зоологическом музее Академии наук шкуры этого животного не было, ее подарили Зоологическому музею, а письмо Миддендорфа совет ВЭО постановил напечатать в «Трудах» Общества. При этом редакция журнала сочла нужным отметить: «нам лестно украсить страницы редактируемого нами периодического издания Общества именем одного из известнейших наших зоологов»¹.

Однако членом ВЭО Миддендорф стал не как известный ученый, а как специалист в области сельского хозяйства. Согласно формулярным спискам, Миддендорф был принят в члены Общества 26 июня 1857 г.

В середине XIX в. Вольное экономическое общество оставалось самым крупным обществом Российской империи. Членами Обще-

¹ Миддендорф А.Ф. О шкуре белой россомахи, присланной в Императорское Вольное экономическое общество из Западной Сибири г-м Родюковым // Тр. ВЭО. 1852. Т. I. Отд. II. С. 111–114.

ства были помещики, военные и государственные деятели (жители разных губерний страны), академики, а также представители царской семьи. В работе Общества принимали участие вице-председатель Русского географического общества Ф.П. Литке, гражданский губернатор Якутской области Ю.И. Штубендорф, профессор химии Дерптского университета К. Шмидт и многие другие.

Из протоколов Общества можно узнать, что 3 января 1859 г. Миддендорф был избран временным вице-президентом ВЭО (61 «за» и 15 «против»). До этого времени Общество возглавлял герцог П.Г. Ольденбургский. Однако в 1859 г. был принят новый устав ВЭО, согласно которому члены императорской семьи могли быть только почетными членами, поэтому следовало выбрать нового президента. 3 апреля 1859 г. президентом Общества стал Миддендорф (72 «за» и 21 «против»)². В следующем году он сообщил, что из-за болезни должен будет уехать из Петербурга и поэтому не сможет оставаться президентом ВЭО. Но так как в 1860 г. в Петербурге состоялась сельскохозяйственная выставка, в организации которой самое деятельное участие принимал Миддендорф, то до начала октября свои функции президента он выполнял.

Вольное экономическое общество Миддендорф возглавлял меньше двух лет, однако сделал за это время немало. Он принимал активное участие в подготовке нового устава Общества. Прежде во время заседаний в основном читались письма корреспондентов ВЭО. По инициативе Миддендорфа, на этих заседаниях стали более активно обсуждать разнообразные вопросы³. Согласно первому историку Общества А.И. Ходневу, именно Миддендорф придал вес общему собранию: «С тех пор ни один сколько-нибудь важный для Общества вопрос не может быть решен без общего собрания, а равно и мнение, и предложение каждого отдельного члена получит всегда надлежащий ход»⁴. Кроме того, Миддендорф создал в Обществе комиссию для содействия изданию работ по сельскому

² *Mittheilungen der KföG zu St. Pbg.* 1859. S. 295, 300. Миддендорфа нельзя было сразу выбрать президентом ВЭО, так как в начале 1859 г. новый устав Общества еще не был подписан императором. После принятия этого устава герцог П.Г. Ольденбургский (как член царской семьи) стал почетным президентом ВЭО.

³ Там же. 1860. S. 57.

⁴ *Ходнев А.И.* История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. 657.

хозяйству на русском языке. Активное участие Миддендорф принял и в организации второй Всероссийской сельскохозяйственной выставки.

Первая Всероссийская сельскохозяйственная выставка состоялась по инициативе ВЭО в 1850 г. в Петербурге. Затем подобные мероприятия в течение многих лет не проводились. Миддендорф обратил внимание членов ВЭО на пользу устройства «выставки произведений и промышленности всей империи»⁵. В феврале 1859 г. для организаций второй Всероссийской сельскохозяйственной выставки была создана особая комиссия, председателем которой стал Миддендорф⁶. Выставка должна была содействовать распространению сельскохозяйственных знаний в империи, поэтому устроители решили пригласить для участия в ее работе представителей всех губерний. Миддендорф считал также важным, чтобы участниками выставки стали не только помещики, но и хозяева хуторов⁷.

Вторая Всероссийская сельскохозяйственная выставка открылась в Петербурге 28 сентября 1860 г. в Михайловском манеже. Это здание ВЭО получило в свое распоряжение благодаря тому, что почетным членом Общества стал великий князь Николай Николаевич-старший, в ведении которого находился манеж⁸. На выставке демонстрировались самые разные сельскохозяйственные машины, приборы, российские и европейские породы лошадей, коров, свиней, овец, зерновые культуры, ремесленные изделия, цветы и проч. Для того времени размеры выставки грандиозны — на ней были представлены 10 000 экспонатов от 3 700 участников. Выставка оказалась настолько популярной (на ней побывали 85 142 человека), что ее пришлось продлить до конца октября⁹.

Миддендорф придавал большое значение механизации сельскохозяйственных работ и в своих выступлениях неоднократно

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1859. S. 297, 449–450.

⁷ ЕАА. Ф. 1185. Оп. 1. № 342. Л. 21 об. – 22.

⁸ Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1860. S. 51. Миддендорф был знаком с великим князем Николаем Николаевичем с начала 50-х гг., когда преподавал ему и его брату Михаилу иппологию. 5 ноября 1859 г. Николай Николаевич (теперь командир Отдельного гвардейского корпуса) стал членом ВЭО по инициативе Миддендорфа (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 32–33).

⁹ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 18. Л. 23; *Ходнев А.И.* История... С. 296.

говорил о важности механизации. Общество часто приобретало новые сельскохозяйственные машины, которые обычно демонстрировались всем желающим. Миддендорф предложил продать эти машины, полагая, что они принесут большую пользу практикующим помещикам в поле, чем на выставке. Так как новые сельскохозяйственные машины вообще были очень дороги, Миддендорф предложил продать их за половину цены. Общество с таким мнением согласилось, и машины были проданы¹⁰.

Во время работы выставки Миддендорф стал гидом для посещавших ее членов императорской семьи. Несколько раз он сопровождал великую княгиню Елену Павловну¹¹. Из писем Э.Ф. Раден (одной из фрейлин Елены Павловны) к Миддендорфу можно узнать, что еще в начале 1860 г. он привлек внимание великой княгини к делам Общества, обсуждая с ней вопросы, связанные с организацией выставки и наградами¹². В феврале госпожа Раден писала Миддендорфу: «Великая княгиня сердечно приняла Ваши превосходные идеи о выставке и премии. /.../ Она с удовольствием готова основать одну медаль, которая кажется Вам наиболее подходящей к делу. Более подробно Ее высочество хочет с Вами обсудить эти проблемы при подходящем случае»¹³.

Вероятно, при личной встрече, обсуждая с великой княгиней ее участие в делах Общества, Миддендорф отметил, что важно содействовать повышению знаний крестьян об основах сельского хозяйства. Во всяком случае, 1 сентября 1860 г. Общество получило письмо великой княгини, в котором она сообщала, что с разрешения императора и по желанию Общества согласна стать его членом. В письме речь шла также о том, что в связи с грядущей аграрной реформой следует подумать о повышении сельскохозяйственных знаний крестьян. Поэтому Елена Павловна решила выделить 300 серебряных рублей для основания золотой медали за лучшую книгу для чтения по сельскому хозяйству. Понимая, что бюрократический процесс не позволит быстро основать такую медаль, великая княгиня предложила сначала выдавать эти деньги в награду за технические достижения в области сельского

¹⁰ Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1859. S. 297, 305; 1860. S. 61–62.

¹¹ ЕАА. 1802. Ф. Оп. 1. № 13. Л. 31.

¹² Там же. № 8. Л. 212–212 об.

¹³ Там же; см. то же ГАРФ. Ф. 698. Оп. 1. № 130. Л. 7.

хозяйства¹⁴. Затем золотая медаль «присуждалась раз в два года за сочинения для народного чтения по сельскому хозяйству». После смерти Елены Павловны (1873) медаль больше не присуждалась «за неассигнованием денег на эту медаль»¹⁵. Хотя в трудах по истории ВЭО создание золотой медали связано с именем великой княгини Елены Павловны, следует напомнить, что сама идея премии принадлежала Миддендорфу.

Вторая Всероссийская сельскохозяйственная выставка прошла успешно, но участие в ее работе оказалось весьма утомительным для Миддендорфа, который был не совсем здоров. После ее окончания ботаник Р.Э. Траутфеттер писал Миддендорфу: «Во время сельскохозяйственной выставки в Петербурге я часто думал о твоих страданиях и жертвах, о том, чего все это тебе стоило. Я сердечно поздравляю тебя с тем, что ты теперь от этой нагрузки свободен и, наконец, приобретешь спокойствие, которое тебе очень пригодится для собственного здоровья и научных работ»¹⁶.

Члены ВЭО высоко оценили работу Миддендорфа в Обществе. Еще до того, как он ушел с поста президента, 17 октября 1860 г. во время общего собрания ВЭО 39 его участников предложили избрать Миддендорфа почетным членом. Было также решено заказать портрет Миддендорфа («написанный маслом»), которым можно было бы украсить стену залы Общества¹⁷. Портрет был написан и висел до тех пор, пока Общество не прекратило свою деятельность. В 1886 г. Вольное экономическое общество в память Миддендорфа основало медаль, которая присуждалась «за разведение типичных племенных стад крупного рогатого скота»¹⁸.

¹⁴ Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1861. S. 40.

¹⁵ Бекетов А.Н. Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности императорского Вольного экономического общества с 1865 до 1890 года. СПб., 1890. С. 179.

¹⁶ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 14. Л. 63 об.

¹⁷ Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. 1861. S. 51–52.

¹⁸ Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1896. Т. 3. С. V.

В Лифляндском общепольном экономическом обществе

Лифляндское общепольное экономическое общество, основанное в 1792 г. в Риге, было самым старым негосударственным обществом в Прибалтийских губерниях. С 1813 г. оно находилось в Дерпте. По уставу Общество имело 12 действительных членов, внесенных в матрикул (список) Лифляндского дворянства, и президент избирался только из этих членов. Число почетных членов Общества не ограничивалось. Среди них были как ученые Дерптского университета, так и наиболее активные лифляндские, эстляндские и курляндские помещики.

Заседания Общества проходили два раза в год. Главной целью Общества было распространение новых сельскохозяйственных знаний и техники не только в Лифляндии, но также в Курляндии и Эстляндии. Оно имело два опытных конных завода (в Торгеле и в Авинорме), где производилось скрещивание разных пород лошадей. Общество занималось также решением научных задач, полезных для развития сельского хозяйства. Например, в 1816–1819 гг. оно организовало триангуляционные съёмки Лифляндии, на основе которых были составлены первые достаточно точные карты Прибалтийских губерний, а также первая карта рельефа этой территории.

Когда Миддендорф переселился в Лифляндию и был внесен (10 мая 1861 г.) в матрикул Лифляндского дворянства¹⁹, он благодаря этому получил и право стать членом Лифляндского общепольного экономического общества. 15 января 1862 г. Миддендорфа избрали президентом этого Общества²⁰. Выбор можно считать

¹⁹ *Sieda L. Alexander Theodor von Middendorff // Allgemeine Deutsche Biographie. 1906. Bd. 52. S. 395.*

²⁰ В 1853 г. в качестве отдела Лифляндского общепольного экономического общества было создано Дерптское общество естествоиспытателей для изучения природы Прибалтийских губерний. Президент Лифляндского общества «автоматически» становился и президентом Общества естествоиспытателей, однако Миддендорф от этой чести категорически отказался. (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 15. Л. 42–43). Миддендорф стал членом Общества естествоиспытателей в 1854 г. и в том же году даже собирал взносы с членов Общества, живущих в Петербурге (*Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschenden Gesellschaft, 1853–1860. Dorpat, 1861. Bd. 1. S. 85*). Он неоднократно дарил библиотеке Общества естествоиспытателей свои работы и книги других авторов.

Eine hiesige Büllerschaft, in Gemäßheit ihrer wohlher-
gebrachten, und Allerhöchstdiät confirmirten Privilegien,
Rechte, Gewohnheiten und Prærogativen, das Indige-
nat für sich und Ihre Nachkommen, nach dem Beispiele
anderer europäischer Nationen zu conferiren, die rechtl-
iche und gesetzliche Befugniß hat. Uns haben Wir, in
Erwägung der ausgezeichneten Eigenschaften und Verdienste

den Herrn wirklichen Staatsrath
Alexander Theodor von Middelhoff,
mit seiner Nachkommenschaft, auf öffentlichem Land-
tage 1860, durch öffentlichen Aufruf zum Altbruder
aufgenommen und es uns eine Freude sein lassen, Dem-
sel.

Свидетельство о принятии А. Ф. Миддендорфа в члены Лифляндского дворянства с изображением его фамильного герба (РАВУМ)

вполне закономерным, так как Общество нуждалось в обновлении в связи с аграрными реформами России. Вместе с тем центральная власть всё чаще пыталась вмешиваться в дела самоуправления Прибалтийских губерний, поэтому особое значение приобретали личные контакты в Петербурге. Миддендорф, известный как талантливый помещик, как ученый и как активный президент Вольного экономического общества, к тому же был лично знаком со многими членами императорской семьи и государственными деятелями. Такое знакомство могло пригодиться при решении многих возникавших проблем.

Ежегодно в январе происходили заседания Лифляндского общепольного экономического общества, на которых присутствовали только его члены. На этих заседаниях Миддендорф выступал с докладами о деятельности и проблемах Общества. Летом собрания происходили в имениях помещиков в разных частях Лифляндии, где члены Общества знакомились с наиболее удачными способами хозяйственной деятельности.

Осенью 1862 г. Миддендорф предложил, чтобы ежегодные зимние заседания стали открытыми и длились три дня вместо одного²¹. Это сразу увеличило значение Общества как центра сельскохозяйственной мысли, и уже в 1863 г. на заседании присутствовали около 200 человек. В дальнейшем на эти собрания стали приезжать самые разные жители Прибалтийских губерний (врачи, пасторы, помещики и др.), занимавшиеся сельским хозяйством, т.е. собрания приобрели широкое общественное значение²². В сельскохозяйственном еженедельнике «*Baltische Wochenschrift*»²³ расширение состава участников собраний Общества рассматривали как реформу в его истории²⁴.

Привлечение к деятельности Общества большого числа жителей Лифляндской губернии из разных кругов, включая и крестьян (эстонцев и латышей), стало одной из главных целей Миддендорфа-президента. По его мнению, это должно было содействовать,

²¹ Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft. 1862. Bd. 15. № 4. S. 279.

²² Engelhardt H.D. v., Neuschäffer H. Die livländische gemeinnützige und ökonomische Sozietät (1792–1939) // Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Köln; Wien, 1983. Bd. 5. S. 57.

²³ Еженедельная газета «*Baltische Wochenschrift*» была основана в 1863 г. В этой газете публиковались протоколы Общества, а также статьи его президента.

²⁴ BW. 1863. Sp. 7.

с одной стороны, распространению современных знаний о сельском хозяйстве, а с другой — сотрудничеству немцев, эстонцев и латышей. Налаживание нормальных отношений между помещиками (немцами) и крестьянами (эстонцами и латышами) могло бы помочь улучшению благосостояния крестьян и вообще качества жизни в Лифляндии.

Не всем помещикам нравились изменения в характере деятельности Лифляндского общепольного экономического общества. Некоторые даже выходили из Общества, считая действия президента «слишком радикальными»²⁵. Миддендорф писал жене, что его противники, непримиримые к его действиям в Экономическом обществе, «должны извергать огонь. Но, как ты знаешь, меня это совершенно не смущает»²⁶.

Для сельского хозяйства Лифляндии 60-е годы XIX в. были временем глубокого кризиса. Миддендорф полагал, что к этому привели изменения в отношениях между помещиками и крестьянами, которые произошли после аграрных реформ в России. Кроме того, на хозяйственную деятельность в Лифляндской губернии влияли неблагоприятные климатические условия в течение многих лет вблизи восточного побережья Балтийского моря, а также биржевой кризис в Российской империи, который, с одной стороны, затруднял помещикам получение кредитов для финансирования сельского хозяйства, а с другой — приводил к отъезду крестьян из Лифляндии в другие российские губернии.

Следующее десятилетие стало временем развития сельского хозяйства в Лифляндии. В это время более интенсивной стала и деятельность Лифляндского общепольного экономического общества, увеличилось количество его отделов. Появились отделы ветеринарии, мелиорации, зерновых культур, выращивания картофеля, молочного скотоводства, лесоводства, удобрений, сельскохозяйственной техники, торфа, производства водки²⁷.

Миддендорф принимал наибольшее участие в работе отделов скотоводства и коневодства, а также неоднократно выступал с предложениями об использовании новой техники, введении

²⁵ ЕАМ. Ф. 66. Оп. 1. № 104. Л. 76 об.

²⁶ *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe. Livland (1847–1894).* [Рукопись]. Giessen, 1996. S. 26.

²⁷ *Engelhardt H.D. v., Neuschäffer H. Die livländische...* S. 84.

озимых и кормовых культур²⁸, организации работ по мелиорации, содействовал основанию новых опытных станций. Много внимания Миддендорф уделял и вопросу финансирования сельскохозяйственной деятельности. Он стал одним из основателей объединения «Ceres», которое кредитовало помещиков²⁹. При участии Миддендорфа в Обществе были созданы комиссии, занимавшиеся как проблемой постройки железной дороги в Лифляндии³⁰, так и проблемой основания сельскохозяйственных школ для латышей и эстонцев³¹.

Велика роль Миддендорфа и как организатора сельскохозяйственных съездов и выставок в Прибалтийских губерниях. Ему весьма пригодился собственный опыт, полученный при организации второй Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Петербурге (1860 г.). В 1863 г. по инициативе Миддендорфа был организован первый Балтийский центральный сельскохозяйственный съезд в Риге (впоследствии такие съезды стали регулярными). Чтобы привлечь помещиков и крестьян к активному участию в работах сельскохозяйственных съездов, Миддендорф предложил одновременно со съездами проводить и сельскохозяйственные выставки с призами. Миддендорф разработал программу первой выставки, которая состоялась в июне 1865 г. в Риге.

По его мнению, выставка с участием как помещиков, так и крестьян могла содействовать объединению различных частей Прибалтийских губерний в единую сельскохозяйственную систему. Основой выставки должен был стать отдел скотоводства (на нём следовало представить, прежде всего, местные породы скота). Миддендорф считал, что очень важно снабдить каждый экспонат обширными комментариями, которые позволяли бы сравнивать эти экспонаты³². Миддендорф и сам стал участником выставки. В 1865 г. его рабочая лошадь Dreifach Klepper получила и серебряную, и бронзовую медали, а корова Perreer-II — серебряную медаль³³.

²⁸ BW. 1865. Sp. 19.

²⁹ Там же. 1863. Sp. 11, 31.

³⁰ Там же. 1867. Sp. 101.

³¹ Там же. 1881. Sp. 1066–1072.

³² *Rosenberg T.* Deutsche und estnische Ausstellungen in Dorpat (Tartu) 1857–1913 // *Steinbrücke. Estnische Historische Zeitschrift.* 1998. № 1. S. 178–179.

³³ BW. 1865. Sp. 149, 157.

Принципы создания первой сельскохозяйственной выставки стали основой для организации всех следующих выставок в Прибалтийских губерниях в XIX в.³⁴ Миддендорф участвовал в подготовке второй и третьей Центральных сельскохозяйственных выставок, состоявшихся в Риге в 1871 и в 1880 гг.

Кроме практических проблем сельского хозяйства в 70–80-х годах XIX в. Лифляндское общепольное экономическое общество занималось решением и некоторых научных задач. Миддендорф неоднократно привлекал к работе Общества преподавателей из Ветеринарного института в Дерпте, геологов и химиков Дерптского университета, специалистов по сельскому хозяйству из Риги. Их деятельное участие в работах Общества повышало его репутацию в Прибалтийских губерниях.

В 1874–1882 гг. была организована генеральная нивелировка Лифляндской губернии. Идея нивелировки была предложена врачом К.К. Зейдлицем³⁵ в одном из заседаний Общества естествоиспытателей в Дерпте. Миддендорф поддержал ее, полагая, что нивелировка может стать важным подготовительным этапом для организации работ по осушению болот губернии³⁶. Лифляндское общепольное экономическое общество финансировало работы, и нивелировка, организованная Обществом естествоиспытателей, состоялась. Руководителем работ был Зейдлиц, а Миддендорф написал предисловие к труду Зейдлица о её результатах³⁷.

Лифляндское общепольное общество поддержало также идею постройки железной дороги, которая должна была соединить северную часть Лифляндской губернии с Петербургом и Ригой. Первые обсуждения наиболее подходящей трассы происходили в Обществе в 1866 г.³⁸ Миддендорф и Зейдлиц содействовали тому, чтобы Общество финансировало проект. Кроме того, Миддендорф

³⁴ *Rosenberg T. Deutsche...* S. 179.

³⁵ Миддендорф подружился с К.К. Зейдлицем, после того, как оставил Петербург и поселился в Гелленорме. Их объединяло сходство характеров и близость имений. Зейдлиц по инициативе Миддендорфа стал членом Лифляндского общепольного общества, и в течение двадцати лет они дружно содействовали его работе. (*Stryk G. v. Dr. C.J. von Seidlitz. [Nekrolog] // BW. 1885. S. 53–56*).

³⁶ *BW. 1874. Sp. 36*.

³⁷ *Middendorff A. Th. v. [Vorrede] // [Seidlitz C.J. v.] General-Nivellement von [Livland der kaiserlichen, livländischen gemeinnützigen und ökonomischen Societät. Dorpat, 1887. S. III–V*.

³⁸ ЕАА. Ф. 1185. Оп. 1. № 441.

уговаривал помещиков, владевших землей на пути проектируемой трассы, чтобы они ее не продавали, а дарили. 30 сентября 1866 г. Миддендорф писал Г. Беркгольцу из Гелленорма: «Строительство железной дороги — самое важное предприятие [Лифляндского общепольного экономического общества], которое мы начинаем. Только тогда мы будем спокойны за наше будущее»³⁹.

В 1876 г. была построена железная дорога от Тапсы (Taps — станция на железной дороге между Ревелем и Петербургом) до Дерпта, соединившая Дерпт с Петербургом. В 1877 г. ежегодное заседание Общества Миддендорф начал следующими словами: «Прежде всего, я искренне поздравляю Вас с событием, которое нашу работу, и особенно сельское хозяйство, ведет в новую эру, — с открытием первой железной дороги, проходящей по внутренним частям Балтийских земель /.../ Общество [этим] уже десять лет занималось небезуспешно»⁴⁰.

В том же году, когда появилась железная дорога, соединившая Дерпт с Петербургом, Миддендорф обратился к министру путей сообщения адмиралу К.Н. Посьету⁴¹ с просьбой, чтобы кроме того была построена железная дорога от Дерпта до Риги, так как в этом были весьма заинтересованы лифляндские помещики⁴². Эту линию построили лишь десять лет спустя (в 1886–1887 гг.), но одну из станций, расположенную в 5 км от Гелленорма, назвали «Разъезд (платформа) Миддендорфа»⁴³.

Много внимания Миддендорф уделял деятельности эстонских сельскохозяйственных обществ, особенно Дерптского общества, членом которого он был. Благодаря Миддендорфу, Лифляндское общепольное экономическое общество поддержало Дерптское общество и ассигновало средства для призов во время эстонских сельскохозяйственных выставок, а также для создания первой

³⁹ LVVA. Ф. 4011. Оп. 2. № 56. Л. 103. Железная дорога Ревель — Петербург построена в 1868–1870 гг.

⁴⁰ BW. 1877. Sp. 97.

⁴¹ Миддендорф был знаком с Посьетом, так как в 1870 г. тот руководил морской экспедицией на Новую Землю, в которой участвовал Миддендорф.

⁴² *Gussarova V. Sada aastat Eesti raudteed* [Сто лет железных дорог Эстонии]. Tallinn, 1970. Lk. 41.

⁴³ Название «Разъезд Миддендорфа» можно увидеть на картах Лифляндии конца XIX в. и даже на бланке, на котором Эрнст Миддендорф писал некоторые свои письма в начале XX в. Сегодня эта железнодорожная станция называется Палупера.

Платформа Миддендорфа (ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 34. Л. 5)

сельскохозяйственной газеты на эстонском языке «Eesti Põllomees» («Эстонский сельский хозяин», 1869–1880 гг.). Эта газета немало содействовала распространению среди эстонских крестьян новых методов хозяйствования⁴⁴.

31 августа 1882 г. на заседании Лифляндского общепольного экономического общества Миддендорф сообщил, что больше не может оставаться президентом. Присутствующие выразили по этому поводу сожаление и благодарили Миддендорфа за все, что он сделал на этом посту. В протоколе заседания отмечалось: «Несмотря на все мрачные испытания, которые наше время принесло нашему отечеству, оно было временем быстрого развития сельского хозяйства. Общество под руководством г. ф. Миддендорфа находилось в центре такого развития и своими скромными средствами принимало в этом значительное участие»⁴⁵. Новый президент Общества в 1883 г. в ежегодном собрании нашел нужным напомнить присутствующим: «Двадцать лет Императорское Лифляндское общепольное экономическое общество радовалось, что находится под руководством президента тайного советника

⁴⁴ *Tammiksaar E.* Alexander Theodor von Middendorff und die Entwicklung der livländischen Gesellschaft in den Jahren 1860 bis 1865 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2011. Bd. 59. № 2. S. 169–170.

⁴⁵ ВВ. 1882. Sp. 660.

фон Миддендорфа, который не только своей замечательной научной карьерой и вдохновляющей духовной силой, но особенно благодаря доверию правительственных учреждений, успешно руководил Обществом и содействовал достижению его целей»⁴⁶.

В Ландтаге Лифляндии

Миддендорф уже вскоре после окончания Сибирской экспедиции познакомился с аграрными проблемами Остзейских провинций. Особенно часто он обсуждал эти проблемы со своим другом Н. Вилькеном (эстляндским помещиком), а также с Ф.П. Врангелем и Г.П. Гельмерсеном (имевшими имения в Лифляндии). Их волновали вопросы отношений между немецкими помещиками и местными крестьянами, попытки перехода крестьян в православную веру, крестьянские волнения, дискуссии в «Остзейском комитете»⁴⁷.

Крестьяне Прибалтийских губерний в начале века были освобождены от крепостной зависимости, однако землю не получили. В 40-х годах многие эстонские крестьяне начали переходить из лютеранской веры в православную, так как распространились слухи, что благодаря этому они смогут получить землю. К тому же начались крестьянские волнения. Всё это чрезвычайно беспокоило помещиков (в основном немцев).

Упомянутые события привели к тому, что в Петербурге в 1846 г. был основан специальный «Остзейский комитет», где началась подготовка нового аграрного законодательства для Прибалтийских губерний. Предварительный вариант такого закона в 1849 г. был подписан Николаем I. На основе этого либерального закона помещики могли не только сдавать крестьянам землю в аренду, но и продавать. Однако землю продавать никто не хотел, и лишь наиболее прогрессивные помещики ввели в своих имениях денежную ренту (оброк) вместо барщины⁴⁸.

⁴⁶ Там же. 1883. Sp. 58.

⁴⁷ N. v. Wilken an A. Th. v. Middendorff, Riga, 3. November 1845 // PABvM; K.E. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, 27. Januar 1848 // DSHI 190 Estland 320.

⁴⁸ *Tobien A. v. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Riga, 1911. Bd. 2.*

Как владелец Гелленорма, Миддендорф в 1861 г. был включен в список лифляндских дворян и благодаря этому стал членом Лифляндского ландтага (с правом голоса). Во время собраний Ландтага обсуждались самые разнообразные вопросы — управление Лифляндской губернией и ее провинциями, положение крестьян, судопроизводство, деятельность полиции, проблемы самоуправления, церковные дела и проч.

Члены Ландтага разделялись на две большие группы — либералов и консерваторов. Миддендорф относил себя к либералам. Со своими прагматическими взглядами он скоро оказался даже ультралибералом или, как он сам себя называл, «простым гражданином мира»⁴⁹. Ультралиберализм Миддендорфа выражался прежде всего в том, что он предлагал ввести в состав Ландтага делегатов от крестьянства, полагая, что их интересы должны защищаться на высшем законодательном уровне⁵⁰. В одном из своих писем 1869 г. А.А. Кейзерлинг отметил, что в Лифляндском ландтаге даже образовалась «радикальная партия Миддендорфа», хотя сам он к этому отношения не имел. По словам Кейзерлинга, представителей этой партии называли «арденнами» — по конной породе, которую Миддендорф импортировал⁵¹.

Миддендорф был патриотом Прибалтийских губерний и стремился сделать всё возможное для их развития. По его мнению, сохранить автономию этих губерний и избежать вмешательства центральной власти Российской империи в их дела можно было только при значительных компромиссах. Миддендорф понимал, что немцы-помещики нередко самоуверенно и надменно преувеличивают свое значение в этих губерниях. Единственную возможность спасения прибалтийских немцев «от злой смуты» Миддендорф уже в конце 50-х годов XIX в. видел в распределении власти между всеми условиями и местными жителями разных национальностей⁵². Его поддерживали некоторые молодые помещики, считавшие, что крестьяне должны иметь больше прав и участвовать в самоуправлении.

⁴⁹ *Tammiksaar E.* Alexander Theodor von Middendorff... S. 157.

⁵⁰ *Taube von der Issen H.* Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Berlin, 1902. Bd. 1. S. 558.

⁵¹ Там же.

⁵² *Wittram R.* Meinungskämpfe im baltischen Deutschtum während der Reformepoche des 19. Jahrhunderts. Riga, 1934. S. 41, Fussnote; A. Th. v. Middendorff an V. Hehn, Pörrafer, 08. Juli 1858 // Cotta-Archiv (Stiftung der Stuttgarter Zeitung), Deutsches Literaturarchiv Marbach.

А. Ф. Миддендорф (РАВчМ)

В ноябре 1863 г. Миддендорф писал Э. Ф. Раден: «Здесь [в Лифляндии] я пытаюсь немного содействовать тому, чтобы сложный вопрос о единстве и солидарности всех представителей наших трех губерний (к сожалению, с интересами, совсем несовместимыми) мог быть решен. Ох, какой принципиальной и предусмотрительной может быть немецкая кровь!»⁵³. Астроном Л. Э. Шварц (живший тогда в Лифляндии) в июле 1861 г. писал своей жене по поводу взглядов Миддендорфа: «От чего он особенно страдает, так это от отношений со сво-

ими крестьянами». Шварц рассуждал в этом письме и о том, что в течение многих столетий человеческое достоинство местных жителей унижалось, и что немцы, которые некогда принесли в этот край чуждую ему религию, постоянно жестоко обращались с крестьянами. «Нечему удивляться, — продолжал Шварц, — что сохраняется естественное недоверие к чужим у эстонцев, которые 600 лет ничего не знали, кроме своего закопченного жилища и барщины». По мнению Шварца, филантропические взгляды и действия Миддендорфа были напрасны, потому что падали на неблагоприятную почву. «Имеет ли его душа такую крепость и эластичность, — риторически спрашивал Шварц, — чтобы так долго бороться с недоверием и унынием и [всё же] оставлять место для надежды на победу»⁵⁴. Деятельность Миддендорфа в Ландтаге свидетельствует о том, что свою надежду он действительно сохранял. Но неоднократные выступления Миддендорфа в Ландтаге по этому поводу успеха не имели.

Так как Миддендорф понимал, что с помощью политических методов невозможно достигнуть понимания между помещиками

⁵³ ГАРФ. Ф. 698. Оп. 1. № 130. Л. 2.

⁵⁴ L. Schwarz an J. Hagen-Schwarz, Dorpat. 22. Juli 1861 // ТКМ. Мapp 14.

и крестьянами, он стремился эту проблему решить улучшением условий сельского хозяйства. С помощью Лифляндского ландтага Миддендорф пытался решить и проблему повышения уровня сельскохозяйственного образования эстонцев и латышей. В 1869 г. в связи с 50-летием со времени освобождения крестьян Лифляндии от крепостной зависимости Ландтаг решил выделить 10 000 рублей на улучшение дела образования местных крестьян. Миддендорфа избрали председателем комиссии, которая должна была решить, как лучше использовать эти средства⁵⁵. Решить задачу оказалась сложно, так как средств для основания специальной сельскохозяйственной школы было недостаточно.

Тогда Миддендорф предложил использовать эти деньги для приглашения «странствующих учителей». Такая практика существовала в Германии, где странствующие учителя зимой ходили по деревням, собирали крестьян в харчевнях и за кружкой пива сообщали им полезные сведения о сельском хозяйстве. Так как в Лифляндии не было людей, которые могли бы стать странствующими учителями, комиссия отказалась от этой идеи⁵⁶. Из-за принципиальных разногласий членов комиссии деньги использованы не были.

Кстати, идею о странствующем скотоводе-учителе, который мог бы содействовать сельскохозяйственному образованию крестьян, по инициативе Миддендорфа, в 1874 г. рассматривали и в Вольном экономическом обществе. И хотя после длительной дискуссии была создана даже специальная комиссия для составления программы деятельности такого учителя, никаких других последствий эта дискуссия не имела⁵⁷.

В 1881 г. вопрос о сельскохозяйственных школах в России обсуждался в Министерстве государственных имуществ, и была обещана поддержка этой идеи в виде бесплатной передачи государственных имений в ведение таких школ. Узнав об этом, Миддендорф решил, что теперь можно, наконец, основать сельскохозяйственную школу и в Лифляндии⁵⁸. В своем выступлении в Лифляндском общепольном экономическом обществе в том же

⁵⁵ ЕАА. Ф. 1185. Оп. 1. № 479. Л. 2–2 об.

⁵⁶ Там же. Л. 6–9.

⁵⁷ Стенографический отчет соединенного собрания I и II отделений Вольного экономического общества 28 февраля 1874 г. // Тр. ВЭО. 1874. Т. 3. Вып. 3, ноябрь. С. 295–320.

⁵⁸ Чтобы глубже обосновать свои предложения по этому поводу, Миддендорф заказал работы об организации начальных сельскохозяйственных школ в Европе. (A. Th. v. Middendorff an B. v. Uexküll, Pörrafer, 19. September 1881 // PAAvU).

году он вновь обратил внимание на важность агрономического образования для местных крестьян⁵⁹. Миддендорф считал, что недостаточно научить крестьян только читать, писать и считать, необходимо дать им также практические знания в области сельского хозяйства. Он полагал, что это не только поможет им научиться лучше работать на собственных хуторах, но и отвлечет от политической деятельности, называя такую деятельность «неизмеримо глубоким морем мрачных социалистически-коммунистических идей»⁶⁰. Миддендорф надеялся, что имение Вольмарсгоф, выделенное Министерством государственных имуществ, а также средства, которые сохранились в Ландтаге с 1869 г., и деньги, пожертвованные эстонцами Лифляндии и Эстляндии для создания собственной школы (гимназии или реального училища), помогут создать эстонскую сельскохозяйственную школу⁶¹. Надежды Миддендорфа не оправдались. (Сельскохозяйственная школа для эстонских крестьян в Вольмарсгофе была создана только в 1914 г., однако преподавание в ней велось не на эстонском, а на русском языке).

Размышляя о важности развития сельского хозяйства в Лифляндии, Миддендорф, пришел к выводу, что было бы полезно в Прибалтийские губернии переселить немецких крестьян⁶². Он полагал, что они смогут личным примером показать эстонским и латышским крестьянам, как следует работать. Однако оказалось, что эта «педагогическая» идея была наивна, переселение немецких крестьян в Лифляндию пользы ее сельскому хозяйству не принесло⁶³.

Друзья Миддендорфа связывали большие надежды с его деятельностью в Ландтаге. В. Ген в 1863 г. писал Г. Беркгольцу: «Он только и живет в лифляндских аграрных вопросах»⁶⁴. В конце того же года

⁵⁹ BW. 1881. Sp. 1066–1070.

⁶⁰ Там же. Sp. 1067.

⁶¹ ЕАА. Ф. 1185. Оп. 1. № 610, 636; A. Th. v. Middendorff an J. Hurt, Hellenorm, 24. Februar 1886 // ЕКМ ЕКЛА. F 45, M 2:61; *Tammiksaar E.* Alexander Theodor von Middendorff... S. 180–181.

⁶² *Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft.* 1863. S. 179; *Tobien A. v.* Die Agrargesetzgebung... Bd. 2. S. 361.

⁶³ В 1882 г. Миддендорф писал: «Даже из многих батраков, переселившихся без всяких средств в Прибалтийский край из Германии лет 20 тому назад, половина состояла из лентяев и негодяев, и только третья четверть могла поставить годных рабочих, но и они были головорезы, которые нигде не уживались. Прошло около 10 лет — снялась и последняя четверть, которую охотно удержали бы». (Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 347).

⁶⁴ *Diederichs H.* Aus dem Briefwechsel zwischen Viktor Hehn und Georg Berkholz // *Baltische Monatsschrift.* 1898. Bd. 46. № 11. S. 78–79.

Беркгольц в свою очередь писал Э.Ф. Раден: «Миддендорф, *homo novus*, будет однажды лифляндским ландмаршалом [губернским предводителем дворянства], я хочу это поддержать; но осуществится это не в марте [1864 г.], но спустя три года»⁶⁵. В 1870 г. Миддендорфа предложили в качестве кандидата на пост ландмаршала от Феллино-Дерптского округа, но избран он не был («за» — 69, «против» — 133 голоса)⁶⁶.

Один из известных прибалтийских историков охарактеризовал его влияние на работу Лифляндского ландтага следующим образом: «Миддендорф был явлением чрезвычайным. /.../ На лифляндские проблемы он смотрел с большим беспристрастием. Так как он находился вне системы, то мог ее резко критиковать. Возможно, он был самым радикальным из всех лифляндских помещиков — реформаторов. Он редко принимал участие в работе Ландтага, но его голос имел вес. Без всяких сомнений он соединял возвышенный немецко-лифляндский патриотизм с большим уважением к Петербургу. Его авторитетные знания по сельскому хозяйству — в 1862–1882 гг. он был президентом Лифляндского общепользного экономического общества — тоже создавали ему весомое положение»⁶⁷.

В Ландтаге Миддендорф пользовался уважением, но имел мало сторонников и много противников, так как считал, что необходимо сократить привилегии помещиков. Его мнения казались важными главным образом его друзьям. Радикальное направление взглядов Миддендорфа вызывало активное неприятие как немецких, так и эстонских политиков. Его стремление содействовать поднятию благосостояния коренных жителей Прибалтийских губерний и вместе с тем смягчить трения, возникавшие между крестьянами и помещиками, иногда вступало в противоречие с его позицией при защите привилегий помещиков (в основном немцев). К сожалению, попытки Миддендорфа повлиять на политику в Ландтаге были явно менее успешны, чем его деятельность, направленная на развитие сельского хозяйства в Лифляндии.

⁶⁵ *Diederichs H.* Aus dem Briefwechsel Edith von Rahden's mit Georg Berkholz // *Baltische Monatsschrift.* 1895. Bd. 42. № 12. S. 811.

⁶⁶ *Wittram R.* Meinungskämpfe... S. 41.

⁶⁷ *Wittram R.* Meinungskämpfe... S. 39–40.

Последние годы жизни Миддендорфа

После Сибирской экспедиции Миддендорф часто болел. Состоянием здоровья он объяснял и свое желание расстаться с Академией наук. Но, выйдя в отставку, Миддендорф вел весьма активный образ жизни. Лишь в 80-е годы он все чаще стал жаловаться на плохое самочувствие. В начале 1880 г. Миддендорф писал Эрнсту, что болен и так ослабел, что полдня должен лежать в постели, и из-за сильных головных болей ему трудно писать письма. В одном из писем следующего года Миддендорф отметил, что не имеет особых болезней, но быстро стареет. В 1883 г. Эрнст купил отцу пишущую машинку¹, так как тому очень трудно было писать. Затем у него начала дрожать рука и постепенно болезнь обострялась. «С моей рукою все хуже», — писал Миддендорф Эрнсту 1 апреля 1884 г.² А через месяц (9 мая): «С рукою, как прежде, очень изменчивая ситуация. Начинают дрожать губы»³.

Разного рода недомогания не могли способствовать хорошему настроению. 3/15 ноября 1882 г. Миддендорф писал секретарю Венского Географического общества Г. Гайеку, что плохо себя чувствует, что его крепкое тело, которое в прошлом хорошо переносило как невзгоды полярных стран, так и жару Ферганской долины, теперь устало — «нашло, что хватит для него трудностей». «Семейным несчастьем, — продолжал Миддендорф, — стало раздражающее дрожание моей пишущей руки. И ноги, которые некогда могли

¹ *Middendorff A. v.* Middendorff's Hellenormer Briefe... S. 327.

² Там же. S. 349.

³ Там же. S. 350.

запросто путешествовать по кочкам болот 3–4 географических мили в день, теперь отказывают»⁴.

У Миддендорфа начали также болеть и распухать суставы правой руки. В конце 1884 г. он писал Максу, что у него *Chorea* (один из видов ревматизма), и ему необходим хороший массаж, который он надеялся получить в Петербурге⁵. В августе 1885 г. свое письмо из Гелленорма к А.А. Штрауху Миддендорф закончил такими словами: «Миддендорф — инвалид, который появится в Петербурге в сентябре, если до того не умрет»⁶. В 1885 г. в Петербург он не приехал. Из-за болезни Миддендорф уже не смог вообще никуда больше поехать.

2 июня 1887 г. в Гелленорме в кругу семьи Миддендорф отметил пятидесятилетие со времени защиты докторской диссертации. Основные газеты Прибалтийских губерний посчитали нужным отметить это событие — опубликовать поздравительные статьи⁷. Лучшая из них, напечатанная в газете «*Rigasche Zeitung*» (1887. № 121), не подписана, но очевидно, что автор ее был хорошо знаком с жизнью Миддендорфа.

В популярных русских журналах «Нива» и «Всемирная иллюстрация» появились небольшие заметки о Миддендорфе как известном естествоиспытателе и путешественнике, а также — о его заслугах в области науки и сельского хозяйства⁸. В связи с юбилеем оба журнала поместили и портреты Миддендорфа (гравюры с фотографии В.И. Классена⁹). Автор статьи во «Всемирной иллюстрации», кратко изложив основные вехи биографии Миддендорфа, отметил: «все русские и заграничные университеты и академии примкнули к этому торжеству»¹⁰. 28 мая 1887 г. Дерптский университет избрал Миддендорфа своим почетным членом¹¹.

⁴ SBPK, Handschriftenabteilung. Asien. 18403). Bl. 2.

⁵ A. Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff, Teplitz, 23. September 1884 // PAWL.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 50. Оп. 2. № 171. Л. 5.

⁷ Neue Dörptsche Zeitung. 1887. № 124; Revelsche Zeitung. 1887. № 125.

⁸ А.Ф. Миддендорф // Нива. 1887. № 24. С. 603; Академик Александр Федорович Миддендорф // Всемирная иллюстрация. 1887. Т. 38. 4 июля. № 964. С. 29, 31.

⁹ В «Ниве» — гравюра В. Матэ, во «Всемирной иллюстрации» — гравюра Ю. Барановского. Копии фотографии или этих гравюр до сих пор можно увидеть во многих изданиях, в которых упоминается имя Миддендорфа.

¹⁰ Всемирная иллюстрация. 1887. № 964. С. 29, 31.

¹¹ *Калтин В.* Годы учения А. Миддендорфа в Тартуском университете // Изв. АН ЭССР. Т. 15. Сер. биол. № 2. С. 239; *Album doctorum honoris causa sociorumque honorariorum Universitatis Dorpatensis/Tartuensis.* Tartu, 1997. С. 101–102.

В адресе, присланном Миддендорфу Академией наук, отмечалось, что его многочисленные путешествия стали фундаментом новых знаний о Сибири: «Твой ясный, обширный труд является центральным пунктом и источником [сведений] о Сибири, на котором основывается обширная литература о Северной Азии». Научная деятельность Миддендорфа сравнивалась с многосторонней деятельностью П.-С. Палласа¹². В день юбилея Миддендорф узнал также, что по инициативе Академии наук награжден орденом Св. Владимира 2-й степени. Узнав о поздравлении и награде, Миддендорф писал министру народного просвещения: «Усерднейше благодарю, и тем более сожалею, что вся моя деятельность пресечена параличем. Горькая судьба лишает меня возможности сослаться на ревностное желание оправдать делами высокую Монаршую милость»¹³.

В Гелленорм пришло и множество других поздравлений — от РГО, от родственников и друзей. Л.И. Шренк благодарил Миддендорфа за то, что он своими исследованиями создал тот научный фундамент, на котором сам Шренк строил свою научную деятельность¹⁴. Миддендорфа сердечно поздравляли также А.А. Бунге и Э.В. Толль, называя его «большим мастером», а себя — его «благодарными учениками»¹⁵.

¹² Ihrem ehemaligen wirklichen, gegenwärtigen Ehrenmitgliede Alexander Theodor von Middendorff die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften // PABvM.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 122. № 58. Л. 14.

¹⁴ L. v. Schrenck an A. Th. v. Middendorff, Merreküll, 31. Mai 1887 // PABvM.

¹⁵ *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenormer Briefe...* S. 373.

Миддендорф получил поздравление и от Н.М. Пржевальского. Его письмо не сохранилось, но, судя по ответу Миддендорфа, написанному по-русски 10 июня 1887 г., они были достаточно хорошо знакомы. Ответ начинался так: «Знаменитого Марко Поло знаменитейшему потомку, вольному завоевателю Средней Азии Н.М. Пржевальскому. Поздний, но нисколько не запоздалый привет Ваш крайне обрадовал старца соседа Лифляндского-Таймырского. Даже очень рад тому, что послание Ваше прибыло после того горячего времени, когда меня заваливали пергаментами и почтовыми бумагами. Пожелание Ваше насчет продления моих дней принять, к сожалению, не могу, ибо нелегкая нагрянула: знать последняя. Трясучка, судороги в руках и боли схватили врасплох и усугубляются всяким душевным либо умственным напряжением». Если в начале письма Миддендорф пытался шутить, то заканчивалось оно грустно: «Увидимся ли еще? Итак, прощайте. Всякого счастья и благополучия побольше, больше искренне Вам желает А. ф. Миддендорф»¹⁶.

Своеобразный подарок получил Миддендорф от геолога Л.А. Ячевского. В 1888 г. в статье об экспедиции в Саяны он напомнил о юбилее «знаменитейшего из новейших исследователей Сибири», который забыли отметить в Восточно-Сибирском отделе РГО. Считая, что необходимо «внести в общее торжество свою долю признательности и уважения», Ячевский предложил назвать в честь Миддендорфа открытый в Саянских горах голец вблизи впадения реки Цаган-гол в Тиссу¹⁷. Это предложение было осуществлено.

В конце 80-х годов Миддендорф еще писал небольшие статьи по сельскому хозяйству¹⁸. Однако 10 июля 1889 г. П. Лакшевиц (врач, лечивший Миддендорфа) написал Максусу, что здоровье отца значительно ухудшилось по сравнению с прошлым летом. Он мало гулял, медленно двигался и много спал. «День твоего отца про-

¹⁶ Письмо Миддендорфа хранится в Архиве РГО (Ф. 13. Оп. 2. № 139. Л. 1–2). Впервые части этого письма опубликовал Н.И. Леонов (см.: *Леонов Н.И.* Александр Федорович Миддендорф. М., 1967. С. 134–135).

¹⁷ *Ячевский Л.А.* Краткий предварительный отчет о геологической части экспедиции подполковника Генерального штаба Н.П. Бобыря // Изв. Вост.-Сиб. Отд. РГО. 1888. Т. 19. № 1. С. 13–14.

¹⁸ *Middendorff A. Th. v. Landwirtschaftliche Vogelkunde* // BW. 1888. N10; *Über Rindviehrasse des nördlichen Russlands und ihre Veredlung* // *Landwirtschaftliche Jahrbücher*. 1888. Bd. 17. S. 276–327.

ходит следующим образом,— писал Лакшевиц. — Утром он почти все время читает, /.../ после обеда он сразу ложится на полча-са на диван, а после этого делает небольшую прогулку. После кофе предлагаю ему что-нибудь почитать, и в это время к нам присоединяется и твоя сестра [Гедвига]. Вечером он играет с Юксом [слугой] или со мною в шахматы»¹⁹.

Аннет и А. Ф. Миддендорф (РАВvМ)

В начале 90-х годов Миддендорф перестал ходить и передвигался в кресле на колесах, в котором и был последний раз сфотографирован. Письма теперь писали его слуга, П. Лакшевиц, Гедвига или Эрнст. В феврале 1891 г. Миддендорф жаловался Максусу: «Я ежедневно час или два сижу на дворе, но дела таковы, что я без помощи не могу ни встать, ни ходить. К тому же я только шепчу»²⁰. В конце 1892 г. он уже не мог ни ходить, ни сидеть, ни читать²¹.

¹⁹ P. Lackschewitz an M. v. Middendorff, Hellenorm, 10. Juli 1889 // PAWL.

²⁰ A. Th. v. Middendorff an M. v. Middendorff, [Hellenorm], 17. Februar 1891 // PAWL.

²¹ Там же. [Hellenorm], 24. November 1892.

Свое последнее письмо Миддендорф продиктовал 2 января 1894 г.: «Макс и Эллен. Поздравления от омертвевшего»²².

Через две недели — 16 января 1894 г. Миддендорф скончался. Он был похоронен 22 января на семейном кладбище вблизи Гелленорма. На похороны, несмотря на плохую погоду, пришли многие крестьяне, которые хотели попрощаться с Миддендорфом²³. По просьбе Эрнста из Академии наук приехал только Ф.Б. Шмидт, который привез с собой большие венки от Академии и от Географического общества²⁴.

Близкие Миддендорфа получали соболезнования. Сын Бэра Александр писал Эрнсту: «Вместе с ним [Миддендорфом] закрывается последняя могила выдающегося современного деятеля науки, идеи которого все же останутся следующему поколению. Об этом Ваш отец много позаботился»²⁵. А.А. Бунге в письме к Эрнсту отметил, что считает себя «счастливым», потому что имел возможность общаться с Миддендорфом, работы которого «всегда останутся основным источником для каждого будущего исследователя Сибири!»²⁶

26 января 1894 г. непреходящий секретарь Академии наук К.С. Веселовский сообщил Физико-математическому отделению о том, что 16 января в Гелленорме скончался А.Ф. Миддендорф. В протоколе заседания сказано: «Академик Ф.Б. Шмидт, командированный для присутствия на похоронах, возвратясь, доложил, что болезнь Миддендорфа началась нервическими судорогами в руках, которые не позволяли ему писать, потом руки и ноги совершенно перестали действовать; голос совсем потерялся, но сознание его сохранилось вполне, и почти до самого последнего времени он любил, чтобы ему читали вслух и сообщали последние новые научные данные. Так постепенно угас некогда крепкий и живой А.Ф. Миддендорф, ученые заслуги которого известны всему свету»²⁷. Сообщив биографию ученого, Веселовский отметил, что Миддендорф навсегда останется «блестящим примером молодому поколению как труженик науки и неутомимый исследователь»²⁸.

²² Там же. [Hellenorm], 2. Januar 1894.

²³ Olevik (эстонская газета). 31. jaanuar 1894. Lk. 104.

²⁴ *Middendorff A. v. Middendorff's Hellenorm Briefe...* S. 380.

²⁵ Там же. S. 382.

²⁶ Там же. S. 381.

²⁷ Зап. АН. 1894. Т. 75. Кн. 1. С. 55.

²⁸ Там же. С. 56–57.

*Могилы Александра и Гедвиги Миддендорф на семейном кладбище
вблизи Гелленорме (Фото: Odert Lackschéwitz)*

По желанию Миддендорфа, на его могиле был поставлен необработанный камень с надписью «Dr. Alexander von Middendorff» с датами рождения и смерти. Кладбище и могила сохранились до сих пор, несмотря на войны и прочие катаклизмы. Уцелел и дом Миддендорфа в Гелленорме, на нем установлена мемориальная доска, но сейчас там дом престарелых и детский сад. Желающим показывают окно, около которого, по преданию, работал Миддендорф, создавая последний том своего труда о путешествии на север и восток Сибири, а также — едва виднеющийся на потолке (!) одной из комнат — его портрет.

Результаты Сибирской экспедиции

Экспедиция Миддендорфа была неординарным событием для первой половины XIX в. К.М. Бэр сравнивал ее с академическими экспедициями XVIII столетия. К.Ф. Свенске (автор нескольких работ по истории географических путешествий и открытий) в 1851 г. писал: «Это путешествие — одно из самых замечательных по своей обширности и по тому, что касается стран, отчасти еще не посещенных наблюдателями, — не менее важно и по ученым своим результатам. Оно обогатило естественные науки собранием множества предметов по всем царствам природы, точными климатологическими наблюдениями на северных и восточных берегах Сибири, наблюдениями над температурой почвы в Якутске, положительными данными касательно распределения растений и животных и касательно степени производительности природы на севере. Географию обогатило оно точными картами и описями самых северных и самых восточных стран Сибири, открытием удобной гавани на восточном океане и ближайшим определением границ между Россией и Китаем; этнографию — замечаниями о народах, еще мало и даже вовсе неизвестных; лингвистику — сборниками слов и грамматическими замечаниями по разным отраслям якутского и тунгусского языков»¹.

Следует отметить, что помимо научных наблюдений Миддендорф собрал огромное количество сведений о хозяйственной

¹ *Свенске К.Ф.* Обзорение главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848 гг. // Вестн. РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. С. 100. С 1828 г. Свенске был переводчиком Академии наук и поэтому был хорошо знаком и с отчетами Академии, и с отчетами самого Миддендорфа, а также статьями Бэра о его экспедиции.

деятельности и истории Восточной Сибири. В сибирских городах он познакомился с архивными документами и картами. В списке материалов, обнаруженных Миддендорфом во время экспедиции, сохранились 89 документов из архивов Тюмени, Чердыни, Тобольска, Нарыма, Томска, Красноярска, Енисейска, Нерчинска, Якутска².

Миддендорф путешествовал по Восточной Сибири всего два года, но около десяти лет понадобилось ему и его коллегам, чтобы обработать все наблюдения и коллекции, собранные во время экспедиции. Результаты исследований составили три тома труда «*Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844*» (1847–1853 гг.) На этом работа не завершилась. В 1859 г. Миддендорф начал публиковать четвертый том (на немецком языке). В этом томе (который почти одновременно публиковался также и по-русски) ученый обобщал свои наблюдения, стремясь выяснить закономерности отношений как между органическими и неорганическими явлениями, так и между природой и человеком.

Выхода в свет этого тома ждали. «Уже не раз и по разным поводам доводилось мне выслушивать увещания за мою медлительность, как со стороны любителей земледения, так и со стороны членов правительства, которым вверены заботы об отдаленном востоке нашего отечества», — писал Миддендорф в первом отделе этого тома³. Но, вероятно, никто не ожидал, что том будет включать шесть вполне самостоятельных обширных монографий.

Конечно, можно сожалеть, что последний том труда о Сибирской экспедиции увидел свет через много лет после ее окончания, когда приключения путешественника были почти забыты, а о его открытиях и новизне взглядов трудно было судить из-за обилия новой литературы. Вместе с тем «задержка», несомненно, была полезна для содержания этого сочинения. Сведения, собранные другими путешественниками после Сибирской экспедиции, служили новым источником для сравнений, что, в свою очередь, делало выводы Миддендорфа более обоснованными и убедительными. (Сохранение именно четвертого тома труда об экспедиции наиболее хорошо известно исследователям.)

²ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 21. Л. 3–6 об.

³Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. I. Отд. I. С. 1.

«Энциклопедией всевозможных сведений о Сибири» назвал первый отдел 4-го тома К.М. Бэр, предлагая Ф.П. Литке (вице-председателю РГО) наградить этот труд медалью⁴. Такое определение можно отнести и ко всему этому тому, так как в нем излагалось огромное количество сведений, имевших отношение не только к Восточной Сибири.

Миддендорф критически относился к принятому в XVIII и начале XIX в. способу изложения результатов экспедиций в виде дневников. По его мнению, «топографическая нить постепенного движения день за днем» не позволяла читателю обращать внимание на сходные наблюдения и следить за ходом мысли исследователя, тогда как «новые взгляды в науке возникают только из полной совокупности однородных наблюдений»⁵.

О картах Сибири

Систематическое изложение материала Миддендорф сочетал с историческим анализом, стремясь обратить внимание на преемственность исследований. Заинтересовавшись историей карты Сибири, Миддендорф изучил ее изображения, начиная с весьма примитивных на картах Меркатора и Ортелия (XVI в.). Он первым описал «Чертежную книгу Сибири» С.У. Ремезова, определив значение чертежей XVII в. для развития представлений о географии Сибири. Миддендорф тщательно изучил также карты Азиатской части России, составленные в XVIII в. в Географическом департаменте Академии наук, и познакомился с некоторыми картами, сохранившимися в архивах сибирских городов.

Изучение карт предшественников понадобилось Миддендорфу как для описания результатов собственных географических наблюдений, так и для составления карт на основе съёмок, которые во время экспедиции вел топограф В.В. Ваганов. Так как Миддендорф в какой-то мере был знаком с основами глазомерной съёмки,

⁴ Переписка Карла Бэра по проблемам географии / Публикация, перевод и примечания Т.А. Лукиной. Л., 1970. С. 21.

⁵ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 5.

он и сам «где только допускали обстоятельства, не упускал [случая] трудиться с Вагановым над вычерчиванием посещенных стран, занося на бумагу показания инородцев, в которых, конечно, трудно было разобрать путаницу»⁶. Миддендорф, вероятно, составлял карты и после возвращения из экспедиции, во всяком случае, он готовил материал для картографов. «Хотя большую часть моих топографических чертежей я не смел назначить для публики,— писал Миддендорф,— однако Академия, принимая в соображение, что посещенные мною места может быть не скоро дождутся другого путешественника, постановила издать их в том объеме, в каком они прилагаются к настоящему сочинению»⁷.

Карты Сибирской экспедиции должны были составить особый атлас к труду Миддендорфа. Так как в Петербурге литографические работы были дороги, Миддендорф решил готовить карты к изданию за границей. Во время поездки по Европе в 1846 г. он побывал в Берлине и избрал для этой работы «картографическое заведение Г. Мальмана». Первые карты в этом заведении были литографированы уже в 1847 г. К 1857 г. были готовы многие из намеченных к изданию карт — карты маршрутов по Таймырскому полуострову и маршрута от Амгинска до Удского острога; карты населенных пунктов, где велись наблюдения (Туруханска, Якутска, Амгинска, Удского острога); этнографическая карта Туруханского края, карта Таймырского полуострова, составленная Миддендорфом на основе дневников морских офицеров; карта озера Мюр и наледи на реке Аим. Две карты (на одной из которых было изображено побережье Охотского моря с Тугурским заливом и заливом Академии наук, а на другой — Становой хребет и начинающаяся на нем притоки Амура) были литографированы в Петербурге, вероятно, потому, что Миддендорф позже вносил в них изменения.

«Karten-Atlas zu Dr. A. v. Middendorff's Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens» увидел свет в 1859 г. В предисловии перечисляются 18 карт, но «Генеральной карты Сибири», которая числится под № 1, в атласе нет. На титульном листе атласа Миддендорф сообщил, что эта карта будет приложена к одному из следующих выпусков труда. На ней, помимо прочего, Миддендорф

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же.

собирался изобразить границы распространения некоторых растений и животных. Он писал также, что в Генеральном штабе составляется новая карта Азиатской России.

Такая карта действительно была составлена в Военно-топографическом депо и издана в 1860 г. Согласно составителям, они использовали «новейшие сведения», и Миддендорф надеялся, что на этой карте будут и данные из его «Атласа». Однако оказалось, что как раз его сведения картографам Генерального штаба не были известны. Об огорчении Миддендорфа по этому поводу мы узнаем из письма астронома Л.Э. Шварца: «Карта [Генерального штаба], должно быть, превосходна, но эту карту невозможно использовать, по крайней мере, Миддендорф не сможет, потому что на ней нет никаких (подчеркнуто Шварцем. – *Авт.*) следов разных путешествий Миддендорфа по Таймырскому полуострову и его географических исследований. В этих местах все эти огромные пространства нанесены на карту на основе старой карты Познякова 1825 года»⁸.

Л.Э. Шварц в начале 60-х годов составлял карту южной части Восточной Сибири на основе съёмок Сибирской экспедиции РГО, поэтому его, как и Миддендорфа, весьма интересовали картографические материалы о Сибири⁹. Обнаружив, что карта Генерального штаба не может быть использована для его труда, Миддендорф в 1861 г. попросил Шварца составить карту всей Сибири. Шварц даже начал собирать для неё материал¹⁰, однако Академия наук не поддержала эту идею. Позже Миддендорф вновь обращался к Мальману, надеясь, что карту составят в его картографическом заведении. От имени Миддендорфа переговоры с Мальманом вел Шварц, побывавший в Берлине в 1863 и 1864 гг., но переговоры успеха не имели.

Если бы общая карта Сибири все же была составлена в 60-х годах, она, вероятно, не обогатила бы атлас Миддендорфа. Об этом свидетельствуют созданные в это время карты азиатской части страны, как в России, так и за её пределами. Карта юго-восточной части Сибири,

⁸ L. Schwarz an J. Hagen-Schwarz, Dorpat, 16./28. Dezember 1861 // ТКМ. Мapp 18. Картограф Военно-топографического депо Ф.И. Позняков был составителем карты Азиатской России.

⁹ Среди бумаг Л.Э. Шварца сохранился вариант карты юго-восточной Сибири, составленной Миддендорфом (Арх. РГО. Ф. 55. Оп. 1. № 63).

¹⁰ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 28–29.

составленная Шварцем (несомненно, лучшая для того времени), имела недостатки, на которые указывали современники. А для большей части Восточной Сибири таких надежных съёмок, какие были сделаны во время Сибирской экспедиции РГО, вообще не было.

Карта Таймырского полуострова. Изучая историю изображения северного побережья Азии, Миддендорф обнаружил на картах Меркатора и Ортелиа огромный полуостров — *Tabin promontorium*. Миддендорф сначала предположил, что это изображение отражает сведения о Таймырском полуострове, проникшие в Европу уже в XVI в., так как ему казалось, что Табин помещали на тех же широтах, на которых Таймыр находится в действительности. Но после анализа разных карт и других старинных сведений об Азии Миддендорф пришел к выводу, что изображение полуострова было «фантастическим», хотя и вело к «удивительным совпадениям».

Изображение было действительно фантастическим, однако рукою тогдашних картографов водила не только фантазия. Слухи о большом полуострове на севере Азии, который затруднял плавание по Ледовитому океану к востоку, доходили до европейских географов. Сведения о полуострове Табин они связывали с проблемой достижения Китая морем вдоль северных берегов Сибири¹¹. (В. Баренц собирался достигнуть Китая морским путем.)

В XVII в. о большом полуострове на севере Сибири в Европе знали. Согласно Миддендорфу, Н. Витсен сообщал о нескольких безуспешных попытках обогнуть этот полуостров. Однако на сибирских чертежах его не изображали, поэтому не было полуострова и на карте Российской империи, изданной И.К. Кириловым в 1734 г.

Миддендорф обнаружил, что полуостров между реками Пясиной и Хатангой впервые был изображен на «Генеральной карте Российской империи» в Атласе 1745 г., составленной в Географическом департаменте Академии наук. Изображение полуострова на карте имело мало общего с действительностью. По словам Миддендорфа,

¹¹ Об этом свидетельствует содержание письма 1581 г. к Г. Меркатору, которое обнаружил и перевел на русский язык Ф.П. Литке: «Помня, сколь охотно читывал ты древних землеописателей, радуюсь я, что встретился с подателем сего письма. Рекомендую его тебе как человека, который может быть тебе полезен в таком деле, о коем ты давно с великим трудом старался собирать известия, и в рассуждении которого новейшие наши географы между собою не соглашаются. Я говорю об открытии мыса Табин и славного и богатого царства Китайского [пути в Китайское царство?].» (*Литке Ф.П.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. СПб., 1828. Ч. 1. С. 123).

«наша Академия пустила в ход карту, на которую занесена была река Таймыра с клочком восточного полуострова Таймыра»¹². Таким образом, Миддендорф обратил внимание на то, что лишь небольшая часть карты полуострова была основана на достоверных данных, хотя и не отметил, что сам полуостров еще не имел названия.

В 1733–1743 гг. состоялась Вторая Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга. Морские офицеры (участники северных отрядов этой экспедиции) вели съёмки берегов Сибири. Именно благодаря картам, составленным на основании этих съёмок в XVIII в., очертания северного побережья Азиатской России впервые в самых общих чертах приобрели современный вид.

Миддендорф знал о том, что съёмки существовали, но их не смогли найти в архиве Гидрографического департамента. Анализ рукописной карты, составленной в Морской Академии в 1741 г. на основе первых съёмок северной экспедиции, позволил Миддендорфу сделать следующий вывод: «Нынешний, говоря вообще, правильный чертеж северных берегов Сибири, очевидно заимствованный из оригинальных карт наших морских героев прошлого века, механически переходил из одного издания в другое /.../, а первоначальный источник между тем потерялся, да и должен был потеряться, потому, что никогда не был в печати»¹³. Хотя Миддендорф не смог увидеть съёмки морских офицеров, впервые положивших на карту Таймырский полуостров, он прочитал дневники Х. Лаптева, С. Челюскина, Ф. Минина и В. Прончищева, побывавших на полуострове или вблизи него. Сравнив собственные наблюдения с содержанием этих дневников, он убедился в верности дневников Лаптева и Челюскина. Изучив карты Сибири XVIII в., Миддендорф пришел к выводу, что эти карты не совсем точно отражали сведения о Таймырском полуострове, которые имелись на подлинных съёмках.

Итак, Миддендорф первым познакомился с историей изображения Таймырского полуострова на картах. Но до его экспедиции самого этого названия не было ни на картах, ни в географической литературе. Миддендорф первым стал писать о «полуострове Таймыр» или «Таймырском полуострове», хотя на своих картах это название и не помещал. «Как на юге Азии сплошной материк ee

¹² Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 64.

¹³ Там же. С. 67.

наидалее почти до экватора простирается в виде языка полуостровом Малаккой, так на севере почти под теми же меридианами он наиболее выдается к полюсу полуостровом Таймыром»¹⁴. В труде Миддендорфа появилось и название «Таймырский край»: «Со времени моего путешествия именем Таймырского края, для краткости, я называю, кроме двух полуостровов и смежную с ними страну, простирающуюся к западу до Енисея, к востоку до Хатанги, к югу почти до хребта Сыверма, идущего вдоль полярного круга»¹⁵.

Еще более важным результатом экспедиции стали карты внутренних частей полуострова, основанные на маршрутных съёмках Ваганова, которые он вёл от реки Боганиды до устья реки Таймыры. Благодаря этим съёмкам впервые на карте были изображены Верхняя Таймыра и западная часть Таймырского озера между устьем Верхней Таймыры и истоком Нижней Таймыры. Подробное изображение Нижней Таймыры с притоками, мысами и островами на карте также появилось впервые. Впрочем, слов «Верхняя» и «Нижняя» на картах Миддендорфа не было, эти названия он использовал только в своем труде.

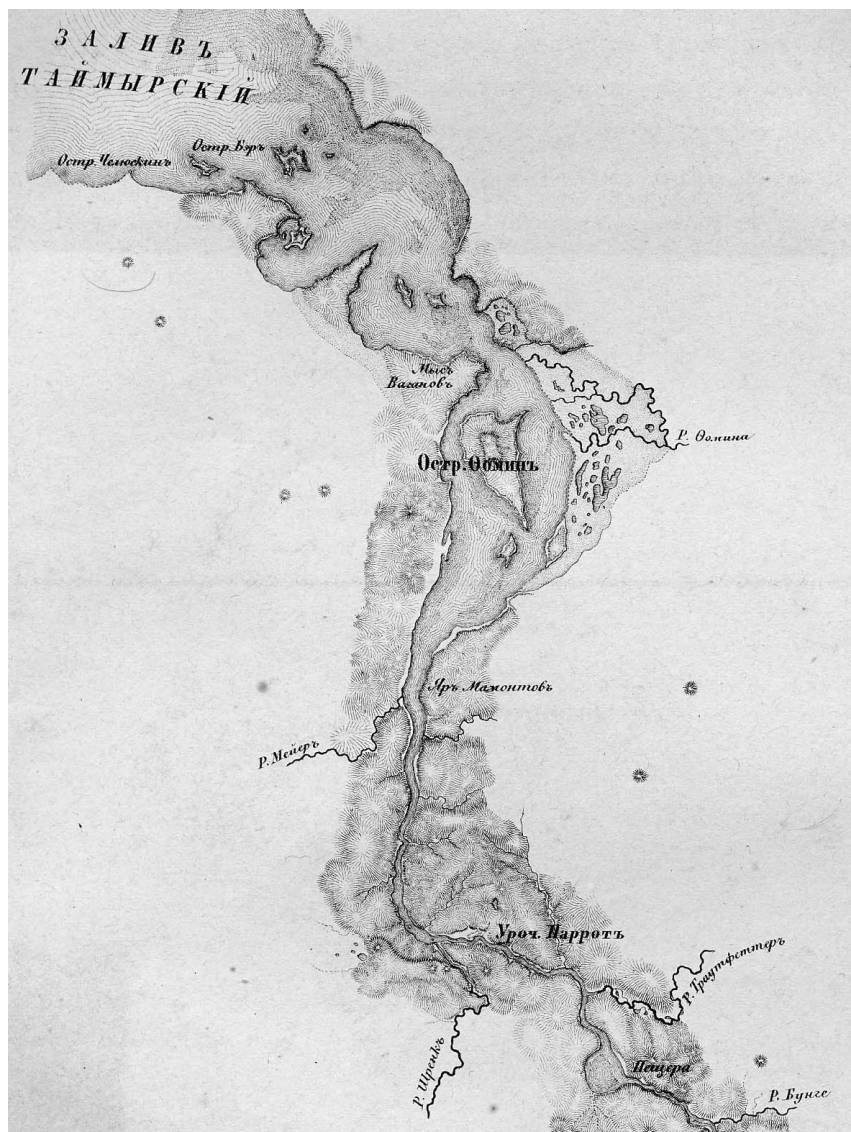
Оstroвам, мысам и рекам, открытым во время путешествия по Таймырскому полуострову, Миддендорф давал имена в основном выпускников Дерптского университета. В Таймырском озере появились острова Федорова, Струве, Гельмерсен, Купфер, Савич. Некоторые притоки Нижней Таймыры он назвал именами своих друзей Шренка (А.И.) и Траутфеттера. Остров в Таймырском заливе получил имя Бэра (инициатора экспедиции). Кроме того, в заливе появились остров Челюскин, остров Фомин¹⁶ и мыс Ваганов. Миддендорф писал: «Об избранных мною местностях для этих имен пусть говорят что угодно; но, я думаю, во всем свете не найдется другой местности, на которой такие надписи надежнее были бы обеспечены от опасности быть стертыми неугодной деятельностью человека»¹⁷. Миддендорф не ошибся —

¹⁴ Там же. С. 60.

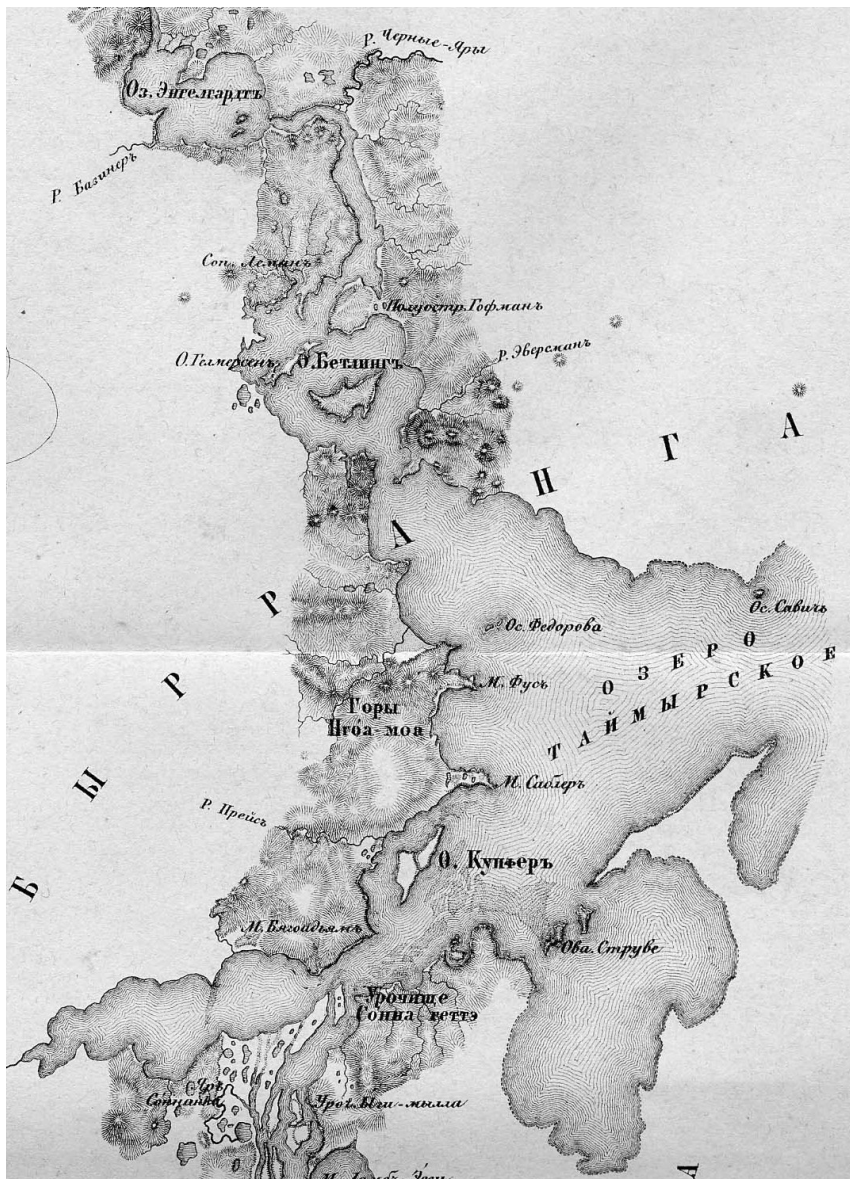
¹⁵ Там же. С. 6. В отчете Академии наук за 1844 г. П.Н. Фус писал: «Ни один еще натуралист не бывал в этой стране, которую наш путешественник называет Таймырскою, по орошающим ее реке и озеру этого имени» (СПб. ведом. 1845. № 51. С. 227).

¹⁶ Фомин был проводником Х.П. Лаптева и С.И. Челюскина. В журнале Челюскина упоминается «новокрещенный якут Никифор Фомин», которого Лаптев отправил ему навстречу.

¹⁷ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 91. Вопреки русской традиции, Миддендорф за редким исключением использовал для названий именительный падеж.

Река Нижняя Таймыра на карте А.Ф. Миддендорфа

Озеро Таймырское на карте А.Ф. Миддендорфа

большая часть предложенных им названий сохранилась на картах до сегодняшнего дня.

Анализ дневников Лаптева и Челюскина позволил Миддендорфу делать интересные предположения. Например, он считал, что вблизи берегов Таймыра можно обнаружить еще неизвестные острова и земли. «Что находится за Таймырским краем и за северо-восточной оконечностью Новой Земли, — спрашивал Миддендорф, — еще полярная страна, или архипелаг, или огромное море?»¹⁸. В другом месте он более определенно высказал мнение об островах вблизи Таймырских берегов: «Некоторое подтверждение моей догадки я нахожу не только в том, что к концу августа (по новому стилю) мы нашли на Ледовитом море позднее лето и Таймырский залив свободным ото льда, но и в том, что мои предшественники за сто лет [до этого] постоянно находили много островов, как скоро отдалялись от берега»¹⁹. Экспедиции А.-Э. Норденшельда и Ф. Нансена, первыми обогнувшие морем Таймырский полуостров, обнаружили вблизи полуострова множество небольших островов.

Во второй половине XVIII в. на картах Азиатской России, между реками Пясиной и Хатангой стали изображать два весьма вытянутых к северу полуострова, получивших названия Северо-Западный мыс и Северо-Восточный мыс. Миддендорф считал, что сами названия впервые появились на карте России 1787 г., а распространились после выхода в свет карты Азиатской России Ф.И. Познякава (1825). Между тем, С. Челюскин, достигнув самой северной точки Азии, писал в своём журнале: «Здесь именован мною оный Восточный Северный мыс»²⁰. «Северо-Западный мыс» и «Северо-Восточный мыс» имелись и на карте Таймырского полуострова Х. Лаптева²¹.

¹⁸ Там же. С. 80.

¹⁹ Там же. 1862. Ч. I. Отд. III. С. 348–349.

²⁰ *Пассецкий В.М.* Витус Беринг. М., 1982. С. 105.

²¹ Основой для изображения этих мысов на картах Сибири во второй половине XVIII в. стала карта, составленная в Адмиралтейской коллегии, в свою очередь основанная на съёмках морских офицеров. Составителям этой карты несомненно была известна карта Таймырского полуострова Х. Лаптева. В 1743 г. Лаптев не только изобразил два мыса между Пясиной и Хатангой, но и назвал их Северо-Западным и Северо-Восточным. Карта Лаптева была обнаружена и опубликована П.И. Беляевой в статье «Некоторые новые данные о картах, составленных экспедицией В. Прончищева и Х. Лаптева» (Тр. ИИЕТ. М., 1959. Т. 27. С. 259). Эти названия Лаптев использовал и в своих записках, опубликованных А.П. Соколовым (см.: *Соколов А.П.* Берег Ледовитого моря между рек Оби и Оленека. По съёмке 1734–1742 гг. Записки лейтенанта Х. Лаптева и замечания других описателей // Записки Гидрографического департамента. 1851. Ч. 9. С. 21).

Миддендорф изредка упоминал о Северо-Восточном и Северо-Западном мысах. Северо-Западный мыс Миддендорф называл и Таймыром²², но изучив дневник Х. Лаптева, предположил, что в действительности нет вытянутого мыса. В его самом узком месте находится пролив, которого Лаптев не заметил, так как во время его путешествия пролив был покрыт льдом. «Не говоря о разных мелких различиях с изданной картой Соколова, /.../ я предлагаю совершенную новость и отдаю ее на суд географов тем решительнее, что она может иметь лишь значительную степень вероятности. /.../ Я вынужден предположить, что западный Таймырский полуостров в самом узком месте прорезан проливом. Таким образом, здесь у оконечности Азиатского материка стоит, должно быть, очень значительный остров»²³, — писал Миддендорф. Он не только высказал такое предположение, но и опубликовал в своем труде «Карту Таймырского полуострова по журналам 1741-го и 1742 годов», на которой вместо мыса был изображен остров в форме квадрата. Наблюдения вблизи полуострова во время экспедиции А.-Э. Норденшельда на «Веге» в 1878 г. позволили подтвердить верность предположения Миддендорфа о существовании острова, но Норденшельд полагал, что этот остров (названный Таймыром) на карту поместил Х. Лаптев.

Познакомившись с дневниками морских офицеров, Миддендорф узнал, что Северо-Восточный мыс безуспешно пытались морем обогнуть В. Прончищев (1735 г.) и Х. Лаптев (1739–1740 гг.)²⁴, но удалось это сделать только С. Челюскину. В 1742 г. он объехал мыс на санях и от устья реки Таймыры «возвратился вверх по этой реке в обитаемые места на р. Пясине»²⁵.

До начала XIX столетия о путешествиях участников «Северной экспедиции»²⁶ знали немного, и даже возникали сомнения — обогнул ли Челюскин в самом деле самый северный мыс Азии. Миддендорф писал в своем труде: «Надобно ли после этого удивляться

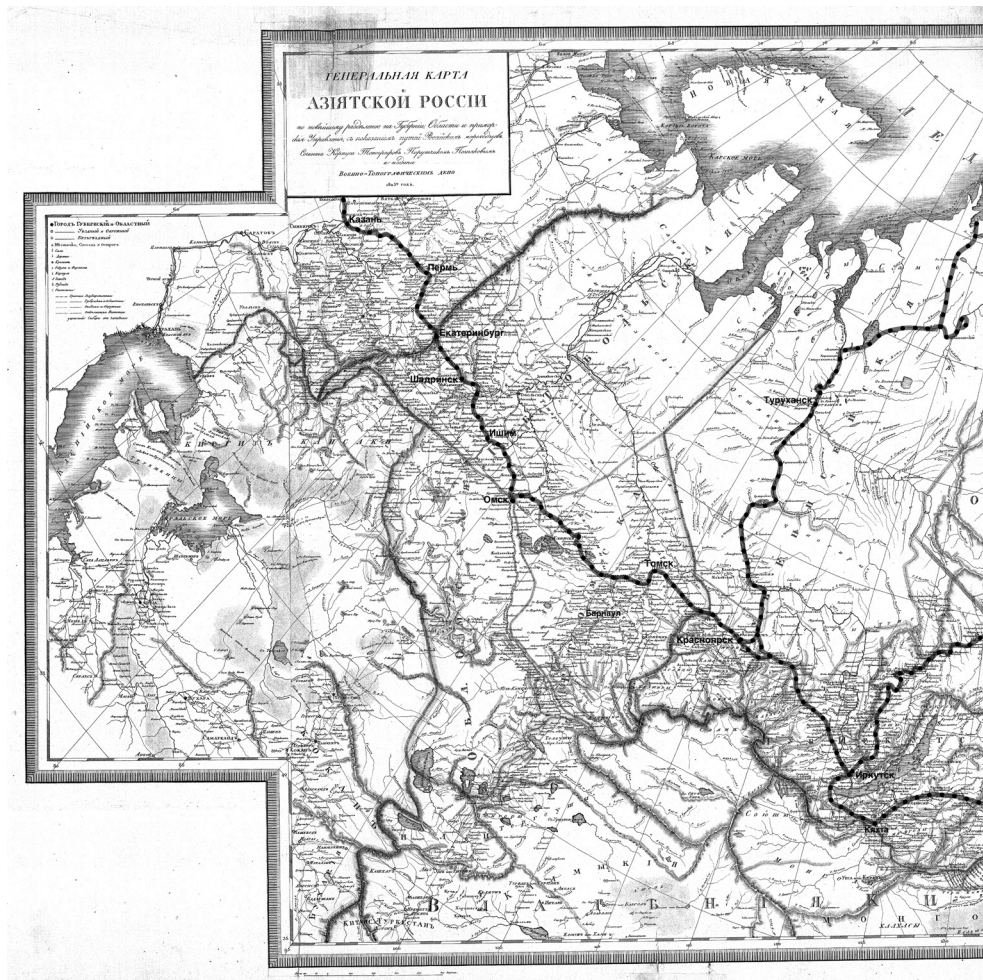
²² Западным Таймырским мысом этот мыс назван в книге енисейского губернатора А. П. Степанова (Енисейская губерния. СПб., 1835. С. 10).

²³ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 71.

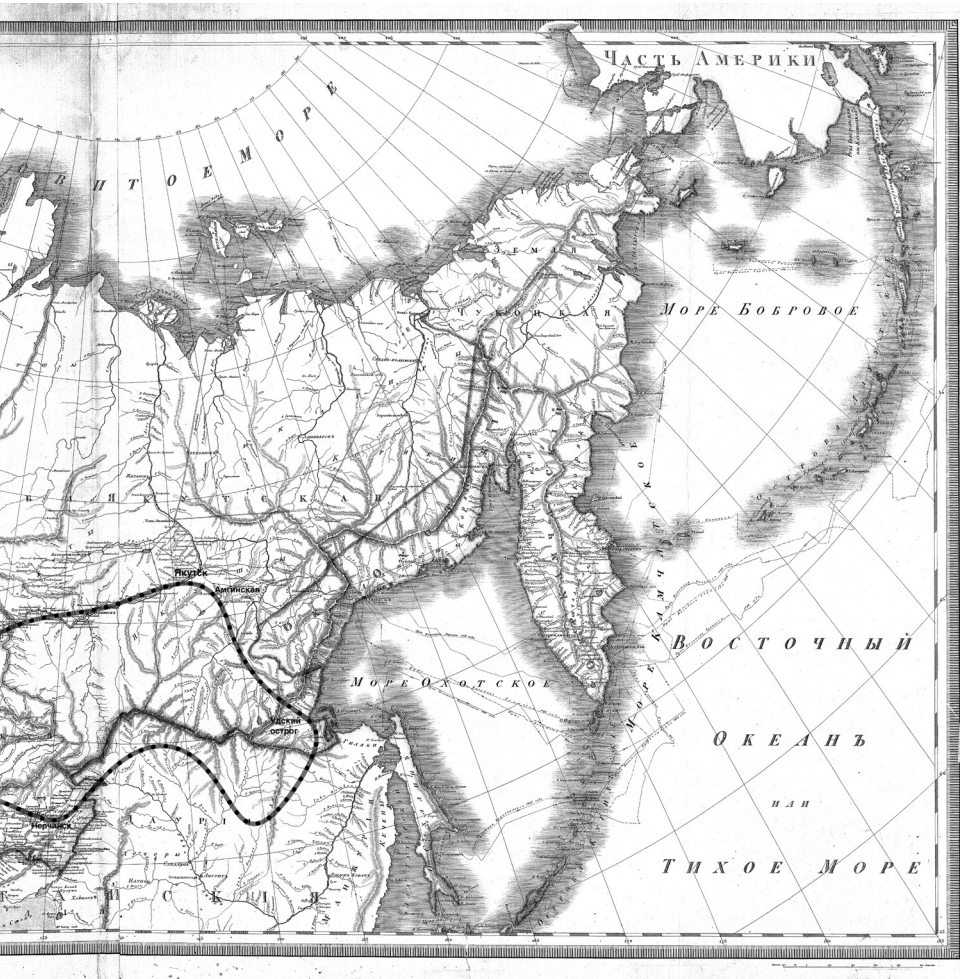
²⁴ Там же. С. 69.

²⁵ Там же. С. 70.

²⁶ А. П. Соколов назвал северные отряды Второй Камчатской экспедиции «Северной экспедицией», так называл её и Миддендорф. В конце XIX в. экспедицию стали называть «Большой северной экспедицией», в начале XX в. она превратилась в «Великую Северную экспедицию». Как ни странно, так теперь часто называют всю Вторую Камчатскую экспедицию.

Маршрут Сибирской экспедиции А.Ф. Миддендорфа, нанесенный на карту Ф. Познякова 1825 г.

Бэру и даже не поставить ему в заслугу, когда он, опираясь на суждения сведущих предшественников и сличая несогласные между собою изображения на разных наших картах, отозвался, что конца мыса восточного полуострова Таймыра, как видно, никто не достигал даже сухопутьем по льду»²⁷. К такому выводу Бэр пришел в 1841 г.²⁸ Однако в 1843 г. — после того как из отчета Миддендорфа узнал о точности наблюдений Лаптева и Челюскина — Бэр в очередной своей работе «выразил великую радость», что исследования Миддендорфа подтвердили наблюдения морских офицеров и тем самым он «оправдал прежних посетителей Таймыра» и «вполне восстановил честь этих достойных мореходов»²⁹.

Миддендорф не только «оправдал достойных мореходов», но и назвал именем Челюскина самый северный мыс Таймырского полуострова и Азии³⁰. Название «*Cap Tscheljuskin*» Миддендорф поместил на карте Туруханского округа в «Атласе» к своему труду об экспедиции. Но еще прежде, чем «Атлас» увидел свет, название «*Cap Tscheljuskin*» стало встречаться на картах Азии, публиковавшихся европейскими картографами. По мнению Миддендорфа, еще неизданную карту Туруханского края мог видеть немецкий картограф Г. Киперт в «картографическом заведении Мальмана» в Берлине, где готовились к изданию карты атласа. Миддендорф писал: «И вот уже 10 лет как самый северный мыс Азии носит имя Челюскина, а мыс западного Таймырского полуострова имя Таймыр. Так как теперь эти названия, бесчисленными изданиями неутомимого Киперта и множеством других карт в разных краях введены во всеобщее употребление, то я принужден удержать их /.../ Как бы то ни было, если северо-восточный мыс получит имя Челюскина, то он сохранит это имя с честью. Челюскин не только единственное лицо, которому сто лет тому назад удалось достигнуть этого мыса и обогнуть его, но ему удался этот подвиг, неудавшийся другим, именно потому, что личность его была выше других»³¹.

²⁷ Там же. С. 67.

²⁸ *Baer K.E. v. Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien zwischen den Flüssen Pjässida und Chatanga // Beiträge KRR. 1841. Bd. 4. S. 275–276.*

²⁹ *Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 67.*

³⁰ Там же. С. 78, примечание.

³¹ Там же. С. 79, примечание..

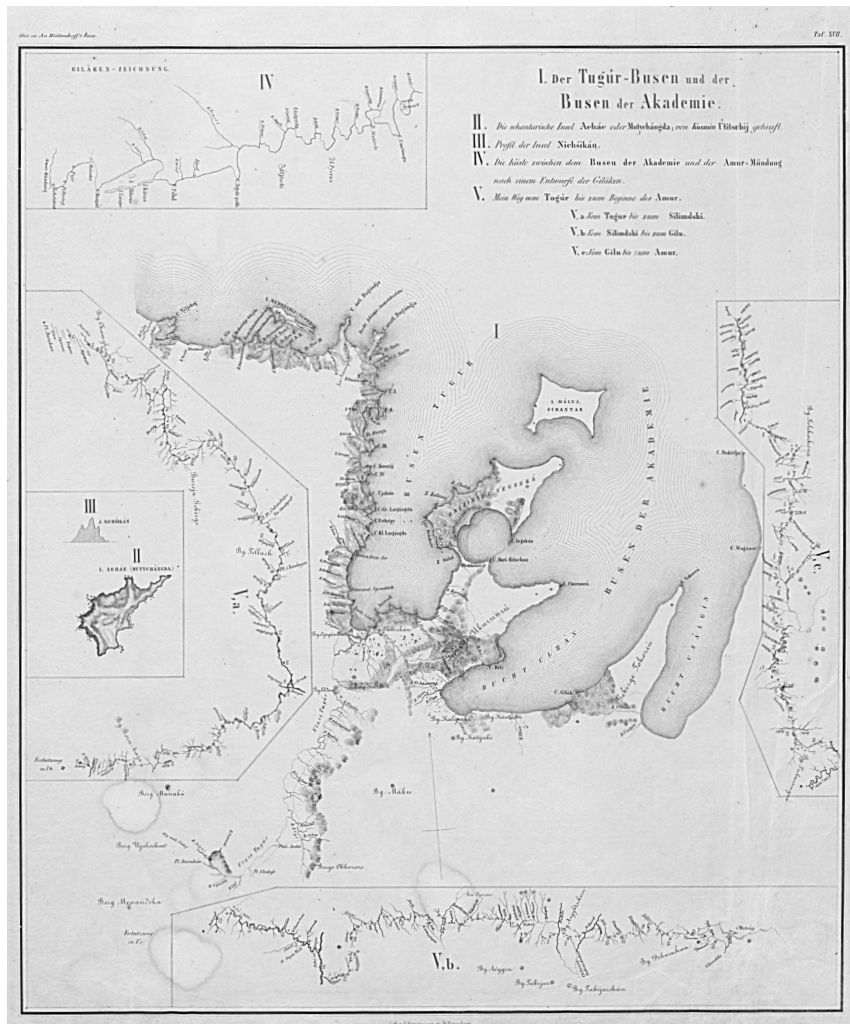
На некоторых европейских картах Азии мыс Челюскин действительно появился в 50-х годах XIX в.³² Более того, на стенной карте мира Киперта, составленной в 1856 г.³³, очертания Таймырского полуострова совпадают с его очертаниями на карте Туруханского края Миддендорфа. На карте Киперта названы мысы Таймыр и Челюскин, изображены реки Верхняя и Нижняя Таймыры с притоками, озеро Таймыр, горы Бырранга и упомянуты народы Таймырского края. Все эти сведения Киперт мог получить, только познакомившись с картой Миддендорфа.

Карта побережья Охотского моря. Плавание по Охотскому морю позволило Миддендорфу не только собрать некоторые сведения о природе Шантарских островов и морской фауне, но также описать Тугурский залив и открыть до тех пор неизвестный залив, который Миддендорф назвал заливом Академии. На Сегнекском полуострове, расположенном между этими заливами, Миддендорф обнаружил удобную гавань. Ваганов нанес на карту берег Охотского моря между устьями рек Уда и Тугур, а также маршрут между устьем Тугура и истоками Амура. Составленная на основе этих съёмок карта была передана в Гидрографический департамент. А. П. Соколов, (служивший в архиве этого департамента и занимавшийся историей российского мореплавания) уже в 1846 г. использовал «карточку Миддендорфа», составляя «Карту восточной части Сибири и Охотского берега» для описания Шантарских островов, сделанного поручиком Козьминым³⁴.

³² См., например, Erdkarte in Mercators Projection bearbeitet von H. Kiepert, gestochen von Karl Joseph Maedel. Weimar, 1853 // Allgemeiner Hand-Atlas der Erde und des Himmels nach den besten astronomischen Bestimmungen, neuesten Entdeckungen und kritischen Untersuchungen entworfen. Geographisches Institut in Weimar. № 2. К труду G. de Veer'a «A true description of three Voyages by the North-East towards Cathay and China, undertaken by the Dutch in the years 1594, 1595, and 1596» (London, 1853) приложена карта Новой Земли и окружающих морей, составленная немецким картографом А. Петерманом. На этой карте самая северная часть Таймыра названа «Cap Cheliuskin». Затем Петерман помещал это название на всех своих картах полярных областей.

³³ Erdkarte in Mercators Projection bearbeitet von H. Kiepert, gestochen von C. L. Ohmann. Berlin, 1856.

³⁴ Соколов А. Опись Удского берега и Шантарских островов поручика Козьмина в 1829, 1830 и 1831 годах // Записки Гидрографического департамента. 1846. Ч. 4. С. 78.

*Карта Тугурского залива и залива Академии
из «Атласа» А. Ф. Миддендорфа*

Рельеф Восточной Сибири

«Всякому образованному ныне понятно, что строгое изучение неровностей материка и его высоты над морем должно лежать в основании всех климатологических и биологических рассуждений об известной стране», — писал Миддендорф³⁵. И хотя сам он видел лишь небольшие пространства вдоль своих маршрутов, редкие измерения высот, сведения местных жителей, а также других путешественников послужили Миддендорфу основой для изложения новых представлений о поверхности местностей, до тех пор совершенно неизвестных ученым.

Миддендорф не только описал рельеф вдоль своих маршрутов, но предложил своеобразные орографические схемы для пространств к востоку от Енисея, а также между Становым хребтом и Амуром. Схемы эти примитивны, так как основаны на весьма скудных фактических данных, однако при описаниях рельефа до появления новых, более надежных сведений ученые использовали суждения Миддендорфа.

В труде Миддендорфа находим первые самые общие сведения об обширном хребте Бырранга и характере этой горной системы. Миддендорф предположил, что значительный изгиб реки Пясины, который обнаружил Х. Лаптев³⁶, связан с хребтом Бырранга. Полагая, что эти горы распространяются до северных мысов полуострова, Миддендорф пришел к выводу, что ошибочны представления о тундре как однообразной низменной болотистой равнине. Во многих местах вблизи берегов Ледовитого океана встречаются хребты или холмистые местности. Если прежде распространение низменных тундр принималось за правило, то теперь, по мнению Миддендорфа, это следовало считать только исключением³⁷. Так как о горах вблизи Ледовитого моря Миддендорф упоминал уже

³⁵ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1861. Ч. I. Отд. III. С. 189.

³⁶ Миддендорф обнаружил в дневнике Лаптева сведения о значительном изгибе реки Пясины и знал, что в 1770 г. этот изгиб изобразил на своей «Карте Мангазейского и Якутского уезда» топограф Географического департамента Академии наук И. Ф. Трускотт. Миддендорф считал ошибкой исчезновение изгиба на последующих картах Азиатской России, однако сам не поместил его на карте Туруханского края. Изгиб Пясины отсутствовал на картах Сибири, по крайней мере, до 30-х годов XX столетия.

³⁷ Там же. С. 193.

в своих отчетах из экспедиции, его огорчало, что «географы» продолжали изображать на картах северное побережье Сибири как заболоченные низменности.

Миддендорф собрал также сведения о хребте Сыверма (теперь — горы или плато Путорана)³⁸. Согласно Миддендорфу, «хребет Сыверма возносится далеко за пределы лесов не столько гребнем гор, сколько целою массою: крутые склоны, спускаясь от плоских, как стол, ровных высот дают этому хребту грубоватые и массивные очертания»³⁹. Хребет Сыверма Миддендорф считал северо-западным концом Тунгусского хребта, который протянулся от северных берегов Байкала. (Тунгусским он назвал этот хребет, полагая, что на нём берут начало Верхняя, Подкаменная и Нижняя Тунгуски).

Все пространство к югу от хребта Сыверма Миддендорф считал нагорьем или совокупностью невысоких хребтов. Наиболее значительный из этих хребтов (отрог Тунгусского хребта) между Подкаменной и Верхней Тунгусками Миддендорф назвал Питским хребтом, и считал, что этот хребет пересекает Енисей.

Догадки Миддендорфа о рельефе к востоку от Енисея создали некоторые предпосылки для дальнейших исследований. Его взгляды не столько отвергались, сколько уточнялись. Об этом свидетельствуют работы XIX столетия о Туруханском крае и низовьях Енисея. Выяснилось, что нет ни Тунгусского хребта, ни широтного хребта между Подкаменной и Верхней Тунгусками. Однако в конце XIX в. был обнаружен меридиональный Енисейский кряж, который начинается вблизи Саянских гор и тянется вдоль Енисея до Подкаменной Тунгуски, а его наиболее высокие вершины оказались вблизи реки Пит. Можно предположить, что описание характера рельефа в труде Миддендорфа позволило геологу А.Л. Чекановскому предложить термин «столовые горы»⁴⁰.

³⁸ Более подробно хребет Сыверма описал П. Третьяков, который сообщил и тунгусское название хребта «Путарама» (Туруханский край) // Зап. РГО по общ. геогр. 1869. Т. 2. С. 191).

³⁹ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1861. Ч. I. Отд. II. С. 191.

⁴⁰ А.Л. Чекановский, который в 60–70-х годах XIX столетия вел исследования в Восточной Сибири, считал, что деятельность вод создает там типические формы рельефа, среди которых больше всего внимания заслуживают столовые горы. (Чекановский А.Л. Краткий очерк о результатах исследований в лето 1871 г. // Изв. Сибирского отдела РГО. 1872. Т. 2. № 5. С. 20).

Если заглянуть в современный учебник географии, то можно узнать, что к востоку от Енисея находится не горная страна, но поверхность, изрезанная реками с высокими берегами. Рельеф Среднесибирского плоскогорья из-за значительного колебания высот во многих местах приобретает горный характер. Такой характер придают местности узкие долины рек с крутыми высокими берегами, что и создает впечатление горной страны.

Название «Среднесибирское плоскогорье» появилось, в сущности, благодаря Миддендорфу. Поверхность к востоку от Енисея он постоянно называл горной страной. Однако в одном месте своего труда Миддендорф писал об этом пространстве, как о «плоской возвышенности», которая «мало по малу понижается к морю между Енисеем и Леной». Именно по этой «возвышенности» тянется Тунгусский хребет⁴¹. Э.В. Толль (несомненно, под влиянием Миддендорфа) назвал упомянутое пространство «Центрально-Сибирским плоскогорьем»⁴². Л.С. Берг (автор обширной чрезвычайно содержательной статьи о рельефе Азиатской России, в которой были использованы и труды Миддендорфа) пространству к востоку от Енисея дал название «Средне-Сибирское плоскогорье»⁴³.

Пожалуй, еще больше внимания, чем рельефу пространства к востоку от Енисея, Миддендорф уделил рельефу пространства между Становым хребтом и Амуром. В середине XIX в. была хорошо известна орографическая схема Центральной Азии немецкого географа К. Риттера. Она включала и юго-восточную часть Сибири. Согласно Риттеру, от Байкальского нагорья местность огромными ступенями-плоскогорьями спускалась к Великому (Тихому) океану. Миддендорф обратил внимание на ошибочность взглядов Риттера, сообщив, что к югу от Станового хребта нет обширных плоскогорий, напротив, все пространство покрыто хребтами альпийского типа.

Название «Становой хребет», по мнению Миддендорфа, следовало сохранить за всем водоразделом между Ледовитым и Тихим океанами, но различать отдельные его части. Яблоновый хребет

⁴¹ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 220.

⁴² Толль Э.В. Очерк геологии Ново-Сибирских островов и важнейшие задачи исследования полярных стран // Зап. Акад. наук по Физ.-мат. отд. СПб., 1900. Сер. 8. Т. 9. № 1. С. 9.

⁴³ Берг Л.С. Устройство поверхности // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 85–86. Интересно, что на новое название впервые обратил внимание ботаник Н.А. Буш, познакомившийся с работой Берга в рукописи. (См.: Буш Н.А. Деление Сибири на ботанико-географические области // Изв. АН. Сер. 6. Т. 7. № 1. С. 41).

Миддендорф предлагал ограничить истоками р. Витим, Становой хребет к востоку от этой реки называл «Олекминским», а еще более восточную часть Станового хребта, с которой берут начало многие притоки Зеи, «величайшего из северных притоков Амура», — «Зейнским хребтом». Хребет, идущий с юга на север к востоку от р. Буреи Миддендорф назвал «Буреинским»⁴⁴. Продолжавшую его часть Станового хребта, параллельную Охотскому морю, вслед за А. Эрманом было принято называть Алданским, но Миддендорф узнал, что местные жители и Алданский хребет, и ближайшую к Охотскому морю часть Станового хребта называют «Джугджур»⁴⁵.

Материалы, собранные Миддендорфом, оставались главным источником сведений о рельефе пространства между Становым хребтом и Амуром до 50-х годов XIX столетия... Поэтому ботаник К.И. Максимович, побывавший на Амуре в 1854–1856 гг., при описании природы Амурского края воспользовался данными о рельефе из труда Миддендорфа⁴⁶. С тех пор представления о положении, соотношении и характере основных хребтов этой части Сибири постоянно изменялись благодаря новым исследованиям. Однако и сегодня на картах Азии можно увидеть названия Буреинский хребет, Олекминский Становик и хребет Джугджур, первые сведения о которых, но прежде всего сами эти названия сообщил Миддендорф.

О рельефе Восточной Сибири речь шла в отделе «Орография и геогнозия» труда Миддендорфа. Геологическому составу пород там уделено немного внимания. О значении геологических исследований Миддендорфа мы узнаем из чрезвычайно выразительного выступления Л.А. Ячевского в заседании Минералогического общества, на котором его председатель сообщил о смерти ученого. Согласно Ячевскому, «Миддендорф не был специалистом геологом, а между тем всякому геологу, занимающемуся в Сибири,

⁴⁴ Миддендорф писал: «Мне приятно видеть, что название Буреинский хребет уже приняли Шренк и Максимович в своих сочинениях о флоре и фауне Амурского края» (*Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1861. Ч. I. Отд. II. С. 201*). Позже описанию этого хребта большое внимание уделял и начальник физического отряда Сибирской экспедиции Ф.Б. Шмидт, что находило живой отклик в отчетах РГО.

⁴⁵ Там же. С. 206, 209.

⁴⁶ *Максимович К.И. Амурский край // Зап. АН. 1862. Т. 2. Кн. 1. С. 21–25*. Согласно Максимовичу, при описании края от залива Ульбан он вступал «в область исследований Миддендорфа, записки которого отсюда надолго будут почти единственным путеводителем нашим через северный Амурский край» (Там же. С. 20).

всегда придется отметить его крупные заслуги. Он первый привез сведения о силурийских и юрских отложениях в Таймырском крае. Его якутская коллекция дала нам уверенность в существовании триаса и юры на Оленёке. Он открыл палеозой на крайнем востоке Сибири, привез коллекцию третичных окаменелостей из Забайкалья, указал на угленосные отложения по Бурею и на распространение новейших изверженных пород в Восточной Сибири»⁴⁷.

Климат

Особый отдел своего труда Миддендорф посвятил климату Сибири. О суровости сибирского климата ученые знали со времен академических экспедиций XVIII столетия, но метеорологические наблюдения путешественников были отрывочны, а обобщения опирались на весьма скудный фактический материал. Между тем и для анализа условий существования организмов, и для рассуждений о вечной мерзлоте были необходимы более надежные сведения о характере метеорологических явлений в Сибири.

«Хотя Гумбольдт в своей „Центральной Азии“ положил уже главные основания метеорологического познания Сибири, хотя Дове в смелом обзоре поставил сибирский климат в связь с великим круговращением и ввел в этот обзор даже взаимные отношения, в каких оно находится с общим климатическим устройством земного шара, несмотря на то, метеорология этой своеобразной страны еще так скудна успехами, что даже незначительный материал и отрывочные наблюдения, привезенные мною лишь для примера из моего путешествия, принесли существенную пользу»⁴⁸, — справедливо отмечал Миддендорф.

Миддендорф не только сумел организовать продолжительные метеорологические наблюдения в селении Коренном-Филиповском на Таймыре и в Удском остроге, но и тщательно собрал и обобщил все литературные данные о климате Сибири. Использовал он

⁴⁷ Протоколы Общества, 8 февраля 1894 г. // Зап. имп. СПб. Минералогич. о-ва. 1894. Сер. 2. Ч. 31. С. 357–358.

⁴⁸ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1862. Ч. I. Отд. III. С. 317.

и метеорологические наблюдения якутского купца А.Д. Неверова, который более тридцати лет по собственной инициативе систематически записывал сведения о температуре и различных изменениях погоды. Миддендорф весьма выразительно описал, как Неверов совершенно бескорыстно занимался делом, вызывавшим насмешки сограждан: «Простой якутский купец, судя по нынешним состояниям людей, торгаш, человек без всякого предварительного образования, воздвиг себе вечный памятник в истории науки. Климат Якутска оказался средоточием для метеорологии всего земного шара: там *полюс наибольшей стужи* (курсив наш. — Авт.), испытанной человеком, там самая холодная зима на всей Земле. Кто же дал нам основание для вывода всего этого? Тот самый простяк якутский купец Неверов, во всю жизнь с беспримерною верностью следовавший какому-то внутреннему влечению, не достигнув даже сознания его сущности и последней цели»⁴⁹.

«Памятник» Неверову, по существу, «воздвиг» сам Миддендорф, который надеялся, что сможет и других «простяков» вдохновить на подобный «подвиг». Опираясь на данные Неверова, Миддендорф предположил, что в Якутске температура может опускаться до -50°R (ниже 60°C) и эту температуру «надобно принять за самую крайнюю стужу, какая доселе была наблюдаема»⁵⁰. Назвав Якутск «полюсом стужи», Миддендорф, таким образом, предложил само понятие «полюс холода»⁵¹. Уже в 1871 г. этот термин употребил П.А. Кропоткин (ссылаясь на Миддендорфа)⁵². Словосочетание «полюс холода в Сибири» использовал и А.И. Воейков (не упоминая о труде Миддендорфа)⁵³.

Существенной особенностью материкового (континентального) климата является значительная разница между зимними и летними температурами — «крайними градусами тепла и холо-

⁴⁹ Там же. С. 318.

⁵⁰ Там же. С. 333.

⁵¹ В 1869 г. в Верхоянске была измерена температура $-63,2^{\circ}\text{C}$, в 1885 г. — еще более низкая температура $-67,8^{\circ}\text{C}$. Представления о Верхоянске как «полюсе холода» широко распространились в XX столетии, однако вопрос о том, кто впервые использовал этот термин, не ставили ни автор очерка о полюсе холода в «Большой советской энциклопедии», ни автор работы, посвященной истории этой проблемы (см.: *Филитович Н.Я.* Полюс холода. Л., 1972).

⁵² Доклад комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря, составленный П.А. Кропоткиным, при содействии А.И. Воейкова, М.А. Рыкачева, барона Н.А. Шиллинга, Ф.Б. Шмидта и Ф.Ф. Яржинского.

⁵³ *Воейков А.И.* Средние температуры в Европейской России, Сибири и на Кавказе // Изв. РГО. 1871. Т. 7. Вып. 1. Геогр. изв. С. 31.

да». Обнаружив «ядро материкового климата» (т.е. полюс холода) в Якутске, Миддендорф задался вопросом: «нет ли напротив другого нам неизвестного и самого холодного места в Сибири». По его мнению, такое место могло оказаться в горной местности в низовьях рек Вилюя или Алдана⁵⁴.

Причина суровости климата в Восточной Сибири, согласно Миддендорфу, заключается не в значительных абсолютных высотах (как полагали прежде), но в географическом положении. На севере Восточная Сибирь открыта холодным ветрам, тогда как на юге высокие горы затрудняют доступ теплым и влажным воздушным течениям. На востоке Сибирь омывается Охотским морем, которое по природным условиям Миддендорф сравнил с заливом Ледовитого океана. Вместе с тем, в местностях, которые находятся севернее Якутска, климат постепенно становится все менее суровым как раз из-за близости моря.

Во время Сибирской экспедиции обнаружилось, что зимой в Восточной Сибири очень мала относительная влажность воздуха. Но так как там часты туманы, Миддендорф предположил, что мороз как бы выжимает из воздуха остатки влаги. Уральские горы, по мнению Миддендорфа, не составляют преграды для влажных ветров Атлантического океана. Эти ветры утрачивают влагу еще над Европейской Россией. Некоторое смягчающее влияние они оказывают лишь на Западную Сибирь.

Вслед за Гумбольдтом Миддендорф называл Европу полуостровом Азии. По его словам, «этот далеко вытянувшийся полуостров /.../ с полным правом можно представить местом нескончаемой природной борьбы между материковым климатом внутренней Азии и морским климатом Атлантического океана /.../ Сибирь заваривает для нас погоду»⁵⁵.

Наблюдения на Таймырском полуострове позволили Миддендорфу считать, что климат там почти так же суров, как в Якутске, и даже поддержать мнение Бэра о том, что Карское море можно сравнить с ледником. Но, по мнению Миддендорфа, влияние Карского моря не распространяется к северу от Таймырского полуострова, так как он сам видел Таймырский залив в конце лета свободным ото льда.

⁵⁴ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1862. Ч. I. Отд. III. С. 327, 328.

⁵⁵ Там же. С. 321.

Миддендорф первым сообщил о муссонах в Охотском море. При этом он полагал, что «муссоны имеют место на всех побережьях Сибири»⁵⁶. Кроме того, Миддендорф обнаружил, что на южных склонах Станового хребта в долинах температуры ниже, чем на высотах — «по причине стремления остывающего холода [воздуха] к низу»⁵⁷. Таким образом, именно Миддендорф первым указал на явление инверсии в Восточной Сибири (температуры там с высотой повышаются, а не понижаются, как обычно это бывает в горах).

Сегодня упомянутые выводы об особенностях климата Восточной Сибири можно прочесть в любом учебнике географии, но для начала 60-х годов XIX в. такие выводы были совершенно новы. Труд Миддендорфа стал первым обобщающим исследованием о климате Сибири. По своему значению для российской климатологии 60-х годов XIX столетия это сочинение можно сравнить с изданным в 1857 г. трудом К.С. Веселовского «О климате России», в котором речь шла о климатических особенностях только европейской части страны.

Сам Веселовский считал, что благодаря исследованиям Миддендорфа, метеорология «приобрела значительное приращение». В отчете Академии наук за 1861 г. (после того как был опубликован отдел о климате труда Миддендорфа) Веселовский подробно изложил его основные идеи. По словам Веселовского, Миддендорф обратил внимание на пробелы в этой части науки о земном шаре. Он назвал Сибирь резервуаром, «в котором для нашей любезной Европы заготовляется весь годичный запас холода и сухости воздуха», отметил необыкновенную сухость воздуха Сибири, сообщил о том, что Якутск находится «в области наибольшего холода», и, наконец, доказал существование муссонов на восточном берегу Сибири. Особое внимание в отчете уделялось сведениям Миддендорфа о мерзлых почвах⁵⁸. В данном случае Веселовский выступал не только как непременный секретарь Академии наук, но и как ученый, занимавшийся проблемами метеорологии и климатологии.

Результаты исследований Миддендорфа, вероятно, были известны климатологу А.И. Воейкову, не упоминавшему о его труде. О вли-

⁵⁶ Там же. С. 354.

⁵⁷ Там же. С. 330.

⁵⁸ Отчет Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1861 г. // Зап. АН. 1861. Т. 1. Кн. 1. С. 6–7, 9.

янии взглядов Миддендорфа свидетельствует утверждение Воейкова о том, что в Сибири из-за чрезвычайной сухости воздуха не было ледников, рассуждения о высоком давлении зимой в средней Сибири, об инверсиях в долинах гор Восточной Сибири, а также о муссонах в Охотском море. Эти идеи впервые были высказаны Миддендорфом.

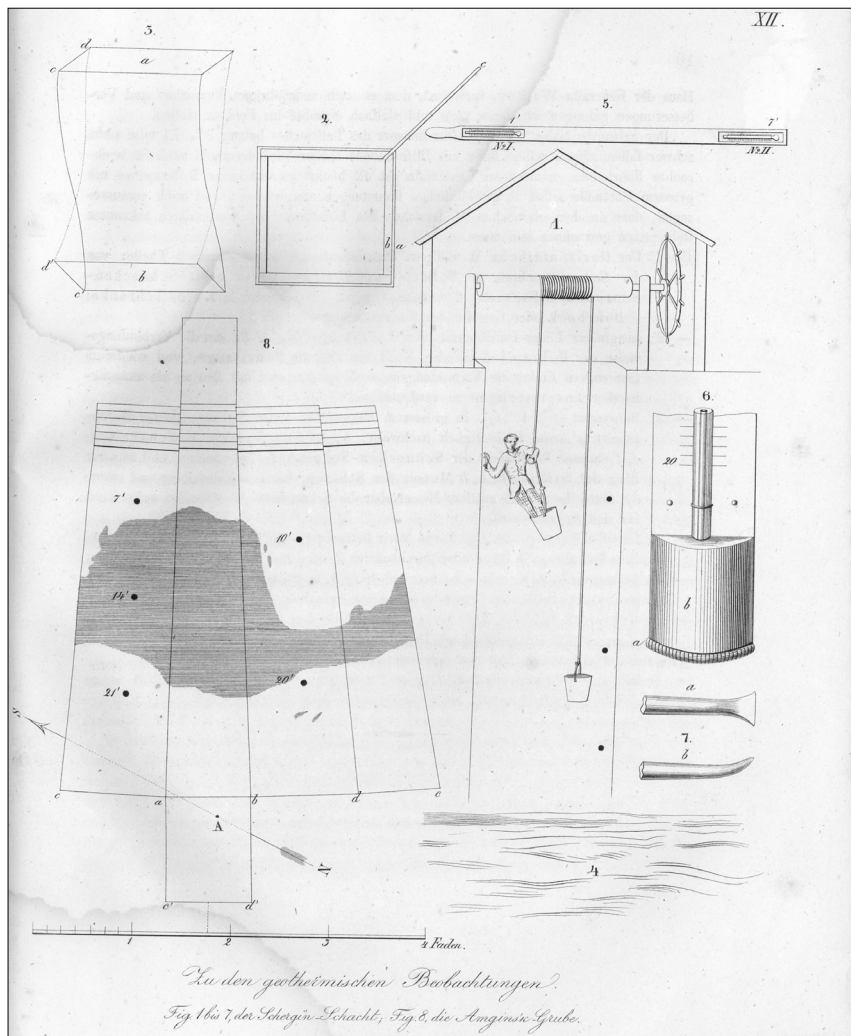
Вечная мерзлота

Важнейшим итогом экспедиции Миддендорфа стали сведения о вечной мерзлоте. В своем труде он признался, что сама задача наблюдений в колодце Шергина была ему чужда⁵⁹, но, как человек обязательный, Миддендорф выполнил все, что предназначено было инструкцией К.М. Бэра — «Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien»⁶⁰. Как уже отмечалось, в этой работе Бэр собрал существовавшие к началу 40-х годов XIX в. сведения о мерзлых почвах и изложил свои соображения об особенностях, причинах образования и области их распространения. Он считал, что если в шахте Шергина удастся обнаружить закон изменения температуры с глубиной, «можно будет определить и время, в продолжение которого охлаждающие обстоятельства действовали на почву того края». Бэр хотел также знать, за какое время холод внешнего воздуха мог проникнуть на глубину, и «остановилось ли уже это охлаждение или еще продолжается», постоянна ли температура на больших глубинах, «местное ли это только явление в Якутске или случайно открытая часть общего обстоятельства»⁶¹.

⁵⁹ «Гораздо меньше отправления на край отдаленного севера соответствовало моим наклонностям намерение Академии учредить в Якутске наблюдения над температурой земли на разных глубинах колодца [Ф. Шергина]» (*Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 13–14).

⁶⁰ *Baer K.E. v. Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien. Unveröffentlichtes Typoskript von 1843 und erste Dauerfrostbodenkunde. Eingeleitet von E. Tamniksaar, hrsg., von L. King. Giessen, 2001 (Berichte und Arbeiten aus der Universitätsbibliothek und dem Universitätsarchiv Giessen. Bd. 51).* Первая корректура работы Бэра хранится в академическом архиве в Петербурге (СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. № 290).

⁶¹ *Бэр К.* Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. ведом. 1844. № 21. 27 января. С. 93.

Изображение шахты Шергина в первом томе труда Миддендорфа

Исследования Миддендорфа позволили ответить на многие вопросы Бэра и подтвердить его основные предположения о сущности мерзлоты. Вместе с тем результаты этих исследований рассеяли сомнения некоторых европейских ученых о возможности существования растительности в области мерзлых грунтов.

Данные о температуре в шахте Шергина и в других шахтах Восточной Сибири, расположенных в области вечной мерзлоты, стали основой для вычисления величины геотермической ступени, т.е. толщины мерзлого слоя, на протяжении которого температура изменяется на 1°. В XIX в. эту величину называли геотермическим градусом. Согласно Миддендорфу, геотермический градус был равен 117 футам (30–35 м), и, следовательно, толщина мерзлого слоя в Якутске вблизи шахты Шергина составляет приблизительно 600 футов (около 180 м). Но Миддендорф считал, что слой такой большой мощности — редкость и в Восточной Сибири. Даже вблизи Якутска был обнаружен гораздо более тонкий слой мерзлоты.

Миддендорф (вслед за Бэром) считал, что толщина слоя изменяется в зависимости от теплопроводности пород, характера рельефа, средней температуры воздуха, вообще — от совокупности внешних условий. Именно поэтому в области сплошной мерзлоты встречаются «теплые почвы», а острова мерзлого грунта можно обнаружить и за пределами зоны распространения мерзлоты. При средних годовых температурах Восточной Сибири — мерзлота явление вполне нормальное, температура в мерзлых грунтах поднимается с глубиной, как и во всяких иных грунтах, но процесс этот происходит замедленно⁶². Вслед за Бэром Миддендорф называл мерзлоту ледяной почвой (Eisboden). Но Бэр считал, что замерзает не вся почва, а только вода в ее пределах. Миддендорф пришел к выводу, что низкие температуры характерны для всего слоя почвы независимо от влажности. (Такой взгляд справедлив и сегодня.)

Полагая, что мерзлая почва встречается на значительном пространстве Восточной Сибири, Миддендорф уже в 1848 г. в общих чертах определил южные пределы области ее распространения. В четвертом томе своего труда он уделял больше внимания вопросу о границе⁶³, но считал, что «среди сплошной ледяной почвы так часты пробелы и исключения /.../, что о точном определении ее южной границы нечего думать»⁶⁴.

⁶² Бэр сомневался в верности такого вывода, полагая, что стенки шахты могли охлаждаться под влиянием наружного воздуха. Но в XX в. более точные наблюдения подтвердили мнение Миддендорфа.

⁶³ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1862. Ч. I. Отд. III. С. 466–467.

⁶⁴ Там же. С. 474.

В труде Миддендорфа впервые описаны многие явления, связанные с мерзлыми грунтами — наледи (*Aufeis*)⁶⁵, ледяные слои и гнезда льда, трещины («канавки») в тундре, образующиеся под влиянием мороза, «правильные четырехугольники», отделенные друг от друга валами⁶⁶, внезапное исчезновение озер⁶⁷, подземные источники⁶⁸. Миддендорф определил особенности замерзания рек в условиях вечной мерзлоты и объяснил процесс образования наледей.

Еще до выхода труда об экспедиции Миддендорф поместил это объяснение в качестве дополнения к статье геолога К. Дитмара, которую сам рекомендовал Академии наук. Дитмар предлагал объяснение происхождения наледей⁶⁹, которое Миддендорф считал неверным⁷⁰. Чиновник особых поручений Г. Майдель, который в 1868–1870 гг. путешествовал по северо-востоку Сибири, в своем труде о результатах экспедиции посвятил особый отдел проблеме тарынов⁷¹ и много внимания уделил взглядам Миддендорфа на происхождение наледей. Об этих взглядах Майдель отозвался одновременно и с уважением, и критически, однако сам не предложил более убедительного суждения о причинах образования наледей.

В начале XX столетия геолог С.А. Подьяконов в статье, посвященной наледам Восточной Сибири⁷², описал причины образования нескольких видов наледей. Вместе с тем он довольно подробно изложил взгляды Миддендорфа, Дитмара и Майделя. По мнению Подьяконова, приводимые ими факты и описания верны, но произвольны выводы из этих описаний о причинах образования наледей,

⁶⁵ Миддендорф называл их накипни, по-русски — наледи, по якутски — тарыны.

⁶⁶ По словам Миддендорфа, земля там растет, разбухая от воды и замерзания (*Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1862. Ч. I. Отд. III. С. 477*).

⁶⁷ Явление, в результате которого со страшным грохотом исчезают целые озера, в Сибири называют олбут.

⁶⁸ В 1904 г. в Русском географическом обществе обсуждалась проблема образования донного льда. Докладчик сообщил о своих наблюдениях на Свири и Неве. Л.А. Ячевский возражал против высказанных предположений, отметив, что мнение Миддендорфа о причинах образования донного льда вернее, так как подтверждается более поздними наблюдениями. (*Изв. РГО. 1904. Т. 40. Вып. 1–2. Действ. общ. С. 8–10*).

⁶⁹ *Ditmar C. v. Ueber die Eismulden in Sibirien // Bull. phys.-math. 1853. Т. 11. № 19–20. Sp. 305–312.*

⁷⁰ *Middendorff A. Th. v. Zusatz // Там же. Sp. 312–316.*

⁷¹ *Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах. СПб., 1896. Т. 2. С. 1–30.*

⁷² *Подьяконов С.А. Наледи Восточной Сибири и причины их возникновения // Изв. РГО. 1903. Т. 39. Вып. 4. С. 305–337.*

так как упомянутые исследователи вели наблюдения только летом и описывали в основном речные наледи.

У Миддендорфа не было оснований сожалеть о том, что он занялся не очень привлекательной задачей — изучением вечно-мерзлых грунтов. Результаты этих исследований привлекли к труду Миддендорфа внимание многих ученых. Его заслуги как первого исследователя в области вечной мерзлоты были известны и современникам, и представителям следующих поколений ученых. Кстати, название «шахта Шергина» дано Миддендорфом⁷³.

В 1849 г. по просьбе академика А.Я. Купфера, занимавшегося организацией метеорологических наблюдений в России, Миддендорф составил инструкцию для геотермических наблюдений. Купфер полагал, что в Сибири, помимо метеорологических наблюдений, необходимо вести измерение и температуры почвы. Инструкцию, составленную Миддендорфом, он считал более удачной, чем инструкции известных тогда европейских геологов Л. Буха и Дж. Форбса⁷⁴.

К.С. Веселовский в своем труде «О климате России» уделял внимание и сведениям о мерзлоте, полагая, что «небесполезным дополнением климатического изображения страны должны служить данные о температуре почвы». Не ограничиваясь сведениями о южной границе мерзлых почв в Европейской России, Веселовский сообщил и о границе мерзлоты в Сибири, опираясь на данные Миддендорфа. Труд Миддендорфа послужил основой и для следующего утверждения Веселовского: «Доказательством того, как мало растительность вообще и даже древесные породы в своем распространении зависят от температуры слоев земли глубже нескольких футов, служит нахождение лесов и земледелия в странах, где на некоторой глубине встречается вечно замерзшая земля»⁷⁵.

⁷³ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 13. В 1867 г. Российско-Американская компания решила продать дом Шергина в Якутске. Главное правление компании сообщило об этом в Академию наук, чтобы выяснить, как быть с его колодецем. Физико-математическое отделение поручило Л.И. Шренку «войти по оному поводу в сношение с почетными членами К.М. Бэр и А.Ф. Миддендорфом». Бэр и Миддендорф считали, что колодець необходимо сохранить, устроив над ним «глухой каменный свод» (Зап. АН. 1867. Т. 11. С. 83, 217). Колодець был сохранен и существует до сих пор.

⁷⁴ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 40–41.

⁷⁵ Веселовский К.С. О климате России. СПб., 1857. С. 148–149.

Согласно Миддендорфу, результаты его исследований о вечной мерзлоте «вошли в общий оборот между образованными» благодаря четвертому тому «Космоса» А. Гумбольдта, опубликованному в 1858 г.⁷⁶ Но сведения Миддендорфа о мерзлоте были известны европейским ученым раньше, чем о них упомянул Гумбольдт. Во всяком случае, Ч. Лайель узнал о наблюдениях Миддендорфа еще в 1846 г. от него самого. Сведения о мерзлых почвах заинтересовали Лайеля в связи с проблемой мамонта. Создается впечатление, что представления Лайеля о климатических условиях Сибири, мерзлых почвах и условиях жизни мамонтов сложились под влиянием взглядов Миддендорфа⁷⁷. Сведения Миддендорфа о вечно-мерзлых почвах, вероятно, могли быть известны и Р. Мурчисону, с которым он общался в Лондоне.

В конце XIX столетия взгляды Миддендорфа о мерзлых грунтах и связанных с ними явлениях были знакомы практически всем исследователям геологии Восточной Сибири. Появились работы, в которых рассматривались соотношение вечномерзлой почвы и льда как горной породы, граница области распространения мерзлых почв, мерзлота в Олекминско-Витимском крае и проч.⁷⁸

Сибирские геологи продолжали и уточняли исследования Миддендорфа и с уважением отзывались о его заслугах. Наиболее полно основные результаты Миддендорфа в деле изучения вечной мерзлоты изложил Л.А. Ячевский⁷⁹. В 1889 г. по просьбе Русского географического общества Ячевский подготовил «Программу собирания сведений о вечномерзлой почве и ледяных слоях», а также составил карту, на которой на основе данных Миддендорфа впервые была обозначена граница распространения вечной мерзлоты⁸⁰.

⁷⁶ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1862. Ч. I. Отд. III. С. 392.

⁷⁷ См.: Лайель Ч. Основные начала геологии. М., 1866. С. 90–94.

⁷⁸ Лопатин И.А. Некоторые сведения о ледяных слоях в Восточной Сибири // Зап. АН. 1877. Т. 29. Приложение № 1; Ячевский Л.А. О вечно мерзлой почве в Сибири // Изв. РГО. 1889. Т. 25. Вып. 5. Геогр. изв. С. 341–355; Обручев В.А. Геологические исследования Олекминско-Витимской горной страны /.../ в 1890 г. // Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО. 1891. Вып. 2–3. С. 85–88; Козьмин Н.М. О явлениях вечной мерзлоты в некоторых местностях Восточной Сибири // Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО. 1895. Т. 23. Вып. 4–5. С. 46–71; Залесский С. По вопросу о мерзлой почве // Изв. РГО. 1895. Т. 31. Вып. 2. С. 207–211; Толль Э. Ископаемые ледники Ново-Сибирских островов... // Зап. РГО по общей географии. 1897. Т. 32.

⁷⁹ Ячевский Л.А. О вечно мерзлой почве...

⁸⁰ Изв. РГО. 1889. Т. 25. № 4. Действ. общ. С. 54. Программа опубликована в № 5 «Известий», карта — в качестве приложения к этому номеру журнала.

Сведения Миддендорфа о мерзлых почвах имеются и в учебнике «Физическая геология» И.В. Мушкетова⁸¹. В 1895 г. в РГО под руководством Мушкетова была создана специальная комиссия для разработки инструкции по изучению вечной мерзлоты⁸². При обсуждении плана этой инструкции уточнялось содержание некоторых понятий, необходимых для более ясного определения задач исследования. В начале XX столетия Ячевский организовал в Географическом обществе специальную комиссию, которая собирала литературу о вечной мерзлоте⁸³.

Таким образом, исследования в области вечной мерзлоты, начатые во время Сибирской экспедиции Миддендорфа, имели далеко идущие последствия. Неудивительно, что М.И. Сумгин — автор книги «Вечная мерзлота почвы в пределах СССР», впервые определивший задачи новой науки, — в историческом очерке своего сочинения отметил: «работы Миддендорфа по вечной мерзлоте /.../ составляют эпоху в деле изучения этого вопроса. Миддендорфу я приписываю и приоритет по времени, и приоритет по значению в деле изучения вечной мерзлоты. Если его предшественники открыли факт наличия на земном шаре громадных пространств с вечной мерзлотой, то Миддендорф утвердил этот факт в умах ученых, явился Ермаком вечной мерзлоты»⁸⁴.

Оледенение Сибири

В конце XVIII столетия швейцарский ученый О.-Б. Соссюр впервые исследовал горные ледники в Альпах. Он обнаружил, что они передвигаются, и описал их отложения — морены и валуны. Так как оказалось, что эти отложения встречаются и за пределами современных ледников, Соссюр предположил, что по расположению

⁸¹ *Мушкетов И.В.* Физическая геология. СПб., 1891. С. 70, 71, 80.

⁸² Изв. РГО. 1895. Т. 31. Вып. 1. Приложение.

⁸³ *Ячевский Л.А.* Материалы по геотермике // Изв. РГО. 1912. Т. 48. С. 189–223. В этой публикации содержатся протоколы заседаний Геотермической комиссии, а также обзор литературы.

⁸⁴ *Сумгин М.И.* Вечная мерзлота почвы в пределах СССР. Владивосток, 1927. С. 29–30.

валунов и морен можно определить границы распространения ледников в прошлом.

В начале XIX столетия возникла идея о существовании особого ледникового периода, о том, что в древности значительная часть земной поверхности могла быть покрыта ледниками. Распространению этой идеи способствовали швейцарские естествоиспытатели Ж. Шарпантье и Л. Агассис, однако в 40-е годы XIX в. наиболее широко стали известны труды Агассиса, посвященные этой проблеме⁸⁵. Сначала большая часть ученых Европы идею «ледяных времен» не приняла и к теории Агассиса отнеслась скептически. Как писал один из современников: «Об ней идут теперь между геологами жаркие споры: швейцарцы почти фанатически защищают ее, а германцы под руководством Буха предают проклятию»⁸⁶. Это была эпоха, когда представления об основных геологических периодах еще только формировались, и геологам более привлекательной казалась идея о переносе больших валунов льдинами древних морей. Сторонниками этих взглядов были и такие авторитетные тогда геологи, как Ч. Лайель и Р. Мурчисон.

В России тоже долго преобладали представления о том, что валуны и штриховка на скалах — следы деятельности плавающих льдин. В 1839 г. профессор зоологии петербургского университета С.С. Куторга во время путешествия с Агассисом в горах Юры сам видел морены, валуны, полированные поверхности. Полагая, что туда, где он видел валуны, они не могли быть принесены водами, Куторга писал: «надобно заключить, что они произведены движением самих льдов; и так как полированные поверхности Юры совершенно похожи на альпийские, то нет никакого сомнения, что они обязаны своим происхождением той же самой причине, т.е. движению льдов»⁸⁷. Казалось, Куторга принимал теорию Агассиса. Однако он пришел к выводу, что эта теория еще недостаточно подтверждена фактами, а известные факты «могут быть соединены в одно целое совершенно иною теоретизациею»⁸⁸.

⁸⁵ См.: *Сухова Н.Г.* История изучения следов ледникового периода на территории России в XIX — начале XX столетия // Изв. РГО. 2000. Т. 132. Вып. 6. С. 66–80.

⁸⁶ *Куторга С.С.* Замечания во время путешествия по Франции, Швейцарии и Германии в 1839 г. // ЖМНП. 1840. Ч. 25. Отд. II. С. 109.

⁸⁷ Там же. С. 113.

⁸⁸ Там же. С. 119.

Бэр (как он писал в автобиографии) сначала с трудом «уразумел остроумную теорию Агассиса». В 1838 г. он ездил в южную Финляндию и на острова Финского залива, чтобы подтвердить свое предположение о том, что «эратические валуны» принесены в Эстляндию из Финляндии морскими льдами. Геолог Н. Норденшельд (отец знаменитого путешественника) во время этой экскурсии показал Бэру шлифовки и глубокие борозды на гранитных скалах — следы деятельности ледников. И Бэр в 1842 г. показал Миддендорфу на берегах Финского залива эратические валуны, дилювиальные шрамы и шлифованные поверхности в качестве признаков древнего ледникового периода. Определяя повод и цель создания своего труда «Материалы к познанию нетающего почвенного льда в Сибири», Бэр подчеркнул, что публикация этого сочинения особенно важна потому, «что знания о почвенном льде (Bodeneis), кроме своего обычного интереса, приобретают совершенно особый интерес в связи с новой теорией глетчеров Агассиса»⁸⁹.

Одной из задач экспедиции Миддендорфа и стал поиск следов ледниковых отложений в Восточной Сибири — для подтверждения или опровержения гипотезы Агассиса. Миддендорф видел на Таймырском полуострове валуны к северу от хребта Бырранга и на берегах Верхней Таймыры, а также штриховку на скалах. Валуны и штриховку Миддендорф связывал с деятельностью морских вод, так как обнаружил на Таймыре морские отложения, которые, по его мнению, были следами более южного распространения вод Ледовитого моря. «Так как ничто не говорило в пользу прежнего существования ледников, — писал Миддендорф, — то было естественно предположить, что все эти валуны, родину которых нигде нельзя было указать поблизости, в первобытные времена, когда земля еще не вышла из моря, принесены сюда льдинами и сидели на тогдашнем морском дне»⁹⁰. В примечании Миддендорф отметил: «Итак, мы должны оставить нерешенным, были ли изборожденные плоскости мною не замечены в скалах хребта Бырранга, или эти борозды валунов были новейшего происхождения. /.../ Во всяком случае, я не нашел на Таймыре никакого следа прежнего

⁸⁹ Бэр К.М. Материалы к познанию нетающего почвенного льда в Сибири. Якутск, 2000. С. 12.

⁹⁰ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1861. Ч. I. Отд. II. С. 278.

существования глетчеров, ни уцелевших борозд на таких скалах, до которых не может достигать нынешний лед»⁹¹.

Миддендорф видел также «песчаные и хрящеватые холмы», которые он называл «озарами». Он отметил, что не мог объяснить себе их форму «в виде дома», однако описал и даже нарисовал «озар». Миддендорф также предположил, что «озары» образовались в бассейне пресной воды, а затем видоизменялись под действием морских и пресных вод⁹².

Подтверждение для вывода об отсутствии в прошлом ледников в Восточной Сибири Миддендорф находил в результатах метеорологических наблюдений во время экспедиции, которые свидетельствовали о чрезвычайной сухости воздуха и высоких летних температурах, а также в сведениях путешественников об отсутствии ледников в сибирских горах (тогда был известен ледник только на Алтае). «Ни в Саянском, ни в Байкальском, ни в Становом хребте между самыми высокими вершинами нет таких, которые достигали бы настоящего предела снегов, и на них нет настоящих ледников»⁹³. Сообщения П.-С. Палласа и И.-Г. Георги (участников академических экспедиций XVIII столетия) о нетающих снегах в горах Забайкалья и на Становом хребте Миддендорф считал ошибочными. Он полагал, что неверны также широко распространенные в первой половине XIX в. представления, согласно которым вблизи 70° с.ш. снежная линия спускается к уровню моря. Миддендорф не обнаружил в горах Бырранга на Таймырском полуострове нетающих снегов и на высоте 1000 футов (300 м), поэтому отметил: «самая страшная зимняя стужа не всегда ведет за собою непременно снеговую линию»⁹⁴. Он писал также: «На всем сибирском берегу Ледовитого моря нельзя указать ни одного глетчера /.../. Из бесчисленного множества исполинских ледяных гор, наполняющих бассейн северного моря, ни одна не происходит из Сибири»⁹⁵. Впрочем, Миддендорф отмечал также, что климатических причин для объяснения отсутствия ледников на Таймыре было еще недостаточно.

В середине XIX столетия, когда Миддендорф готовил к изданию свой труд, проблема ледникового периода все еще пребывала

⁹¹ Там же. С. 279, примечание.

⁹² Там же. С. 279–280.

⁹³ Там же. С. 198.

⁹⁴ Там же. 1862. Ч. I. Отд. III. С. 406.

⁹⁵ Там же. С. 413.

в стадии обсуждения, и преобладали взгляды о морском происхождении морен и валунов (так называемых «дилювиальных отложений»). Выводы Миддендорфа не вызывали сомнений и когда увидел свет отдел труда, в котором речь шла об отсутствии древних ледников в Восточной Сибири. Бэр писал в автобиографии (1865 г.), что Миддендорф не нашел ни дилювиальных шрамов, ни шлифовки. «До тех пор, пока не удастся выяснить, почему они отсутствуют в Сибири, проблема ледникового времени остается, на мой взгляд, еще не полностью решенной». Вместе с тем Бэр отметил: «мне также остается непонятным, каким образом этот покров мог столь далеко спуститься в равнину и протянуть обломки скал за Москву, а в Сибири ничего подобного не происходило»⁹⁶.

В 1876 г. П. А. Кропоткин опубликовал обширный труд «Исследования о ледниковом периоде», в котором на основе собственных наблюдений и наблюдений других ученых убедительно обосновал правомерность взглядов о ледниковом периоде в Сибири. Однако в России находились сторонники взглядов Миддендорфа, которые, впрочем, его имени не упоминали.

Наиболее активно Кропоткину возражал исследователь геологии Восточной Сибири И. Д. Черский, опираясь на собственные наблюдения. По его мнению, формы рельефа, которые Кропоткин рассматривал как результат деятельности древних ледников, можно объяснить процессами атмосферного разрушения или действия проточных вод. Черский считал, что в древности ледников в Сибири не было из-за сухости воздуха, которая не позволяет существовать ледникам и в настоящий период⁹⁷. Однако во время своей последней экспедиции на Индигирку и Колыму Черский обнаружил следы ледникового периода. Судя по содержанию дневника, а также статьи, опубликованной после смерти ученого, Черский видел в долине реки Боулулах и на хр. Улахан-Чистай округлые и угловатые валуны, несортированную смесь гальки с валунами, скалы в виде бараньих лбов, по его словам, результат деятельности «бывшего здесь древнего ледника»⁹⁸.

⁹⁶ Бэр К. М. Автобиография. Л., 1950. С. 415.

⁹⁷ Черский И. Д. К вопросу о следах древних ледников в Восточной Сибири // Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО. 1881. Т. 13. Вып. 1. С. 28–62. См. также дневник Черского: СПФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. № 182. Л. 35, 39.

⁹⁸ Черский И. Д. Предварительный отчет об исследованиях в области Колымы, Индигирки и Яны // Зап. АН. 1893. Т. 73. Приложение № 5. С. 25, 27.

Сторонником взгляда Миддендорфа оказался и А.И. Воейков. Он не бывал в Восточной Сибири, но на основе сведений о чрезвычайной сухости её воздуха считал, что оледенения в прошлом там не было. Причем Воейков придерживался такого мнения ни только в начале 80-х годов, когда наблюдения в Восточной Сибири были еще очень скудны, но и в 90-х годах, когда уже были найдены формы рельефа, которые рассматривали геологами как следы действия древних ледников⁹⁹.

Во время своих путешествий по северу Восточной Сибири в 1885–1886 и 1893 г. Э.В. Толль обнаружил морены, шрамы, полированные скалы, борозды, вытянутые в одном направлении, и «мертвые льды». Зная о взглядах, согласно которым, в полярных областях Сибири нет явных признаков деятельности древних ледников, Толль пришел к выводу о том, что эти следы уничтожены из-за особенно сильного процесса выветривания в тундрах¹⁰⁰.

Ф. Нансен в своем описании путешествия на «Фраме» отметил: «Где бы мы ни сходили на берег на северном побережье Сибири, всюду я находил следы древнего ледникового периода». Он видел ледниковые шрамы, эрратические валуны, «ископаемые глетчеры» и древние морены¹⁰¹.

В 1931 г. признаки древнего оледенения на Таймыре нашел и ботаник А.И. Толмачев, полагавший, что «Миддендорф, безусловно, тоже встречался со следами оледенения, но не дал им надлежащего толкования»¹⁰². Однако, по мнению Толмачёва, «следует с большой осторожностью относиться к предположениям о сплошном или почти сплошном оледенении всего сибирского севера»¹⁰³.

В 30-х годах XX столетия широко распространились представления, согласно которым Таймырский полуостров был одним из центров древнего покровного оледенения Сибири. В настоящее

⁹⁹ Воейков А.И. Климатические условия современных ледниковых явлений // Зап. Минералогич. о-ва. 1881. Сер. 2. Ч. 16. С. 27–90; Новейшие исследования ледников и причины их изменений // Зап. РГО по общей географии. 1882. Т. 12. № 2. С. 15; Колебания и изменения климата // Изв. РГО. 1894. Т. 30. Вып. 5. С. 576.

¹⁰⁰ Толль Э. Экспедиция Академии наук 1893 г. на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана // Изв. РГО. Т. 30. Вып. 4. С. 447–448.

¹⁰¹ Нансен Ф. «Фрам» в полярном море. (1897) // Собрание сочинений. Л., 1940. Т. 2. С. 195–196.

¹⁰² Толмачев А.И. Об оледенении Таймыра // Изв. АН СССР. Отдел математических и естественных наук. 1931. С. 125.

¹⁰³ Там же. С. 140.

время идея четвертичного ледникового периода в Сибири принята ученым сообществом, и обнаружены ныне существующие ледники в горах Бырранга¹⁰⁴. Однако представления о существовании древних ледниковых покровов на Таймыре отвергаются. К тому же распространились взгляды, согласно которым почти все формы рельефа и прочие следы деятельности ледников возникли в основном в результате деятельности морских и ледниковых вод¹⁰⁵. Как ни странно, некоторые геологи и гляциологи на основе современных методов исследований возвратились к представлениям середины XIX столетия. С этой точки зрения представления Миддендора о переносе валунов и других геологических отложений морскими водами на Таймырском полуострове, так же как и образование озера в результате деятельности воды, следует считать верными.

Растительность Сибири

Растения, собранные Миддендорфом и его спутниками во время Сибирской экспедиции, дополнили коллекции Ботанического музея¹⁰⁶. Гербарии экспедиции стали основой первых работ о флоре Таймырского полуострова¹⁰⁷ и пространства между рекой Алдан и побережьем Охотского моря¹⁰⁸, а также — о водорослях Охотского моря¹⁰⁹. Эти работы вошли в труд Миддендорфа об экспедиции.

Особое внимание современников привлек гербарий, собранный вблизи Охотского моря и описанный Р.Э. Траутфеттером и К.А. Мейером. Их труд «*Florula Ochotensis phaenogama*»,

¹⁰⁴ *Говоруха Л.С.* Современное состояние оледенения гор Бырранга // Изв. РГО. 1971. Т. 103. Вып. 6. С. 510–516.

¹⁰⁵ *Большеянов Д.Ю.* Пассивное оледенение Арктики и Антарктики. СПб., 2006. В этой книге имеется особый отдел «Оледенения полуострова Таймыр» и весьма обширная библиография.

¹⁰⁶ *Рупрехт Ф.И.* Очерки по истории Ботанического сада // Зап. АН. 1864. Т. 5. С. 150.

¹⁰⁷ *Trautvetter E.R.* Phaenogame Pflanzen aus dem Hochnorden // *Middendorff A. Th. v.* Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. St. Pbg., 1847. Bd. I. Th. 2. Lief. 1.

¹⁰⁸ *Trautvetter E.R., Meyer C.A.* *Florula Ochotensis phaenogama* // Там же. 1856. Bd. I. Th. 2. Lief. 3.

¹⁰⁹ *Ruprecht F.J.* Tange des Ochotskischen Meeres // Там же. 1851. Bd. I. Th. 2. Lief. 2. S. 1–190.

по мнению Ф.И. Рупрехта, «ознакомил науку со многими растениями, которые новы не только для флоры Российской империи, но и для единой системы; другие, уже известные, приобрели больший круг географического распространения, чем полагали до сего времени». Рупрехт считал также, что сочинение Траутфеттера и Мейера важно «для ученого обсуждения начавшегося ныне исследования страны Амура в отношении к естествознанию»¹¹⁰. (Имелись в виду исследования, которые в середине 50-х годов XIX в. вели на Амуре Л.И. Шренк, Г.И. Радде и К.И. Максимович.)

Обрабатывая растения, собранные на Таймырском полуострове, Траутфеттер обнаружил лишь пять до того неизвестных науке видов. Двум из них он дал имя Миддендорфа (*Oxytropis middendorffii* и *Delphinium middendorffii*). В честь Миддендорфа Траутфеттер и Мейер назвали также растения, обнаруженные вблизи Охотского моря (*Calypsozostigma middendorffii*) и Амура (*Hemerocalis middendorffii* и *Betula middendorffii*)¹¹¹.

В своей работе об истории Ботанического сада среди ученых, обрабатывавших коллекции Сибирской экспедиции, Ф.И. Рупрехт упомянул имя шведского ботаника В. Ниландера. В середине XIX в. европейские ботаники считали его лучшим знатоком лишайников. Рупрехт передал Ниландеру для определения виды лишайников, собранные во время Сибирской экспедиции, однако статью с результатами его исследований Рупрехт получил лишь в конце 1866 г. 1 декабря он сообщил Миддендорфу, что Ниландер хотел, чтобы его статья была быстрее опубликована, так как она включает сведения о двух новых видах лишайников. Рупрехт предлагал опубликовать статью Ниландера в «Bulletin de l'Académie»¹¹².

Миддендорфу было приятно узнать, что известный ботаник оценил его находки, поэтому он быстро ответил Рупрехту. Считая, что статью Ниландера полезно опубликовать в академическом журнале¹¹³, Миддендорф предлагал сообщить об этой статье в Академии наук не в декабре, а в январе следующего года, когда он представит Физико-математическому отделению очередной отдел своего труда,

¹¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1856. № 22. Л. 80 об. —81.

¹¹¹ Бородин И.П. Коллекторы и коллекции флоры Сибири // Тр. Ботан. музея Имп. Акад. наук. 1908. Вып. 4. С. 80.

¹¹² ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 257–257 об.

¹¹³ СПФ АРАН. Ф. 61. Оп. 2. № 91. Л. 9–10.

в котором собирался поместить и несколько дополнений к уже опубликованным выпускам. Список лишайников, обработанный Ниландером, напечатан в приложениях к отделу «Сибирская фауна» только немецкого издания четвертого тома труда Миддендорфа¹¹⁴.

Таким образом, гербарий, собранный во время Сибирской экспедиции, позволил расширить представления о видовом составе флоры Восточной Сибири. Но гораздо большее значение приобрели исследования Миддендорфа в области ботанической географии. Ботаник и физико-географ В.Б. Сочава через столетие после выхода в свет труда Миддендорфа считал, что «Растительность Сибири» «исполнена с таким мастерством и заключает столько оригинальных мыслей, что без всякого сомнения должна быть квалифицирована как классическое произведение нашей отечественной геоботаники»¹¹⁵. Можно также отметить, что такого рода сочинение было первым для ботанической географии не только Сибири, но и России в целом.

Наибольшее внимание современников и ученых XX в. привлекали сведения Миддендорфа о пределе распространения лесной растительности и причинах, мешающих продвижению деревьев к северу. Эту границу сложно было определить и в Европейской России, где имелось гораздо больше наблюдений. Но, полагая, что и в Сибири «нужно же когда-нибудь начать это дело», Миддендорф тщательно изучил условия существования отдельных древесных пород. При этом он не ограничивался анализом собственных наблюдений, но сравнивал их с данными других исследователей о жизни деревьев в Европе и Северной Америке. Результаты этих исследований позволили Миддендорфу утверждать, что разные виды деревьев имеют на севере разные границы, а также, что предел лесной растительности не совпадает с пределом распространения деревьев¹¹⁶.

Северную границу лесной растительности Миддендорф определил, изучая условия существования лиственницы — наиболее

¹¹⁴ Nylander W. Lichenes Middendorffiani // *Middendorff A. Th. v. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. St. Pbg., 1867. Bd. IV. Th. 1. Lief. 1. Anhang № VI. S. LV–LVIII.*

¹¹⁵ Сочава В.Б. Страницы из прошлого русской географии // Сиб. геогр. сб. М., 1963. № 2. С. 229.

¹¹⁶ Вслед за Траутфеттером пределом распространения деревьев Миддендорф считал «крайнюю черту древесной растительности, а не предел произрастания здоровых, массивных или по крайней мере прямостоящих деревьев» (*Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1867. Ч. I. Отд. IV. С. 579*).

характерной древесной породы Сибири. «Важнейший из пределов лесной растительности бесспорно тот, который вместе с тем показывает крайний предел распространения деревьев и леса вообще по направлению к полюсу. Сибирь в этом отношении можно считать образцом несложного порядка вещей, потому что в ней полярный предел одной древесной породы — даурской лиственницы — в то же время составляет пределы древесной и лесной растительности. В северной Европе и северной Америке отношения не так просты»¹¹⁷.

Согласно Миддендорфу, северная граница лесной растительности в Сибири не тянется вдоль определенной параллели или изолинии и лишь в известной мере следует очертаниям берега Ледовитого моря. Граница эта «выдвигается остроконечными углами вдоль долин рек»¹¹⁸. Она приближается к морю вдоль узких долин и отступает к югу на водоразделах.

Миддендорф отмечал: «относительно влияния теплоты на растения мы знаем очень мало. Затем не подлежит никакому сомнению, что география растений доселе слишком односторонне принимала в соображение почти одну только температуру. Распределение и масса дождя, количество паров, содержащихся в воздухе, и т.п. играют, как известно, тоже немаловажную роль. Но мы еще далеко не в состоянии сказать, как должны влиять все эти обстоятельства на растения»¹¹⁹. Положение предела лесной растительности зависит от совокупности всех природных условий места произрастания деревьев: качества почвы, уровня грунтовых вод, рельефа, а также инсоляции (действия прямых солнечных лучей), распределения и массы дождя, направления ветра и проч.

Процессы, происходящие в растениях зимой, причины гибели растений на севере еще не были известны. Миддендорф полагал, что деревьям Сибири морозы не страшны, так как они погружаются в «совершенно бесчувственный зимний сон», а растительный сок замерзает при более низкой температуре, чем вода. Для существования деревьев гораздо более опасны резкие скачки температуры весной и осенью, а также сочетание нескольких неблагоприятных обстоятельств — внезапные морозы осенью, малоснежная

¹¹⁷ Там же. С. 546.

¹¹⁸ Там же. С. 557.

¹¹⁹ Там же. С. 643.

зима, низкие температуры во время созревания почек. Существованию деревьев на севере мешают холодные ветры, малая мощность снежного покрова, вечномёрзлые почвы, препятствующие глубокому проникновению корней. Особенно губительны для жизни деревьев ледяные северные ветры. Защита от них способствует выживанию деревьев даже при прочих неблагоприятных условиях.

Миддендорф обнаружил, что с приближением к северному пределу обитания уменьшается высота деревьев и их толщина. Первое связано с низкими температурами воздуха и почвы. Уменьшение диаметра стволов — следствие сокращения ширины годовых колец. Миддендорф пытался даже вычислять, сколько лет должно существовать дерево, чтобы достигнуть определенной толщины, и вместе с тем отметил, что по толщине колец не всегда можно судить о благоприятных или неблагоприятных условиях климата того или иного года.

Согласно Миддендорфу, неверно мнение, будто «лишайники и бородастые мхи» покрывают исключительно обращенные к северу стороны деревьев. На северной стороне ствола они «встречаются лишь на таких деревьях, которые стоят по одиночке или на окраине леса»¹²⁰. Можно предположить, что такой вывод был сделан на основе наблюдений не столько в Сибири, сколько в Лифляндии.

Обращая внимание на губительные последствия пожаров в сибирских лесах (одной из причин гибели деревьев), Миддендорф весьма выразительно описал в своем труде это стихийное бедствие: «Как только огонь успел вырваться из своих оков, так он уже становится опасным. Иногда он целые годы тлеет в торфяной почве, подъедая корни деревьев до тех пор, пока стволы не повалятся, и по сучьям их, покрытым бородастыми мхами, начинают разливаться новые огненные потоки, которые пожирают все, что встречают на пути своем»¹²¹.

Однажды Миддендорф невольно сам стал причиной пожара. Желая спастись от комаров на берегу Охотского моря, он развел «небольшой огонек», но не успел опомниться, «как пламя уже охватило окружающие кусты и хвойная чаща стала пылать, как солома. Густой, пропитанный скипидарным чадом дым то взвивался черными клубами, то вспыхивал яркими газовыми огоньками, которые ветер разносил по воздуху /.../ Целую неделю пылали вершины мыса Нинта,

¹²⁰ Там же. С. 567.

¹²¹ Там же. С. 611.

освещающая заревом наши темные ночи. Широким развернутым фронтом огонь продвигался вперед через кедровый кустарник на скалистых высотах, не оставляя за собою даже дымящейся степи»¹²².

Эти выразительные картины пожаров Миддендорф нарисовал, чтобы показать их опасность для сибирской тайги. На севере леса с трудом возобновляются из-за чрезвычайно медленного роста деревьев. Миддендорф полагал, что если в Сибири когда-нибудь будет налажено лесное хозяйство, его организаторы должны знать о медленном росте деревьев и особенно позаботиться об их сохранении и восстановлении¹²³. По мнению Миддендорфа, законы о сохранении лесов создавать бесполезно, так как местные жители видели, что «опустошение, производимое рукой человека, ничтожно в сравнении со свирепостью стихии»¹²⁴. Кажется, до сих пор у местных жителей сохраняется подобное отношение к проблеме обращения с огнем в лесах Сибири.

Много внимания Миддендорф уделял особенностям природных условий тундры. Определяя влияние на жизнь растительного мира всей совокупности неорганических явлений, Миддендорф имел в виду не только растительность тундр, но и особый географический тип земной поверхности. По мнению Миддендорфа, характерным признаком тундры нельзя считать ее безлесье, но такой вывод противоречил его собственным рассуждениям о границе лесной растительности и причинах исчезновения древесных пород. Так, Миддендорф сообщал, что на Таймырском полуострове до 72,5° с.ш. его «сопровождала» только лиственница «в виде жалкого кустарника», а градусом южнее он «не без чувства глубокой скорби расстался с лесом». Миддендорф писал также: «лес прекратился почти внезапно и уступил место необозримой, но ни ровной, ни плоской, но холмистой снеговой поверхности»¹²⁵.

В труде Миддендорфа находим первый опыт классификации тундр. Он различал высокие и низкие тундры, а высокие делил на политриховые (моховые) и лишайниковые. Лишайниковые

¹²² Там же. С. 611–612.

¹²³ «Со временем, когда в этом отдаленном [Сибирском] крае будет устроено правильное лесное хозяйство, число участков, назначаемых для рубки леса, придется увеличить на треть сообразно с замедляющимся на треть оборотом времени, /.../ потребным для возобновления леса» (Там же. С. 608).

¹²⁴ Там же. С. 613.

¹²⁵ Там же. С. 696.

тундры он наблюдал, еще путешествуя по Лапландии. Название «политриховые тундры» предложил Миддендорф¹²⁶. На Таймыре лишайниковые тундры путешественник видел лишь на склонах хребта Бырранга, но считал, что они встречаются также на Чукотском полуострове, а наиболее характерны для Северной Америки. В низменных тундрах Миддендорф выделил моховые (сфагновые) болота и «возвышенные моховики», образовавшиеся на местах озер.

Когда Миддендорф писал свой труд, понятия «зональность» в географическом значении еще не было. Климат различали по широтам, но зонами называли любые естественные области, а не только вытянутые вдоль параллелей. В описаниях Миддендорфа тундра как своеобразная совокупность не только растений, но и всех природных явлений, приобретала характер зонального единства. Тундры на берегах океана встречаются в Европе, Сибири и Северной Америке. По словам Миддендорфа, «в общих чертах флора тундры сохраняет один и тот же вид. Читая красноречивые труды, посвященные Ричардсоном описанию тундры при реке Макензи, видишь, кажется, перед собою любую местность северной Сибири или северной Европы»¹²⁷. Миддендорф первым употребил термин «кругополярная (циркумполярная) флора», рассуждая об особенностях растительности тундры¹²⁸.

Согласно Миддендорфу, в климатическом отношении разница в широтах оказывает большое влияние на органическую жизнь, тогда как различия по долготе почти не имеют значения. Поэтому ни Урал, ни Берингов пролив нельзя считать существенной чертой раздела растительности.

Миддендорф также первым сравнил природные условия тундры и степи и определил причины их сходства и различия. Еще в XVIII в. тундры иногда называли степями из-за отсутствия в них древесных растений. Миддендорф полагал, что отсутствие деревьев нельзя считать характерным признаком ни тундр, ни степей. Деревья можно обнаружить в углублениях рельефа на южном пределе

¹²⁶ Там же. С. 702.

¹²⁷ Там же. С. 557. Дж. Ричардсон, врач и полярный исследователь, был одним из спутников Дж. Франклина во время его экспедиции для отыскания северо-западного прохода в 1819–1822 гг. В 1826 г. Ричардсон вел съёмку северного побережья Америки между заливом Макензи и рекой Коппермайн.

¹²⁸ Там же. С. 697.

тундры, встречаются они и в степях. Но отсутствие деревьев в тундре и степи зависит от совершенно разных причин: «Что в степи происходит вследствие сухости, то на тундре обуславливается недостатком тепла /.../, — писал Миддендорф. — Поэтому тундра встречается и в морском, и в континентальном климате, степь — только в континентальном»¹²⁹. Он обратил внимание и на известное сходство климатических условий тундры и степи — значительное различие между зимними и летними температурами. Однако в тундре температура «не доходит до тех страшных крайностей стужи, каким подвергается степь /.../ В тундре растение должно быть беспристрастнее, в степи — закаленное»¹³⁰. В грунтах тундр находится вечная мерзлота («ледяная почва»), в степях ее нет. Между тем, в тундрах и степях, считал Миддендорф, можно обнаружить одни и те же виды растений.

Миддендорф не только рассматривал множество конкретных вопросов, связанных с проблемой влияния различных явлений на жизнь растений в отдельных частях Восточной Сибири, но и обращал внимание читателя на нерешенные проблемы. Именно он впервые отметил недостаток «биологически-метеорологических наблюдений» для анализа растительности. С одной стороны, ученые еще не умели «вполне пользоваться готовым материалом», но с другой — стремление к обобщениям заставляло их далеко забегать вперед. По словам Миддендорфа, «в некоторых сферах блеск остроумных предвзятых идей далеко опередил собою медленную робкую поступь положительной науки»¹³¹.

Миддендорф пришел также к выводу, что в экспедиции следует отправляться для того, чтобы дать ответы на заранее поставленные вопросы. А во время экспедиций полезно вести не только «кочевые исследования», но также стационарные — «на известных заранее определенных важных местностях». По мнению Миддендорфа, «наблюдательные станции» стоит устраивать на таких местах, «где скрещиваются линии распространения разных древесных пород, где известные древесные породы наиболее выдвигаются к полюсу или наиболее удаляются от него /.../, на полярном пределе хлебопашества»¹³².

¹²⁹ Там же. С. 700.

¹³⁰ Там же. С. 701.

¹³¹ Там же. С. 719.

¹³² Там же.

Только точные систематические наблюдения помогут решить споры ученых об условиях существования того или иного растения.

Много внимания Миддендорф уделял вопросу об условиях земледелия в Сибири. Он сообщал сведения о хлебопашестве в отдельных населенных пунктах, определил северные границы распространения разных зерновых культур и овощей, обратил внимание на возможность выращивания некоторых овощей в северных областях, отметил, что не все виды растений из Амурского края поддаются акклиматизации в условиях Европейской России. Миддендорф был высокого мнения о возможностях земледелия вблизи Якутска: «Если уже теперь при полуобразованном состоянии, когда торговля, скотоводство, охота и рыболовство приносят самые большие выгоды, если уже теперь, говорим мы, в Якутске земледелие составляет доходную статью /.../, то это гораздо яснее окажется в будущем, когда и эти местности будут населены гораздо больше нынешнего»¹³³.

Предел земледелия в Сибири, согласно Миддендорфу, связан с влиянием мерзлых почв, коротким летом, вредным действием ранних и поздних морозов, т.е. во многом определяется влиянием континентального климата. Но этот предел зависит не только от климатических условий. «Теплое, освещенное солнцем положение на скатах /.../, не слишком питательная почва, от которой хлеб не слишком сильно идет в лист и может созревать вовремя и т.п., одним словом все те, по-видимому, ничтожные, но в сущности важные условия, тщательное соблюдение которых характеризует толкового хозяина, играют и на полярном пределе земледелия, и на альпийских возвышенностях еще несравненно большую роль, нежели у нас [т.е. в Европейской России]»¹³⁴.

Выяснив причины, мешающие распространению отдельных зерновых культур и видов овощей, Миддендорф пришел к выводу, что не всегда наблюдаемый предел определяется только природными условиями. «Не скорее ли это результат и отражение разнообразных побочных обстоятельств, основу которых следует искать в политико-экономических данных разного рода?» — спрашивал Миддендорф. Он писал о возможности выращивания некоторых овощей в северных странах и перечислял дикие растения тундры,

¹³³ Там же. С. 747.

¹³⁴ Там же. С. 695.

которые можно использовать в пищу. Миддендорф весьма критично относился к насильственному введению хлебопашества в Сибири, считая, что административные усилия в этом направлении не оправдываются.

Таким образом, Миддендорф рассмотрел множество вопросов, связанных с условиями жизни растений в Восточной Сибири, и попытался выяснить причины как содействующие, так и мешающие их существованию. Затрагивая проблемы ботанической географии, на которые сам не мог ответить, он считал необходимым привлечь к ним внимание исследователей. Например, Миддендорф полагал, что следует выяснить, какое значение для растений тундры имеет полярный день, как он отражается на дыхании, как влияет на жизнь растений резкая смена давления, можно ли продлить «зимнюю спячку» растений, что могло бы содействовать их акклиматизации в северных областях.

Труд Миддендорфа о растительности Сибири тотчас привлек внимание ученых. Имя Миддендорфа встречается уже в докладе профессора ботаники Петербургского университета А.Н. Бекетова «О влиянии климата на возрастание сосны и ели», прочитанном в 1868 г. на Первом съезде естествоиспытателей и врачей. В начале доклада Бекетов отметил, что было еще очень мало наблюдений о влиянии физических условий на существование древесных растений, не упоминая среди наблюдателей имени Миддендорфа. Бекетов скептически отозвался о скудости данных о годичных кольцах деревьев в труде Миддендорфа, но затем сообщил, что использовал данные из его таблицы, которую перед этим называл скудной и непригодной для серьезных выводов. И только подчеркнув собственные заслуги в определении северного предела сосны и ели, Бекетов отметил: «В сочинении Миддендорфа, уже не раз упомянутом, находим весьма основательное и подробное нанесение полярной границы главнейших деревьев Европейской России и Сибири»¹³⁵.

Так как и к концу XIX в. видовой состав растительности Сибири (особенно Восточной Сибири) все еще был плохо изучен, директор Ботанического музея С.И. Коржинский предложил Академии наук программу полного описания флоры Сибири. Он

¹³⁵ Бекетов А.Н. О влиянии климата на возрастание сосны и ели // Труды Первого съезда естествоиспытателей в Санкт-Петербурге. СПб., 1868. С. 149.

даже получил деньги на эту работу, но в 1900 г. скончался. Подготовительные исследования для осуществления задачи возглавил новый директор музея И.П. Бородин. В обширном труде он описал все уже существующие коллекции растений Сибири, а также сообщил сведения о тех, кто их собирал. В этом труде Бородин упомянул и коллекции Сибирской экспедиции. Он отметил, что на Таймырском полуострове растения собирал Т.-Э. Брант, а в Удском остроге — М. Фурман, привел некоторые биографические сведения о них, а также перечислил растения, названные в честь Миддендорфа¹³⁶.

Вскоре появилась подробная библиография сочинений о растительности Сибири, составленная Д.И. Литвиновым, которую автор сопровождал и некоторыми комментариями. Называя труд Миддендорфа важной работой в области ботанической географии, Литвинов отметил, что в нём имеются подробные сведения о распространении главным образом древесных растений и упомянуты лишь немногие травянистые виды. Согласно Литвинову, Миддендорф использовал литературу, в которую ботаники обычно не заглядывают, «и это придает исчерпывающую полноту его обзорам распространения» древесных пород, но, «оперируя столь незначительным количеством видов, нельзя было создать сколько-нибудь полную картину растительности Сибири»¹³⁷.

Несмотря на это замечание, Литвинов включил в библиографию все отчеты Миддендорфа о его сибирском путешествии (и даже статьи К.М. Бэра об этом путешествии, в которых сведений о растениях практически не было). Однако Литвинов не сообщил, что работы Ф.И. Рупрехта, Р.Э. Траутфеттера и К.А. Мейера основаны на материале, собранном экспедицией Миддендорфа¹³⁸.

¹³⁶ *Бородин И.П.* Коллекторы и коллекции флоры Сибири // Труды Ботанического музея имп. Академии наук. 1908. Вып. IV. С. 11–12, 79–80, 131.

¹³⁷ *Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири // Труды Ботанического музея имп. Академии наук. 1909. Вып. V. С. 185.

¹³⁸ Ботаник С.Ю. Лишниц в биографо-ботаническом словаре «Русские ботаники» нашел нужным поместить очерк и о Миддендорфе. Содержательный, хотя и краткий, биографический очерк сопровождается достаточно полной библиографией сочинений Миддендорфа и работ о нем. В связи с начавшейся «борьбой с космополитизмом» пятый том словаря в начале 50-х годов XX в. не увидел света. Но корректура этого тома хранится в Ботаническом институте Российской Академии наук (Санкт-Петербург). (См.: *Федотова А.А.* История неоконченного словаря «Русские ботаники» С.Ю. Лишница // Бот. журн. 2012. Т. 97. № 3. С. 381–398).

Если российские авторы использовали в основном данные о видовом составе флоры, то европейские ботаники рассматривали «Растительность Сибири» Миддендорфа, прежде всего, как сочинение о географии растений. Не ясно, было ли известно в Европе, что автор зоолог, но к взглядам Миддендорфа ботаники относились с полным доверием — и принимая их, и полемизируя с ними. В этом отношении весьма интересны труды немецкого ботаника А. Гризебаха и датского ботаника Е. Варминга.

В первом томе своего труда «Растительность земного шара согласно климатическому ее распределению» (который увидел свет в 1871–1872 гг.) Гризебах постоянно ссылался на труд Миддендорфа в главах «Арктическая флора» и «Лесная область восточного материка». Гризебах использовал его сведения о северном пределе лесной растительности, причинах гибели деревьев, границе леса на Алданском хребте, глубине мерзлоты в Якутске, об однообразии арктической флоры, о «зимнем оцепенении» растений. Согласно Гризебаху, «превосходным наблюдениям Миддендорфа мы обязаны важнейшими данными касательно климата на границе леса»¹³⁹. Он отмечал также: «Миддендорф, обширным и основательным исследованием которого мы обязаны полным познанием предела земледелия в Сибири, прочно установил своими историческими и народно-экономическими доказательствами, что тут культура действительно достигла своего климатического предела»¹⁴⁰.

Гризебах, как и большинство натуралистов того времени, не всегда делал ссылки. Но, если в его труде речь идет о том, что море умеряет холод арктических берегов, о полюсе холода¹⁴¹, о том, что неизвестно, как длинный день северного лета действует на физиологию растений¹⁴², о тощих пастбищах Таймырского полуострова, куда из сибирской тайги перебираются лишь несколько

¹³⁹ Гризебах А. Растительность земного шара согласно климатическому ее распределению. СПб., 1874. Т. 1. С. 69.

¹⁴⁰ Там же. С. 106.

¹⁴¹ Там же. С. 35. В другом месте Гризебах писал: «Якутск есть *полос наибольшего холода* восточного материка. Там мерзлота простирается, по Миддендорфу, на глубину 600 футов, но так как летом почва весьма значительно оттаивает, то подземный лед не имеет никакого влияния на поверхностные слои, так что и земледелие не чуждо тех холодных стран на Лене» (Там же. С. 76).

¹⁴² Там же. С. 30.

семейств инородцев¹⁴³, то очевидно, что сведения эти извлечены из труда Миддендорфа¹⁴⁴.

Широкое использование Гризебахом фактических данных Миддендорфа свидетельствовало о высокой оценке его работы. Но в то время для ботаников авторитет Гризебаха, несомненно, был более высок, чем авторитет Миддендорфа, поэтому оригинальность некоторых его идей затушевывалась появлением сходных мыслей в работах Гризебаха. Вместе с тем можно предположить, что труд Гризебаха привлек внимание европейских ученых и к сочинению Миддендорфа, и, может быть, содействовал распространению многих сведений, впервые появившихся в его «Растительности Сибири».

Во всяком случае, материалы Миддендорфа использовал Е. Варминг в своем основополагающем труде «Экологическая география растений»¹⁴⁵. В этом труде нет ссылок, но, судя по содержанию, Варминг был достаточно хорошо знаком со взглядами Миддендорфа, а «Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844» Миддендорфа вошло в список использованной литературы.

Посвятив свой труд определению влияния экологических факторов на жизнь растительных сообществ¹⁴⁶, Варминг опирался и на данные Миддендорфа. Например, он писал о том, что местности лишены лесной растительности главным образом из-за действия ветра, но одновременно и под влиянием холода и других обстоятельств¹⁴⁷. Рассуждая о тундрах, Варминг упомянул о самой сухой политриховой тундре, не отмечая, что это название дал Миддендорф, но сразу вслед за этим писал о сфагновых тундрах, пропитанных водой, добавив: «„волнующаяся тундра“ по Миддендорфу»¹⁴⁸.

¹⁴³ Там же. С. 32.

¹⁴⁴ Миддендорф, скорее всего, был знаком с идеями Гризебаха. Прямых ссылок на его сочинения в отделе «Растительность Сибири» нет, но Миддендорф, обсуждая некоторые вопросы ботанической географии, упоминал и имя Гризебаха.

¹⁴⁵ Термин «экология» был предложен Э. Геккелем в 1866 г., однако не сразу привлек к себе внимание. В конце XIX в. он был еще нов для России, поэтому в русском переводе труд Варминга называется «Ойкологическая география растений».

¹⁴⁶ Е. Варминг различал флористическую и экологическую географию. По его определению, экологическая география «знакомит нас с тем, каким образом растение и целые растительные сообщества согласуют свой внешний вид и свои жизненные отправления (Haushaltung) с действующими на них внешними факторами» (Ойкологическая география растений. СПб., 1901. С. 2–3). В труде Варминга, вероятно, впервые употребляется термин «экологический фактор».

¹⁴⁷ Там же. С. 51.

¹⁴⁸ Там же. С. 219.

Варминг сообщил, что «Миддендорф тундры называет ледяными пустынями»¹⁴⁹, а также о том, что отсутствие леса в степях Миддендорф объяснял влиянием сухих горячих ветров. По словам Варминга, «оазисы» тундры — богатые цветами луга с многолетниками «описал Миддендорф /.../, например, для склонов Таймыра (имелись в виду склоны хребта Бырранга. — *Авт.*), где они защищены от суровых ветров и где почва представляет собой черный гумус»¹⁵⁰. Перечисляя виды этих оазисов, Варминг упомянул и растения, названные в честь Миддендорфа¹⁵¹.

Миддендорф создал свой труд еще до появления понятия и термина «экология». Но он ставил перед собой именно экологические задачи, когда стремился выяснить закономерности распределения растений, характер влияния географических факторов (температуры, света, влажности, движения воздуха, почвы, рельефа и проч.) на жизнь отдельных видов, а также причины, содействующие или мешающие существованию как отдельных растений, так и их сообществ. Интересно, что значение работы Миддендорфа для экологии растений отметил только зоолог П.Б. Юргенсон, тогда как другие исследователи обращали внимание главным образом на то, что Миддендорф стоял у истоков экологии животных.

Сибирская фауна

Основной целью Сибирской экспедиции Миддендорфа было изучение жизни животных в неблагоприятных условиях. Обширные коллекции, собранные во время этой экспедиции, обогатили фонды Зоологического музея и легли в основу двух томов труда Миддендорфа, в которых описаны представители классов млекопитающих, моллюсков, ракообразных, земноводных, птиц и насекомых. Результаты этих исследований он излагал и в отдельных статьях. Согласно директору Зоологического музея Ф.Ф. Брандту, за время работы в Академии наук Миддендорф опубликовал в ака-

¹⁴⁹ Там же. С. 336.

¹⁵⁰ Там же. С. 417.

¹⁵¹ Там же. С. 418.

демических журналах 23 статьи по зоологии. Особое внимание коллег привлекали его работы о моллюсках. Миддендорф не только обработал сибирскую коллекцию и коллекцию музея, но и познакомился с различными видами моллюсков в музеях Европы. Это позволило ему описать моллюсков всей Российской империи. Современники считали Миддендорфа основоположником российской малакозоологии.

Уже в отчете Физико-математического отделения Академии наук за 1846 г. сообщалось о том, что Миддендорф подготовил записку «о некоторых новых родах моллюсков как предтечу русской малакозоологии»¹⁵². В 1847 и 1849 гг. Миддендорф опубликовал труд «*Beiträge zu einer Malacozootologia Rossica*»¹⁵³, который высоко оценили современные ему зоологи. Кроме того, в 1848 г. статья Миддендорфа об истории изучения малакофауны в России была напечатана в журнале Московского общества испытателей природы¹⁵⁴. В том же году А.Д. Нордман, профессор университета в Гельсингфорсе, благодарил Миддендорфа за вклад в малакозоологию России, называя его труд «во всех отношениях очень удачным и содержательным»¹⁵⁵.

В 1849 г. американский зоолог А.-Дж. Гулд в письме к Миддендорфу отметил, что благодаря его работе стали сравнимы виды моллюсков северных частей Атлантики и Тихого океана¹⁵⁶. Немецкий зоолог Р.-А. Филиппи (специалист по моллюскам, с которым в 1846 г. Миддендорф работал в Касселе) в письме от 14 февраля 1851 г. сообщал, что недавно получил работу Миддендорфа, и сожалел, что не мог ее использовать в собственном сочинении, так как оно уже находилось в типографии. Филиппи писал: «Я читаю этот труд — одно из драгоценных обогащений малакофауны — и радуюсь, что Вы взяли на себя эту область зоологии»¹⁵⁷. Согласно Филиппи, до тех пор моллюсками занимались в основном любители.

¹⁵² Отчет по I и III отделениям имп. Академии наук за 1846 г. // ЖМНП. 1847. Ч. 53. Отд. III. С. 72.

¹⁵³ *Middendorff A. Th. v. Beiträge zu einer Malacozootologia Rossica* // *Mém. Acad. Série VI*. 1847. Т. 6. № 1; 1849. Т. 8. № 2–3.

¹⁵⁴ *Middendorff A. Th. v. Grundriss für eine Geschichte der Malakozootographie Russlands* // *Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou*. 1848. Т. 21. № 2. S. 424–473.

¹⁵⁵ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 8. Л. 123. Письмо написано 3/15 ноября 1849 г.

¹⁵⁶ Там же. № 16. Л. 123.

¹⁵⁷ Там же. № 8. Л. 168.

В 1850 г., представляя Миддендорфа в экстраординарные академики, К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт и Г.И. Гесс отметили, что Миддендорф «обширнейшими и важными, уже изданными отдельно большими или меньшими диссертациями по части малакозоологии России, или же назначенными для описания путешествия трудами о мягкотелых животных нашего отечества, снискал себе не только отличное место между малакозоологами и зоотомами, но еще мастерски обработал и отчасти на основании своих собственных начал дотоле вовсе пренебреженный отдел российской фауны»¹⁵⁸. Представляя Миддендорфа в ординарные академики, в 1852 г. Бэр подчеркнул: «мы приобрели первое полное основание русской малакофауны, потому что знаменитое творение Палласа о русской фауне не простирается далее позвоночных животных»¹⁵⁹.

Непременный секретарь Академии наук П.Н. Фус в отчете по Физическому отделению за 1851 г. подчеркивал значение исследований Миддендорфа по классификации моллюсков для определения географического значения каждого вида. По словам Фуса, «этим способом удалось положить первые основания для правильной оценки и распределения не только моллюсков, но и животных вообще; дальнейшее раскрытие этих законов существенно содействует сооружению новой науки, обыкновенно называемой зоологической географией или географией животных»¹⁶⁰. В отчете по Физико-математическому отделению за 1853 г. Фус сообщил, что Миддендорф прибавил некоторые заметки к статье Р.К. Маака, включавшей описание 26 видов сибирских моллюсков¹⁶¹.

В инструкции по зоологии для намечавшейся экспедиции Русского географического общества на Камчатку Ф.Ф. Брандт писал, что зоолог должен познакомиться с частью труда Миддендорфа,

¹⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. № 16. Л. 4–4 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 12 об.

¹⁶⁰ Отчет Императорской Академии наук по I и III отделениям за 1851 г. // Учен. зап. Акад. наук по I и III отд. СПб., 1852. С. 5–6.

¹⁶¹ Фус П.Н. Отчет Императорской Академии наук по I и III отделениям за 1853 г. // Учен. зап. Акад. наук по I и III отд. 1854. Т. II. Вып. 4. С. 621; *Maack R.* Notizen über einige Land- und Süßwassermollusken, gesammelt auf einer Reise zu den Privatgoldwäschen des Jeniseischen Kreises und zum Baikal. Mit einem Zusatz Dr. A. Th. v. Middendorff // Bull. phys.-math. 1853. Т. XI. S. 368–378.

в которой описаны моллюски, но сам может ими не заниматься, так как моллюски уже систематически описаны Миддендорфом¹⁶². Ч. Лайель в 1852 г. в письме к Дарвину жаловался, что не смог найти в библиотеке Королевского географического общества необходимые ему работы о моллюсках. Среди авторов работ, которые он искал, Лайель назвал и Миддендорфа¹⁶³.

В 1877 г. данными Миддендорфа в статье о пресноводных моллюсках в Сибири воспользовался шведский зоолог К.А. Вестерлюнд, предложивший и свои комментарии к этим данным¹⁶⁴. Позже Вестерлюнд опубликовал статью о малакофауне России в «Ежегоднике Зоологического музея», который издавала Петербургская Академия наук. В статье изложена история изучения моллюсков в России от самых ранних (не очень существенных для науки) наблюдений. Согласно Вестерлюнду, «Миддендорф был первым, кто критически и осторожно обработал фауну североазиатских моллюсков, первым, благодаря которому этот предмет приобрел научную форму и значение»¹⁶⁵.

Зоолог С.М. Герценштейн (хранитель Зоологического музея Академии наук) в труде о моллюсках Мурманского берега и Белого моря неоднократно ссылался на данные Миддендорфа, дополняя их, и подчеркивал близость собственных взглядов к зоогеографическим воззрениям Миддендорфа. «Начав с моллюсок [так!], — писал Герценштейн, — я желал исследование их вести в направлении, указанном еще Миддендорфом, а именно — выяснить общий морфологический характер видов нашей фауны, определить по возможности точно границы их географического распределения, для чего точно сравнить наши виды с ближайшими сородичами из других морей и проч.»¹⁶⁶. Излагая разные точки зрения, Герценштейн часто сравнивал их с выводами Миддендорфа, отмечая как верность, так и ошибочность его суждений.

¹⁶² Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Русским Географическим обществом. СПб., 1852. С. 55–56.

¹⁶³ *Burkhardt F. et al.* The correspondance of Charles Darwin. Cambridge, 1991. Vol. 10. P. 465.

¹⁶⁴ *Westerlund C.A.* Sibiriens Land och Sötvattnen Mollusker // Koniglige Svenska Vetenskapsakademiens Handlingar. 1877. № 12. P. 5–10.

¹⁶⁵ *Westerlund C.A.* Beiträge zur Molluskenfauna Russlands // Ежегодник Зоол. музея ИАН. 1897. № 2. С. 133–134.

¹⁶⁶ *Герценштейн С.* Материалы к фауне Мурманского берега и Белого моря, I. Моллюски. СПб., 1885. С. 636.

В 1904 г. зоолог П.Ю. Шмидт писал, что малакозоологические работы Миддендорфа до тех пор являлись «не только основой, но и почти единственными фактическими данными по фауне Охотского моря»¹⁶⁷. Согласно Шмидту, и в 1926 г. сочинение Миддендорфа (1851) все еще оставалось «единственным источником наших сведений по малакозоологии этого моря»¹⁶⁸. Взгляды Миддендорфа на проблему систематики моллюсков дальневосточных морей и в 1960 г. рассматривал зоолог О.А. Скарлато¹⁶⁹.

Рекомендуя Миддендорфа в академики, зоологи Академии наук упоминали также о его основательных исследованиях бурого медведя. В 1850 г. речь шла о том, что Миддендорф «доказал, как родовое тождество всех поныне еще водящихся в Европе и в северной и восточной Азии пород этого животного, так и различие его от ископаемого медведя»¹⁷⁰. В 1852 г., помимо этого, упоминалось о новизне метода, благодаря которому Миддендорфу удалось сделать эти выводы¹⁷¹.

Так как в Евразии бурые медведи имеют самые разные морфологические признаки, зоологи XIX в. выделяли несколько их видов. Миддендорф изучил признаки бурого медведя не только на основе музейных коллекций. Во время охоты он имел возможность наблюдать медведей в естественных условиях Лифляндии, Восточной Сибири и в окрестностях Петербурга. Тщательно изучив анатомическое строение и внешний вид особей разного возраста в различных местах обитания, Миддендорф первым пришел к выводу, что на всем пространстве России встречается лишь один вид бурого медведя — *Ursus arctos*. Согласно Миддендорфу, известный тогда ископаемый медведь отличался от этого вида¹⁷².

Результаты своих исследований Миддендорф изложил как в труде о Сибирской экспедиции, так и в статье «Медведь бурый»

¹⁶⁷ Шмидт П.Ю. Рыбы восточных морей Российской империи. СПб., 1904. С. 30.

¹⁶⁸ Шмидт П.Ю. Зоология // «Тихий океан. Русские научные исследования». Л., 1926. С. 126.

¹⁶⁹ Скарлато О.А. Двустворчатые моллюски дальневосточных морей СССР. М.; Л., 1960. С. 8–9.

¹⁷⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. № 16. Л. 5.

¹⁷¹ Там же. Л. 14–14 об.

¹⁷² Профессор зоологии Гельсингфорского университета А.Д. Нордман в 1860 г. в своем труде «Paläontologie Südrusslands» (Helsingfors. Th. IV.) особое внимание уделил проблеме ископаемого медведя и при этом часто ссылался на данные Миддендорфа.

для популярного издания «Русская фауна»¹⁷³. В этой статье Миддендорф весьма выразительно описал внешний вид, повадки и образ жизни этого животного, рассказал о медведе как о персонаже сказок и фольклора разных народов и подробно описал охоту на медведя.

Работа Миддендорфа о буром медведе не сразу привлекла к себе внимание европейских ученых. В «Сибирской фауне» Миддендорф с огорчением отметил, что некоторые зоологи продолжали выделять разные виды бурого медведя, несмотря на то, что наблюдения Л.И. Шренка, Г.И. Радде и Н.А. Сёверцова подтверждали правомерность его выводов¹⁷⁴.

Неизвестно, когда утвердились представления, согласно которым и в России, и в Европе распространен только один вид бурого медведя, а также — какую роль в утверждении таких представлений сыграли взгляды Миддендорфа. В настоящее время мнение о единстве вида общепринято. Однако отдельные популяции бурого медведя считаются подвидами из-за того, что в разных местностях не только внешний вид, но и повадки медведей существенно различаются. При этом один из подвидов получил имя Миддендорфа¹⁷⁵.

Миддендорф считал, что невозможно внести нечто новое в изучение фауны данной местности, лишь перечисляя и описывая живущих в ней животных. Необходимо определить «ту тесную связь, которая существует между отличительными свойствами данной фауны, и особенностями как той почвы, на которой она живет, так и того климата, в котором она живет и развивается»¹⁷⁶. Именно поэтому во время экспедиции Миддендорф тщательно изучал разные природные явления Восточной Сибири, а затем стремился выяснить характер их влияния на жизнь и географическое распространение отдельных видов.

¹⁷³ Русская фауна, или описание и изображение животных, водящихся в империи Российской / Симашко Ю. (Сост.). СПб., 1851. Ч. 2. Млекопитающие. С. 187–295.

¹⁷⁴ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1869. Ч. II. Отд. V. С. 187–288.

¹⁷⁵ Самый крупный подвид бурого медведя был обнаружен на острове Кадьяк. Этот подвид в 1896 г. получил название *Ursus arctos middendorffii* (Merriam C.H. Preliminary synopsis of the American bears // Proceedings of the Biological Society of Washington. 1896. Vol. 10. P. 69).

¹⁷⁶ Миддендорф А.Ф. Разбор сочинения г. Сёверцова под заглавием «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гадов Воронежской губернии» // Двадцать пятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 194.

В общем обзоре отдела «Сибирская фауна» Миддендорф писал: «при выполнении подлежащего труда обнаружилось столько пробелов в сведениях наших по части распространения сибирских животных, что предлагаемый в этом выпуске опыт иному может показаться преждевременным и не совсем уместным. Но если мы подумаем, что на окончательное распределение сибирских видов понадобится еще более столетия и что лишь после такого окончательного распределения с достоверностью можно будет продвинуть некоторые географические вопросы, то нельзя не согласиться, что вследствие важного влияния каждой новой зоогеографической точки зрения на способ толкования видового понятия, зоологической географии необходимо будет по временам забегать вперед для разведки новых путей»¹⁷⁷.

Сведения о распространении отдельных видов животных Сибири легли в основу представлений Миддендорфа о кругополярной и кругоборейской фаунах. (По современной терминологии — циркумполярной и бореальной фаунах.) Миддендорф полагал, что в прошлом центры распространения полярных видов находились вблизи магнитных полюсов и полюсов холода. Поэтому существовали два центра — в Азии и Америке, которые лишь со временем объединились в единую кругополярную фауну. По мнению Миддендорфа, граница областей распространения видов подвижна, её нельзя точно определить, так как одни виды выходят за пределы своего прежнего существования, а другие напротив как бы отступают.

Крупные зоогеографические области, согласно Миддендорфу, следует выделять независимо от «изоклиматических полос». Необходимо искать центр распространения каждого вида, помня, что он «не будет в точности совпадать с математическим центром фигуры, описывающей пределы распространения рассматриваемого вида /.../. Затем близлежащие центры сливаются в более обширные средоточия целых областей фауны, которые в свою очередь, разумеется, в сущности должны совпадать с различными климатическими отделами земной поверхности»¹⁷⁸.

Представления Миддендорфа о принципах выделения крупных областей не совсем ясны. С одной стороны, он отмечал их независи-

¹⁷⁷ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1869. Ч. II. Отд. V. С. 287.

¹⁷⁸ Там же. С. 122.

мость от изолиний, но с другой — называл кругополярную и кругобореальную фауны «климатическими отделами». Сами эти названия — «кругополярная» и «кругобореальная» — свидетельствовали о таком «совпадении». К тому же животные этих фаун в той или иной степени принадлежали к тундре или тайге, т.е. к зональным областям.

Несмотря на нечеткость исходных принципов, характеристика областей, сделанная Миддендорфом, оказала некоторое влияние на развитие зоогеографии. Циркумпольная и бореальная области легли в основу зоогеографического районирования Сибири. (Впрочем, создатели таких схем при определении источников своих исследований труд Миддендорфа не упоминали.)

Миддендорф считал, что для выяснения закономерностей расселения животных и причин изменения характера областей их распространения очень важно использовать «исторический взгляд» (подход, принцип). По его словам, «только когда мы постоянно будем иметь в виду эту точку зрения, нам некоторым образом можно быть уверенным в том, что, основываясь на теперешних представлениях о распространении [видов], мы не будем делать ложных заключений об их отношении к климату»¹⁷⁹.

Миддендорф отмечал также необходимость при зоогеографических исследованиях постоянно возвращаться к «историческому моменту», так как непрерывно происходит обмен видами между областями¹⁸⁰. Недостаточное внимание к «историческому моменту» ведет к ошибочным выводам. «Труды наши, полагаю, должны быть устремлены на зоогеографическое значение каждого вида животных с тем, чтобы этим путем из разысканий настоящего времени добыть основы для исследований по части палеонтологического прошлого»¹⁸¹.

Изучение географического распределения отдельных видов заставило Миддендорфа обратить внимание на проблему исчезновения некоторых животных в разных частях России. Заинтересовавшись этой проблемой, он собрал большое количество данных как о естественных, так и об искусственных причинах такого исчезновения. В труде Миддендорфа находим сведения об истреблении соболя, собранные им самим, а также К.М. Бэр, Л.И. Шренком

¹⁷⁹ Там же. С. 128–129.

¹⁸⁰ Там же. С. 272.

¹⁸¹ Там же. С. 290.

и Г.И. Радде. Миддендорф полагал, что Г.-В. Стеллер не только первым описал морскую корову, получившую его имя (стеллерова корова), но и, описав область ее распространения, невольно стал причиной истребления этого вида¹⁸².

Миддендорфа чрезвычайно волновала проблема истребления животных, и он размышлял о мерах защиты животных, полезных для человека. Миддендорф писал: «Весьма приятно сообщить известие о распоряжении [защитить котиков] нашей Северо-Американской компании, которое может служить образцом для всего цивилизованного мира тем более, что в сущности тут дело идет об одном из будущих отделов политической экономии. Последней во всяком случае необходимо будет позаботиться о том, чтобы сохранение некоторых животных, приносящих человечеству величайшую пользу, было обеспечено международными договорами»¹⁸³.

Миддендорф предположил, что бобр в Сибири не истреблен, как полагали зоологи, но не встречается там, где распространены мерзлые почвы. Его первоначальная область существования изменилась лишь немного. Раков нет в Сибири, по мнению Миддендорфа, потому, что это южные животные, которые постепенно (в основном по рекам) передвигались к северу. Тараканы (Миддендорф имел в виду черного таракана *Blatta orientalis*) не переносят холода и отличаются от прусаков (рыжих тараканов). Прусаки вытеснили из Сибири черных тараканов и с востока пришли в Европу, где их называли «русаками». Тогда как воробьи, напротив, распространялись из Европы в Сибирь вслед за продвижением русских к востоку.

Миддендорф видел трупы китов в нескольких местах на берегу Охотского моря. Он предположил, что в некоторых случаях возникают «естественные ловушки», которые мешают китам вернуться в открытое море и, лишаясь пищи, они выбрасываются на берег. Именно поэтому Миддендорфа заинтересовал кит, обнаруженный рыбаками в 1851 г. у берега Финского залива вблизи Ревеля. Под названием *Balaena longimana* Миддендорф описал его в особой

¹⁸² Там же. С. 58. Миддендорф нашел в академическом архиве изображение морской коровы и поместил его в своем труде. Он удивлялся, что сам Стеллер не опубликовал рисунка морской коровы. По мнению Миддендорфа, рисунок, который он обнаружил, гораздо точнее изображает это животное, чем рисунки в трудах П.С. Палласа и Ф.Ф. Брандта (Там же. С. 59).

¹⁸³ Там же. С. 99.

статье¹⁸⁴. По мнению Миддендорфа, «ловушками китов можно считать некоторые довольно большие морские водоемы с узким проходом, которые, хотя и находятся в соприкосновении с областью распространения китов, но вследствие льда не дают им достаточно пищи и места для свободного движения»¹⁸⁵. Для кита, оказавшегося в Финском заливе вблизи Ревеля, такой ловушкой стало все Балтийское море.

Но гораздо больше китов уничтожает человек. По мнению Миддендорфа, такое истребление не только лишает природу уникальных видов, но и вредит экономике. «Если же и впредь станут истреблять китов так усердно, как теперь, то человек не будет иметь возможность извлекать такую же пользу, как доселе, из бесчисленных небольших наполняющих воды моллюсков и раков, которых кит перерабатывает как жир»¹⁸⁶.

Не ограничиваясь выражением сожаления о гибели животных, Миддендорф полагал, что необходимо создавать законы, которые могли бы защищать от истребления особенно ценные виды не только в России, но и во всем мире. По словам Миддендорфа, защита некоторых животных должна стать «предметом международных переговоров в интересах блага народов»¹⁸⁷. Миддендорф считал, что в природе существует своеобразное равновесие — естественное восстановление нарушенных процессов, если человек этому не препятствует¹⁸⁸, но, к сожалению, не развивал эту тему.

Миддендорфа интересовали причины не только исчезновения видов, но и их «кочеваний» — миграций. Он обнаружил множество таких причин: недостаток пищи, сухость воздуха, холод, характер рельефа, уничтожение лесов, чрезмерное размножение, деятельность человека, нарушавшая привычные условия обитания. Особое внимание Миддендорфа привлекали птицы. Он описал несколько

¹⁸⁴ *Middendorff A. Th. v. Der Walfish in Reval // St. Petersburgische Zeitung. 1851. № 116.* Скелет того самого кита, которого описал Миддендорф, во второй половине XIX в. находился в особом зале Зоологического музея. Когда музей переехал в новое здание, скелет кита поместили в начале экспозиции, где его можно увидеть и сегодня. Согласно этикетке в музее, это — *Megaptera nodosa* Bannaterre, но современное название кита — горбач (*Megaptera novaeangliae*).

¹⁸⁵ *Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1869. Ч. II. Отд. V. С. 151.*

¹⁸⁶ Там же. С. 68. Только в 1986 г. вступил в силу мораторий на китовый промысел, введенный Международной китовой комиссией.

¹⁸⁷ Там же. С. 49. См. также с. 99, 101.

¹⁸⁸ Там же. С. 48.

редких видов птиц полярных областей. На основе собственных наблюдений и наблюдений своих коллег Миддендорф изучил пути и время перелетов птиц различных видов и изложил результаты этих исследований в работе «Die Isepiptesen Russlands»¹⁸⁹. Изе-пиштезами Миддендорф назвал линии, соединявшие места, в которые в один и тот же день прилетали представители отдельных видов птиц. Анализ явлений, связанных с миграцией птиц, — места отлета и прилета, фенологические условия этих мест, пути движения — позволил Миддендорфу определить направления путей перелетов разных видов. Оказалось, что к Таймырскому полуострову птицы летят с юга на север «по меридиану средней Сибири», тогда как в Европе они летят в основном с юго-запада к северо-востоку, а в восточной части Сибири — с юго-востока к северо-западу.

Миддендорф полагал, что время отлета определяет температура тех мест, из которых птицы улетают, но не столько даже сама температура, сколько ее последствия — таяние снегов, вскрытие рек, пробуждение растений и насекомых. Сведения о недостатке пищи или стремлении к сохранению потомства, по мнению Миддендорфа, не могли объяснить причин сезонных кочеваний. Многие птицы улетают из щедрых южных широт в скудные северные области. Так как некоторые птицы погибают во время долгого пути, нельзя считать, что перелет вызван заботой о потомстве.

Согласно Миддендорфу, на направление перелета влияет конфигурация местности и очертания морских берегов, причем над одним и тем же местом птицы разных видов летят в различных направлениях. Миддендорф предположил также, что направление полета связано с магнитными явлениями. Так как вопрос о путях перелетов был весьма запутан, Миддендорф предлагал создать сеть наблюдательных пунктов, которые помогли бы изучить сложную картину миграционных путей.

Перелеты птиц Миддендорф рассматривал как очень сложный биологический процесс, который зависит главным образом от изменений времен года. «Если же климатические данные играют главную роль, то важнее всего разъяснить, в каком именно отноше-

¹⁸⁹ *Middendorff A. Th. v. Die Isepiptesen Russlands. Grundlagen zur Erforschung der Zugzeiten und Zugrichtungen der Vögel Russlands // Mém. Acad. 1855. VI Série. T. 8.*

нии к ним находится перелет птиц и таким образом правильно оценить и определить значение остальных данных. Для этой цели графический способ изображения, введенный мною в „Изепиптезах“, самый наглядный»¹⁹⁰.

Орнитологические работы Миддендорфа привлекли к себе внимание некоторых европейских ученых. Так орнитолог Ж.-Л. Кабанис уже в 1852 г. приглашал Миддендорфа принять участие в работе орнитологического журнала «*Journal für die gesamte Ornithologie*» (который он начал издавать в Берлине) и прислал ему корректуру первого номера этого журнала¹⁹¹. В другом своем письме Кабанис благодарил Миддендорфа за данные о птицах, которые он собирался использовать в своей работе, и за поддержку нового журнала, а также предлагал посылать свои новые статьи¹⁹².

Весьма заинтересовался исследованиями Миддендорфа о птицах молодой шведский орнитолог И.-А. Пальмен. Желая получить его труд, Пальмен отправил Миддендорфу свою статью о воздушных путях птиц (на шведском языке). Не зная шведского языка, Миддендорф не смог прочесть эту статью, однако на основе рисунков и таблиц пришел к выводу, что он и Пальмен независимо друг от друга пришли к сходным выводам.

Между тем, Пальмен послал Миддендорфу немецкий вариант своей статьи («*Zugstrassen der Vögel*». Leipzig, 1876). Из этой статьи Миддендорф узнал, что Пальмен критически отнесся к методу изепиптез. По его мнению, сам метод неверен, так как биологические процессы сложнее физических, к тому же нужны более точные данные, чем те, которыми в то время располагала наука. Об этих замечаниях Пальмена сам Миддендорф сообщил в своем труде, поясняя пользу самой идеи и метода изепиптез¹⁹³. В письме к Пальмену он с благодарностью отметил, что очень рад тому, что опубликована «такая подробная работа с ясным пониманием предмета исследования на тему, которая ему близка»¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1869. Ч. II. Отд. V. С. 488.

¹⁹¹ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 159–159 об.

¹⁹² Там же. Л. 101.

¹⁹³ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1869. Ч. II. Отд. V. С. 487–488. Сообщая, что не смог прочесть статью Пальмена, Миддендорф заметил: «шведский язык не принадлежит к числу шести известных мне языков» (Там же).

¹⁹⁴ A. Th. v. Middendorff an J.A. Palmén (без места и даты) // НУК. Coll. 167.

Высоко ценили наблюдения Миддендорфа и орнитологи XX столетия¹⁹⁵. Э. Кумари считал работу Миддендорфа об изеипштезах «первой попыткой развития теории перелетных птиц на основе орнитологических наблюдений в восточной Палеарктике и одной из первых в пределах всей Палеарктики». По словам Кумари, Миддендорфу принадлежит «приоритет в составлении орнитологических карт и разработке фенологической методики для изучения перелетов птиц»¹⁹⁶. Кумари отмечал также, что работы Миддендорфа и Пальмена дали толчок для подобных наблюдений и в других странах.

О видах

Проблемы вида в той или иной степени Миддендорф касался во многих своих зоологических сочинениях. На эту сторону его исследований уже в 1852 г. обратил внимание К.М. Бэр, когда представлял Миддендорфа в ординарные академики. В своем весьма выразительном отзыве Бэр подчеркивал значение исследований Миддендорфа для малакозоологии России — прежде всего для разработки систематики моллюсков. По его словам, труд Миддендорфа о моллюсках представлял собой «попытку к точнейшему определению характера пород, к верхнейшему по возможности математически близкому описанию уклонений от основного типа и к развитию [рассмотрению?] причин, обуславливающих эти видоизменения. Итак, автор принял на себя труд спуститься до основания зоологической науки /.../ для того, чтобы потом можно было обзирать поле науки с возвышенной точки обобщения»¹⁹⁷. Бэр писал также, что Миддендорф искал «исходные точки распространения отдельных форм и вместе также условия их изменений и преобразований»¹⁹⁸,

¹⁹⁵ См., например: *Farber P.L.* Discovering birds. The emergence of ornithology as a scientific discipline: 1760–1850. Baltimore; London, 1997. P. 85–88; *Vaughan B.* In search of Arctic birds. London, 1992. P. 18, 131, 158, 162, 164; *Шушкин В.С.* А.Ф. Миддендорф и охрана птиц // Новости в мире птиц. 2000. № 3, октябрь-декабрь. С. 12.

¹⁹⁶ *Кумари Э.* Значение исследований А.Ф. Миддендорфа для развития теории миграций и ориентации животных // Изв. АН ЭССР. Сер. биол. 1966. Т. 15. № 2. С. 258.

¹⁹⁷ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. № 16. Л. 12 об. — 13.

¹⁹⁸ Там же. Л. 13.

а затем продолжал: «Следует ли разные формы животных считать произошедшими одна из другой или нет, и если таковые преобразования действительно могут быть доказаны, то до какой степени это неопровержимо или вероятно. Этот-то вопрос имел в виду Миддендорф как конечную задачу при зоолого-географических своих выводах, и он старается все более и более приблизиться к нему учеными своими исследованиями — как бы траншеями, более и более стесняющимися около своего средоточия, не продвигаясь однако более далеко вперед, чем позволяет его материал»¹⁹⁹.

Сам Миддендорф в том же году в примечании к своей статье об иппологии упомянул о методах, с помощью которых он уже несколько лет старался установить «с трудом уловимые различия некоторых видов в систематической зоологии»²⁰⁰. В труде «Путешествие на север и восток Сибири» проблеме видообразования Миддендорф уделил особое внимание, возвращаясь к ней несколько раз.

Миддендорф рассматривал проблему образования видов не как теоретик, но как эмпирик, занимавшийся вопросами систематики, а также как практик сельского хозяйства. Но решение конкретных научных и практических задач позволяло ему рассуждать на эту тему достаточно убедительно для своего времени и с теоретических позиций.

Согласно Миддендорфу, определение видов является важнейшим этапом в изучении животных. И потому, что «ум человеческий всегда начинает с тщательного раздробления и распределения предмета на составные части»²⁰¹, и потому, что систематика помогает «верным, но удобопонятным, облегчающим память и кругозор способом помочь нам ориентироваться среди пестроты бесконечного разнообразия органических форм»²⁰².

В зоологии его эпохи обнаруживалось стремление к чрезвычайному дроблению видов. Миддендорф полагал, что такое дробление было следствием использования для их выделения недостаточно надежных признаков, а также неглубокого знания истории органического мира. Отвергая «мелочное видовое деление»,

¹⁹⁹ Там же. Л. 13 об. —14.

²⁰⁰ Миддендорф А.Ф. О задачах иппологии в отношении к потребностям кавалерии // Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. 1852. Т. 1. Вып. 3. С. 317.

²⁰¹ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1869. Ч. II. Отд. V. С. 7.

²⁰² Там же. С. 453.

он «двадцать лет сряду неутомимо старался превзойти видоделителей в самом тщательном различении всех частных и установить эти детали с математическою точностию, соответственно мере, числу, весу и т.д.», чтобы «нанести смертельный удар дроблению видов»²⁰³. Своими исследованиями Миддендорф постоянно указывал на те различия в строении отдельных животных разного пола, возраста и места обитания, которые не могут служить основанием для выделения видов.

Не ограничиваясь констатацией значительной внутривидовой изменчивости, Миддендорф размышлял над причинами изменчивости организмов вообще, однако эти размышления носили характер весьма осторожных предположений. По его мнению, «организмы нашего земного шара постепенным развитием и преобразованием своим обязаны той самой законной силе, которая управляла геологическими переворотами, но мы не должны забывать, что смутную догадку эту пока нельзя доказать положительными доводами»²⁰⁴. При этом Миддендорф считал, что каждый вид произошел из одной первобытной пары, хотя и не был вполне в этом уверен²⁰⁵. Он был сторонником взгляда, согласно которому «географическое распространение каждого вида начиналось с известного *центра распространения* (выделено Миддендорфом. — *Авт.*)»²⁰⁶. Затем постепенно область существования вида расширяется. Чем животное всеяднее и подвижнее, чем легче оно удовлетворяет свои потребности, тем обширнее становится эта область. Но каждый вид имеет определенный предел распространения. Наличие одного и того же вида в чрезвычайно удаленных друг от друга местонахождениях свидетельствует лишь о том, что в прошлом область распространения была более обширной, а затем по каким-то причинам на части этого пространства данный вид был уничтожен, или человек содействовал его переселению. Миддендорф считал, что выяснение первоначального единства области существования

²⁰³ Там же. С. 14.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Этого вопроса Миддендорф коснулся лишь между прочим: «Если же вдобавок допустить, что каждый или по крайней мере иной вид животных явился на свет Божий не в одной а в нескольких парах, то к прежним вопросам присоединяется еще новый вопрос о том: действительно ли все первые пары были совершенно сходны между собой без малейшего видового отличия?» (Там же. С. 16).

²⁰⁶ Там же. С. 43.

каждого вида животных очень важно для определения путей их географического распространения.

Миддендорф не сомневался в том, что на протяжении истории органического мира виды изменялись: «Если мы не хотим морочить самих себя и других, то нам как естествоиспытателям необходимо остановиться на том, что есть множество видов животных и растений, которые свидетельствуют о *переходах от одного вида к другому* (выделено нами. — *Авт.*), и допускать возможность предположить и даже, пожалуй, доказать косвенным образом, что в течение времени — вследствие изменений — из одного какого-нибудь вида образовались два или три различных вида». Вместе с тем, согласно Миддендорфу, большинство видов имеет «резко очерченные границы», и между ними «нет никаких соединительных звеньев»²⁰⁷.

По словам Миддендорфа, наука уже установила, что разные виды при скрещивании не дают потомства, но вопрос о том, что «заставляет» виды разъединяться или соединяться, оставался открытым: «Мы вообще поступаем неправильно, если в этом случае [при незначительных отличиях] не отделяем строго настоящего времени от прошедшего, потому что непосредственными наблюдениями ведь нельзя доказать, были ли созданы первые американские пары уже с самого начала с теми незначительными отличиями, которыми некоторые американские животные отличаются от чрезвычайно сходных и в сущности даже одинаковых с ними европейско-азиатских животных /.../ или оба эти так называемых вида произошли от одной и той же первобытной пары, которая с тех пор размножилась, распространилась и изменилась сообразно с местностью. /.../ К сожалению, никак нельзя проследить процесс развития животного в этом отношении, начиная с яйца, а потому и нет никакой возможности с какой-нибудь логической точки зрения сказать, что тот или другой отличительный признак близко сродственных между собою животных имеет существенное или несущественное значение [для различения видов]»²⁰⁸. Миддендорф отмечал: «Мы ничего не знаем о побудительном движущем начале (*principium movens*), которое заставляет развиваться из данного зародыша ту или иную форму животных, а из другого — даже микроскопически в точности

²⁰⁷ Там же. С. 15.

²⁰⁸ Там же. С. 11.

ему соответствующего — другую определенную форму»²⁰⁹. Неизвестно также, почему наследуются отчасти свойства отца, а отчасти матери. При этом иногда эти свойства наследуются поровну, а в других случаях детеныш «выходит почти в мать или в отца»²¹⁰.

Миддендорф обращал внимание и на то, что типические свойства организма в пределах вида и породы передаются от родителей к детям с удивительным постоянством: «Силу, которою совершается эта передача свойств, назовем *типической силою* (выделено Миддендорфом. — *Авт.*), т.е. это та самая сила, которая выделяет из яичка такую-то именно, а не другую жизненную форму, т.е. вид, включая сюда и видоизменения. Конечно, мы не знаем, что это за сила, и наше выражение есть лишь выражение нашего незнания, но ведь не только то, что мы знаем, но и то, чего мы не знаем, требует определенного выражения»²¹¹. Миддендорф обнаружил также, что хотя не все признаки вида передаются по наследству, в потомстве многие из них из поколения в поколение сохраняются, а также, что наблюдается «возврат» некоторых признаков и «расплывание признаков породы».

Миддендорф неоднократно упоминал о важности изучения изменений форм организмов, происходивших медленно в течение тысячелетий и потому незаметных для ученых одного поколения. Много внимания он уделял анализу современных природных условий, пытаясь выяснить характер их влияния на видовые отличия. Согласно Миддендорфу, на изменения существенно влияют внешние условия, причем эти изменения могут закрепиться в потомстве, но определить характер такого влияния невозможно. Вместе с тем он отмечал, что существуют внутренние силы организма, ведущие к изменениям, и хотя животное подчиняется внешним влияниям, все же оно развивается и самостоятельно. «Труд отыскать это самостоятельное развитие животных и среди более первобытных условий природы мы должны предоставить будущему времени»²¹².

С современных позиций представления Миддендорфа об образовании видов давно устарели. Однако они не только отражали

²⁰⁹ Миддендорф А. Ф. Разбор сочинения г. Сёверцова под заглавием «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гадов Воронежской губернии»... С. 203–204.

²¹⁰ Миддендорф А. Ф. О способах улучшения скотоводства. СПб., 1872. С. 38.

²¹¹ Там же. С. 41.

²¹² Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1869. Ч. II. Отд. V. С. 292.

характер достаточно широко распространенных представлений эпохи, предшествовавшей появлению труда Ч. Дарвина «Происхождение видов». Вопросы, которые волновали Миддендорфа, все не были наивными (или пошлыми, как он сам однажды их назвал). Они возникали и при теоретическом анализе видовых различий, и в ходе решения конкретных практических задач при выведении новых пород скота.

Признавая не только процесс видоизменения, но также влияние «места и времени — климата и тысячелетий» на этот процесс, Миддендорф не принял учение Ч. Дарвина, точнее, отнесся к нему скептически. Считая его заслуги великими, Миддендорф вместе с тем назвал Дарвина «ренегатом», потому что тот «пристал к партии спекулятивных зоологов, положив в основу своей теории о видоизменениях способность видов легко и сильно подвергаться изменениям»²¹³. Миддендорф был неправ. Дарвин тщательно подбирал доказательства для своих тезисов, имея в виду и возможные возражения. Вместе с тем следует отметить, что Миддендорф рассматривал целый ряд тех же проблем, которые волновали и Дарвина, например, проблему искусственного отбора, идею центров распространения видов, происхождение человека от обезьяны.

Скептическое отношение Миддендорфа к теории Дарвина определялось не только естественным предубеждением, мешающим любому ученому расстаться с уже сложившимися воззрениями и принять новую идею. Пожалуй, Миддендорф не находил у Дарвина ответов на свои вопросы, но главное — убедительных для себя доказательств, которые объясняли бы процесс изменения видов. Например, отмечая, что изменения невозможны без влияния извне, Миддендорф утверждал, что «даже при самом тщательном изучении климата никак нельзя сказать заранее, на какой части тела, в каком виде данный материал станет подвергаться изменению». Он задавался вопросами, «почему, например, из одной ячейки развивается неизменно-определенный вид птицы, а из другой ячейки, которую даже при помощи самого сильного микроскопа нельзя отличить от первой, выходит совершенно другая птица? Почему именно у этой птицы красное пятнышко на шейке, у другой на затылке, а у третьей на крыле? Почему лягушка и мышь

²¹³ Там же. С. 15.

не достигают величины медведя? Положим, что все эти вопросы очень пошлы, но ведь за ними-то и скрывается тормоз всех наших общих выводов о видоизменениях»²¹⁴.

Вопросы о существовании видов в природе, о том, происходили ли особи вида от многих подобных групп или каждый вид возникал из особой группы, а также о том, насколько изменения вида зависят от состояния органического и неорганического миров, широко обсуждались на протяжении всего XIX столетия. Эти вопросы волновали биологов как до, так и после появления труда Дарвина «Происхождение видов». И хотя над проблемой о соотношении роли внешних и внутренних факторов изменчивости в истории развития организма ломали голову как сам Дарвин, так и его многочисленные последователи, более или менее убедительный ответ на этот вопрос был найден только в XX в.

По мнению Л.И. Шренка, после П.-С. Палласа никто настолько не расширил зоологического знания о Сибири, как Миддендорф. Его труд о сибирской фауне Шренк называл «одним из величайших фаунистических трудов, когда-либо создававшихся в науке»²¹⁵. Однако никакого особого отклика на зоологические отделы этого труда найти не удалось. Зоологи, несомненно, были с ними знакомы и при необходимости использовали фактические данные Миддендорфа, но зоогеографические идеи, содержащиеся в отделе «Сибирская фауна», видимо, не казались заслуживающими внимания. В это время особое внимание привлекала идея зоогеографических областей, тогда как Миддендорф, первым употребивший термины «кругополярная» (циркумполярная) и «кругоборейская» (циркумбореальная) фауны, считал, что точные границы областей (из-за их подвижности) определить невозможно. Поэтому некоторым зоологам казалось, что Миддендорф вообще возражал против выделения областей.

М.А. Мензбир, автор первого в России очерка по истории зоогеографии, зоогеографические взгляды Миддендорфа не рассматривал, но лишь отметил, что тот был противником выделения зоогеографических областей²¹⁶. Авторы труда «География животных»

²¹⁴ Там же. С. 16.

²¹⁵ Отчет о присуждении в 1888 г. Бэрловских наград // Зап. АН. 1889. Т. 60. С. 52.

²¹⁶ Мензбир М.А. Орнитологическая фауна Европейской России // Учен. зап. Моск. ун-та. Отд. естествозн. 1882. Вып. 2. С. 41–42, 95.

в главе «История изучения материковой фауны СССР» только коротко упомянули об экспедиции Миддендорфа в Сибирь; сообщили о маршруте экспедиции, об огромной зоологической коллекции, привезенной Миддендорфом из Сибири, и о том, что он выяснил характер приспособления животных к условиям существования в полярных областях²¹⁷.

Г.П. Дементьев в 1940 г., подчеркивая, что труд Миддендорфа увидел свет на 20 лет позже, чем книга «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» Сёверцова, отметил, что он «содержит в себе менее имеющих общее значение материалов [чем книга Сёверцова] и носит скорее характер хотя и широкого, но частного исследования»²¹⁸. Однако в 1970 г. Дементьев называл имя Миддендорфа среди основоположников экологии, подкрепляя свой вывод перечислением его «экологических идей»²¹⁹.

В книге, посвященной истории териологии (науки о млекопитающих), в очерке о Миддендорфе авторы весьма скептически отозвались о работах своих предшественников²²⁰. По их справедливому мнению, значение научного творчества Миддендорфа еще плохо определено²²¹. При этом в заключение очерка авторы сообщили, что даже териологическая часть большого корпуса данных Миддендорфа, «несмотря на проделанную нами большую работу, изучена и введена в научный оборот в недостаточной степени»²²². С этим вполне можно согласиться.

Наиболее глубокий к настоящему времени анализ зоогеографических идей Миддендорфа содержится в статье П.Б. Юргенсона²²³. Именно работа Юргенсона и позволяла всем авторам, упоминающим о Сибирской экспедиции Миддендорфа, сообщать, что в России он стоял у истоков зоогеографии и экологии животных. Миддендорфа, несомненно, можно считать одним

²¹⁷ Бобринский Н.А., Зенкевич Л.А., Бирштейн Я.А. География животных. М., 1946. С. 332.

²¹⁸ Дементьев Г.П. Н.А. Сёверцов. М., 1940. С. 15.

²¹⁹ Дементьев Г.П. Русские основоположники экологии // Очерки по истории экологии. М., 1970. С. 79.

²²⁰ А.Ф. Миддендорф // Соколов В.Е., Шишкин В.С. Развитие отечественной териологии в XIX веке. М., 2005. С. 159–190. Биографию Миддендорфа авторы знали лучше многих своих предшественников, однако не смогли избежать ошибок (иногда существенных).

²²¹ Там же. 159–160.

²²² Там же. С. 189.

²²³ Юргенсон П.Б. Значение академика А.Ф. Миддендорфа в русской зоогеографии // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1961. Т. 66. № 1. С. 138–149.

из основоположников российской зоогеографии. И даже если некоторые его выводы ошибочны, а некоторые фактические данные, на которые он опирался, устарели, заслуга Миддендорфа заключалась уже в том, что в 50-х и 60-х годах XIX столетия он обратил внимание на целый ряд проблем, которые и XXI в. сохраняют свою актуальность.

Этнография

С проблемами этнографии Миддендорф познакомился еще в Киеве, когда должен был преподавать ее в университете Св. Владимира. Сбор этнографических сведений не входил в число основных задач Сибирской экспедиции Миддендорфа, но путешествие позволило ему собрать обширный материал о народах, тогда еще малоизвестных или совсем неизвестных ученым. О своих наблюдениях он сообщал уже из экспедиции в отчетах для Академии наук. Первый доклад о научных результатах экспедиции Миддендорф сделал не в Академии наук, а в Саутгемптоне (в 1846 г.), и этот доклад был посвящен народам Сибири.

В 40-е гг. XIX в. в России этнография как наука находилась в начальной стадии своего развития²²⁴, исследования посвящались в основном народам Европейской России. Появилась и первая этнографическая карта этой части страны. Тем важнее было заняться изучением народов Сибири — жителей далеких окраин, в которых еще редко бывали ученые. По мнению Миддендорфа, такое изучение не менее важно, чем исследование животных. «Если, однако же, мы посмотрим, чего мы достигли в этом отношении, то нам со стыдом придется сознаться, что мы умеем строго различать мышей европейской части края, населенного самоедами, но этнографически еще не определили людей», — писал Миддендорф в труде об экспе-

²²⁴ «Русская этнография только в последние десятилетия почти только с сороковых годов получила характер настоящей научной дисциплины; до тех пор мы можем следить только ее зародыш, первые попытки. /.../ В эту прежнюю пору еще не было этнографии как науки, но было несомненно часто глубоко серьезное стремление к изучению народности, отражавшееся и на других отраслях знаний, как история, и на развитии литературы исторической...» (Пытин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. III).

диции²²⁵. «Считаем не лишним напомнить, — продолжал он, — что мы люди и что изучение высшего творения природы справедливо должно стоять выше изучения мышей, жуков и всего остального зоологического добра»²²⁶.

Понимая важность наблюдений в Сибири, ученый не ограничился сбором «этнографических предметов», но изложил результаты своих исследований в обширной монографии — особом отделе «Путешествия на север и восток Сибири». В начале отдела «Этнография» Миддендорф напомнил о «лингвистическом этнографе» М.А. Кастрене, который должен был вести исследования одновременно с Миддендорфом, но заболел. Миддендорф с уважением отзывался о заслугах Кастрена (который в 1844 г. все же отправился для исследований в Сибирь, «пренебрегая даже таившимся в нем зародыше смерти»). На долю самого Миддендорфа «выпала зоологическая сторона наблюдений, которая, впрочем, в то время еще была, так сказать, в пеленках»²²⁷. Свои исследования Миддендорф начал с кропотливых измерений черепов разных народов. Однако результаты этих первых измерений и рисунки погибли в 1843 г. во время катастрофы — лодка с коллекциями утонула в Таймырском озере. Затем Миддендорф продолжил исследования, но не ограничился только «зоофизиологическими» наблюдениями, он собирал самые разнообразные сведения о самоедах (ненцах), долганах, остяках, юраках, тунгусах и якутах, а также познакомился с их языками.

Деньги, которые были выделены Историко-филологическим отделением для исследований Кастрена в Сибири, в начале 1844 г. Академия наук собиралась передать для расходов на путешествие Миддендорфа к Охотскому морю, так как его исследования «не будут бесполезными и для этнографии»²²⁸. Миддендорф не знал об этих переговорах, но собирал сведения и о народах, которые жили между Становым хребтом, Охотским морем и Амуром. В отчете Академии наук из экспедиции он сообщил, что там жили нгатку и независимые гиляки («одноплеменцы жителей островов Курильских»), тунгусы, считавшие себя подданными российского императора, а также нигидальцы, шамауги, гурауги, манегиреи

²²⁵ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1878. Ч. II. Отд. VI. С. 625.

²²⁶ Там же. С. 628.

²²⁷ Там же. С. 619.

²²⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. № 2. Л. 92.

и догурцы (подданные Китая)²²⁹. Миддендорф впервые собрал некоторые сведения о гиляках (нивхах) — народе, который до тех пор вообще не был известен ученым.

После того, как завершилось издание труда «Путешествие на север и восток Сибири», содержание последнего тома было изложено в журнале «Слово». Особое внимание автор заметки уделил отделу «Коренные жители Сибири»: «Здесь, рядом с тщательным описанием типических черт этих коренных сибиряков, читатель найдет самую обширную характеристику семейного и общественного быта, их обычаев, верований, обрядов и преданий, массу разнообразнейших фактов, представляющих очень ценный материал для истории мысли вообще. Читатель найдет здесь подробную, разработанную до мельчайших деталей картину домашней жизни коренных сибиряков; описание их жилищ, домашней утвари, различных орудий и прочих принадлежностей домашнего хозяйства. Весьма поучительны также сообщенные автором сведения о борьбе за существование между различными типами коренных жителей Сибири /.../ и об отношении их к влиянию культуры»²³⁰.

Следует добавить, что в труде Миддендорфа содержатся также сведения об обрядах шаманов, свадебных и похоронных обрядах, об отношении к детям, о сказках, песнях, танцах и даже о музыкальных инструментах. Ученый обращал внимание и на то, что у отдельных народов считалось приличным и неприличным, честным и бесчестным, на различные черты характера — простодушие, алчность и проч.

Сегодня кажется странным, но в труде несколько раз встречается термин «коммунизм». По словам Миддендорфа, у самоедов наблюдалось «порождение коммунизма», так как «самый жалкий бедняк» и «самый великий богач» вели одинаковый образ жизни, и результаты охоты распределялись поровну²³¹. Он полагал, что «коммунистический обычай» равного распределения добычи был следствием первоначального гостеприимства, однако отметил, что в «плохие времена» богач все же с голоду не умрет.

Миддендорф не только собрал огромное количество фактических данных. Среди описаний обычаев и предметов можно обнару-

²²⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 146 об. — 147.

²³⁰ Новые книги // Слово. 1878, август. С. 216.

²³¹ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1878. Ч. II. Отд. VI. С. 652.

жить и некоторые соображения о сущности этнографии. Он назвал этнографию «зоологической классификационной наукой» и полагал, что этнографические исследования не должны ограничиваться изучением черепов, важно иметь изображения представителей отдельных народов. По его поручению Т.-Э. Брант, превосходный художник, нарисовал множество портретов, и эти рисунки «давали первый достоверный материал для будущих сравнительных исследований»²³². Миддендорф надеялся, что они помогут доказать ошибочность существовавших представлений о «телесном единстве всех северных кочевников» и вместе с тем пробудят желание собирать сведения об этнографии «мелких разбросанных народностей». «Необходимо поторопиться, — подчеркивал Миддендорф, — потому что с каждым днем изглаживаются грани [между народами], где вчера они еще были видны»²³³. Одежда, предметы быта, оружие якутов, собранные во время Сибирской экспедиции, дополнили коллекцию этнографического музея Академии наук²³⁴.

Рассуждал Миддендорф и о важности для этнографии изучения языков отдельных народов в связи с проблемой их происхождения. «Единство языка двух народов нисколько еще не доказывает природного их единства, точно так же как, наоборот, различие языка не доказывает природного их различия, — считал Миддендорф. — Вопрос о соплеменности народов окончательно должна решать соматическая этнография, и только в таком случае, когда она подтверждает результаты лингвистических исследований, они могут считаться достоверными и несомненными»²³⁵.

Сам Миддендорф в известной мере содействовал лингвистическим исследованиям, собирая сведения о языках разных народов, но особенно тщательно — о якутском языке. Он записывал слова, песни и сказки якутов, выяснял смысл отдельных слов и определял характер их произношения, а тексты снабжал подстрочными переводами. Кроме того, Миддендорф привез из Якутска и «исправный перечень якутско-русских слов», составленный А.Д. Неверовым.

²³² Там же. С. 626.

²³³ Там же. С. 628.

²³⁴ Станюкович Т.В. 230-летие Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1954. Т. 12. С. 50.

²³⁵ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1878. Ч. II. Отд. VI. С. 627.

Эти сведения послужили основой первой якутской грамматики и якутско-немецкого словаря. Их создатель академик О.Н. Бётлингк так определил значение для его работы собранных Миддендорфом материалов: «Рукописные материалы Миддендорфа, состоящие из реестра слов, из песен, разговоров, сказок, изречений и очерка грамматики, вполне заслуживают нашего удивления, если примем в соображение краткость времени, какое мог посвятить лингвистическим изысканиям наш отважный, ловкий и ученый путешественник. Если, по правде, надобно сознаться, что с одним этим материалом я не мог бы соорудить прочного грамматического здания, то, с другой стороны, можно без преувеличения сказать, что материалы Миддендорфа значительно облегчили мне труд изучения языка и не раз наводили на грамматические формы, которые без того, может быть, ускользнули бы от моего внимания»²³⁶. Бётлингк также подчеркнул, что его занятия без материалов Миддендорфа «не приняли бы теперешнего направления, и не явилось бы настоящего сочинения»²³⁷. Словарь и грамматика, составленные Бётлингком, опубликованы в первой части третьего тома труда Миддендорфа.

Первый якутско-русский словарь составил этнограф Э.К. Пекарский. В предисловии автор отметил, что широко пользовался словарем О.Н. Бётлингка, хотя этот словарь и включает гораздо меньше слов, чем существует в действительности. Зная, что работы Бётлингка опубликованы в труде Миддендорфа, Пекарский, не считал нужным познакомиться с этнографическими материалами этого труда. (В списке использованной для словаря литературы упоминается только отдел «География»²³⁸.)

Между тем в 1907 г. (в том же году, когда увидел свет первый том якутско-русского словаря) на заседании Восточного отделения Русского археологического общества Пекарский выступил с докладом «Миддендорф и его якутские тексты». Из этого доклада следует, что, создавая свой словарь, Пекарский не «штудировал» сочинение Миддендорфа потому, что «не надеялся найти для себя

²³⁶ Бётлингк О. О языке якутов // Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. 1853. Т. I. Вып. 2. С. 439–440.

²³⁷ По словам Миддендорфа, этот побочный труд О.Н. Бётлингка «может поспорить с главным трудом иных ученых» (*Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1878. Ч. II. Отд. VI. С. 621*).

²³⁸ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. СПб., 1907. Т. 1.

что-нибудь новое, что не подметил для себя такой внимательный исследователь, как Бётлингк»²³⁹. Но, познакомившись с якутскими текстами Миддендорфа, Пекарский пришел в восхищение. В своем докладе он убедительно показал лингвистическое значение этих текстов и отметил, что, так как Бётлингк не внес эти тексты в свою работу, они все еще сохраняли «всю прелесть новизны»²⁴⁰. По мнению Пекарского, «тексты Миддендорфа могут сыграть роль отрывков из древних классиков: чем больше их изучаешь, тем больше находишь в них пищи для своего пытливого ума»²⁴¹. Пекарский писал также: «Подобно тому, как лингвист найдет много для себя ценного в текстах Миддендорфа, точно также и каждый этнограф, исследующий быт сибирских инородцев, никоим образом не должен пройти мимо этих текстов, пока их содержание не будет признано совершенно исчерпанным»²⁴².

В 1951 г. этнограф А.А. Попов не только обратил внимание на якутские тексты, приведенные в труде Миддендорфа, но и опубликовал их более совершенный перевод, чтобы сделать эти тексты доступными современным исследователям. При этом автор указывал на ошибки Миддендорфа и объяснял их причины, а также сравнивал оригинальные якутские слова с теми, которые услышал и записал Миддендорф. По мнению Попова, «несмотря на давность, его меткие замечания в отношении быта и языка до сих пор не утратили своего значения и даже в фольклорных записях сумели сохранить нам ценные крупницы старинной якутской поэзии»²⁴³.

О результатах этнографические исследования Миддендорфа в XIX и в XX столетиях написано не много. Сведения о местных народах в 1855–1856 гг. собирал в Приамурье Л.И. Шренк, — несомненно, по инициативе Миддендорфа. В труде «Об инородцах Амурского края» он неоднократно ссылался на сведения Миддендорфа как об отдельных народах, так и об их географическом распределении. Шренк упоминал и о том, что в архивных бумагах и рукописях Миддендорфа было большое количество сведений

²³⁹ Пекарский Э.К. Миддендорф и его якутские тексты // Зап. Вост. отд. Рус. археол. о-ва. 1907. Т. XVIII. Вып. 1. С. 047.

²⁴⁰ Там же. С. 046.

²⁴¹ Там же. С. 054.

²⁴² Там же. С. 059.

²⁴³ Попов А.А. Якутские записки А.Ф. Миддендорфа // Тюркологический сборник. 1951. Вып. 1. С. 155.

о «сношениях между русскими инородцами Амурского края». «Относително гиляков,— писал Шренк,— я обязан также некоторыми сведениями Миддендорфу, который познакомился с ними еще в 1844 г. на крайних северо-западных пределах их распространения. Он передал мне в рукописи свои заметки о гиляках этой местности и, так как я сам не был там, то сведения эти были для меня весьма интересны. Эти-то заметки я и имею в виду, когда ссылаюсь на него, не цитируя его сочинения»²⁴⁴.

Важность этнографических исследований Миддендорфа подчеркивал автор первого специального труда об этнографии якутов, В.Л. Серошевский²⁴⁵. Он посвятил свой труд «Памяти Александра Федоровича Миддендорфа». Эти слова помещены в начале труда на отдельной странице, как и портрет Миддендорфа с его автографом. О значении труда Миддендорфа для своего исследования Серошевский писал в предисловии, а в тексте сочинения многократно ссылался на данные из «Путешествия на север и восток Сибири».

Уже в советское время имя Миддендорфа встречается в сборнике «Памяти М.А. Кастрена». Во время своего путешествия по Сибири (1845–1848 гг.) Кастрен собрал материалы, на основе которых была создана первая тунгусская грамматика²⁴⁶. В.Г. Богораз-Тан (автор юбилейной статьи о Кастрене), отметив, что наблюдения о тунгусах Миддендорфа были беглыми, все же называл его основоположником тунгусоведения. Согласно Богораз-Тану, в труде Миддендорфа встречались тунгусские тексты, «отсутствующие у М.А. Кастрена, и весьма любопытные»²⁴⁷. Другой автор этого сборника, А.Н. Самойлович, привел мнение известного востоковеда В.Б. Бартольда, полагавшего, что экспедиция Миддендорфа имела одним из своих выдающихся последствий труд о якутском языке академика Бётлингга, который, в свою очередь, знаменовал собой начало новой эпохи в развитии тюрковедения²⁴⁸.

²⁴⁴ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1. С. 5–6.

²⁴⁵ Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. Т. 1.

²⁴⁶ Материалы Кастрена обрабатывал и издавал академик А.А. Шифнер, который воспользовался и собранными Миддендорфом тунгусскими словами «для интересных сравнений». Об этом упомянул сам Миддендорф (Путешествие... 1878. Ч. II. Отд. VI. С. 621), сообщив, что его тунгусские тексты Шифнер поместил в сочинение Кастрена «Grundzüge der Tungusischen Sprachlehre» (1856. С. XI–XV, 119–139).

²⁴⁷ Памяти М.А. Кастрена. Л., 1927. С. 21.

²⁴⁸ Там же. С. 77.

Несмотря на упомянутые мнения, анализ этнографических взглядов Миддендорфа отсутствует в трудах по истории этнографии, написанных и в XIX, и в XX вв. Историк А.Н. Пыпин имел своеобразные представления об этнографии. Поэтому в своей четырехтомной «Истории русской этнографии» он подробно рассматривал взгляды самых разных авторов — в основном писателей. (В его труде, согласно указателю, наиболее часто встречаются имена М.В. Ломоносова и Н.В. Гоголя). Пыпин упомянул о путешествии Миддендорфа, которое, по его словам, положило начало исследованиям в разных направлениях науки и было важно для решения судьбы Амурского края. Назвав труд о сибирской экспедиции Миддендорфа монументальным, Пыпин отметил, что там имелись сведения о разных народах Сибири и опубликован словарь, составленный Бётлингком²⁴⁹, однако не нашел нужным сказать хотя бы несколько слов о значении результатов исследований Миддендорфа для этнографии.

Автор «Истории русской этнографии» С.А. Токарев лишь две страницы уделил сведениям об «этнографическом материале» Миддендорфа. Токарев сообщил, что его материалы о народах обширны и ценны, так как собраны в неизученных областях Сибири, но односторонни, так как Миддендорфа больше всего интересовали антропологические типы²⁵⁰. Токарев не анализировал проблемы, затронутые в труде Миддендорфа, не пытался сравнить результаты его исследований с материалами других ученых или выяснить, какое влияние труд Миддендорфа оказал на ход дальнейших исследований.

Согласно Токареву, в 50–60-х годах XIX столетия в области российской этнографии преобладало в основном изучение фольклора и мифологии, и лишь в 70–80-е годы научные интересы исследователей переместились в сторону быта, семьи, общественной жизни. Следовательно, собирая сведения о семье, быте, обычаях и общественной жизни якутов еще в 40-х годах XIX в., Миддендорф обогнал свое время. К сожалению, этнографический отдел своего труда Миддендорф издал только в 70-х годах, но и в это время он все еще оставался в ряду первых исследователей этих проблем.

²⁴⁹ Пыпин А.Н. История... СПб., 1891. Т. 4. С. 287–290.

²⁵⁰ Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966. С. 222–223.

Токарев считал, что бóльшая часть этнографических материалов Миддендорфа погибла. Однако именно на основе собранных материалов Миддендорф написал раздел своего труда об этнографии. Уже отмечалось, что об этих материалах упоминал Л.И. Шренк и что якутская коллекция Миддендорфа находится в Музее антропологии и этнографии. Некоторые «этнографические предметы», привезенные Миддендорфом, еще в начале XX столетия хранились в подвале имения Гелленорм, где в 1920 г. их обнаружил сотрудник, собиравший материалы для Эстонского национального музея. (Предметы этой коллекции зарегистрированы в каталоге музея.)²⁵¹

В энциклопедическом словаре «Народы России» (М., 1994) имя Миддендорфа встречается в статье «Якуты». При этом о его роли в изучении этого народа не упоминается, лишь сообщено, что Миддендорф впервые в 1847 г. (?) записал якутские песни. В статье названа дата выхода словаря и грамматики Бётлингга, но не сказано, что они опубликованы в труде Миддендорфа. Так что и сегодня можно повторить слова Э.К. Пекарского: «приходит на память горькое замечание Д.А. Клеменца (в личной беседе), что значение Миддендорфа как ученого еще недостаточно оценено»²⁵².

²⁵¹ ERM. Pk C1. Л. 93–160. (Всего зарегистрировано 197 предметов).

²⁵² Пекарский Э.К. Миддендорф и его якутские тексты... С. 054.

Последствия экспедиции

Русское географическое общество

22 марта 1845 г. К.М. Бэр писал своему другу Ф.П. Врангелю: «В ближайшую субботу Миддендорф путешественник вечером будет у меня. Поэтому я прошу Вас, мой уважаемый покровитель, обрадовать нас также и Вашим присутствием»¹. Письмо это написано вскоре после возвращения Миддендорфа в Петербург из Сибирской экспедиции. Бэр приглашал Врангеля на очередное собрание «любителей статистики, географии и этнографии». Эти «любители» собирались еженедельно по субботам, чтобы услышать сообщения о новых книгах и картах, а также — о приключениях путешественников, приезжавших в Петербург².

На собрании, которое состоялось 24 марта, выступил Бэр с докладом об экспедиции Миддендорфа. Затем сам путешественник рассказал о некоторых результатах наблюдений в колодце Шергина в Якутске, а также показал карты Таймырского полуострова и пространства вблизи Охотского моря, составленные во время

¹ Переписка Карла Бэра по проблемам географии / Публикация, перевод и примечания Т.А. Лукиной. Л., 1970. С. 214. Бэр подчеркнул, что речь идет о путешественнике Миддендорфе, так как до этого в Петербурге был широко известен его отец Ф.И. Миддендорф — директор Главного педагогического института.

² Die Abend-Versammlungen der Statistiker und Reisenden — вечера-собрания статистиков и путешественников (так называл эти встречи в своих записках их инициатор П.И. Кёппен) происходили регулярно с октября 1843 г. В конце 1843 г. гостей принимали по очереди Кёппен и Н.И. Надеждин, а в 1844–1845 гг. Кёппен и Бэр (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174).

этой экспедиции. О своем путешествии Миддендорф рассказывал и 29 марта в гостях у Врангеля³.

По инициативе Бэра было решено устроить в честь Миддендорфа обед (как это делалось в Лондонском географическом обществе после окончания трудных экспедиций), чтобы все желающие смогли поздравить путешественника с благополучным возвращением. Бэр тщательно готовил будущий праздник, размышляя о составе гостей, помещении для их приема и даже о содержании тостов. «Фус хочет, не без чувства меры, чтобы обеду был придан возможно менее официальный характер,— писал Бэр Врангелю. — Министр [С.С. Уваров], следовательно, не будет приглашен, вице-президент [Академии наук] может быть приватно через Фуса. Мы пригласим также дипломатов, если они придут как друзья науки и как лица, которые радуются удачному исходу предприятия. При таких обстоятельствах и по этим соображениям, конечно, не приходится провозглашать ряд парадных тостов, и, поскольку Фус как неперемный секретарь Академии функционировать не хочет, я решил предложить главный тост за Миддендорфа — одновременно и в серьезной, и в шутиливой форме. Однако обсуждение порядка следования тостов и т.д. представляется необходимым. Для этого назначен вечер понедельника у меня. Вероятно, до этого будет осмотрено помещение»⁴.

Бэр позаботился даже о географической карте для просвещения гостей. В день обеда он писал Врангелю: «Много ли Вам доставит хлопот и затруднений, если Вы возьмете сегодня с собою в банкетную залу Вашу прекрасную настенную карту [Сибири?] и за час до обеда прикажете ее повесить? Для этого подойдут обычные гвозди. Я полагаю, что многие из гостей, не имеющие отношения к географии, охотно сориентировались бы в местности [Lokalität] путешествия — до или после банкета»⁵.

Обед состоялся 4 апреля 1845 г. в банкетной зале дома Энгельгардта на Невском проспекте. Благодаря стараниям Бэра, гостей было много (согласно сделанной тогда же записи П.И. Кёппена — 66 персон) — академики, офицеры Генерального штаба, известные мореплаватели, чиновники разных министерств, дипломаты,

³ СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 29.

⁴ Переписка Карла Бэра... С. 214–215.

⁵ Там же. С. 216.

родные и друзья путешественника⁶. Звучали тосты в честь Миддендорфа, Бэра (как инициатора экспедиции), российской науки.

После сообщения об истории и приключениях Сибирской экспедиции Бэр обратился к Миддендорфу с шуточным вопросом: «Действительно ли Вам больше нравится вкушать замороженную куропатку с якутским кумысом на просторах Становых гор, чем поглощать пулярку с шампанским в петербургском комфорте? Не находите ли, что мороженое господина Колона (Coulon) слаще, чем лед озера Таймыр? Не считаете ли, что соболя удобнее носить, чем на него охотиться? Лучше ли пустыня (desert) даже первого сорта [самая настоящая], чем десерт (dessert) превосходного качества? И не предпочтете ли Вы забайкальскому обществу такое, как это?»⁷.

Праздничный обед в честь Миддендорфа не остался только фактом его биографии, но послужил стимулом для появления в России Географического общества. В своем дневнике (11 октября 1845 г.) Ф.П. Литке писал: «Мысль о необходимости основания у нас Географического общества давно бродила у меня в голове. Особенно расшевелилась она после банкета, который мы дали возвратившемуся Миддендорфу»⁸. В связи с 25-летним юбилеем Русского географического общества К.М. Бэр напомнил, что во время этого банкета «было высказано сожаление о том, что в России нет общества, которое было бы способно оценить трудности проведения путешествий, и голос которого имел бы вес в ученом мире. Вспоминали, с каким триумфом Лондонское географическое общество приветствовало английских полярных исследователей. Не должна ли и Россия, где так много делается для расширения научных познаний, иметь такое же общество?»⁹

На основе воспоминаний Бэра и Литке в 1871 г. на торжественном собрании в честь юбилея Общества его секретарь Ф.Р. Остен-Сакен сообщил, что на обеде, «устроенном друзьями

⁶ Среди гостей были Ф.П. Литке, П.И. Рикорд, П.Н. Фус, П.И. Кёппен, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, В.Ф. Одоевский, А.К. Мейендорф и другие.

⁷ *Vaer K.E. v. Feier zu Ehren des Herrn von Middendorff // St. Petersburgische Zeitung. 1845. № 82. S. 357.*

⁸ См.: *Сухова Н.Г.* Первый вице-председатель Русского географического общества // Изв. РГО. 1997. Т. 129. Вып. 5. С. 1–2. Запись эта сделана вскоре после первого общего собрания РГО, которое состоялось 7 октября.

⁹ *Таммиксаар Э.* Географические аспекты творчества Карла Бэра в 1830–1840 гг. // *Dissertationes Geographicae Universitatis Tartuensis*, № 11. Tartu, 2000. С. 31.

и почитателями Миддендорфа, произошел первый обмен мыслей об учреждении Русского географического общества»¹⁰.

Как бы то ни было, разговоры во время банкета, несомненно позволили «первооснователям» (так в своих письмах Бэр назвал себя, Литке и Врангеля) решить, что сложились благоприятные условия для создания Общества, и они начали размышлять о конкретных шагах, которые следовало предпринять для реализации этой идеи.

История создания РГО излагалась неоднократно. Однако следует еще раз остановиться на предыстории Общества, сыгравшего существенную роль в процессе изучения России. По инициативе К.М. Бэра 25 апреля 1845 г. на квартире Ф.П. Литке собрались Ф.П. Врангель, П.И. Кёппен, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, В.И. Даль, Ф.Ф. Берг и Пл. А. Чихачев, чтобы «принять участие в рождении Географического общества». Этими словами Бэр приглашал Струве к Литке¹¹. Гости Литке (которых именно он назвал учредителями) решили подготовить для министра внутренних дел Л.А. Перовского докладную записку о необходимости создания Общества в России¹², а также составить его временный устав. Записку для Перовского и устав к 30 апреля составил Литке. 5 мая после очередного собрания статистиков и путешественников (которое состоялось у П.И. Кёппена) на уставе появились подписи всех учредителей. Затем записка и устав были переданы Перовскому, который должен был войти со всеподданейшим докладом к государю императору¹³. В этом докладе Перовский назвал общество Географо-статистическим и предложил назначить его президентом великого князя Константина Николаевича.

¹⁰ Двадцатипятилетие имп. Русского географического общества. СПб., 1872. С. 7.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 721. Оп. 1. № 98. Л. 1 об.

¹² 28 мая 1845 г. Бэр писал великой княгине Елене Павловне: «Мы с Литке, Врангелем и другими высиживали план большого географического общества в Петербурге. После того как, благодаря совместной работе, яйцо было готово, мы были вынуждены искать большую наседку, которая могла бы и хотела позаботиться о его дальнейшем развитии. Так как /.../ министр внутренних дел через одного наперника выказал свой живой интерес [к делу], яйцо было записано в его гнездо. Увидим, что из этого выйдет. /.../ Географическое или географо-статистическое общество, как это сейчас называется, будет иметь большое значение, так как оно должно в первую очередь содействовать более совершенному познанию Российской империи» (ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. № 697. Л. 1–2).

¹³ На записке учредителей для Перовского стоит дата 1 мая. Эта дата и считается датой передачи документов Перовскому и повторяется во всех работах об истории Общества. Вероятно, обозначена дата, когда Литке завершил работу по составлению записки. Но затем записку переписали — вставили в нее название «Географо-статистическое общество». А подписание устава учредители завершили только 5 мая.

Николай I, который 6 августа 1845 г. кончил читать проект устава, «на ходатайство учредителей означенного общества высочайше соизволил»¹⁴, т.е. разрешил создать Русское географическое общество. Государь не поддержал предложение Перовского называть общество Географо-статистическим, но одобрил его мысль назначить великого князя председателем Общества. Литке и великий князь в это время путешествовали. Письмо Перовского с сообщением о решении царя Литке получил 29 августа. На следующий день он писал Ф.П. Врангелю: «Приехав сюда вчера, был я обрадован официальным извещением от Перовского о счастливом результате нашего предприятия, видно в добрый час начато. Только избрание В. К. К. Н. [Великого князя Константина Николаевича] в *Председатели* (выделено Литке. — Авт.) для меня не совсем ясно — Попечителем, Проректором — так, но Председатель ведь лицо должностное. Впрочем, со временем все объяснится, а между тем на половине дороги не стоит останавливаться: hat man A sagen, muss auch B sagen, и это B состоит в том, чтобы к приезду Председателя в Петербург открыть Общество торжественно»¹⁵.

По предложению Литке 19 сентября Врангель собрал на квартире В.И. Даля в здании Министерства внутренних дел тех учредителей, которые тогда были в Петербурге¹⁶. На этой встрече учредители избрали вице-председателя Географического общества (Литке), членов временного совета общества, а также назвали имена его первых действительных членов, среди которых был и А.Ф. Миддендорф¹⁷.

Несмотря на то, что история основания Русского географического общества оказалась связанной с именем Миддендорфа¹⁸, сам он не был особенно активным его членом. Некоторое участие в делах РГО Миддендорф принимал главным образом в первые годы

¹⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. № 1892. Л. 34.

¹⁵ *Лукина Т.А.* К истории создания Русского географического общества // Изв. РГО. 1965. Т. 97. Вып. 6. С. 513.

¹⁶ Кроме Врангеля, в этот день у В.И. Даля собрались П.И. Кёппен, П.И. Рикорд, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, М.Н. Муравьев и К.И. Арсеньев. Следует отметить, что учредители все вместе никогда не собирались.

¹⁷ Арх. РГО. Ф. 1–1845. Оп. 1. № 5. Л. 71. В члены РГО Миддендорфа предложили П.И. Кёппен, Г.П. Гельмерсен и Ф.П. Врангель (Арх. РГО. Ф. 1–1845. Оп. 1. № 3. Л. 4).

¹⁸ Вероятно, имея в виду банкет по случаю своего возвращения, Миддендорф в труде о Сибирской экспедиции отметил: «первое звено настоящего нашего Географического общества публично выразило ко мне свое участие» (*Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 187).

существования Общества. В апреле 1846 г. он стал помощником Бэра по отделению этнографии и даже однажды выступил там с докладом, однако уже весной следующего года «отказался от звания помощника»¹⁹. Упомянувший об этом в письме к Ф.П. Литке секретарь Общества А.В. Головнин не сообщал о причинах «отказа». Известно, что Миддендорф в это время тяжело болел, но, более вероятно, что его, как и коллег немецкого происхождения, раздражал «квасной патриотизм» молодых русских членов Общества. Именно по этой причине Врангель в 1847 г., а Бэр в 1848 г. оставили посты управляющих отделениями²⁰.

В архиве РГО сохранились бумаги, относящиеся к деятельности отделения этнографии в 1846 г. Среди них находится и записка Миддендорфа²¹, из которой следует, что Н.И. Надеждин передал ему свою статью «Об этнографическом изучении народа русского». Миддендорф нашел статью «весьма любопытной», и 29 ноября этого года Надеждин выступил с докладом на общем собрании РГО²².

Деятельность Русского географического общества сыграла особую роль в истории этнографии. Первым управляющим отделения этнографии РГО в 1845 г. был избран Бэр. Именно в годы деятельности Бэра и Миддендорфа Общество организовало первую этнографическую экспедицию, была разработана первая инструкция для этнографических наблюдений, К.М. Бэр и Н.И. Надеждин опубликовали статьи об основных принципах этнографии как науки. Единственный доклад, с которым Миддендорф выступил в РГО, назывался «Самоеды как предмет этнографического исследования»²³. О своем выступлении Миддендорф вспомнил в отчете «Этнография» труда о Сибирской экспедиции.

В 1847 г. в Петербург привезли семейство самоедов и поселили на Неве, желая продемонстрировать их жизнь в естественных условиях. Миддендорф весьма критически отозвался об этой затее: «Денежный расчет побудил корыстолюбивых аферистов пре-

¹⁹ РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. № 35. Л. 10.

²⁰ *Сухова Н.Г.* Русское географическое общество и Академия наук в XIX в. // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков. СПб., 2010. С. 569–570.

²¹ Арх. РГО. Ф. 1–1846. Оп. 1. № 4.

²² Краткие отчеты о собраниях РГО с ноября 1846 по декабрь 1847 года. СПб., 1847. С. 4–5. В следующем году статья Н.И. Надеждина была опубликована в «Записках РГО» (1847. Кн. 2).

²³ Краткие отчеты... С. 24.

поднести нам эту этнографическую редкость», причем самоеды на Неве «продержались с почетом и барышом дольше итальянской оперы»²⁴. Миддендорф решил предложить коллегам по Географическому обществу научный взгляд на проблему «инородцев». Рассказывая о «петербургских самоедах» Миддендорф показал и их портреты, сообщив, что рисунки «восточных самоедов», а также портреты других сибирских народов будут опубликованы позже.

Миддендорф не ограничился рассуждениями о характерных чертах северных народов. Сравнивая особенности разных типов «инородцев», ученый рассуждал и о строении их черепов. При этом Миддендорф пришел к выводу, что череп, до тех пор считавшийся славянским типом, в действительности относится к финскому. Более того, Миддендорф позволил себе сравнить череп человека и обезьяны. Упоминая об этом докладе в своем труде, он вспоминал: «приняв рассмотрение черепа обезьяны за исходную форму видоизменения человеческого черепа, я расшевелил пчелиный рой квасного национального чувства». И затем нашел нужным подчеркнуть: «Как с тех пор Дарвинова теория успела все-таки охладить чувства людей относительно происхождения человека от обезьяны!»²⁵ Вероятно, из-за дерзкого сравнения человека и обезьяны статью не напечатало ни одно научное издание, и много лет спустя это весьма огорчало автора. Доклад Миддендорфа опубликовали только немецкие «Санкт-Петербургские ведомости»²⁶.

В 1846 г., когда возникла идея экспедиции для исследования Северного Урала, Миддендорфа включили в состав комиссии, обсуждавшей программу экспедиции, и он составил инструкцию для зоологических и ботанических наблюдений²⁷. Кроме того, Миддендорф рекомендовал для участия в экспедиции Т.-Э. Бранта (который сопровождал его во время путешествия по Сибири).

В марте и апреле 1847 г. в Обществе обсуждался вопрос о словаре русской географической терминологии. Идея словаря принадлежала Я.В. Ханыкову, одному из наиболее интересных русских мыслителей середины XIX столетия в области теоретической географии.

²⁴ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1878. Ч. II. Отд. VI. С. 625.

²⁵ Там же. С. 624, примечание 1.

²⁶ Die Samojuden in Petersburg, als Gegenstand der ethnographischen Forschung. Nach einem von Herrn v. Middendorff gehaltenen Vortrag // St. Petersburgische Zeitung. 1847. № 76–77.

²⁷ Арх. РГО. Ф. 1–1846. Оп. 1. № 5. Ч. 1. Л. 101, 106 об.

Рассуждая о необходимости словаря для теоретической географии и важности точного употребления терминов при обозначении географических понятий, Ханыков, между прочим, упомянул о том, что А. Гумбольдт в своем труде «*Asie centrale*» соединил Уральский хребет с плато Усть-Урт. По мнению Гумбольдта, в одну орографическую систему могут входить части, имеющие разное геологическое строение. Между тем, в это время более широко были распространены представления, согласно которым к одному хребту (системе гор) следует относить лишь части, сходные в геологическом отношении.

Г.П. Гельмерсен еще в 1836 г. выяснил, что геологическое строение Мугоджарских гор сходно с геологическим строением Уральского хребта, но отличается от геологического строения плато Усть-Урт²⁸. Поэтому Гельмерсен считал, что именно Мугоджары, а не Устюрт, являются южной оконечностью Урала, и отмечал ошибочность взгляда Гумбольдта, присоединявшего Усть-Урт к Уральским горам. Такой взгляд разделял и Я.В. Ханыков, сообщивший об этом самому Гумбольдту.

Не видя в рассуждениях Ханыкова о словаре связи с взглядами «берлинского географа», Миддендорф решил защитить Гумбольдта от «упрека» Ханыкова. Он составил особую статью, которую прислал А.В. Головнину и просил на очередном заседании Общества «выложить ее на стол для просмотра господам членам, обратившим на этот предмет особое внимание»²⁹. В статье Миддендорф сообщил, что, ознакомившись с работами геологов, которые писали об Уральских горах, пришел к выводу, что Гумбольдт прав. «Имея в виду все сии свидетельства о существовании цепи гор, соединяющей не только в орографическом, но даже и в геогностическом отношении Урал с Мугоджарским хребтом, а следственно с Усть-Уртом, как это видно из карты самого Ханыкова, мы не видим никакой несообразности в том, что Гумбольдт соединяет Урал с Усть-Уртом. Итак, Гумбольдт /.../ не согрешил против географической терминологии и передал ясные и действительно основанные на фактах понятия о настоящей природе сей страны»³⁰. Впрочем, Миддендорф обратил внимание и на то, что Гумбольдт назы-

²⁸ Гельмерсен Г.П. Орографическое и геогностическое описание части Киргизской степи // Горн. журн. 1836. Ч. 4. Кн. 11. С. 308.

²⁹ Арх. РГО. Ф. 1–1847. Оп. 1. № 2. Л. 75.

³⁰ Там же. Л. 85.

вал Урал цепью (chaîne), а Усть-Урт — плато (plateau), тем самым указывая на их различия.

Активную реакцию Миддендорфа на замечание Ханькова можно объяснить только чрезвычайным уважением к знаменитому естествоиспытателю. При этом доводы Миддендорфа были несколько противоречивы, так как начал он с того, что Гумбольдт различал горную цепь и плато, а кончил утверждением, что тот был прав, соединяя Урал с Усть-Уртом. С современных позиций в споре Миддендорфа с Ханьковым более прав был последний. Но мнение Гумбольдта, соединявшего Усть-Урт с Уралом, находило поддержку некоторых ученых и во второй половине XIX столетия.

Дискуссия об Усть-Урте (теперь Устьурт) стала единственным событием в деятельности Географического общества, в котором Миддендорф принял активное участие. Затем он, в основном, со стороны следил за тем, что там происходило, хотя время от времени имя Миддендорфа и появлялось на страницах изданий РГО.

В 1850 г. в Русском географическом обществе возникла идея организовать экспедицию для изучения Камчатки. До 1853 г. планы экспедиции были весьма неопределенны. Хотя в предисловии к инструкциям³¹ упоминалось, что область исследований была определена после «сношения» вице-председателя РГО (М.Н. Муравьева) с генерал-губернатором Восточной Сибири (Н.Н. Муравьевым), скорее всего — серьезного обсуждения не было. Во всяком случае, в 1853 г. планы экспедиции существенным образом изменились. Выяснилось, что «Камчатский полуостров по своим скудным средствам не может удовлетворить необходимым потребностям экспедиции в том составе и в тех размерах, как предполагалось и как бы желательно было для полного и подробного изучения края»³². Так писал автор безымянной и безадресной

³¹ Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Русским Географическим обществом. СПб., 1852. С. 2. О разнообразии и наивности мнений о задачах экспедиции свидетельствует также протокол заседания комиссии по организации экспедиции, которое состоялось 27 декабря 1852 г. (РНБ. Ф. 660. № 4).

³² Арх. РГО. Ф. 1—1855. Оп. 1. № 51. Л. 9. Записка не имеет даты, но в ней идет речь об экспедиции в Забайкальский край, в которой принимал участие геолог Н.Г. Меглицкий, т.е. о Забайкальской экспедиции под руководством полковника Генерального штаба Н.Х. Агте, состоявшейся в 1850—1852 гг. В записке упоминается о завершении изучения Забайкальского края «в нынешнем году», таким образом она написана, вероятно, в 1852 г.

записки, в которой было указано то пространство, в пределах которого затем велись исследования.

Миддендорф, избранный членом комиссии Общества по организации экспедиции, должен был вместе с Ф.Ф. Брандтом заниматься составлением инструкции по зоологии. Однако участия в этой работе он не принимал, а сделал лишь некоторые замечания на инструкцию, составленную Брандтом³³.

Сибирская экспедиция РГО, изучавшая Забайкальскую область и Приамурский край, имела два отряда — математический и физический. Математический отряд под руководством астронома Л.Э. Шварца в 1855–1858 гг. вел топографические съёмки и астрономические наблюдения; начальником физического отряда, который вел исследования в 1859–1862 гг., был геолог Ф.Б. Шмидт.

Как уже отмечалось, Миддендорф был знаком с тремя участниками Сибирской экспедиции — Л.Э. Шварцем, Г.И. Радде и Ф.Б. Шмидтом и переписывался с ними. После окончания экспедиции Миддендорф обсуждал с Радде план его труда. Со Шварцем Миддендорф обсуждал проблему создания новой общей карты Сибири. В 1861 г. Шварц писал Миддендорфу: «Вы обработали общие физические условия Восточной Сибири так тщательно, что я почти ничего не смог добавить»³⁴. Результаты своих наблюдений с Миддендорфом обсуждал и Шмидт.

Миддендорф сам не публиковал статьи в изданиях РГО. Однако в 1857 г. послал Ф.П. Литке письмо, в котором изложил результаты своих исследований «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. Чертежи Ремезова Миддендорф обнаружил, занимаясь историей познания Сибири, и полагал, что общий чертеж Сибири, содержащийся в «Чертежной книге», может помочь восстановлению «Большого чертежа». Проблема его восстановления в это время обсуждалась в Обществе. Письмо Миддендорфа Литке нашел весьма интересным и опубликовал в «Вестнике РГО»³⁵.

³³ Свод замечаний на инструкции, составленные для Камчатско-Сибирской экспедиции РГО. СПб., 1854. С. 155–156.

³⁴ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 28.

³⁵ Письмо неперменного секретаря имп. Академии наук А.Ф. Миддендорфа к г. вице-председателю Русского географического общества // Вестн. РГО. 1857. Ч. 21. Кн. 2. Отд. V. С. 1–4.

Литке опубликовал также присланные ему в 1857 г. Миддендорфом письма Л.И. Шренка³⁶, который по инициативе Миддендорфа в 1854–1856 гг. вел исследования на Амуре и Сахалине. Шренк сообщал о своих наблюдениях в письмах к Миддендорфу (как непременно секретарю Академии наук), а тот отправлял их Литке, полагая, что сведения о неизученных до тех пор местностях полезно знать членам Географического общества.

В 1859 г. увидел свет первый отдел 4-го тома немецкого издания труда Миддендорфа о Сибирской экспедиции. 21 июля этого года К.М. Бэр писал Ф.П. Литке: «Этот 4-й том оказался очень объемным. Он содержит настоящую энциклопедию всевозможных сведений о Сибири. По-моему, этот труд должен непременно получить премию. Тут может быть только один вопрос, не следует ли подождать еще одного следующего выпуска»³⁷. И уже в 1861 г. (после публикации отделов «География» и «Орография и геогнозия» на русском языке) Миддендорф был награжден Константиновской медалью. Рецензию, на основе которой была вручена медаль, написал П.П. Семенов³⁸.

Русское географическое общество активно содействовало организации экспедиций для изучения Средней (Центральной) Азии. К обсуждению планов двух таких экспедиций оказался причастным и Миддендорф.

Вопрос о необходимости исследования старого русла Аму-Дарьи обсуждался в РГО еще в 60-х годах. Но тогда пространство это было недоступно для исследований. В 70-х годах ситуация изменилась. Во время Хивинского похода, организованного в 1873 г. генерал-губернатором Туркестана К.П. Кауфманом, велась и съёмки вблизи сухого русла Аму-Дарьи. 14 апреля 1873 г. на заседании Совета РГО было прочитано письмо начальника Военно-топографического отдела Кавказского военного округа И.И. Стебницкого, который сообщал, что «им приняты все меры, чтобы вопрос о сухом русле Аму-Дарьи получил дальнейшее развитие во время

³⁶ Письмо Леопольда Шренка к непременно секретарю Академии наук // Вестн. РГО. 1857. Ч. 19. Кн. 1. Геогр. изв. С. 6–13; Извлечение из письма Леопольда Шренка... // Там же. С. 13–20.

³⁷ Переписка Карла Бэра... С. 121.

³⁸ Отчет РГО за 1861 г. СПб., 1862. С. 40–41; *Семенов П.П.* Сочинение академика Миддендорфа «Сибирское путешествие» // Зап. РГО. 1862. Кн. 1, библиография и критика. С. 8–12.

движения Красноводского и Мангышлакского отрядов на Хиву»³⁹. Стебницкий писал также, что офицеры-топографы были снабжены инструкциями и инструментом для съёмок, и что по пути следования Хивинского отряда велось барометрическое нивелирование.

21 декабря того же года в заседании РГО А.И. Глуховских, один из участников Хивинского похода, предложил организовать Аму-Дарьинскую экспедицию для выяснения связи современной дельты Аму-Дарьи с историей Аральского бассейна и изучения ее старого русла. Тогда же была создана комиссия для разработки плана экспедиции, поручившая недавно избранному вице-председателю Общества П.П. Семенову «войти в сношение с теми из русских естествоиспытателей, которые наиболее соответствуют предположенной цели, и принять на себя соглашение с одним из них относительно участия его в экспедиции»⁴⁰.

Семенов нашел нужным «войти в сношение» с Миддендорфом. Приглашая его принять участие в исследованиях на Аму-Дарье, Семенов отправил ему в Гелленорм программу работ будущей экспедиции. Об этом мы узнаем из ответного письма Миддендорфа к Семенову, написанного 10 марта 1874 г. Миддендорф благодарил Общество за оказанную ему честь и одобрял программу, но сообщал, что сможет отправиться в путешествие не раньше осени, а также о том, что в 1874 г. на Аму-Дарью посылает экспедицию Общество естествоиспытателей Петербургского университета. «Нужен ли в таком случае 4-й отдел Аму-Дарьинской экспедиции?» — спрашивал Миддендорф⁴¹. Кроме того, он считал, что натуралисту экспедиции должна быть представлена известная самостоятельность, а исследованиям должна предшествовать нивелировка: «без выполнения точной нивелировки между уровнями сказанных двух средиземных морей лучше не пускаться на геолого-географические выводы, для которых эта нивелировка должна служить краеугольным камнем»⁴².

18 марта Семенов изложил содержание письма Миддендорфа во время заседания Совета РГО⁴³. Совет постановил не только «про-

³⁹ Изв. РГО. 1873. Т. 9. Действ. общ. С. 102.

⁴⁰ Изв. РГО. 1874. Т. 10. Действ. общ. С. 178.

⁴¹ Арх. РГО. Ф. 1—1874. Оп. 1. № 2. Л. 61 об.

⁴² Там же. Л. 62.

⁴³ Изв. РГО. 1874. Т. 10. Действ. общ. С. 163.

должать сношения с почетным членом Академии наук А.Ф. Миддендорфом», но и обсудить с Кавказским и Оренбургским отделами РГО возможности нивелировки, а также «войти в ближайшее сношение с Обществом естествоиспытателей при Петербургском университете относительно взаимного содействия и разделения трудов между экспедициями этого Общества и естественноисторическим отделом географической экспедиции»⁴⁴.

27 марта Семенов сообщил о результатах своих переговоров с Миддендорфом в комиссии по снаряжению Аму-Дарьинской экспедиции. Он сказал, что Миддендорф не может отправиться раньше осени и считает, что главной целью его исследований должно быть сухое русло Аму-Дарьи. Тогда же комиссия по снаряжению экспедиции «признала желательным и полезным» пригласить геолога, ботаника и натуралиста, которые будут вести исследования независимо от Миддендорфа.

3 мая 1874 г. в заседании Совета РГО было прочитано письмо Миддендорфа к Семенову, в котором он писал о «полном согласии принять на себя исследования, поручаемые ему Обществом в области сухого русла прежнего течения Аму-Дарьи в Каспийское море»⁴⁵. В состав экспедиции должны были войти два его помощника и препаратор, а также партия топографов из Кавказского военно-топографического отдела. Эта партия, как отмечалось в протоколе заседания, «по соглашению с академиком Миддендорфом и по его указаниям прошла бы нивелировкой сухое русло между Каспийским морем и Аму-Дарьей до соединения с нивелировкой по этой реке, входящей в программу действия Аму-Дарьинской экспедиции»⁴⁶. Вслед за этим было оглашено также содержание телеграммы Кавказского наместника, которой извещал, что экспедиция будет обеспечена защитой до Сарыкамыша (Сарыкамышской впадины).

Однако уже на следующем заседании Совета (14 мая) Семенов сообщил, что Миддендорф отказался ехать в экспедицию. От полковника Стебницкого⁴⁷ Миддендорф узнал, что «ранее конца лета не могут быть получены положительные сведения о спокойствии

⁴⁴ Там же. С. 164.

⁴⁵ Там же. С. 237.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ И.И. Стебницкий (с 1867 г. начальник Военно-топографического отдела Кавказского военного округа) в 1874 г. приезжал в Петербург.

в Закаспийском крае, без чего успех экспедиции не может быть обеспечен, и что при этом условии — даже в случае благоприятных обстоятельств — не оставалось бы уже достаточно времени сделать все необходимые приготовления к снаряжению экспедиции в начале осени нынешнего года»⁴⁸.

Стебницкий и Семенов полагали, что экспедицию можно было бы перенести на 1875 г., но, по мнению Миддендорфа, исследования могли потребовать и более одного года, а это возможно «не иначе как при совершенно благоприятных условиях в отношении спокойного состояния края». Узнав о мнении Миддендорфа, Совет РГО принял решение выразить ему «живейшую и глубокую признательность /.../ за обсуждение этого дела и его горячую готовность принять участие в экспедиции», а также «сложить с него принятое им обязательство по участию в Узбойской экспедиции»⁴⁹.

В 1874 г. П. П. Семенов также сообщил Совету РГО, что обсуждал с Кауфманом вопрос о снаряжении в следующем году экспедиции для исследования Памирского нагорья. Он предлагал обсудить в Обществе цель, состав экспедиции, программу исследований и размер необходимых средств уже в 1874 г., а также пригласить Миддендорфа «к участию в подготовительных работах и к обсуждению этого вопроса»⁵⁰. Экспедиция должна была иметь, прежде всего, политические цели. Хотя Миддендорфу «настойчиво предлагали» возглавить экспедицию «с некоторой сотней казаков», от этой чести он отказался⁵¹.

Как уже упоминалось, в 1878 г. Миддендорф вел исследования в Ферганской долине. 7 ноября 1877 г. секретарь Географического общества сообщил в общем собрании о будущей экспедиции для исследования сельскохозяйственных и экономических условий Туркестана: «Имея в виду первостепенную важность названного вопроса для экономического благосостояния страны, генерал-адъютант фон Кауфман признал наиболее целесообразным поручить это дело особой экспедиции, и вошел по этому поводу в соглашение с вице-председателем Общества, которого просил принять на себя посредничество между ним и лицами, имеющими войти в состав

⁴⁸ Изв. РГО. 1874. Т. 10. Действ. общ. С. 329.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Изв. РГО. 1874. Т. 10. Действ. общ. С. 329–330.

⁵¹ A. Th. v. Middendorff an B. von Uexküll, Pörrafer, 25. November 1881 // PAAvU.

экспедиции /.../ Академик А.Ф. Миддендорф, который так счастливо соединяет в себе научные познания с достоинством испытанного путешественника и с практической опытностью одного из лучших агрономов России, согласился принять на себя труд главного деятеля экспедиции»⁵². О самой экспедиции в Ферганскую долину в изданиях РГО сообщалось очень коротко⁵³.

Когда Миддендорф скончался, в отчете Общества за 1894 г. он был назван одним из знаменитейших путешественников XIX столетия и кратко излагались его биография и история Сибирской экспедиции. Сведения об участии Миддендорфа в работе РГО ограничились упоминанием о том, что в 1861 г. он получил Константиновскую медаль, а в 1883 г. был избран почетным членом Общества.

«Чертежная книга Сибири» С.У. Ремезова

Собирая сведения об истории познания Сибири, А.Ф. Миддендорф познакомился практически со всеми основными ее картами. Из трудов Н. Витсена и Г. Миллера он узнал о чертежах Сибири, которые в XVII столетии в Тобольске составлял С.У. Ремезов, но в начале XIX в. считалось, что чертежи Ремезова утрачены. Однако Миддендорф обнаружил сведения о «Чертежной книге Сибири», составленной Ремезовым, в «Описании русских и словенских рукописей Румянцевского музеума», изданном академиком А.Х. Востоковым⁵⁴. В этом описании Востоков рассказал о чертежах, входивших в «Книгу», определил их характерные черты, указал на существование голландских надписей на чертежах и опубликовал «Писание до ласкового читателя» Ремезова — предисловие к «Чертежной книге», позволявшее узнать историю ее создания.

⁵² Изв. РГО. 1878. Т. 14. Действ. общ. С. 33.

⁵³ Отчет имп. Русского географического общества за 1878 г. СПб., 1879. С. 41; Изв. РГО. 1878. Т. 14. Отд. 2. Мелкие известия. С. 116; Изв. РГО. 1879. Т. 15. Отд. 1. Журн. заседания. С. 38–39.

⁵⁴ Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 483–487.

О результатах своих исследований Миддендорф сообщил в письме к вице-председателю Русского географического общества Ф.П. Литке⁵⁵, так как знал, что в Обществе в это время обсуждался вопрос о восстановлении «Большого чертежа». По мнению Миддендорфа, общий чертеж Сибири, составленный Ремезовым, мог помочь решению такой задачи. «Большой чертеж» включал часть Сибири (пространство до Оби и «Киргизские степи»), а чертеж Ремезова охватывал и часть Европейской России до Белого моря, Волги и Каспийского моря. Именно поэтому чертеж «отчасти мог служить заменой даже самого Большого чертежа и во всяком случае основанием для восстановления его»⁵⁶.

Предисловие Ремезова и надписи на чертежах позволили Миддендорфу сделать целый ряд интересных выводов об истории создания «Чертежной книги», большая часть которых впоследствии подтвердилась. Согласно Миддендорфу, чертежи создавались в разное время. Лишь немногие из них составлены самим Ремезовым, большая часть — копии с чертежей Сибирского приказа в Москве. Миддендорф обнаружил также, что «Чертежная книга Сибири» — не первый, а второй «атлас», подготовленный под руководством Ремезова. Кроме того, он пришел к выводу, что существовало описание к «Чертежной книге» — «особый список», который еще не был найден.

Голландские надписи на чертежах позволили Миддендорфу предположить, что экземпляр «Чертежной книги», описанный Востоковым, в прошлом принадлежал Н. Витсену⁵⁷. По мнению Миддендорфа, Ремезов и Витсен (первым опубликовавший «славную» карту Сибири) пользовались одними и теми же чертежами Сибирского приказа. В 40-х годах XIX в. первой картой Сибири считали карту 1672 г. Но Миддендорф в «Чертежной книге» Ремезова на-

⁵⁵ Письмо неперменного секретаря Императорской Академии наук А.Ф. Миддендорфа к г. вице-председателю Русского географического общества // Вестн. РГО. 1857. Ч. 21. Отд. V. С. 1–4.

⁵⁶ Там же. С. 4.

⁵⁷ Н. Витсен (будущий бургомистр Амстердама) в 60-х годах XVII в. с голландским посольством был в Москве. Тогда же он начал собирать материалы о Сибири и продолжал собирать их, возвратившись в Голландию. На основе этих материалов к концу столетия Витсен составил карту Сибири и труд «Noord en oost Tartaryen» (Amsterdam, 1692). Недавно издан русский перевод этого труда: *Vitsen H.* Северная и Восточная Тартария / Копанева Н.П. (Сост.). Амстердам, 2010. Т. 1–3.

шел сведения о том, что еще в 1667 г. был составлен и даже напечатан первый «чертеж Сибирской земли».

В «Путешествии на север и восток Сибири», отмечая примитивность чертежей Ремезова с точки зрения XIX столетия, Миддендорф подчеркнул важность этих чертежей для создания более верных представлений о Сибири в XVII и начале XVIII столетий, когда об этой части страны даже в России были весьма скудные сведения. «Несмотря на всю их чудовищность, эти первые карты, как Западная Европа, так особенно Россия, должны были принять с решительною благодарностью, — писал Миддендорф. — /.../ С помощью их можно было с приблизительною верностью представить себе положение известнейших областей по странам света, которые обозначены на них магнитною стрелкой»⁵⁸.

Общую карту Сибири Ремезова Миддендорф считал «точкою поворота», которая имела существенное влияние на улучшение изображения всего края. По словам Миддендорфа, «точность, с какою Ремезов положил на карту населеннейшую окружность Тобольска и в том числе даже многие рукава Оби, тщательность, с какою показаны у него поселения на Енисее, его изображение Амурского края и тогдашнего этнографического положения Сибири — все это дает его атласу больше значения, чем какой-нибудь археологической редкости. Скажем больше: из него, как и из некоторых старинных трудов этого рода, можно почерпнуть кое-что для улучшения даже новейших карт России»⁵⁹.

Миддендорф не только привлек внимание к чертежам Ремезова, но и первым опубликовал его общий чертеж Сибири в «Атласе» к немецкому изданию своего труда (1859) и в первом отделе его русского издания (1860). По мнению Миддендорфа, «Сибирский чертеж» Ремезова «содержит в себе несравненно больше, чем представляет на первый взгляд»⁶⁰.

Неизвестно, воспользовались ли мнением Миддендорфа авторы, пытавшиеся в XIX в. воссоздать «Большой чертеж», но его «Письмо», опубликованное в 1857 г., оказало влияние на дальнейшую историю «Чертежной книги». Были сделаны ее копии для библиотеки

⁵⁸ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 38.

⁵⁹ Там же. С. 39.

⁶⁰ Там же. С. 36.

Академии наук (1858), а также для Археографической комиссии (1861). Копия Археографической комиссии послужила основой для издания в 1882 г. «Чертежной книги Сибири» фотолитографическим способом⁶¹. Автор предисловия отметил, что именно Миддендорф в 1857 г. привлек внимание ученых к этой «Книге» Предисловие включало также обширную цитату из труда Миддендорфа «Путешествие на север и восток Сибири», в которой определялось значение чертежей Ремезова для истории картографии Сибири⁶².

Несмотря на то, что в предисловии к «Чертежной книге Сибири» отмечалось, что Миддендорф ввел ее в научный оборот, об этом не считали нужным упоминать историки картографии (даже те, кому было известно имя Миддендорфа) — ни в конце XIX, ни в начале XX в.

Впервые о заслугах Миддендорфа в этом отношении сообщил географ М.С. Боднарский. Будучи знаком с работой Миддендорфа 1857 г., и с его мнением о чертежах Ремезова, изложенным в «Путешествии на север и восток Сибири», Боднарский обратил внимание и на то, что в своем труде Миддендорф поместил общий чертеж Сибири, составленный Ремезовым⁶³. О роли Миддендорфа в истории распространения сведений о «Чертежной книге Сибири» в своих «Очерках по источниковедению Сибири в XVII в.» упоминал историк А.И. Андреев. Знал он и о том, что автор предисловия к опубликованной «Чертежной книге» приводил отзыв Миддендорфа о чертежах Ремезова⁶⁴.

Однако Л.А. Гольденберг в книге «Семен Ульянович Ремезов» главу, посвященную истории изучения «Чертежной книги Сибири», начинает с 1882 г. — года её издания. И лишь в конце книги сообщает, что первым исследователем «Чертежной книги Сибири» был Миддендорф, и даже приводит длинную цитату из его «Путе-

⁶¹ Издание было приурочено к 300-летию со времени присоединения Сибири к России.

⁶² «Чертежную книгу Сибири» С. Ремезова Археографическая комиссия подарила А.-Э. Норденшельду. Благодаря этому он обратил внимание на сведения Ремезова о карте Сибири П. Годунова 1667 г. и нашел в Швеции копии этой карты. Норденшельд первым описал карту Годунова в особой статье, переведенной и на русский язык. (Норденшельд А. Первая карта северной Азии, основанная на действительных наблюдениях // Зап. Военно-топографического депо отдела Главного штаба. СПб., 1889. Т. 44. С. 1–11 (отд. пагинация)).

⁶³ Боднарский М.С. Первые русские географические атласы // Землеведение. 1932. Т. 39. Вып. 1–2. С. 95.

⁶⁴ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1939. С. 52, 61, 65.

шествия на север и восток Сибири»⁶⁵. Из этой цитаты читатель может узнать мнение Миддендорфа о важности чертежей Ремезова для изучения истории географического познания Сибири. (Между тем, на предыдущих страницах автор книги упрекал Миддендорфа за то, что тот не оценил значения этих чертежей)⁶⁶.

Проблема мамонта

Проблема мамонта интересовала ученых еще в XVIII столетии. В начале XIX в. сведения о находках мамонтов приобрели особое значение в связи развитием геологии и палеонтологии. Ученые полагали, что изучение этого древнего животного могло помочь выяснению истории прошлого как Земли в целом, так и её органического мира.

Первый целый труп мамонта был обнаружен в дельте реки Лены в 1799 г. В 1805 г. в Пекин было отправлено российское посольство, в составе которого были и ученые. Посольство в Китай не пустили, а адъютнту Петербургской академии наук М.И. Адамсу, сопровождавшему посольство, было поручено заняться естественноисторическими исследованиями в Восточной Сибири. Узнав о том, что местные жители видели труп мамонта, Адамс отправился к дельте Лены, где на Быковском мысу нашёл этого мамонта, на теле которого сохранились куски кожи и длинные волосы, а на голове — глаз и ухо. Останки мамонта были доставлены в Петербург в Академию наук, и таким образом ученые впервые получили возможность изучать это «допотопное» животное⁶⁷.

В 1843 г., путешествуя по Нижней Таймыре, Миддендорф видел в мерзлой почве скелет мамонта. «Когда я на Нижней Таймыре почти под 75° с.ш. нашел скелет мамонта, я был в таком жалком положении, что нельзя было и думать об откапывании вмерзших

⁶⁵ Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965. С. 183.

⁶⁶ Там же. С. 133.

⁶⁷ Термин «допотопные животные», т.е. существовавшие до библейского потопа, сохранился в научной литературе в XIX в. и после того, как потеряла свое значение непуническая гипотеза.

частей остова; между тем, однако ж, лежали открыто некоторые части черепа с одним коренным зубом, который я взял с собой, несколько ребер, таз, верхнее и нижнее бедра»⁶⁸. Но коллекции, которые были собраны во время плавания по Нижней Таймыре, погибли вместе с лодкой вблизи западного берега Таймырского озера. Позже Миддендорф пришел к выводу, что здесь некогда находился целый труп мамонта и «животное истлело на том самом месте, где нашелся его остов»⁶⁹.

Находка мамонта на Таймыре заставила Миддендорфа при обработке материалов своей экспедиции заняться изучением всех имевшихся сведений о «допотопных животных». В описании Сибирской экспедиции Миддендорф изложил историю этих находок; его очерк стал первым в ряду последующих статей на эту тему. (Первое достоверное сообщение о мамонте Миддендорф обнаружил в труде о Сибири Н. Витсена.)

Анализ уже имевшихся до тех пор сведений позволил Миддендорфу предложить свои соображения о времени и условиях существования мамонтов, области их распространения и причинах гибели. Миддендорф полагал, что мамонты жили в средней и южной Сибири в эпоху, когда климат там был близким к современному. Они погибали в течение тысячелетий, а не все в одно время, как полагали сторонники теории катастроф, рассуждая об истории развития земного шара. Миддендорф считал, что вымирание мамонтов было связано с постепенным охлаждением земной поверхности, происходившим на рубеже плиоценового и постплиоценового периодов⁷⁰. Уже погибших мамонтов половодья рек уносили к северу в местности, где они никогда не водились. Севернее полярного круга обычно находили только отдельные кости и бивни. Согласно Миддендорфу, мамонты погибали, завязнув в топкой болотистой (илистой) почве, только благодаря этому они могли сохраниться в целом виде и тем более — в стоячем положении. Вопросы о том, когда же мамонты оказались в замороженном состоянии, Миддендорф не ставил. Вместе с тем он предлагал ученым

⁶⁸ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1861. Ч. I. Отд. II. С. 267.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ В XIX столетии геологическая шкала еще не была окончательно разработана. Плиоценовый период приблизительно соответствовал концу третичной эпохи, а постплиоценовый — началу четвертичной эпохи.

подумать, почему в Сибири не находят трупов белых быков, мускусных животных и других крупных полярных животных, живущих в настоящее время.

По мнению Миддендорфа, он первым обратил внимание на то, что знаменитый «мамонт Адамса» был найден в вечной мерзлоте. Между тем, Бэр считал, что эту мысль уже он высказал в своей инструкции для Миддендорфа⁷¹. Из описания Адамса было не совсем ясно, в каких условиях тот обнаружил мамонта⁷². Рассуждения Бэра позволяли Миддендорфу считать, что, «мамонт Адамса» «на Быковском мысу был окружен льдом морского происхождения»⁷³. Дискуссия о том, как следует понимать сведения Адамса в изложении Бэра, продолжалась почти до конца столетия.

В конце 1859 г. Миддендорф обратился в Общество испытателей природы при Московском университете, желая получить сведения об остове мамонта, обнаруженного в низовьях Енисея еще до его путешествия и переданного в Общество. В связи с этим И.Б. Ауэрбах — редактор «Вестника естественных наук», издававшегося Обществом, — просил Миддендорфа прислать для журнала статью о мамонте⁷⁴. Миддендорф отправил в «Вестник» рукопись немецкого текста, написанного для второго отдела четвертого тома своего труда. Статья была переведена на русский язык и опубликована⁷⁵.

Изучение сведений о находках «допотопных животных» привело Миддендорфа к выводу, что их обнаруживали приблизительно раз в 30 лет. Но ученые узнавали о таких находках значительно позже, когда хищные звери и собаки съедали мясо и растаскивали кости, или трупы мамонтов и носорогов просто гнивали.

⁷¹ *Baer K.E. v. Materialien zur Kenntniss des unvergänglichen Boden-Eises in Sibirien. Unveröffentlichtes Typoskript von 1843 und erste Dauerfrostbodenkunde. Eingeleitet von E. Tammiksaar herausgegeben von L. King // Berichte und Arbeiten aus der Universitätsbibliothek und dem Universitätsarchiv Giessen. Giessen, 2001. Bd. 51. S. 100–101.*

⁷² По словам Миддендорфа, «Адамс, хотя и описал местонахождение своего мамонта, но так недостаточно, что геогнозия приобрела от того очень ничтожную опору; а что касается мягких частей животного, то он спас еще меньше, чем якуты прислали Палласу с Вилюя; он [Адамс] упомянул о мягких частях лишь для того, чтобы сказать, каких трудов стало отделить их, и при этом не кинул ни одного взгляда на само важное — на содержание брюшной полости» (*Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1861. Ч. I. Отд. II. С. 265*).

⁷³ *Middendorff A. Th. v. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. St. Pbg., 1867. Bd. IV. Th. 2. Lief. 1. S. 1079–1080.*

⁷⁴ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 7. Л. 13–14.

⁷⁵ *Миддендорф А.Ф. О сибирских мамонтах // Вестник естественных наук. 1860. № 26–27. С. 843–867.*

Лишь большие заслуги перед наукой, по мнению Миддендорфа, могли оправдать П.-С. Палласа, который в 1771 г., получив сведения о носороге, тотчас же не отправил для их осмотра кого-нибудь из своих спутников. А мамонт — «научная драгоценность», которую обнаружил адъютант Академии наук М.И. Адамс, по словам Миддендорфа, «сгнил бы без всякой пользы, если бы тогда не было послано в Китай чрезвычайное посольство под начальством графа Головкина»⁷⁶.

Так как сохранение частей допотопных животных бывало следствием случайности, ученые почти ничего не могли узнать «об обстоятельствах положения этих мумий в их могилах. /.../ уже ли и впредь сохранение этих сокровищ будет предоставлено случаю и счастью? — спрашивал Миддендорф. — Нет, Россия, как истинно просвещенное государство, должна непременно своим долгом в отношении к умственному развитию человечества принять деятельные меры к тому, чтобы предотвратить на будущее время такие невознагражденные потери...»⁷⁷. Миддендорф считал, что должна быть назначена награда за сведения о мамонтах, соразмерная со значением находки. Он предлагал также выделять средства и для немедленного отправления экспедиции после получения сведений, и для основательных исследований местонахождения, важных «для выяснения обстоятельств жизни и вымирания мамонтов».

Миддендорф не ограничился такими рассуждениями в своем труде об экспедиции. Считая необходимым привлечь внимание Академии наук к задаче сохранения останков допотопных животных, в начале февраля 1860 г. он представил Физико-математическому отделению особую записку. Напомнив историю прошлых находок, Миддендорф предложил составить, напечатать и разослать в разные губернии объявление о премиях за быстрое сообщение в Академию наук о новых находках «допотопных животных».

Идею Миддендорфа поддержали Бэр и Брандт, подписавшие составленное Миддендорфом объявление, которое в апреле того же года было представлено Физико-математическому отделению. Академия обещала 100 рублей серебром тому, «кто первый найдет в земле целый такой костяк большого допотопного зверя и заметив

⁷⁶ Там же. С. 847.

⁷⁷ Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1861. Ч. I. Отд. II. С. 264.

место, но не трогая самого костяка из земли, тотчас объявит о том ближайшему своему начальству, которое по данному повсюду приказанию донесет о том немедленно г. начальнику губернии установленным порядком. В донесении должно быть как можно яснее показано, на каком месте костяк найден, в каком расстоянии от известного города или деревни, или зимовья, и куда именно впадает речка, у которой найден костяк»⁷⁸. Таким образом просто и понятно объяснялось, зачем и что надо делать. Особо подчеркивалось — «о пустых толках понапрасну не доносить». Была обещана надбавка за «костяк, годный к исследованию, и за остов, на котором сохранились кожа и мясо».

«Объявление» было напечатано и разослано в большом количестве экземпляров. Например, в Восточную Сибирь на имя генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского отправили 700 штук. Благодаря «Объявлению», начиная с 60-х годов XIX в. Академия наук неоднократно получала сведения из Сибири о трупах мамонтов⁷⁹. Не все сведения были достоверными, не всегда Академия могла быстро отправить экспедицию в указанное место. Однако поводом для целого ряда академических экспедиций стала задача отыскания и описания останков мамонтов.

1 января 1866 г. Бэр писал Миддендорфу: «Под Рождество я получил письмо, которое, собственно, должно было оказаться на Вашем рождественском столе. А именно, оно содержало не более и не менее как подробное известие о полностью сохранившемся мамонте, покрытом шерстью, который, кажется, еще находится в земле в Тазовской губе!!!»⁸⁰. Бэр полагал, что именно Миддендорф должен отправиться в Сибирь для исследования мамонта, и поэтому предложил ему приехать на заседание Физико-математического отделения (11 января 1866 г.), где должен был обсуждаться вопрос об экспедиции.

Миддендорф не выразил желания ехать в Сибирь, и обсуждение состоялось без него. Академия наук в феврале 1866 г. отправила к Тазовской губе Ф.Б. Шмидта. Оказалось, что останки мамонта находились не в Тазовской губе, а в верховьях реки Гыды, но целой

⁷⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1860. № 14. Л. 4.

⁷⁹ В 1880 г. «Объявление» Академии наук было вновь напечатано и разослано в губернии.

⁸⁰ Из эпистолярного наследия Карла Бэра в архивах Европы / Составитель, автор вступительной статьи, комментариев и перевода Т.А. Лукина. Л., 1978. С. 103–104.

туши мамонта Шмидт не обнаружил. Путешествие, однако, позволило ему изучить природные условия между рекой Гыдой и низовьями Енисея и сделать некоторые новые выводы об условиях существования мамонтов.

Высоко оценивая наблюдения Миддендорфа, Шмидт считал, что тот не был прав, полагая, что мамонты жили только в южных краях Сибири. «Я сейчас больше склоняюсь в пользу мнения, что мамонты распространялись до северных широт или по крайней мере посещали эти широты», — писал Шмидт Миддендорфу⁸¹. Этот вывод Шмидт повторил и в своем предварительном отчете об экспедиции⁸². Мнение казалось современникам убедительным. Так, А.А. Кейзерлинг писал своему другу в 1872 г.: «Относительно [проблемы] ледникового периода был у меня амурский Шмидт и принес мне первый, еще не совсем законченный экземпляр [рукописи] своего мамонтового путешествия. Мамонт был полярным зверем, насколько я понимаю, это очевидно»⁸³.

В связи с экспедицией Шмидта проблема мамонта вновь привлекла внимание зоологов Академии наук. Обширную статью об истории находок мамонтов опубликовал Бэр. В этой статье впервые было описано местонахождение остатков мамонта, обнаруженных Шмидтом⁸⁴. Бэр обратил внимание и на то, что Миддендорф в своей работе подчеркнул важность глубоких исследований мамонтов, и приглашал Академию принять меры для получения данных о таких находках.

Целых остовов мамонтов не удалось обнаружить и другим экспедициям, организованным Академией наук в 80–90-х годах XIX в., хотя эти экспедиции и способствовали изучению природных условий Восточной Сибири⁸⁵. Но «Объявление», составленное Миддендорфом, содействовало находке так называемого «берёзовского мамонта».

⁸¹ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 9. Л. 70.

⁸² *Schmidt Fr.* Vorläufige Mittheilungen über die wissenschaftlichen Resultate der Expedition zur Aufsuchung eines angekündigten Mammuthcadavers // Bull. Acad. 1869. Т. 13. Sp. 116–118.

⁸³ *Taube von der Issen H.* Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Berlin, 1902. Bd. 1. S. 648.

⁸⁴ *Baer K.E. v.* Neue Auffindung eines vollständiges Mammuths, mit der Haut und den Weichtheilen, im Eisboden Sibiriens, in den Nähe der Bucht des Tas (Тазовская губа) // Bull. Acad. 1866. Т. 10. Sp. 230, 285.

⁸⁵ См.: *Сухова Н.Г.* Академия наук и исследование полярных областей в конце XIX столетия // Комиссии Академии наук в XVIII–XIX веках. Исторические очерки. СПб., 2013. С. 636–660.

В марте 1901 г. якутский губернатор прислал в Академию наук письмо, в котором уведомлял, что в 300 верстах от реки Колымы в обвале правого ее притока реки Берёзовки обнаружен труп мамонта. Мамонта нашел казак колымской команды И.Н. Явловский. О своей находке, как и предписывало «Объявление», он сообщил колымскому исправнику, передав ему и некоторые части обнаруженного мамонта. Исправник, в свою очередь, написал о находке якутскому губернатору и поручил своему помощнику «принять меры к сохранению останков мамонта от быстрого разложения, в особенности — содержания желудка»⁸⁶.

Помощник колымского исправника тщательно выполнил поручение — описал состояние остова и положение мамонта, а также путь к нему. Оказалось, что часть туши уже сгнила, а куски головы обрублены охотником, добывавшим «клыки» (бивни) мамонта для продажи, но в желудке сохранилась трава. Так как часть тела уходила под землю, нельзя было утверждать, что сохранился целый мамонт. Но «представленные казаком Явловским при его заявлении различные образчики кожи, мяса и шерсти мамонта, взятые им действительно от мамонта, который был осмотрен и мною», — писал помощник исправника⁸⁷.

В данном случае интересно содержание заявления самого Явловского в Колымское окружное управление: «Как мне известно, издавна еще делались попытки по розыску целого мамонта. Едва проходил какой-либо слух о находке будто бы мамонта, как местная администрация, начиная с бывшего в 60-х годах исправника в Колымском округе барона Майделя⁸⁸ и кончая нынешним колымским исправником В.В. Гуляевым, тотчас приступали к расспросам и расследованиям /.../ и вообще обнаруживали в этом деле немало энергии и заботливости. Однако же /.../ все эти хлопоты и заботы не приносили до сих пор желанного результата, т.к. на указанном

⁸⁶ СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. № 350. Л. 2.

⁸⁷ Там же. Л. 2 об.

⁸⁸ Г. Майдель был отправлен в Чукотскую экспедицию (1868–1870 гг.) по инициативе губернатора Восточной Сибири. Во время этой экспедиции он узнал о разных находках останков мамонтов, о чем сообщил в Академию наук. Сведения, полученные от Майделя, опубликовал Л.И. Шренк: «О найденных в последнее время в Сибири мамонтах по письмам барона Майделя» (Зап. АН. 1871. Т. 20. С. 70–100). О жизни и деятельности Майделя см.: *Tammiksaar E. Gerhard Baron von Maydell (1835–1894) und die Bedeutung seiner Forschungen in Nordost-Sibirien // Kasten E. (hrsg.) Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg/Havel, 2013. S. 243–267.*

месте или вовсе не оказывалось мамонта, или же оказывались лишь полусгнившие части тела, не дающие представления о целом мамонте. Известно мне также, что за находку целого мамонта обещана была большая денежная награда, чуть ли не Академией»⁸⁹. Именно поэтому Явловский целеустремленно искал мамонта и нашел его.

Непрерывный секретарь Академии наук Н.Ф. Дубровин 10 апреля 1901 г. сообщил о письме якутского губернатора директору Зоологического музея академику А.В. Заленскому. Тот уже на следующий день довел до сведения Физико-математического отделения Академии свое мнение: «Громадная ценность этой находки не подлежит никакому сомнению, как равно и то, что на Академии наук лежит обязанность немедленно позаботиться о доставлении этого трупа в Музей Академии наук в возможно целом виде»⁹⁰. Тогда же Заленский обратился и к министру финансов С.Ю. Витте с просьбой отпустить деньги на экспедицию. Получив всеподданнейший доклад Витте, Николай II уже в начале мая разрешил ассигновать необходимую сумму. Летом 1901 г. экспедиция состоялась, и мамонт был доставлен в Петербург⁹¹. Теперь любой желающий может увидеть чучело этого мамонта в Зоологическом музее.

В 1909 г. (после очередного сообщения о находке трупа мамонта, полученного Академией наук в 1908 г.) по инициативе академика Н.В. Насонова был создан проект законодательного постановления о сохранении допотопных животных и передан Министерству народного просвещения⁹². По предложению Академии 11 января 1914 г. Министерство народного просвещения представило в Государственную думу проект закона «О признании находимых в России ископаемых остатков исчезнувших животных государственной собственностью». В проекте шла речь о необходимости добычи и сохранения «драгоценных остатков», заботу о которых прежде принимала на себя Академия наук. Необходимо было сделать так, чтобы «добыча остатков трупов ископаемых животных сосредотачивалась — во избежание порчи их — в руках сведущих лиц, чтобы добытые экземпляры не составляли предмета коммерческих пред-

⁸⁹ СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. № 350. Л. 3.

⁹⁰ Там же. Л. 10.

⁹¹ Герц О.Ф. Отчеты начальника экспедиции имп. Академии наук на Березовку для раскопки трупа мамонта // Изв. имп. Акад. наук. 1902. Т. 16. № 4, апрель. С. 137–174.

⁹² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1909. № 41.

приятий, а, будучи достоянием государства, оставались в музеях и ученых учреждениях России»⁹³.

В Министерство народного просвещения был передан также проект правил, по которым разрешалось вести раскопки. К проекту прилагалась пояснительная записка, составленная академиками — зоологом Н.В. Насоновым, геологами А.П. Карпинским и Ф.Н. Чернышёвым, в которой излагалась история находок древних животных. Авторы записки упомянули о том, что Миддендорф видел останки мамонта на Таймыре, но, кажется, не знали, что он был автором первой статьи об истории таких находок и «Объявления» о защите «допотопных животных».

К истории полярных исследований

В записке, которую в 1845 г. непреременный секретарь Академии наук П.Н. Фус составил для министра народного просвещения С.С. Уварова, отмечалось: «Ни одна из всех арктических экспедиций, снаряженных Англиею и Россиею и стоивших нередко весьма значительных издержек, не принесла столько пользы науке, как Миддендорфова»⁹⁴. Такое мнение разделяли и другие академики. Поэтому уже в 1844 г. Фус нашел нужным отправить первый из отчетов Миддендорфа А. Гумбольдту в Париж⁹⁵, академик Х.Д. Френ послал этот отчет К. Риттеру в Берлин, а К.М. Бэр позаботился о том, чтобы отчеты, присланные Миддендорфом из Сибири, стали известны Лондонскому географическому обществу. И если сначала особый интерес ученых вызвали результаты исследований вечной мерзлоты и климата Сибири, то затем стали привлекать внимание и сведения Миддендорфа о Северном Ледовитом океане.

Физическая география этого океана была очень плохо известна. «Море ли находится на полюсе, суша ли, может быть, большой полярный материк — об этом мы пока ничего не знаем, не говорю уже

⁹³ Там же. Оп. 1—1860. № 14. Л. 12.

⁹⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 74 об.

⁹⁵ Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1962. С. 160.

об обитателях такого предполагаемого материка», — писал в 1869 г. Миддендорф⁹⁶. Еще и в 70-е годы учёные разных европейских стран обсуждали вопрос о том, каковы природные условия вблизи северного полюса. Неопределённость представлений о природе Ледовитого моря и скудость сведений о природе его побережий в пределах Сибири делала чрезвычайно важными даже немногие наблюдения Миддендорфа, поэтому он оказался в числе известных полярных исследователей.

Знаменитый немецкий картограф А. Петерман⁹⁷ много лет активно собирал сведения о физической географии полярных областей, внимательно следил за ходом полярных исследований и сам был инициатором первых немецких экспедиций в Северный Ледовитый океан. Петерман знакомился и с трудами российских путешественников (Ф.П. Литке, К.М. Бэра, М.М. Геденштрота, П.Ф. Анжу, Ф.П. Врангеля, П.П. Крузенштерна). Уже в 50-х годах XIX столетия теплое течение, которое Петерман изображал на своих картах Северного Ледовитого океана вдоль берегов Сибири, он называл «Polynja der Russen» (попыньей русских) и обозначал место, где в августе 1843 г. А.Ф. Миддендорф увидел открытое море вблизи устья реки Таймыры⁹⁸. Имя Миддендорфа неоднократно упоминалось в статьях Петермана.

Издание первого отдела четвертого тома «Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844» (1859 г.) послужило поводом к началу переписки Петермана с Миддендорфом. В 1860 г. Петерман составил реферат этого отдела и отправил его Миддендорфу⁹⁹. В сопроводительном письме он отметил, что сочинение Миддендорфа так важно, что реферат получился большим, чем принято для рецензий. Под влиянием этого труда Петерман решил написать специальную работу о пространстве между Енисеем и Анабарой и надеялся на помощь Миддендорфа. Кроме того, Петерман хотел получить карту Сибири, которая отсутствовала в его атласе¹⁰⁰.

⁹⁶ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1869. Ч. II. Отд. V. С. 134.

⁹⁷ Редактор «Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesamtgebiete der Geographie» — самого популярного географического журнала XIX в. (Об участии Петермана в создании разных карт Российской империи см.: Таммиксаар Э., Сухова Н.Г. Август Петерман и Россия // ВИЕТ. 2015. Т. 36. № 1. С. 46–75.

⁹⁸ Kartensammlung Perthes, Erfurt. № 547\$112214959.

⁹⁹ [Petermann A.] Asien // Petermann's Mittheilungen... 1860. Bd. 6, Literatur. S. 204.

¹⁰⁰ A. Petermann an A. Th. v. Middendorff, Gotha, 28. April 1860 // FB Gotha, SPA PGM. Mappe 123. Л. 12–13 об.

В ответном письме Миддендорф поблагодарил Петермана за высокую оценку своего труда, сообщил, что посылает второй отдел четвертого тома, и обещал содействие в подготовке статьи о Таймырском крае¹⁰¹. Миддендорф писал также, что общая карта Сибири все еще не готова, поэтому он отправляет Петерману необходимый материал, чтобы тот мог сам составить такую карту. При этом Миддендорф отметил: «Больше чем я, никто не имеет материала о Таймырском крае. Но и этого очень мало»¹⁰².

В 1865 г. европейские ученые и путешественники обсуждали проект британского морского офицера Ш. Осборна о путешествии на пароходе к северному полюсу. В обсуждение этой проблемы активно включился А. Петерман и опубликовал статью, в которой изложил свою концепцию физической географии Северного Ледовитого океана¹⁰³. Одним из пунктов этой концепции была идея о продолжении Гольфстрима далеко на восток вдоль берегов Сибири. Для обоснования этой гипотезы Петерман использовал материалы и российских путешественников¹⁰⁴.

В 1870–1871 гг. в Русском географическом обществе работала специальная комиссия, готовившая программу исследований для экспедиции в Северный Ледовитый океан. Результаты работы комиссии изложил П. А. Кропоткин. Готовя этот доклад, он тщательно изучил весьма скудную тогда литературу о Ледовитом океане и особенно много внимания уделил сведениям Миддендорфа о Гольфстриме.

¹⁰¹ В письмах к Петерману пространство между Енисеем и Хатангой Миддендорф называл Таймырской землей (Таймырским краем).

¹⁰² A. Th. v. Middendorff an A. Petermann, St. Pbg., 01./13. Mai 1860 // FB Gotha, SPA PGM. Mappe 123. Л. 6. Впоследствии Миддендорф посылал Петерману и другие отделы четвертого тома своего труда.

¹⁰³ *Petermann A.* Der Nordpol die Wichtigkeit ihrer Erforschung in geographischer und kulturhistorischer Bedeutung // *Mitteilungen...* 1865. Bd.11. S. 146–160; *Петерман А.* Северный и Южный полюсы. Важность их исследования и замечания о течениях морей // *Морск. сб.* 1866. Т. 83. № 3. Ч. неофиц. С. 115–151. К статье приложена «Карта арктических и антарктических стран с означением морских течений, географических пунктов и проч.».

¹⁰⁴ *Таммиксаар Э., Сухова Н.Г.* Концепция Северного Ледовитого океана Августа Петермана и взгляды ученых России // *Изв. РГО.* 1997. Т. 129. Вып. 6. С. 12–22. Миддендорф не соглашался с идеей Петермана о том, что северного полюса можно достигнуть морем. В связи с этим в 1865 г. в письме к Петерману он изложил свой план путешествия к северному полюсу от Шницбергена, составленный в 1845 г. по просьбе великой княгини Елены Павловны. Тогда Миддендорф считал, что полюса можно достигнуть на собаках и санях, так как Ледовитое море покрыто сплошным льдом. (A. Th. v. Middendorff an A. Petermann, Hellenorm, 02./14. Januar 1866 // FB Gotha, SPA PGM. Mappe 123. Л. 17–20 об.).

Доклад комиссии, который был опубликован как приложение к протоколу заседания Совета РГО, состоявшегося 17 марта 1871 г.¹⁰⁵, а также отдельным изданием, сочли нужным послать Миддендорфу в Гелленорм. Поблагодарив за то, что о нем вспомнили, и одобрив научное содержание доклада, Миддендорф выразил сожаление, что Россия до тех пор не отправила в Ледовитый океан ни одной экспедиции. «Снимают сливки другие, а наши, запоздав, засядут, пожалуй, в ледниках менее благоприятного климатического периода /.../ Необходимо никак не прозевать предстоящую навигацию, но в особенности готовиться к целому и весьма продолжительному ряду повторительных натисков, дабы взять свое настойчивостью и не осрамить Россию»¹⁰⁶.

Письмо Миддендорфа достаточно выразительно свидетельствовало о его патриотизме. Он знал о неоднократных плаваниях норвежских моряков и промышленников вблизи берегов России. Загадочная фраза «россияне засядут, пожалуй, в ледниках менее благоприятного климатического периода», может быть, отражала критическое отношение Миддендорфа к взглядам Кропоткина о древнем оледенении Сибири.

Немецкий зоолог Т. Гейглин хотел принять участие в экспедиции Русского географического общества¹⁰⁷. Так как экспедиция не состоялась, он в том же году отправился в Северный Ледовитый океан в составе немецкой экспедиции, целью которой было достижение устья Енисея, а при благоприятных условиях — мыса Челюскин и Новосибирских островов. Об этом Миддендорф узнал из письма А. Петермана¹⁰⁸. Очевидно, условия были неблагоприятны, поэтому путешественники побывали лишь на Новой Земле. О своих наблюдениях Гейглин сообщил Миддендорфу, полагая, что «эти интересные сведения» следует опубликовать¹⁰⁹, а затем,

¹⁰⁵ Доклад комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря, составленный П.А. Кропоткиным при содействии А.И. Воейкова, М.А. Рыкачева, барона Н.А. Шиллинга, Ф.Б. Шмидта и Ф.Ф. Яржинского // Изв. РГО. 1871. Т. 7. № 3. Действ. общ. С. 29—117.

¹⁰⁶ Изв. РГО. 1871. Т. 7. № 9. Действ. общ. С. 418. Письмо Миддендорфа, написанное 12 октября, прочитано в соединенном заседании отделений географии математической и географии физической 27 ноября 1871 г.

¹⁰⁷ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 102.

¹⁰⁸ Там же. Л. 103.

¹⁰⁹ Зап. АН. 1872. Т. 20. С. 124.

по просьбе Гейглина, Миддендорф стал одним из редакторов зоологической части его труда¹¹⁰.

В 1872–1874 гг. по инициативе Петермана состоялась австро-венгерская экспедиция К. Вейпрехта и Ю. Пайера, которая должна была на судне «Тегетхоф» пройти Северным Ледовитым океаном до Берингова пролива. Вопреки гипотезе Петермана о распространении теплых вод Гольфстрима далеко к востоку, путешествию к северу от Новой Земли помешали сплошные льды, в которые вмержло судно. Но, благодаря дрейфу льдов, путешественники открыли до тех пор неизвестный архипелаг — Землю Франца-Иосифа. Участники экспедиции о составе островов архипелага узнали только в самых общих чертах, но смогли провести съёмки на острове Рудольфа, где был обнаружен огромный ледник, получивший имя Миддендорфа. Название появилось на карте, приложенной к книге о путешествии, которая увидела свет уже в 1876 г.¹¹¹

В 1875 г. участник австро-венгерской экспедиции К. Вейпрехт составил проект международной полярной экспедиции, предлагая ученым разных стран организовать совместные исследования. Свой проект Вейпрехт разослал для обсуждения во многие европейские страны. В России его проект получил и А.Ф. Миддендорф. В письме к Вейпрехту, изложив свое мнение о проекте, Миддендорф с огорчением отметил, что для широкой публики открытие новых земель или приключения во время полярных экспедиций гораздо важнее, чем серьезные планы для развития науки. Вместе с тем Миддендорф считал, что время для пропаганды международных полярных исследований выбрано удачно, так как совместные мероприятия в разных направлениях стали актуальными на международном уровне. Миддендорф писал также, что сможет содействовать осуществлению проекта Вейпрехта, так как общается с членами императорского семейства¹¹².

¹¹⁰ *Heuglin M. Th. v. Reisen nach dem Polarmeer in den Jahren 1870 und 1871.* Braunschweig, 1872. Bd. 1. S. VIII.

¹¹¹ *Payer J.* Die österreichisch-ungarische Nordpolexpedition in den Jahren 1872–1874. Wien, 1876; *Пайер Ю.* 725 дней во льдах Арктики. Л., 1935. С. 210.

¹¹² *Сухова Н.Г., Таммиксаар Э.* Международный полярный год 1882/83 // Информационный бюллетень Новости МПГ 2007/08. 2008. № 17. С. 20; *Tammiksaar E., Sukhova N.G.* The Russian Polar Stations // The History of the International Polar Years (IPYs) / Ed. by Barr S., Lüdecke C. Heidelberg, 2010. P. 77.

Мы не знаем, пришлось ли Миддендорфу своим авторитетом поддерживать идею Вейпрехта. Однако известно, что Россия первой очень быстро и активно включилась в решение проблемы международной экспедиции, и в 1882–1883 гг. состоялся Международный полярный год. Решающую роль в истории организации этого мероприятия сыграл академик Г. Вильд. В 1880 г. Вильд был избран председателем Международной полярной комиссии, и по его инициативе в августе 1881 г. в Петербурге состоялась Третья полярная конференция для обсуждения пунктов наблюдений и методов исследований во время международной полярной экспедиции. Вильд, который высоко ценил Миддендорфа как знатока полярных стран, пригласил его принять участие в этой конференции. Судя по письму Миддендорфа (написанному 22 июля 1881 г. и сохранившемуся в архивном фонде Вильда), приглашение пришло слишком поздно. Однако Миддендорф писал, что ему приятно было узнать, «что полюс о нем еще помнит»¹¹³.

В 1876 г. Петерман писал президенту Лондонского географического общества о значении международных полярных исследований (может быть, потому, что многие государства долго размышляли, следует ли принять участие в этом предприятии). При этом Петерман нашел нужным напомнить и о важности исследований Миддендорфа. «Существуют только немногие ученые, которые готовы посвятить себя обработке огромного количества самых разных отдельных наблюдений, и если они это делают, то для этого требуется очень много времени. Так, например, Миддендорфу потребовалось почти 33 года, чтобы обработать свои биологические наблюдения, собранные недалеко от полюса во время его относительно короткой поездки по реке Таймыр в 1843 г., и сравнить их со сходными наблюдениями в других полярных областях»¹¹⁴. В этом же письме Петерман упомянул и о «большом открытом море Миддендорфа, Врангеля и Анжу»¹¹⁵.

Как уже отмечалось, на картах в атласе Миддендорфа благодаря съёмкам Ваганова появилось множество сведений, которых

¹¹³ СПФ АРАН. Ф. 210. Оп. 2. № 68. Л. 61.

¹¹⁴ *Petermann A.* The expedition to the North Pole. To the President of the Royal Geographical Society. Gotha, 8. December 1876 // Scott Polar Research Institute (Cambridge), ms. 441/11/2; См. также: *Petermann A.* Der Schauplatz der nächsten Englischen Nordpol-Expedition. Schreiben an den Präsidenten der Königlichen Geographischen Gesellschaft in London // *Petermann's Mittheilungen...* 1877. Bd. 23. S. 25.

¹¹⁵ Там же. S. 28.

не было на предшествующих картах полуострова Таймыр. Однако создатели карт Азиатской России долго не обращали внимания на карты Миддендорфа.

Между тем в 1851 г. морской офицер А.П. Соколов (тогда сотрудник архива Гидрографического департамента) для своей статьи, посвященной истории северных отрядов Второй Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга, составил «Карту Восточной России»¹¹⁶. На эту карту он нанес берег Северного Ледовитого океана от мыса Канин Нос до Берингова пролива. Очертания Северо-Восточного мыса и восточного берега Таймырского полуострова изображены на карте Соколова на основе дневников Х. Лаптева и С. Челюскина.

Из труда Миддендорфа Петерман узнал, что изображения Таймырского полуострова на картах Миддендорфа и Соколова различаются¹¹⁷. В 1860 г. в письмах к тому и другому¹¹⁸ Петерман спрашивал о причине таких различий. Миддендорф тогда же посчитал своим долгом отправить ему материалы, на основе которых составлял свои карты. Соколов ответить Петерману не мог — в 1858 г. он скончался.

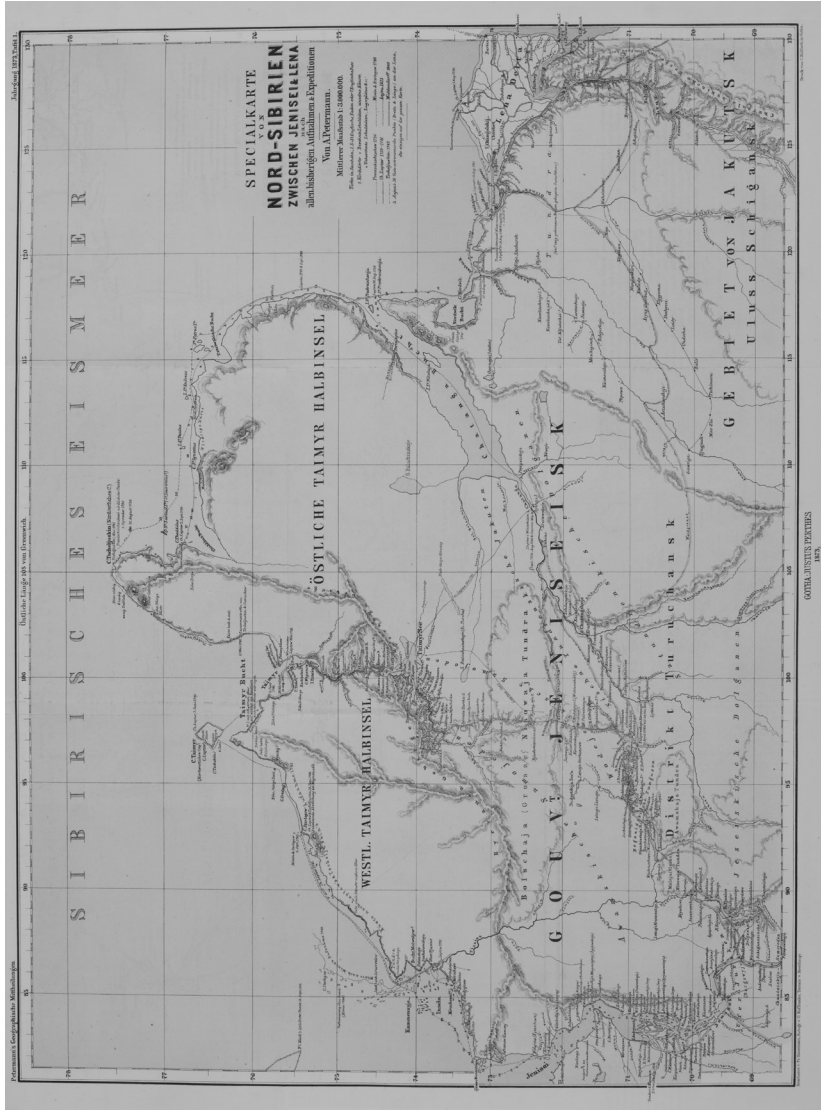
Материалы Миддендорфа и карта Соколова послужили основой для карты Таймырского края между Енисеем и Леной, составленной Петерманом и опубликованной в 1873 г. в «Mittheilungen» — «Specialkarte von Nord-Sibirien zwischen Jenisei und Lena nach allen bisherigen Aufnahmen und Expeditionen». Ф. Ганеман (автор пояснительной статьи к этой карте) сообщил, что в основе изображения западной части Таймырского полуострова лежит карта Миддендорфа, а восточной — карта Соколова¹¹⁹. На карте Петермана появилось название «Таймырский полуостров» (точнее — Западный Таймырский полуостров и Восточный Таймырский полуостров), изображены Верхняя и Нижняя Таймыры, горы Бырранга, а также остров Таймыр в виде четырехугольника.

¹¹⁶ Соколов А.П. Северная экспедиция // Записки Гидрографического департамента. 1851. Ч. 9. С. 190–469. Именно Соколов впервые назвал эти отряды Северной экспедицией.

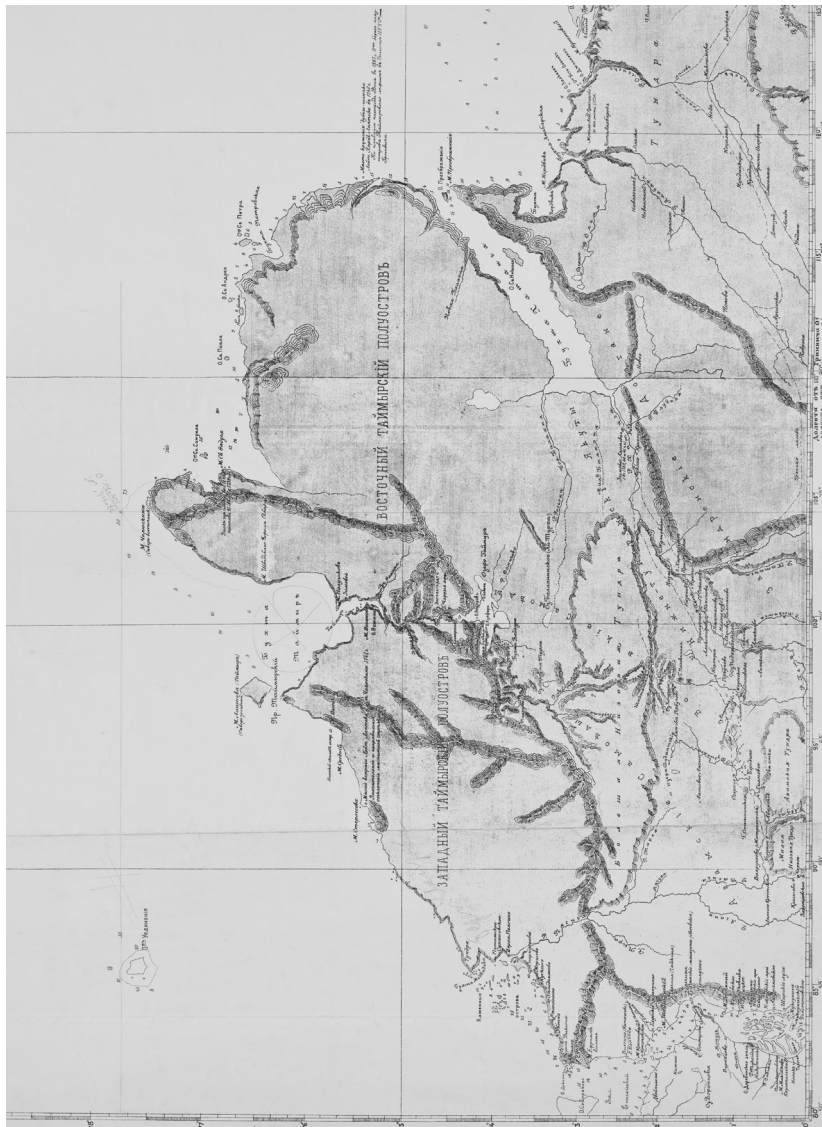
¹¹⁷ Миддендорф в своем труде особое внимание уделил причинам различия собственной карты и карты Соколова с точки зрения «наполнения внутреннего пространства Таймырского края». (См.: Миддендорф А.Ф. Путешествие... Ч. I. Отд. I. С. 71–72). Но изображение Северо-Западного мыса, он, по-видимому, позаимствовал у Соколова.

¹¹⁸ A. Petermann an A.P. Sokolow, Gotha 30. April 1860 // FB Gotha, SPA PGM. Mappe 123. Л. 10–11 об.

¹¹⁹ Hanemann F. Die Entdeckungsgeschichte der nördlichsten Gebiete von Asien, zwischen Lena und Jenissei, 1734–1866 // Petermann's Mittheilungen... 1873. Bd. 19. S. 20. Tafel I.

Карта Таймырского полуострова. А. Петерман. 1873 г.

Карта Таймырского полуострова. Гидрографический департамент. 1874 г.

В 1874 г. Гидрографический департамент России опубликовал «Карту Северного Ледовитого океана в границах Российской империи на основании русских гидрографических исследований с 1734 по 1871 год», которая (согласно заглавию) была составлена в 1872 г. На карте разными цветами обозначались области, где вели исследования экспедиции, материалами которых пользовались составители карты. В легенде к карте названы годы работ экспедиций и имена их руководителей. Среди прочих путешественников упоминаются Миддендорф и Ваганов, а на самой карте пунктиром нанесен маршрут их путешествия по Таймырскому полуострову в 1843 г.

В том же году Гидрографический департамент издал также «Карту Северного Ледовитого океана от Енисейского залива до устья реки Яны». Для изображения полуострова составители широко использовали сведения, собранные во время Сибирской экспедиции Миддендорфа. На карте находим название полуострова, точнее двух его частей — Западного и Восточного Таймырских полуостровов, изображены реки Нижняя и Верхняя Таймыры, их притоки, Таймырское озеро, острова и мысы на озере и Нижней Таймыре, горы Бырранга. Назван «Мыс Челюскин». Вместо вытянутого Северо-Западного мыса на карте можно увидеть квадратный остров, вблизи которого помещены три названия: Таймыр, Лаптев и Северо-Западный.

Изображение Таймырского полуострова на картах Гидрографического департамента (особенно на второй) совершенно не отличается от изображения на карте Петермана 1873 г.¹²⁰ Однако неизвестно, в какой мере Петерман был знаком с материалами, хранившимися в Департаменте, или — использовали ли составители карты Гидрографического департамента карту Петермана.

Знаменитый полярный исследователь А.-Э. Норденшельд был знаком с Миддендорфом. Сохранилось его письмо, написанное Миддендорфу в 1865 г., из которого следует, что *после их встречи* Норденшельд трижды побывал на Шпицбергене. Норденшельд сообщал, что посылает в Географическое общество карту Шпицбергена, а также статью, которая опровергала мнение Петермана (в связи с проектом Осборна) о возможности морем достигнуть северного полюса¹²¹.

¹²⁰ Petermann's Mittheilungen... 1873. Bd. 19. Tafel I.

¹²¹ Замечания к карте Шпицбергена, составленной N. Düner'ом и А.Е. Nordenskiöld'ом // Морск. сб. 1866. Т. 83. № 3. С. 157–175.

Вероятно, Норденшельд хотел узнать мнение Миддендорфа о содержании этой статьи¹²².

В работах о результатах путешествий к Енисею в 1875 и 1876 гг. Норденшельд ссылался на труд Миддендорфа о Сибирской экспедиции. В плане экспедиции вдоль берегов Евразии, который он в 1877 г. представил шведскому королю, Норденшельд писал: «Миддендорф во время своего знаменитого путешествия по северу Сибири достиг сухим путем 25 августа 1843 года до морского берега у Таймырского залива и *нашел море свободным ото льда, насколько глаз видел с возвышенного берега* (курсив Норденшельда. — Авт.)»¹²³. Ссылаясь на труд Миддендорфа, Норденшельд также упомянул о том, что якут Фома, зимовавший в XVIII столетии у Таймырского залива, видел, как в августе ветры отгоняли льды от морского берега.

В 1878–1879 гг. на судне «Вега» экспедиция Норденшельда впервые прошла вдоль всего северного побережья Евразии. У Таймырского полуострова капитан судна Л. Паландер прокладывал маршрут по «Карте Северного Ледовитого океана от Енисейского залива до устья реки Яны», изданной Гидрографическим департаментом в 1874 г.¹²⁴

Благодаря путешествию на «Веге», на основе съёмок и астрономических определений участников экспедиции на карте были исправлены очертания северного и восточного берегов Таймырского полуострова. Спутники Норденшельда впервые вели съёмки и наблюдения на острове Таймыр¹²⁵, а после окончания экспедиции была опубликована карта острова, на самой южной оконечности

¹²² Пожалуй, более интересно в этом письме сообщение Норденшельда о том, что архангельские рыбаки обнаружили между Шпицбергом и Новой Землей *большой остров*, на котором видели много северных оленей. По словам Норденшельда, «то, что они рассказывают, слишком любопытно, чтобы не привлечь к себе внимания», полагая, что речь шла о неизвестной части Новой Земли. Однако, можно предположить, что рыбаки достигли одного из островов архипелага, который позднее был назван Землей Франца-Иосифа (A.E. Nordenskiöld an A. Th. v. Middendorff, Åbo, 24. Juni 1865 // ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 17).
¹²³ *Норденшельд А.-Э.* Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 годах. СПб., 1881. С. 17.

¹²⁴ Карта, по которой Паландер прокладывал маршрут экспедиции, была обнаружена в архиве Норденшельда в библиотеке Хельсинкского университета только в конце XX в. (*Okhuizen E.* Exploration and mapping on the Northeast passage and Northern Eurasia, 15th – 19th centuries // *The Northeast Passage from the Vikings to Nordenskiöld / Raurala N.-E.* (ed.). Helsinki, 1992. P. 47, 48).

¹²⁵ В письмах, которые Норденшельд и один из его спутников (О. Норджквист) послали в РГО, после того как «Вега» обогнула Таймырский полуостров, речь шла о мысе Таймыр или Северо-Западном мысе, но не об острове (Изв. РГО. 1879. Т. 15. Вып. 2. Действ. общ. С. 64; Вып. 3. Действ. общ. С. 83).

которого появился мыс Миддендорфа. Во время экспедиции Норденшельда была составлена также карта острова Диксон и впервые астрономически определены координаты мыса Челюскин.

В описании путешествия, рассуждая о съёмках и картах, которые существовали до его плавания, Норденшельд упоминал о картах Таймырского полуострова Х. Лаптева, С. Челюскина и В. Прончищева, но не о картах Миддендорфа. Между тем, подлинные съёмки и карты морских офицеров Норденшельд видеть не мог. Как ни странно, не упомянул Норденшельд и о карте Гидрографического департамента 1874 г., по которой капитан «Веги» прокладывал курс судна¹²⁶; вероятно, копию именно этой карты с исправлениями Паландера в 1878 г. Норденшельд отправил в РГО¹²⁷. Затем она же была использована для карты, которую Норденшельд опубликовал под своим именем в популярном описании своего путешествия¹²⁸. Карта Гидрографического департамента, исправленная на основе съёмок и астрономических наблюдений, стала основой и карты Н. Селандера, приложенной к первому тому научного труда, включавшего результаты наблюдений во время экспедиции на «Веге»¹²⁹.

¹²⁶ В архиве А. Петермана в Готе сохранилась неопубликованная рукопись некоего К. Курмани, составленная на основе «подлинных русских источников». Автор рукописи описал чествование Норденшельда в Петербурге 28 октября 1875 г. после его возвращения из первой экспедиции к устью Енисея. По словам Курмани, в этот день член ученого совета Морского министерства адмирал Г.И. Невельской передал Норденшельду «собрание карт о российских берегах Ледовитого моря, где были нанесены маршруты экспедиций М.Ф. Рейнеке, Ф.П. Литке, П.К. Пахтусова, А.К. Цивольки, С.А. Моисеева, Н.М. Рагозина, Ф.П. Врангеля, Ф.П. Анжу, Ф.Ф. Матюшкина и т.д.». Можно предположить, что среди этих карт была и карта Гидрографического департамента 1874 г. (K. Kurmany an A. Petermann, Paris, 26. Dezember 1875 // FB Gotha. SPA PGM. Mappre 394. Л. 3).

¹²⁷ В Отчете РГО за 1878 г. (СПб., 1879. С. 43) отмечалось: «самую существенную часть трудов проф. Норденшельда составляет карта частей Северного Ледовитого океана, омывающих Таймырский полуостров». К сожалению, уже много десятилетий не работает картографический отдел библиотеки РГО, где хранятся не только опубликованные, но и рукописные карты. Поэтому нельзя увидеть карту, которую Норденшельд отправил в Общество в 1878 г.

¹²⁸ Карту, на которую был нанесен маршрут «Веги», Норденшельд еще из Сибири в 1878 г. отправил и А. Петерману вместе с письмом о результатах наблюдений экспедиции. Петерман ее уже не увидел, так как в сентябре того же года скончался. Но коллеги внесли изменения в его карту Таймыра, изданную в 1873 г., и опубликовали ее новый вариант. (См. Petermann's Mittheilungen... 1879. Bd. 25. Tafel 2.)

¹²⁹ *Selander N. Karta öfver gamla världens Nordkust från Norge till Beringsund med Vega-expeditionens kurs // Nordenskiöld A.-E. Vegas färd kring Asien och Europa jemte en historisk återblick på föregående resor längs gamla världens Nordkust. Stockholm, 1882. Vol. 2. Karta № 10.*

Карты экспедиции Норденшельда оказали огромное влияние на современников. В этом отношении интересна история карты Азиатской России. Как уже отмечалось, на европейских картах сведения Миддендорфа о Таймырском полуострове появились еще до того, как увидел свет его атлас. Однако картографы Военно-топографического отдела Генерального штаба (основные составители карт России в 60-х и 70-х годах XIX столетия) на карты Миддендорфа почему-то внимания не обращали. Лишь на карте Азиатской России, изданной в 1883 г., появились его данные. Однако при более внимательном анализе нагрузки этой карты можно заметить, что на ней встречаются названия, которых не было на картах Миддендорфа. Например, назван мыс «Вега» на западном побережье Карского моря, в Таймырском заливе — *острова* (а не остров) Челюскина (кстати, «Челюзкие»), вместо Северо-Западного мыса изображен остров Таймыр. Судя по этим и другим дополнениям, в основе карты Азиатской России 1883 г. лежала карта Н. Селандера.

Еще более интересна история названия «мыс Челюскин». В России до 70-х годов XIX в. новое название самого северного мыса Азии не привлекало внимания картографов¹³⁰, тогда как Норденшельд в описании своего путешествия о «мысе Челюскин» писал неоднократно. Он не касался вопроса о происхождении названия, но сообщил: «по мнению русских географов, еще никто не огибал восточный мыс Таймырского полуострова»¹³¹. В другом месте, подчеркивая заслуги С. Челюскина, Норденшельд отметил: «Возможно также, что Челюскин действительно посетил этот мыс, верное очертание мыса Челюскина [на картах] дает право к последнему предположению»¹³².

Характер рассуждений Норденшельда о Челюскине позволял некоторым современникам решить, что именно он дал название мысу¹³³. Такое мнение нашло отражение даже в одной официальной

¹³⁰ В 1874 г. в «Известиях РГО» был опубликован перевод заметки об экспедиции Ю. Пайера и К. Вейпрехта, которая в 1873 г. открыла Землю Франца Иосифа (См.: Изв. РГО. Т. 10. Геогр. изв. С. 220–223). В этой заметке несколько раз упоминается «мыс Челышкина» — переводчик явно не знал имени Челюскина. Но, видимо, и редактору «Известий» не показалось странным это название.

¹³¹ Путешествие А.-Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 годах. СПб., 1881. Ч. 1. С. 334.

¹³² Там же. С. 337.

¹³³ Против такого мнения резко выступил академик Ф.Б. Шмидт. Согласно Шмидту, Норденшельд в своей книге систематически, но несправедливо, умалял значение российских арктических экспедиций XIX в. Обращая внимание на заслуги России в истории полярных

бумаге. В 1897 г. (после завершения дрейфа на «Фраме» по Северному Ледовитому океану) Ф. Нансен обратился к своему королю с просьбой разрешить назвать в его честь один из безымянных мысов на восточном берегу Таймырской губы (Таймырского залива). Новое название требовало также согласия русского правительства. Поэтому (по просьбе шведско-норвежского посланника) министр иностранных дел России представил всеподданнейший доклад Николаю II. В докладе речь шла о том, что береговое и водное пространство к востоку от Енисея с XVIII в. не посещалось русскими моряками, там все чаще делают открытия шведы и норвежцы, а после путешествия Норденшельда Сибирский берег «испещрен шведскими названиями». Упоминалось также и о том, что Норденшельд «*восстановил память и честь отважного русского штурмана Челюскина, впервые обогнувшего в 1742 г. крайнюю северную оконечность азиатского материка — подвиг, впоследствии подвергшийся сомнению. Мыс Северо-Восточный отныне по примеру Норденшельда [!] и на русских картах назван мысом Челюскина*»¹³⁴. (Выделено нами. — *Авт.*).

Вопрос о происхождении названия мыса привлек внимание русских ученых только в XX столетии, когда началось изучение Таймырского полуострова, которое вели в основном геологи. Один из них сообщил, что название «полуострова Челюскина» дал Р. Амундсен — после путешествия на судне «Мод» в 1918–1919 гг.¹³⁵ В списке работ автор упомянул и труд Миддендорфа, но, вероятно, читал этот труд не очень внимательно. В 1960 г. ошибку предшественника решил исправить другой геолог, отметивший, что название мысу дал не Амундсен, но Ф. Нансен — в 1904 г.¹³⁶ (Сегодня, заглянув в лю-

исследований, Шмидт сообщил и о том, что название «мыс Челюскин» еще в 1843 г. дал Миддендорф (*Schmidt F. Einige Bemerkungen zu Prof. A.E. Nordenskiöld's Reisewerk «Die Umseglung Asien's und Europa's auf der Vega 1878–1880».* (Deutsche Ausgabe. Leipzig, bei Brockhaus 1881–1882). Mit besonderer Beziehung auf die Geschichte der Russischen Entdeckungsreisen im und am Sibirischen Eismeer // Beiträge KRR. Zweite Folge. 1883. Bd. 6. S. 351). Свою публикацию с критическими замечаниями Шмидт послал Норденшельду вместе с письмом (19/31 января 1883 г.). В этом письме Шмидт вновь подчеркнул значение Миддендорфа для переименования Северо-Восточного мыса: «Известно, что Миддендорф первым оказал Челюскину такую честь, когда назвал мыс Челюскин. *А среди русских это название до сих пор еще не общепризнано* (выделено нами. — *Авт.*)» (СПФ АРАН. Ф. 41. Оп. 2. № 133. Л. 8 об.).

¹³⁴ Изв. РГО. 1897. Т. 33. Вып. 1. Действ. общ. С. 117–118.

¹³⁵ Адлер Г.В. Постплиоценовые отложения полуострова Челюскина // Изв. РГО. 1936. Т. 68. Вып. 3. С. 314.

¹³⁶ Виттенбург П.В. Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. М.; Л., 1960. С. 107, примечание.

бую книгу о географических названиях в полярных морях и областях, можно узнать, что название мысу дал А.Ф. Миддендорф.)

В 1885–1886 гг. Э.В. Толль сопровождал А.А. Бунге во время экспедиции на Новосибирские острова, организованной Академией наук. Сохранилось письмо Толля к Миддендорфу, из которого следует, что он решил присоединиться к экспедиции Бунге по совету Миддендорфа. Толль писал: «Это был Ваш совет, который привел меня, колеблющегося, к решению посетить Новосибирские острова. Ваш опыт защищал меня от слишком жестоких угроз сурового севера, следуя Вашему примеру, я пробовал увеличить мои слабые силы, и, следуя Вашему духу [Geist], стремился раскрывать тайны холодного севера /.../ Поэтому я не знаю другого способа выразить Вам свое почтение и уважение, как просить принять составленную мною и посвященную Вам часть научных результатов Новосибирской экспедиции»¹³⁷. В том же письме Толль сообщил Миддендорфу, что хочет продолжить изучение истории Земли. «Если судьбе будет угодно, чтобы я смог пройти по Вашим следам, — и, кажется, что это не исключено, так как Академия наук организует экспедицию на Таймыр, а именно — для спасения мамонта на Балахне, — тогда я употреблю все свои силы, чтобы приобрести право назвать себя Вашим учеником»¹³⁸.

В работах о результатах своих исследований Толль постоянно ссылался на труд Миддендорфа о Сибирской экспедиции, сравнивая свои наблюдения с его выводами о вечной мерзлоте, древнем оледенении, мамонтах, климатических условиях¹³⁹.

Готовясь к Русской полярной экспедиции (1900–1902), Толль активно общался с Ф. Нансеном (с которым был знаком с 1891 г.) и с удивлением обнаружил, что Нансен не читал труд Миддендорфа. В 1899 г. в письме к Нансену Толль отметил, что пролив между островом Таймыр (который впервые описали участники экспедиции на «Веге») и полуостровом следовало бы назвать не Таймырским проливом, а проливом Миддендорфа. Вместе с письмом Толль отправил Нансену карту Миддендорфа, на которой (на основе

¹³⁷ Ed. v. Toll an A. Th. v. Middendorff, St. Pbg., 18. November 1889 // РАРвМ.

¹³⁸ Толль сообщает об экспедиции, которая намечалась Академией наук в 1889 г. Сам Толль не смог принять в ней участие, так как заболел.

¹³⁹ См.: Толль Э.В. Экспедиция имп. Академии наук 1893 года на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана // Изв. РГО. 1894. Т. 30. Вып. 4. Геогр. изв. С. 435–451; Толль Э.В. Ископаемые ледники Новосибирских островов, их отношение к трупам мамонтов и к ледниковому периоду // Зап. РГО по общей географии. 1897. Т. 32. № 1.

дневника Лаптева) на месте Северо-Западного мыса был изображен остров Таймыр¹⁴⁰.

Из путевого дневника Толля можно узнать, что когда путешественники достигли Таймырского полуострова, он вспоминал о Миддендорфе, а 2 сентября 1900 г. записал: «Во время странствования с Вальтером по таймырской тундре наши мысли невольно обращались к воспоминаниям о человеке, который принял бы живейшее участие в нашей экспедиции, будь он в живых, к исследователю реки Таймыры А. Миддендорфу»¹⁴¹. В другом месте своего дневника Толль привел цитату из труда Миддендорфа с точной ссылкой, следовательно, труд этот он взял с собой в путешествие.

«Фьордом Миддендорфа» Толль назвал залив, открытый во время экспедиции на западном берегу Таймырского полуострова. Мыс, который был обнаружен на берегу полуострова напротив мыса Миддендорф (на острове Таймыр), Толль назвал Гелленорм (в память о встречах с хозяином этого имени).

Толль предлагал также своеобразное «районирование» Таймырского полуострова. Тундру между Енисеем и Пясиной он хотел назвать именем Ф.А. Минина, восточную часть Таймырского полуострова между устьями Нижней Таймыры и Хатанги — именем Х.П. Лаптева, тундру между устьями Хатанги и Оленёка — землей В.В. Прончищева. «Область между Пясиной и Таймырой, — писал Толль, — я хотел бы назвать землей Миддендорфа — по имени первого и единственного до настоящего времени исследователя центральной части Таймырской области Александра Миддендорфа»¹⁴².

Съёмки и астрономические наблюдения Русской полярной экспедиции содействовали существенным изменениям карты западного побережья Таймырского полуострова. На карте появились залив Миддендорфа, река Коломейцева¹⁴³, залив Вальтера¹⁴⁴, архипе-

¹⁴⁰ Ed. v. Toll an F. Nansen, Dorpat, 05./17. Februar 1899 // Nasjonalbibliotek Oslo, Brevs 48. В том же году в письме, адресованном Петербургской Академии наук, Ф. Нансен сообщил, что ему нужен труд Миддендорфа для обработки результатов своей экспедиции. Об этом академик К.Г. Залеман «довел до сведения Конференции». Было решено выслать Нансену полный экземпляр выпусков сочинения Миддендорфа. (Протоколы Общего собрания Академии наук. 6 марта 1899 г. § 57).

¹⁴¹ Толль Э.В. Плавание на яхте «Заря». М., 1959. С. 41.

¹⁴² Там же. С. 70.

¹⁴³ Н.Н. Коломейцев — капитан «Зари» в 1900 г.

¹⁴⁴ Врач, зоолог и охотник Г.Э. Вальтер был участником Русской полярной экспедиции, во время которой заболел и скончался.

лаг Норденшельда, с помощью астрономических наблюдений было уточнено географическое положение устья реки Нижней Таймыры. Все это нашло отражение на карте, составленной участником экспедиции А.В. Колчаком¹⁴⁵.

Итак, карта Таймырского полуострова начала приобретать современный вид, благодаря съёмкам Сибирской экспедиции и атласу Миддендорфа. Значительную роль в истории создания более верной карты полуострова сыграли А. Петерман (1873) и картографы Гидрографического департамента, использовавшие материалы Миддендорфа для составления карт 1874 г. Но, благодаря триумфальному путешествию Норденшельда и появлению уточненной карты Таймыра, полярные исследователи в конце XIX столетия уже не вспоминали о предшественниках. Карта экспедиции Норденшельда оказала решающее влияние на современников — она лежала в основе карты Азиатской России 1883 г., ее имел с собою во время экспедиции 1893–1896 гг. Нансен¹⁴⁶, дополняли и уточняли участники Русской полярной экспедиции. Во время этих путешествий исправлялись в основном очертания полуострова и собирались сведения о ближайших островах. Однако изображение на картах характера поверхности Таймырского полуострова (его рек, западного берега Таймырского озера и хребта Бырранга) до 30-х годов XX столетия сохранялось таким, каким оно было на картах Миддендорфа.

¹⁴⁵ «Карта северо-восточной части Карского моря от мыса Михайлова до устья реки Таймыры» была опубликована Гидрографическим департаментом в 1908 г. «Берегом Лаптева» Колчак назвал побережье между устьями Енисея и Таймыры. На карте Колчака впервые были названы острова Норденшельда. Вероятно, он воспользовался упоминанием о «Норденшельдовых островах» в описании путешествия Нансена (*Нансен Ф. «Фрам» в полярном море (1897) // Собрание сочинений. Л., 1940. Т. 2. С. 194*).

¹⁴⁶ В описании своего путешествия на «Фраме», рассказывая о событиях 22 августа 1893 г. вблизи Таймырского полуострова, Нансен спрашивал себя: «Считать ли, что мы сейчас идем вдоль острова Таймыр, обозначенного на русских картах?» По мнению Нансена, Норденшельд принял за Таймырский какой-то другой пролив (*Нансен Ф. «Фрам» в полярном море... С. 180–181*).

Амурский вопрос

История присоединения Амурского края к России неоднократно рассматривалась с разных точек зрения и в XIX, и в XX столетиях. При этом подробно излагались действия капитан-лейтенанта Г.И. Невельского и генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, благодаря которым было исследовано устье Амура и началось освоение Приамурского края. Заслуги Невельского и Муравьева неоспоримы. Однако сам «Амурский вопрос» в 40-х годах XIX в. привлек к себе внимание и Николая I, и его министров, прежде всего, благодаря сведениям, собранным Миддендорфом во время Сибирской экспедиции. Авторы, писавшие в XIX столетии о проблеме присоединения Амурского края к России, упоминали имя Миддендорфа, хотя не останавливались на подробностях его участия в истории решения этой проблемы¹⁴⁷.

Миддендорф заинтересовался Амуром еще в Петербурге, собирая материалы о Сибири. Литература и карты помогли ему понять, что «Амур есть единственная значительная водная жила [артерия], ведущая к океану, единственный путь, который природа дала со всех сторон запертой Сибири», и ему захотелось посетить край, в который «рано или поздно должно проникнуть судоходство и вместе с ним цивилизация»¹⁴⁸.

Согласно Нерчинскому договору (1689), граница с Китаем к востоку от впадающей в Амур реки Горбицы должна была проходить вдоль «цепи гор», т.е. Станового хребта. Но положение этого хребта, сам его характер ни в России, ни в Китае не были точно известны. Узнав в Якутске, что Становой хребет восточнее Горбицы не очень высок, и якуты охотятся к югу от него, не встречая никаких препятствий, Миддендорф решил, что после исследований в Удском остроге он попытается достигнуть устья Амура, а затем пройдет к его истокам вдоль южного склона Станового хребта: «Ужели я должен был теперь возвращаться в Якутск тем же пу-

¹⁴⁷ См. например: *Романов Д.* Присоединение Амура к России. Период III // Русское слово. 1859, июль. Отд. III. С. 93–136; *Невельской Г.И.* Подвиг русских морских офицеров на крайнем востоке России в 1849–1855 гг. СПб., 1878; *Шумахер П.* К истории приобретения Амура // Русский архив. 1878. Кн. III. № 9–12; *Барсуков И.П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891.

¹⁴⁸ *Миддендорф А.Ф.* Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 137.

тем, на котором я только что собрал свою лучшую добычу в благоприятное время года, — писал Миддендорф в своем труде о Сибирской экспедиции. — Я составил себе иной план, не обращая внимания, сходится ли он с видами главного управления, заведовавшего в то время пограничными делами»¹⁴⁹.

Собираясь путешествовать в пределах Китая без официального разрешения, Миддендорф, конечно, рисковал, но азарт исследователя оказался сильнее вполне уместной в данном случае осмотрительности. 9 марта 1844 г. Миддендорф писал Бэру из Якутска, что чувствует себя «скороходом в местах, где Бог еще не построил железных дорог», и надеется быстро преодолеть пространство Китая, уверенный, что там его не поймают. Отмечая, что немного выйдет за пределы России, Миддендорф спрашивал Бэра, «сможет ли после возвращения сообщить об этом в Академии наук»¹⁵⁰. В письме, написанном Миддендорфом Бэру 13 июня 1844 г. в Удском остроге, читаем: «Я долго колебался — я был бы благодарен Академии, если бы получил деньги, но так как топографические данные (из-за того, что сведения о границе весьма туманны) обещают некоторую ценность, я решил один в сопровождении топографа отправиться вдоль границы до Нерчинска (до Горбиченской крепости)»¹⁵¹.

Бэр, знавший о намерениях Миддендорфа еще до получения упомянутых писем, в феврале 1844 г. писал ему, что для науки «каждая ветка, каждая травинка и каждая улитка из Амурского края представляют большую ценность»¹⁵². Через несколько дней в другом письме Бэр отметил, что знание положения границы с Китаем весьма желательно, но от Академии Миддендорф получит инструкцию лишь для исследований в Удском остроге. И затем приватно (*privatissime*) Бэр добавил: «Я не могу *советовать* Вам (выделено Бэром. — *Авт.*) краткую поездку в Амурскую страну, так как не смогу за это отвечать, если с Вами случится несчастье. Только я хочу Вам *sub rosa* [по секрету] сказать, что я имею в руках доказательство, как мало китайские ревнители охраняют границу своими собственными силами»¹⁵³. Кроме того (тоже приватно) Бэр сообщил

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ A. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, Jakutsk, 9. März 1844 // UBG. Nachlass von Baer. Bd. 16.

¹⁵¹ A. Th. v. Middendorff an K.E. v. Baer, 13. Juni 1844 // Там же.

¹⁵² K.E. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, 12. Februar 1844 // DSHI 190 Estland 320.

¹⁵³ K.E. v. Baer an A. Th. v. Middendorff, 18. Februar 1844 // Там же.

Миддендорфу, что И. Ф. Крузенштерн подготовил для императора проект плавания по Амуру — вверх и вниз по течению, однако пока не передал его, полагая, что для такого плавания следует получить разрешение у китайцев. По мнению Бэра, китайское правительство такого разрешения не даст, и успешным может стать путешествие только без официального разрешения.

Упомянутые письма Бэра, отправленные из Петербурга в феврале 1844 г., а также инструкцию Академии наук вместе со сведениями о том, что для путешествия к Охотскому морю выделены деньги, Миддендорф получил только в ноябре, когда уже был на реке Селемдже.

Бэр рассказал в Академии о намерениях Миддендорфа не ограничиваться наблюдениями в Удском остроге. Во всяком случае, в отчете Академии наук за 1844 г., сообщая о ходе Сибирской экспедиции, П. Н. Фус отметил: «путь, по которому г. Миддендорф намерен следовать, покинув Удский острог, не назначен ему в инструкциях, но он выбрал его по собственному произволу /.../. Если проект этот удастся, то мы обязаны будем г. Миддендорфу первыми известиями об образовании [положении?] этой границы, потому что, сколько известно, она никем не была посещаемая /.../, на географических картах она означает совершенно произвольным образом»¹⁵⁴.

Миддендорф и его спутники успешно преодолели трудности неизведанного пути. И хотя нельзя было вести ни геологические, ни естественноисторические наблюдения, так как путешествовали глубокой осенью и зимой, все же Ваганов производил съёмку, а Миддендорф с помощью компаса определял направление рек и хребтов, собирая сведения о рельефе местности. «Как бы то ни было, я не раскаиваюсь в том, что решился на упомянутое путешествие,— писал Миддендорф. — Тщательно занося на бумагу наш маршрут и проверяя, сколько было возможно критически, множество показаний на мои расспросы, я успел составить картину Амурского края, которая бросала новый свет на эту страну»¹⁵⁵.

В Академии наук о результатах наблюдений Миддендорфа между Становым хребтом и Амуром узнали 21 марта 1845 г., когда путешественник уже был в Петербурге. В своем последнем отчете об экспедиции Миддендорф сообщал, что на южном склоне Стано-

¹⁵⁴ СПб. вedom. 1845. № 51. С. 227.

¹⁵⁵ *Миддендорф А. Ф.* Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 138.

вого хребта живут тунгусы, которые платят ясак в Якутск, а не китайскому императору. Южнее он встречал гиляков — народ, еще неизвестный ученым и не зависимый ни от китайского, ни от российского императоров. Судя по наблюдениям и собранным Миддендорфом сведениям, граница никем не охранялась. Он сам видел пограничный знак, поставленный китайцами к югу от Станового хребта, а местные тунгусы рассказали ему о двух других знаках. Поэтому Миддендорф пришел к выводу, что китайское правительство считает, что граница находится южнее этой горной цепи, и тем самым «увеличивает» пространство России.

Сведения Миддендорфа произвели в Петербурге большое впечатление. Уже 25 марта министр народного просвещения С.С. Уваров счел своим долгом сообщить об окончании Сибирской экспедиции Николаю I. Причиной такой «поспешности», несомненно, были сведения Миддендорфа о границе с Китаем. Об этом свидетельствует запрос директора канцелярии министра народного просвещения В.Д. Комовского, который 29 марта просил П.Н. Фуса сообщить, что ему известно о российско-китайской границе для доклада министру народного просвещения. И Фус уже на следующий день изложил Комовскому сведения, полученные от Миддендорфа: «Официальная граница между русскими и китайскими владениями на юго-востоке Сибири должна пролегать по Яблонному—Становому хребту, который на картах наших показан неверно, именно — несколькими градусами на север от настоящего своего положения. Сами же китайцы, судя по пограничным своим столбам, считают эту границу еще южнее. На этом пространстве живут оседлые тунгусы в числе до 2000 душ, платящие нашему правительству ясак»¹⁵⁶.

Всепогоднейший доклад Уварова, в котором речь шла о необходимости наград для путешественников, 5 апреля был представлен Николаю I. Доклад сопровождался обширной запиской, в которой Уваров практически дословно повторял отчет П.Н. Фуса о результатах экспедиции Миддендорфа. Большая часть отчета Фуса (и записки Уварова) была посвящена описанию открытий Миддендорфа вблизи российско-китайской границы¹⁵⁷.

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 262. Л. 68.

¹⁵⁷ Там же. Л. 80–87.

Карта пространства между Становым хребтом и Амуром из «Атласа» А. Ф. Миддендорфа

Познакомившись с докладом Уварова, Николай I пожелал прочесть краткий обзор путешествия, составленный самим Миддендорфом. 20 апреля Фус передал Уварову этот обзор, отредактированный им и Бэрмом, как «проект дополнительной записки». Записка Миддендорфа завершалась его рассуждениями о влиянии сурового климата Якутска на более южные части Сибири. Согласно Миддендорфу, «и самая южная покатость Станового хребта неожиданно сурова, даже южный берег Охотского моря /.../ не в состоянии подавать надежды на успешное разведение хлебопашества, и что, следовательно, снабжение всего Охотского и Камчатского края и даже Северо-Американских колоний всегда заставят нас прибегать к урожаям южной Сибири /.../ Тем более должно жалеть, что единственная судоходная река в северной Азии, протекающая на протяжении тысячи верст от запада к востоку и впадающая в море, закрыта нашему судоходству»¹⁵⁸.

Прочитав представленный ему «проект», Уваров в тот же день решил уточнить показавшуюся ему не совсем отчетливой последнюю мысль Миддендорфа. 21 апреля Фус писал Уварову: «Спешу ответить Вашему превосходительству, ибо завтра едва ли возможно будет сообщение [через Неву между Академией наук и Министерством народного просвещения]. Река Амур с самого образования своего от соединения Шилки и Аргуни протекает по китайским владениям на довольно значительном расстоянии от нашей границы — южного склона Станового хребта, и хотя пограничные межю китайские довольно близко к ней подходят, но все-таки они поставлены на север от Амуре, и судоходство по ней [реке] запрещено, или по крайней мере не дозволено трактатом. Миддендорф хотел с намерением намекнуть на это обстоятельство, которое, по его убеждению, весьма важно»¹⁵⁹.

На основе этих сведений Уваров нашел нужным закончить записку Миддендорфа следующими словами: «р. Амур протекает по китайским владениям на довольно значительном расстоянии от нашей границы, и судоходство по ней практически не дозволено»¹⁶⁰. С этим дополнением «Краткий обзор путешествия» и был представлен Николаю I¹⁶¹.

¹⁵⁸ Там же. Л. 125–125 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 126.

¹⁶⁰ Там же. Л. 125 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 134–149 об.

Можно предположить, что император затем обсуждал вопрос об Амуре с самим Миддендорфом. Во всяком случае, в труде о Сибирской экспедиции Миддендорф упоминал, что весной 1845 г., прочитав общий отчет о его путешествии, император потребовал от него подробнейших сведений об Амурском крае¹⁶², а также писал: «сам Государь пожелал узнать от меня обстоятельнее о при-Амурских [так!] странах»¹⁶³.

Николай не только интересовался сведениями об Амурском крае, но и привлек к ним внимание министров разных ведомств. Прежде всего, император пожелал узнать, действительно ли Амур можно использовать для судоходства. В связи с этим Морское министерство предложило отправить экспедицию в Китай и Японию, чтобы установить торговые отношения с этими странами, а заодно исследовать и устье Амура. Но министр финансов Ф. П. Вронченко решил, что такая экспедиция будет очень дорогостоящей. Тогда министр иностранных дел К. В. Нессельроде распорядился, чтобы председатель главного правления Российско-Американской компании Ф. П. Врангель отправил для изучения Амура одно из судов компании. Причем экспедицию следовало организовать «без шума», чтобы китайцы не догадались о намерениях россиян.

В инструкции, которую составил министр, помимо прочего, речь шла о том, что необходимо «описать лиман реки Амур между Сахалином и матерым берегом и соседственный с лиманом юго-восточный берег Охотского моря до Удской губы¹⁶⁴. Для соображения же при описи сего последнего берега, прилагается карта оною, составленная академиком Миддендорфом, а равно и карта пути [его] с этого берега в Забайкалье»¹⁶⁵. На проекте инструкции Николай начертил: «принять все меры, чтобы паче всего удостовериться, могут ли входить суда в реку Амур, ибо в этом заключается весь вопрос, важный для России»¹⁶⁶.

Врангель послал инструкцию и карту в Аян в начале марта 1846 г., а летом того же года, по распоряжению М. Д. Тебенькова

¹⁶² Миддендорф А. Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 173.

¹⁶³ Там же. С. 187.

¹⁶⁴ По какой-то необъяснимой причине в XIX в. юго-западный берег Охотского моря называли юго-восточным.

¹⁶⁵ Невельской Г. И. Подвиг русских... С. 45.

¹⁶⁶ Там же. С. 45–46.

(главного правителя российских колоний в Америке) к устью Амура на бриге «Константин» был отправлен капитан Гаврилов-второй (А.М. Гаврилов). Результаты съемок и измерений в лимане Амура и Татарском проливе, которые Гаврилов обозначил на карте, казалось бы, подтверждали широко распространенные после плаваний Ж.-Ф. Лаперуза и И.Ф. Крузенштерна взгляды, согласно которым Сахалин перешейком соединяется с материком, а при входе в Амур — много мелей и глубины невелики. В журнале же наблюдений он писал (по словам Невельского), что «по краткости времени, ничтожеству имевшихся у него средств, свежим ветрам и течениям, ему не представилось никакой возможности произвести тщательные и подробные исследования, которые могли бы разрешить вопрос о состоянии устья реки Амур и ее лимана»¹⁶⁷. Вместе с тем Гаврилов отметил, что по результатам его описи нельзя делать заключение о характере устья.

Как ни странно, Врангель не придал значения последнему замечанию Гаврилова. Он сообщил Нессельроде, что задание выполнено и просил наградить не только Гаврилова, но и Тебенькова. При этом Врангель передал Нессельроде карту Гаврилова с данными о глубинах. На основе этих данных Нессельроде заключил, что Амур не имеет для России никакого значения, о чем и сообщил в 1847 г. во всеподданнейшем докладе. Николай I на этом докладе начертал: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить»¹⁶⁸.

Несмотря на такую высочайшую резолюцию, вопрос об Амуре «оставлен» не был. И в этом «виновен» в известной степени сам император, назначивший в сентябре 1847 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьева (в будущем — Муравьева-Амурского). Биографы Муравьева обычно подчеркивают его приоритет в решении проблемы Амура. Г.И. Невельской и вслед за ним некоторые историки считают, что именно он привлек внимание Муравьева к этой проблеме. Однако рассказ самого Невельского о встрече с Муравьевым в Петербурге свидетельствует о том, что вопрос об Амуре интересовал Муравьева и до их встречи. Невельской писал: «Я имел случай обратить его внимание на важное значение

¹⁶⁷ Там же. С. 51.

¹⁶⁸ Там же. С. 52. П.В. Шумахер полагал, что исследования Гаврилова «закрыли Амур» (*Шумахер П. К истории... С. 257*).

для вверенного ему края р. Амур; на это он отозвался, что не только возвращение этой реки в наше владение, но и открытие для нас свободного по ней плавания представляет огромное значение для Сибири; но, к несчастью, все убеждены, будто бы устье этой реки забросано мелями и недоступно для входа в реку судов с моря». Когда Муравьев сказал Николаю I о значении реки Амур для России, «государь император изволил выразиться: „Для чего нам эта река, когда уже положительно доказано, что входить в устье могут только одни лодки“»¹⁶⁹.

Итак, выясняется, что Муравьев не только был знаком с проблемой Амура, но и говорил о ней с императором. Может быть, и сама встреча с Невельским состоялась по инициативе Муравьева, узнавшего о том, что в Гельсингфорсе строится судно, которое должно отправиться на Камчатку? Может быть, действительно, он сообщил Невельскому «свое мнение о необходимости более правильного исследования устья Амура»¹⁷⁰?

Если Муравьев до встречи с Невельским знал о проблеме Амура, следует попытаться ответить на вопрос, каким образом он мог о ней узнать. Готовясь в Петербурге к деятельности губернатора, Муравьев знакомился с состоянием дел в Восточной Сибири. Проблема российско-китайской границы в конце 40-х годов обсуждалась не только в правительственных кругах. О своих открытиях на юго-востоке Сибири Миддендорф рассказывал многочисленным знакомым. Выясняется, что Миддендорф обсуждал проблему и с Муравьевым.

В Эстонском историческом архиве сохранились два письма к Миддендорфу Пл. А. Чихачева, с которым Миддендорф был знаком с 1845 г.¹⁷¹ Из этих писем следует, что Чихачев имел возможность свободно общаться с Муравьевым, когда тот жил в Петербурге в конце 1847 — начале 1848 г. В январе 1848 г., узнав о том, что Муравьев вскоре уезжает в Сибирь, Миддендорф попросил, чтобы Чихачев организовал их встречу. 11 января 1848 г., отвечая на это письмо, Чихачев сообщал Миддендорфу: «Из-за Вас я писал Муравьеву уже позавчера, но еще не получил никакого ответа, потому что он готовит сейчас свой последний доклад для царя. Во всяком

¹⁶⁹ Невельской Г.И. Подвиг русских... С 45.

¹⁷⁰ Шумахер П. К истории... С. 258.

¹⁷¹ СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 24 об.

случае, можете Вы найти Муравьева каждый день в четыре часа вечера в гостинице «Demuth» (вход со стороны Мойки, № 20). Я думаю, что было бы лучше, если бы Вы сами его посетили, хотя я напишу ему об этом еще раз. Человека можно простить, так как он имеет здесь очень много дел»¹⁷². А уже на следующий день (12 января) Чихачев снова писал Миддендорфу: «Только что я говорил с г. Муравьевым — он очень просит его извинить, что еще не посетил Вас, и просит — если возможно — встретиться у него завтра во вторник в семь часов вечера (подчеркнуто Чихачевым. — Авт.). Я в это время тоже буду там и, вероятно, можно будет устроить небольшой обмен идеями между Муравьевым и Вами. Таким образом, до встречи завтра вечером. P.S. Муравьев уезжает в Сибирь в воскресенье [т.е. 18 января 1848 г.]»¹⁷³.

Муравьев тотчас согласился на встречу с Миддендорфом, несмотря на множество неотложных дел перед отъездом. Встреча, несомненно, состоялась, хотя о ней не упоминают авторы даже подробных биографий Муравьева. О теме разговора можно лишь догадываться. Муравьев мог считать эту встречу очень важной, вероятно, потому, что речь шла об Амуре и можно было получить надежные сведения о пространстве вблизи Амура от единственного россиянина, который там сам побывал и поэтому лучше, чем кто-нибудь другой, мог судить о ситуации в крае¹⁷⁴.

Вопрос о том, когда Невельской встречался с Муравьевым — до или после этого разговора — остается открытым. Невельской в своей книге о дате встречи не упомянул¹⁷⁵. Известно лишь, что транспорт «Байкал» был заложен в начале января 1848 г., и что *после*

¹⁷² ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 47.

¹⁷³ Там же. Л. 39.

¹⁷⁴ Имеются косвенные сведения о том, что Муравьев иногда общался с Миддендорфом и впоследствии. Друг Миддендорфа Ю.И. Штубендорф, который был якутским гражданским губернатором во времена Н.Н. Муравьева, в 1857 г. писал Миддендорфу: «Сейчас Муравьев в Петербурге. Вероятно, ты будешь иметь случай с ним встретиться. Будь добр и сообщи мне, в каком состоянии его и мой барометр. Прежде всего — разумеется — мой. При каждом длительном путешествии [Муравьева] в Петербург возникает невольный вопрос, вернется ли он? Его отсутствие для края [Восточной Сибири] и для меня стало бы большой потерей». (ЕАА. Ф. 1802 Оп. 1. № 9. Л. 3–3 об.).

¹⁷⁵ Невельской, по его собственным словам, о проблеме Амура узнал из периодической печати. Знал он и о том, что сведения о гиляках «достигли престола», и о том, что сведения эти «доставлены были академиком Миддендорфом, осмотревшим восточный берег Охотского моря и не дошедшим всего 200 верст до устья Амура». (Невельской Г.И. Подвиг русских... С. 42).

разговора с Муравьевым Невельской виделся с начальником Главного морского штаба А.С. Меншиковым (фактически морским министром). Во время этой встречи Невельской спросил министра, нельзя ли вверенный ему транспорт — после передачи груза в порту Петропавловска — использовать для исследований в устье реки Амур. Меншиков считал, что для таких исследований времени не останется, но Невельской сделал все возможное, чтобы ускорить завершение строительства судна. 10 февраля 1848 г. в письме к Муравьеву Невельской отметил, что лето этого года «могло быть употреблено с величайшею пользою, а именно на осмотр и опись юго-восточного берега Охотского моря, начиная от Тугурской губы и далее к востоку до лимана р. Амур»¹⁷⁶. Упоминание о Тугурской губе как исходном пункте для исследований также свидетельствует о том, что и Невельской, и Муравьев знали о результатах путешествия Миддендорфа. Ведь именно от Тугурской губы он начал свое путешествие на запад к истокам Амура. (Само название «Тугурская губа» стало встречаться в литературе после Сибирской экспедиции Миддендорфа).

Между тем, еще в 1847 г. начальник Охотского порта Н.В. Вонлярлярский отправил на имя морского министра записку, в которой предлагал «перенести Охотский порт в усмотренный в 1844 г. Миддендорфом на Сегнекском полуострове залив, названный при описи капитаном В.К. Поплонским заливом „Великий князь Константин“. Этот залив /.../ представляет все удобства для основания в нем порта гораздо лучшего, чем Охотский или Аянский»¹⁷⁷.

В связи с запиской Вонлярлярского в 1848 г. морской министр обратился к Н.Н. Муравьеву (который тогда уже был в Иркутске) с вопросом, возможно ли перенести Охотский порт «в новооткрытую на Сегнекском полуострове у Тугурской губы Константиновскую бухту». Министр интересовался также, «сколько будет стоить проведение дороги от этого залива по южному склону Яблонового хребта в Забайкальскую область *по пути Миддендорфа* (выделено нами. — *Авт.*)»¹⁷⁸. Муравьев ответил, что сухопутную дорогу в Забайкалье от Константиновской бухты провести невозможно, но «следовало бы подробнее осмотреть и описать юго-восточный берег Сибири

¹⁷⁶ Романов Д. Присоединение Амура... С. 95.

¹⁷⁷ Невельской Г.И. Подвиг русских... С. 53. Залив, открытый Миддендорфом, В.К. Поплонский описал в 1847 г. Позже залив стали называть Константиновским.

¹⁷⁸ Там же.

от Тугурского залива до устья Амура»¹⁷⁹. Поэтому Муравьев предлагал снабдить капитан-лейтенанта Невельского, который должен был перевозить груз на Камчатку, инструкцией, включавшей и эту задачу.

А.С. Меншиков распорядился, чтобы Невельской, после сдачи груза в Петропавловском порту, отправился для осмотра «юго-восточных берегов Охотского моря». Невельской и его спутники в 1849 г. достигли Сахалина и устья Амура, измерили глубины устья реки и Амурского лимана, чтобы определить возможности судоходства. Измерение глубин в Татарском проливе позволило доказать, что Сахалин не соединен с материком. Это, в свою очередь, позволило Невельскому исправить ошибку, более полувека определявшую географические представления. Сахалин вновь был признан островом.

Муравьев встретился с Невельским в Аянском заливе на борту «Байкала», на обратном пути из Камчатки в Иркутск. Он получил донесение Невельского и материалы его наблюдений, которые затем из Якутска отправил в Петербург. В письме к министру внутренних дел Л.А. Перовскому Муравьев сообщил, что Невельской «превосходно исполнил свое поручение и с такою полнотою, быстротою, добросовестностью и смыслом, что ему могут позавидовать и бессмертный Крузенштерн, и всеведающий Миддендорф»¹⁸⁰.

В своем труде о Сибирской экспедиции Миддендорф подчеркивал заслуги русских моряков в деле освоения Амура: «В наше время устье Амура открыто для всемирного сообщения. Я считал бы за лишнее говорить о нем, если бы не чувствовал себя обязанным определенительно показать, что бесспорно нашему флоту принадлежит заслуга блистательного исправления ошибки, которая его же знаменитым гидрографом [И.Ф. Крузенштерном], если не пущена в ход, то все же была распространена»¹⁸¹. Миддендорф писал также: «Дознать это [что Амур с юга доступен большим морским судам, а Сахалин — остров] и тотчас же воспользоваться тем — было делом наших моряков и остается заслугой русского флага»¹⁸².

В то время, когда Невельской еще плыл к Камчатке, мечтая об исследованиях вблизи устья Амура, в Петербурге в Генеральном

¹⁷⁹ Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 1. С. 181.

¹⁸⁰ Там же. С. 225.

¹⁸¹ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 172–173.

¹⁸² Там же. С. 173.

штабе возник план сухопутной экспедиции для изучения пространства между Становым хребтом и Амуром. Авторы работ об истории этой экспедиции упоминают и о том, что план этот был связан со сведениями Миддендорфа, которые он сообщил генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Ф.Ф. Бергу. Миддендорф познакомился с Бергом 24 марта 1845 г. на одном из вечеров у Бэра¹⁸³. Берга весьма заинтересовал и рассказ Миддендорфа о российско-китайской границе, и его идея наладить торговые отношения с гиляками, жившими вблизи Амура, и приобрести у них кусок земли, чтобы иметь возможность использовать реку для судоходства¹⁸⁴.

Сведения, полученные от Миддендорфа, Берг использовал в особом докладе, составленном в конце 1848 г. по распоряжению военного министра, желавшего знать, что известно о российско-китайской границе. В докладе сообщалось: «часть границы от реки Горбицы до Охотского моря остается неизвестной, ибо о ней никаких положительных топографических сведений вовсе не имеется, и все показанное на картах в этом пространстве не заслуживает никакого доверия»¹⁸⁵. Упоминались в докладе и пограничные знаки, обнаруженные Миддендорфом к югу от Станового хребта. «Что же касается до сведений, доставленных г. Миддендорфом о том, что река Амур, отлично способна к пароходству, не имеет нигде порогов и отмелей и массою своих вод равняется самым значительным рекам Соединенных Штатов, то для удостоверения в этом департамент Генерального штаба предлагал произвести особую рекогносцировку всего течения Амура»¹⁸⁶.

В конце 1848 г. доклад был одобрен Николаем I, и Ф.Ф. Берг получил следующее распоряжение: «государь император, имея в виду недовольно точное определение нашей границы с китайскими владениями, полагал бы необходимым для подробного означения ее составить экспедицию из офицеров Корпуса горных инженеров и путей сообщения под руководством одного штаб-офицера Генерального штаба, присоединив к ним одного или двух офице-

¹⁸³ СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. № 174. Л. 24 об.

¹⁸⁴ *Невельской Г.И.* Подвиг русских... С. 54. Невельской критически отнесся к мысли Миддендорфа о необходимости наладить отношения с гиляками, однако сообщил, что Российско-Американская компания наладила с ними отношения, «имея в виду сведения и мнение Миддендорфа» (Там же. С. 55).

¹⁸⁵ *Романов Д.* Присоединение Амура... С. 100.

¹⁸⁶ Там же. С. 101.

ров Корпуса топографов»¹⁸⁷. На основе этого распоряжения в Генеральном штабе составили план экспедиции, которая должна была, помимо топографических съёмок, вести минералогические исследования. Начальником экспедиции назначили подполковника Генерального штаба Н.Х. Агте¹⁸⁸.

Предложение об организации экспедиции поддержал особый комитет, созданный 29 января 1849 г. по высочайшему повелению. В состав комитета вошли: военный министр А.И. Чернышёв, генерал-квартирмейстер Генерального штаба Ф.Ф. Берг, министр иностранных дел К.В. Нессельроде и министр внутренних дел Л.А. Перовский. В результате обсуждения дальнейших действий на юго-востоке Сибири было решено послать Невельскому наставления в случае, если морское министерство поручит ему осмотр берега Охотского моря от Константиновского залива до устья реки Амур, а также северного берега Сахалина, и ждать от него известий. Российско-Американская компания должна была установить торговые отношения с гиляками, не привлекая внимания китайцев. Экспедиции Генерального штаба поручалось исследовать пространство между официальной границей с Китаем и обнаруженными Миддендорфом пограничными столбами к югу от Станового хребта¹⁸⁹. 8 февраля 1849 г. последовал высочайший указ об отправлении экспедиции.

Муравьев узнал о решениях особого комитета, собираясь отправиться на Камчатку. Но если распоряжения об исследованиях Невельского, организации торговли с гиляками, а также о создании зимовья вблизи Амура он считал полезными, то идею экспедиции для исследований к югу от Станового хребта — ошибочной. Поэтому своим распоряжением Муравьев приказал задержать Агте и его спутников в Иркутске, а сам отправил письмо императору с объяснением своих действий. Муравьев стремился доказать, что не следует предпринимать исследований вблизи границы до тех пор, пока не начнутся переговоры с китайцами о возвращении России левого берега Амура и не будет занято устье этой реки. Он считал также, что после путешествия Миддендорфа едва ли нужны исследования

¹⁸⁷ *Шумахер П. К истории...* С. 258.

¹⁸⁸ В состав экспедиции вошли горные инженеры Н.Г. Меглицкий и М.И. Кованько, служившие тогда на Алтае, астроном Л.Э. Шварц и топографы С.В. Крутиков и В.Е. Карликов.

¹⁸⁹ *Романов Д. Присоединение Амура...* С. 104.

в этой области, и предлагал послать экспедицию не к югу, а к северу от Станового хребта¹⁹⁰. Доводы Муравьева убедили императора, и пространство исследований экспедиции, известной под названием Забайкальской, было изменено.

Экспедиция под руководством Н.Х. Агте считалась секретной, однако в столице о ней знали не только члены упомянутого комитета. 31 марта 1849 г. К.М. Бэр писал Ф.П. Врангелю: «На днях отправляется экспедиция с целью упорядочения нашей границы восточнее Нерчинска. Миддендорф, хотя и назначен самим императором руководить экспедицией, отклонил это, так как нашел нецелесообразным уже готовый план. Это неслыханно!»¹⁹¹

До Бэра дошли не совсем верные слухи. Если бы император приказал Миддендорфу возглавить экспедицию, он вряд ли смог бы отказаться. Но Миддендорф действительно сам собирался отправиться на Амур. Об этом свидетельствуют сохранившиеся среди бумаг Миддендорфа письма Ф.Ф. Берга. Из них можно узнать, что между декабрем 1848 г. и апрелем 1849 г. они несколько раз встречались. 30 декабря 1848 г. Берг писал Миддендорфу: «Можете ли Вы придти ко мне? Возьмите также с собою хорошую карту Восточной Сибири. Я хочу с Вами немного побеседовать о дальнем востоке и о тех частях нашей и китайской границы, которые Вы объехали»¹⁹². Из этого письма следует, что Берг интересовался материалами Сибирской экспедиции Миддендорфа. В дальнейшем при встречах они, вероятно, обсуждали план экспедиции Генерального штаба, и, может быть, в связи с этим Миддендорф сказал Бергу о своем желании побывать на Амуре. Во всяком случае, в письме от 6 февраля 1849 г. Берг отметил: «С удовольствием, мой высокоуважаемый друг, я соглашаюсь с Вашими огромными и прекрасными планами. Однако мы не хотим сейчас решать и будем ждать, чтобы Вы закончили Ваши нынешние работы. Где-то в марте (подчеркнуто Бергом. — *Авт.*), даст Бог, будет завершен план, который мы после этого — в соответствующее время — предложим нашим друзьям географии. До того — ни единого слова и ни одной задержки Ваших нынешних работ»¹⁹³.

¹⁹⁰ Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 1. С. 215.

¹⁹¹ Переписка Карла Бэра... С. 251.

¹⁹² ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. № 13. Л. 61.

¹⁹³ Там же. Л. 54 об.

О плавании по Амуру Миддендорф размышлял, кажется, сразу после возвращения из Сибири в Петербург. Во всяком случае, в 1846 г. он отправил письмо начальнику Аянского порта В.С. Завойко, с которым общался во время экспедиции, надеясь получить у него сведения об Амуре. Из ответа Завойко, написанного Миддендорфу 1 декабря 1846 г., следует, что даже высокопоставленные чиновники, живущие вблизи Охотского моря, не имели об Амуре достоверных сведений. Завойко писал: «Вы хлопчете о сообщении по реке Амуру, по которой еще плавание не предоставлено россиянам, и притом устье Амура мелко и порт у него устроить нельзя, /.../ по этому обстоятельству сообщение по реке Амуру выгоды для Охотской области и Камчатки принести не может; и во что обойдется казне завести два порта и пароход? /.../ Может быть, я и ошибаюсь в своем мнении по незнанию ничего об Амуре, кроме промера старых времен?»¹⁹⁴.

В начале 1848 г. Миддендорф не только думал о путешествии по Амуру, но даже сообщил о своем намерении В.В. Ваганову, спрашивая, не хочет ли тот его сопровождать. Письмо Миддендорфа, к сожалению, не сохранилось. Но 18 февраля 1848 г. Ваганов отвечал Миддендорфу: «Насчет желания моего ехать с Вами, нечего было и спрашивать. Я всегда готов ехать»¹⁹⁵. Ваганов не сообщает, куда именно ехать, но в то время Миддендорф мог его звать только на Амур. В письме Ваганова, написанном в 1849 г., читаем: «Невельской, кажется, молодец. Судя по его собственным действиям, он понимает то, за что берется, а это славная вещь! Очень жаль, что Вы-то к нам не пожаловали. С Вами как-то было бы надежнее. Что делать, будете нашим руководителем, и просим не остыть к Вашему детенышу, который, вероятно, запросит и Вашей помощи! /.../ Вообще много надежд у нас. За дело принялись горячо и у нас, и в Петербурге. Каков-то будет конец? Откровенно сказать — Амур дело не шуточное»¹⁹⁶. Из писем Ваганова следует, что в Иркутске много ждали от Н.Н. Муравьева еще до его приезда в Восточную Сибирь и к тому же полагали, что Миддендорф имел отношение к его назначению губернатором¹⁹⁷.

¹⁹⁴ Там же. № 10. Л. 3 об. — 4.

¹⁹⁵ Там же. Л. 39.

¹⁹⁶ Там же. Л. 40 об., 43.

¹⁹⁷ В 1848 г. В.В. Ваганов писал, что все радуются новому начальнику и, «не видя даже ни малейшего со стороны его действия, стали отдавать ему преимущество как человеку гениальному /.../ Если не окажется в нем и трети приписываемых дарований, то не усомнимся и не упадем духом /.../ Восточная Сибирь нуждается в таком человеке»

Какие-то сведения о намерениях Миддендорфа отправиться на Амур обнаружили и первые историки амурской проблемы. Например, Д. Романов писал: «департамент Генерального штаба предлагал произвести особую рекогносцировку всего течения Амура, поручив известному лицу спуститься в лодке в виде партикулярного путешественника с верховьев реки до устья и выплыть к Аянскому или Тугурскому заливу»¹⁹⁸. Имя путешественника не названо, но, несомненно, имелся в виду Миддендорф. Согласно П.В. Шумахеру, «вся эта экспедиция была следствием записки, поданной в 1845 г. академиком Миддендорфом на высочайшее воззрение. Указывая на необходимость рекогносцировки всего течения Амура, г. Миддендорф сам вызвался спуститься в сопровождении двух топографов и четырех казаков на лодке, особенно для этой цели устроенной, вниз по течению Амура в море, намереваясь выплыть к Аянскому порту Охотского моря»¹⁹⁹.

Миддендорф, несомненно, понимал свою роль в истории решения Амурской проблемы, но по скромности лишь между прочим упоминал о собственных заслугах: «...перемены [в отношениях с Китаем] произошли лишь позднее и преимущественно вследствие того, что мое путешествие доставило более верные понятия о тамошних Амурских странах, равно и об их жителях (выделено нами. — Авт.). Итак, нашей Академии принадлежит честь первого повода к тому преобразованию, которое в наше время совершается в Амурском крае»²⁰⁰. Академия, действительно, обеспечила Миддендорфа средствами, благодаря чему он смог побывать и на берегах Охотского моря, и на южных склонах Станового хребта. Но все же «честь первого повода» к преобразованиям в Приамурском крае принадлежала не Академии, а Миддендорфу. В другом месте он писал: «К исполнению /.../ главных задач, назначенных мне Академией, я по собственному побуждению присовокупил попытку обновить известия о забывшемся почти Приамурском крае. Попытка эта удалась свыше всякого ожидания:

начальнике, это Вам очень известно, как очевидцу весьма и весьма многого /.../ И что Вы не полагаете, а мы уверены, что Вашему-то посредству обязана Восточная Сибирь за благодетельное явление, которое она, хотя еще по предубеждению, но ощущает уже с некоторого времени». (Там же. Л. 39).

¹⁹⁸ Романов Д. Присоединение Амура... С. 101.

¹⁹⁹ Шумахер П. К истории... С. 268.

²⁰⁰ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1860. Ч. I. Отд. I. С. 113.

моей спешной поездке суждено было послужить первым поводом к политическому преобразованию, которое несравненно звучнее тихих успехов науки»²⁰¹.

Само название «Приамурский край» получило распространение после Сибирской экспедиции. Можно предположить, что и название «Дальний Восток» появилось благодаря труду Миддендорфа — словосочетание «дальний восток» он несколько раз употреблял в «Путешествии на север и восток Сибири». Автор, впервые поместивший слова «Дальний восток» в заглавие своей работы²⁰², не только читал «Путешествие», но и использовал сведения Миддендорфа как при описании природы Приамурского края, так и при изложении истории амурской проблемы.

О том, что Сибирская экспедиция Миддендорфа стала важным стимулом для действий правительства при решении Амурской проблемы, знали современники. Так, исследователь Сибири и первый рецензент труда Миддендорфа Н.С. Щукин писал: «Вышли важные последствия, о которых, вероятно, и не думал путешественник». Щукин не сомневался, что «возвращение знаменитой реки Амур» связано и с экспедицией подполковника Генерального штаба Н.Х. Агте²⁰³, и с действиями генерала Муравьева: «Вот что значит слово, сказанное вовремя»²⁰⁴. В очерке по истории Академии наук ее непреременный секретарь К.С. Веселовский отметил, что собранные Миддендорфом сведения «совершенно изменили существующий в России взгляд на Амурский край и послужили поводом к тем мерам, которые привели к включению этого края в пределы империи»²⁰⁵.

В XIX и в начале XX столетия авторы самых разных работ отмечали значение экспедиции Миддендорфа для решения Амурского вопроса. Ученые советского времени, касаясь истории

²⁰¹ Миддендорф А.Ф. Путешествие... 1862. Ч. I. Отд. III. С. 392.

²⁰² Штерк Ф. Россия Дальнего востока // Зап. РГО по общей географии. 1885. Т. 14.

²⁰³ Забайкальская экспедиция (1849–1852 гг.) считалась секретной. Поэтому не все ее материалы были опубликованы. Историю экспедиции описал ее участник астроном Л.Э. Шварц (Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества. СПб., 1864. См. также: РГИА. Ф. 44. Оп. 2. № 1006).

²⁰⁴ Щукин Н. «Путешествие на север и восток Сибири...» // Морск. сб. 1861. Т. 55. № 10, критика и библиография. С. 47.

²⁰⁵ Веселовский К.С. О развитии деятельности Академии наук в последнее пятидесятилетие // Зап. АН. 1877. Т. 29. Кн. 1. С. 21.

присоединения Амурского края к Российской империи, не упоминали имени Миддендорфа. Тогда как иностранные ученые в своих исследованиях до сих пор обращают внимание на роль Миддендорфа в истории решения этой проблемы²⁰⁶.

²⁰⁶ *Bassin M.* The Russian Geographical Society, the «Amur Epoche» and the Great Siberian Expedition 1855–1863 // *Annals of the Association of the American Geographers*. 1983. Vol. 73, No 2. P. 240–256; *Bassin M.* Imperial visions. Nationalist imagination and Amur geographical expansions in the Russian Far East, 1840–1865 // *Cambridge studies in historical geography*. Cambridge, 1999. Vol. 29; *Rohn M.* Die Expedition Alexander Th. Middendorffs (1842–1845) und die Folgen. Münster, 2004 (Магистерская диссертация).

Заключение

Основные события жизни А. Ф. Миддендорфа после окончания Дерптского университета теперь известны. Несомненно, главным в научной деятельности ученого был труд о Сибирской экспедиции. Миддендорф подготовил к изданию по существу 9 вполне самостоятельных сочинений, объединенных общим заглавием. Впечатляет не столько объем, сколько содержание этих работ, включивших в себя, помимо множества новых фактов, обилие оригинальных мыслей, выводов и даже сведений о российской истории.

Результаты исследований Миддендорфа не остались только на страницах его труда. Миддендорф содействовал появлению в географической литературе многих важных идей, а на картах — новых названий. Он стимулировал изучение вечномерзлых почв, ввел в науку понятие «полюс холода», положил начало геоботаническим и зоогеографическим исследованиям в Восточной Сибири, первым определил северную границу лесов Евразийского материка и описал особенности разных типов сибирской тундры. Характер анализа условий существования растений и животных в труде о Сибирской экспедиции позволил зоологам XX в. называть Миддендорфа одним из первых российских экологов.

Миддендорф много внимания уделял истории Российской империи, особенно истории ее географического познания. Он первым стал использовать старинные карты Сибири для выяснения характера изменения географических представлений и привлечь внимание ученых к самой этой проблеме. Существенной была роль Миддендорфа

в истории изучения этнографии и языков народов Сибири, в своем труде он коснулся многих тем, которыми российские этнографы и лингвисты активно занялись только в 70–80-х годах XIX в. Он широко использовал исторические данные для решения самых разных вопросов как науки, так и хозяйственной деятельности.

Материалы, собранные Миддендорфом и его спутниками во время Сибирской экспедиции, не только обогатили академические музеи, но стали основой и для особых сочинений К.М. Бэра, Р.Э. Траутфеттера, Ф.И. Рупрехта, А.А. Кейзерлинга. Результаты наблюдений Миддендорфа привлекали внимание таких ученых, как А. Гумбольдт, Г. Дове и Ч. Лайель. Современники высоко ценили вклад Миддендорфа в разные области науки. Согласно сохранившемуся списку, Миддендорф был избран членом более сорока самых разных обществ как в России, так и за ее пределами.

Краеведческий музей в Иркутске

Миддендорф специально не занимался теоретическими вопросами естествознания, но был достаточно хорошо знаком с основными идеями своей эпохи. Он начал свой путь в науке, когда основополагающие концепции в области естествознания существенно

отличались от тех, которые распространились после 60-х годов XIX в. С помощью собственных наблюдений Миддендорф стремился найти доводы либо для подтверждения, либо для опровержения разных точек зрения. Он не предлагал особых концепций, но, несомненно, был незаурядным мыслителем и постоянно ставил все новые вопросы, в той или иной форме будоражившие научную мысль. Во всяком случае, многие суждения Миддендорфа оказались современными и для конца XIX, и для начала XX в., а некоторые его мысли не утратили своего значения и в конце XX столетия.

Конечно, Миддендорф не всегда был прав. Но если вспомнить о том, как скудны были сведения о местностях, в которых он побывал, а также о состоянии проблем естествознания, затронутых учёным, то следует удивляться не столько его ошибочным суждениям, сколько наличию таких, с которыми трудно спорить и сегодня. Вероятно, именно уровень тогдашней российской науки стал причиной того, что современники не заметили многие важные мысли Миддендорфа и даже не сразу обратили внимания на все географические открытия экспедиции. Интересно, что ботанические, геологические и этнографические наблюдения Миддендорфа, кажется, привлекали внимание ученых в большей степени, чем его зоологические исследования.

Зоологи, несомненно, были знакомы с коллекциями Миддендорфа, о чем свидетельствуют многочисленные виды животных, названные в его честь. Но опубликованные зоогеографические идеи Миддендорфа в свое время оказались невостребованными. Между тем, Миддендорф первым в России определил содержание понятия «зоогеография», вполне осознанно вел полевые зоогеографические наблюдения и подробно изложил результаты своих исследований об условиях существования как отдельных животных, так и их географических группировок.

Хотя большую часть своей жизни Миддендорф занимался наукой, труд кабинетного ученого его привлекал меньше, чем путешествия. Миддендорф объехал едва ли не всю европейскую часть страны — побывал на Ладожском и Онежском озерах, на Северной Двине, в Белом море и на Соловецких островах, в Баренцевом море и на Новой Земле, в Финляндии, на Волге, в степях Харьковской губернии, на Кавказе. Кроме того, Миддендорф пересек Южный

Урал, на юге Западной Сибири видел Барабинскую степь, побывал на Алтае, в долинах рек Оби, Иртыша и Оми, а в Туркестане — не только в Ферганской долине, но и в верховьях Сыр-Дарьи. Трудно назвать другого ученого Российской империи, который собственными глазами увидел тундру и тайгу, степи и пустыни, склоны нескольких российских горных систем и просторы Атлантического и Ледовитого океанов.

Путешественник и ученый, обогативший своими исследованиями разные области современной ему науки, Миддендорф вместе с тем немало сделал для развития сельского хозяйства как в Лифляндии, так и в Европейской России. Он стремился применять научные знания для решения различных практических проблем коневодства и молочного скотоводства не только в собственных имениях. К тому же Миддендорф широко делился представлениями о задачах и методах деятельности в разных областях сельского хозяйства. Он излагал свои рекомендации в многочисленных статьях, читал лекции, участвовал в организации сельскохозяйственных выставок, привозил из Европы лошадей и коров для улучшения местных пород. Деятельность Миддендорфа в области сельского хозяйства принесла заметные плоды. Успехи Лифляндии в этом отношении позволяли ему считать, что применение новых методов в сельском хозяйстве сможет содействовать развитию экономики и благосостояния жителей всей Российской империи.

П.Б. Юргенсон обратил внимание на широкие знания Миддендорфа, уважение к фактам, осторожность в выводах и самокритичность, скромность и независимость в суждениях. Переписка Миддендорфа и отзывы современников (не только друзей) свидетельствуют о том, что он был доброжелательным, приветливым, веселым и мужественным человеком и хорошим семьянином. К тому же его всегда окружали друзья, которыми становились и коллеги, и родственники, и даже друзья его детей.

Миддендорф всегда чувствовал ответственность за все, что происходило вокруг него, и стремился вмешаться в дело, когда считал это необходимым. Если оказалось, что карта Лапландии неверна, он сообщает об этом в особой статье. На статью не обращают внимания, он публикует ее снова. Если чиновники Якутска

несправедливы к инородцам, Миддендорф пишет об этом министру внутренних дел. Когда Миддендорф оказывается вблизи Охотского моря, он пытается выяснить, что можно сделать, чтобы Амур мог стать российской рекой. Став непременно секретарем Академии наук, Миддендорф пытается понять, почему дела там не очень хороши; в качестве председателя Лифляндского общепольного экономического общества он стремится содействовать повышению уровня сельскохозяйственной деятельности в губернии и наладить отношения между помещиками и крестьянами. Когда в России началось железнодорожное строительство, Миддендорф содействовал тому, чтобы железная дорога соединила основные города Прибалтийских губерний с Петербургом, полагая, что это важно для экономического развития этих губерний. И если во время путешествия по Западной Сибири Миддендорф узнает о широком распространении в Барабинской степи сибирской язвы, он выясняет источник и причины ее распространения и сообщает о возможных способах борьбы с болезнью.

Вполне законопослушный гражданин, Миддендорф постоянно и очень резко критиковал недостатки в различных сферах российской действительности. Причем критика была обращена в адрес не только местных чиновников, но и правительства. Так, сообщая о том, что действия чиновников затрудняют развитие земледелия в условиях вечной мерзлоты, Миддендорф писал о подати, «похожей на грабеж», которую требовали у жителя Якутска, узнав о его достижениях в деле выращивания зерновых культур. В статье «Бараба» Миддендорф не только сообщал правительству, что необходимо отменить «дорожную повинность», но и убедительно объяснял нелепость введения такой повинности в Барабинской степи, называя ее «экономической бессмыслицей». В труде о Ферганской долине Миддендорф давал правительству рекомендации, какими должны быть налоги для того, чтобы там успешно могла развиваться хозяйственная деятельность, подчеркивал необходимость кадастровых работ для оценки участков, предназначенных для земледелия, а также проведения геодезической нивелировки прежде, чем будет организована система орошения.

Миддендорф страдал от «неурядиц» в экономической и политической жизни России потому, что любил ее и был патриотом

в самом высоком значении этого слова. Он не только указывал на недостатки, но искал их причины и предлагал способы исправления. Критика Миддендорфа всегда была конструктивна, и не его вина, что не всегда его рекомендации были услышаны или сочтены существенными.

Миддендорф, несомненно, был неординарным человеком и много сделал для своего отечества. Именно поэтому его имя достойно уважения и должно сохраняться в памяти потомков.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ А.Ф. МИДДЕНДОРФА

1815 г. — 6 августа родился в Петербурге

1824–1831 гг. — учился в гимназии, в частной школе, в Главном педагогическом институте

1828–1831 гг. — служил канцеляристом в департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов

1832–1836 гг. — учился в Дерптском университете

1837 г. — защитил докторскую диссертацию

1837–1839 гг. — продолжал свое образование в Европе

1839–1842 гг. — преподавал в университете Св. Владимира в Киеве

1840 г. — путешествовал с К.М. Бэром по Лапландии

1842–1845 гг. — Сибирская экспедиция

1845–1850 гг. — адъютант Петербургской Академии наук

1850–1852 гг. — экстраординарный академик

1850 г. — женился на Гедвиге Гиппиус

1851–1854 гг. — преподавал иппологию в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров

1852–1865 гг. — ординарный академик

1855–1857 гг. — непременный секретарь Академии наук

1859–1860 гг. — президент Вольного экономического общества

1862–1882 гг. — президент Лифляндского общепольного экономического общества

1865–1894 гг. — почетный член Академии наук

1867 г. — путешествовал по Средиземному морю и Атлантическому океану до Канарских островов с великим князем Алексеем Александровичем

1868 г. — путешествовал по Оренбургской губернии, Южному Уралу, югу Западной Сибири с великим князем Владимиром Александровичем

1870 г. — путешествовал по Белому и Баренцеву морям и Атлантическому океану с великим князем Алексеем Александровичем

1872 г. — читал в музее Министерства государственных имуществ лекции о научных основах и практике молочного скотоводства

1873 г. — вице-президент международной выставки лошадей в Вене

1876–1879 гг. — служил управляющим имения Карловка по поручению великой княгини Екатерины Михайловны

1878 г. — изучал природные и экономические условия Ферганской долины

1883–1884 гг. — руководил экспедицией, организованной Министерством государственных имуществ для изучения состояния молочного скотоводства в Европейской России

1887 г. — праздновал в семейном кругу 50-летие со времени получения диплома доктора медицины

1894 г. — 16 января скончался в Гелленорме

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ А. Ф. МИДДЕНДОРФА

1. Разбор сочинения «Пешеходная опись части русских владений в Америке», произведенная лейтенантом А. Загоскиным // Восемнадцатое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1849. С. 57–72.
2. Разбор сочинения г. Менетрие, под заглавием «Catalogue des recueillis par feu M. Lehmann» // Восемнадцатое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1849. С. 85–90. (Совместно с Ф.Ф. Брандтом).
3. Естественная история медведя бурого // *Симашко Ю.И.* (Сост.). Русская фауна. СПб., 1851. Ч. 2. С. 187–295.
4. О задачах ипшологии в отношении к потребностям кавалерии // Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. 1853. Т. 1. Вып. 3. С. 295–327.
5. Разбор сочинения К.Ф. Кесслера «Животные губерний Киевского учебного округа. Млекопитающие. Птицы. Киев, 1850–1852. Вып. 1–4» // Двадцать второе присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1853. С. 78–84. (Совместно с Ф.Ф. Брандтом).
6. Несколько слов в пояснение начертания пути от Колы до Кандалакши // Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. 1854. Т. 2. Вып. 1. С. 106–113.
7. Общий отчет о двадцать четвертом присуждении Демидовских наград 28 мая 1855 г. // Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. 1855. Т. 3. С. 481–504.
8. Разбор сочинения г. Сёверцова под заглавием «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» // Двадцать пятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 191–212.
9. В. Вишнеvский // Морск. сб. 1856. Т. 24. № 11. Смесь. С. 95–104.
10. Письмо неперемного секретаря к г. вице-председателю Русского географического общества // Вестн. РГО. 1857. Ч. 21. Отд. V. С. 1–4.
11. О сибирских мамонтах // Вестник естественных наук. 1860. № 26–27. С. 843–867.
12. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. I. Отд. I. География и гидрография; 1861. Ч. 1. Отд. 2. Орография

и геогнозия; 1862. Ч. 1. Отд. 3. Климат Сибири; 1867. Ч. 1. Отд. 4. Растительность Сибири; 1869. Ч. 2. Отд. 5. Сибирская фауна; 1877. Ч. 2. Отд. 5. Сибирская фауна (окончание); 1878. Ч. 2. Отд. 6. Коренные жители Сибири.

13. Разбор сочинения г. Радде «Исследования над фауною млекопитающих животных Восточной Сибири» // Тридцать первое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1862. С. 114–120.

14. Иппоголиометр // Журн. коннозав. 1862. № 11. С. 139–142.

15. Определение главных начал науки по коннозаводскому делу // Журн. коннозав. 1865. № 4. С. 69–75.

16. Мнение проф. Миддендорфа по вопросу об определении чистопородной орловской лошади // Журн. коннозав. 1865. № 8. С. 106–167.

17. О подборе производителей // Журн. коннозав. 1866. № 3. С. 12–22.

18. Пояснение выражений, касающихся основных начал коннозаводства // Журн. коннозав. 1867. № 3. С. 91–111.

19. О молокомерах // Земледельческая газета. 1869. № 8.

20. Молочное стадо скота Д.А. Путяты // Отчет о Первой Всероссийской выставке рогатого скота 1869 года. СПб., 1870. С. 281–293.

21. Гольфстрим на восток от Нордкапа // Зап. АН. 1871. Т. 19. Кн. 1. С. 73–101.

22. Бараба // Зап. АН. 1871. Т. 19. Прил. № 2.

23. О способах улучшения нашего скотоводства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1872. № 7. С. 1–67.

24. Венская международная выставка лошадей // Журн. коннозав. 1874. № 1. С. 1–104.

25. Торгельский конный завод // Сельское хозяйство и лесоводство. 1880. Ч. 134. № 7. Отд. II. С. 193–214; № 8. Отд. II. С. 327–358; № 9. Отд. II. С. 33–61.

26. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.

27. О породе рогатого скота северной России и улучшении ее // Исследование современного состояния скотоводства в России. Вып. 1. Рогатый скот. М., 1884. С. В-1–В-50.

28. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 2004. Ч. I; 2006. Ч. II. (Репринтное издание).

29. *Quaedam de bronchorum polypis, morbi casu observato illustrata.* Dorpat, 1837.

30. Bericht über die ornithologischen Ergebnisse der naturhistorischen Reise nach Lappland während des Sommers 1840 // Beiträge KRR. 1843. Bd. 8. S. 187–258.

31. Bericht über die Reise des Herrn von A. Middendorff mitgeteilt von Acad. von Baer (Lu le 11 august 1843) // Bull. phys.-math. 1844. T. II. № 33–34. Sp. 140–159.

32. Bericht über die Expedition in das nordöstliche Sibirien während der Sommerhälfte des Jahres 1843. [Turuchansk — Jeniseisk]. I. Ergebnisse // Bull. phys.-math. 1844. T. II. № 40. Sp. 241–256.

33. Bericht über die Expedition in das nordöstliche Sibirien während der Sommerhälfte des Jahres 1843. II. Ergebnisse. Geographie, Geognosie, Meteorologie // Bull. phys.-math. 1844. T. III. № 57. Sp. 150–176; Botanik // Ibid. № 64–65. Sp. 241–259; Zoologie // Ibid. № 67. Sp. 289–304.

34. Bericht über den Schergin-Schacht // Bull. phys.-math. 1845. T. III. № 16–17. Sp. 259–269.

35. *Expédition de Sibérie. Voyage de M. Middendorff à Oudskoï; lettre à M. Fuss* // Bull. phys.-math. 1845. T. IV. № 1, 2. Sp. 18–32.

36. Bericht über die Beendigung der Expedition nach Udskoy Ostrog, auf die Schantaren und durch das östliche Grenzgebirge // Bull. phys.-math. 1845. T. IV. № 15, 16. Sp. 231–250.

37. Bericht über einen Abstecher durch das Innere von Lappland, während der Sommer-Expedition, im Jahre 1840 // Beiträge KRR. 1845. Bd. 11. S. 137–183.

38. Die Samojuden in Petersburg, als Gegenstand der ethnographischen Forschung. Nach einem von Herrn v. Middendorff gehaltenen Vortrag // St. Petersburgische Zeitung. 1847. № 76–77.

39. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844 mit Allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit vielen Gelehrten herausgegeben von Dr. A. Th. v. Middendorff. St. Pbg., 1847–1875. 4 Bde.:

Bd. I. Einleitung, Klimatologie, Geognosie, Botanik.

Th. 1. Einleitung, meteorologische, geothermische, magnetische und geognostische Beobachtungen. Fossile Hölzer, Mollusken und Fische. 1848.

- Middendorff A. Th. v.* Allgemeine Einleitung. S. I–LVI.
Middendorff W. v. Meteorologische Beobachtungen. S. 1–81.
Baer K.E. v. Ueber das Klima des Taimyrlandes. S. 53–65.
Middendorff A. Th. v. Geothermische Beobachtungen. S. 85–183.
Peters Chr. Formeln der mittleren Monats- und Tagestemperaturen für verschiedene Tiefen. S. 168–175.
Lenz E. Magnetische Beobachtungen. S. 187–194.
Helmersen G. v. Geognostische Beobachtungen. S. 197–222.
Göppert H.R. Fossile Hölzer. S. 225–234. Zusatz von A. Th. v. Middendorff. S. 234–237.
Keyserling A. v. Fossile Mollusken. S. 241–258.
Müller J. Fossile Fische. S. 261–263. Nachtrag von A. Th. v. Middendorff. S. 263–264.
- Th. 2. Botanik. Erste Abtheilung.
Trautvetter E.R. Phaenogame Pflanzen aus dem Hochnorden. 1847. S. 1–190.
Ruprecht F.J. Tange des Ochotskischen Meeres. 1851. S. 191–435.
- Th. 2. Botanik. Zweite Abtheilung. 1856.
Trautvetter E.R., Meyer C.A. Florula Ochotensis phaenogama. 1855. S. 1–133.
Borszczow E.G., Borszczow G.G. Musci Taimyrensis, Bogadinenses et Ochotenses nec non Fungi Bogadinenses et Ochotenses in expeditione Sibirica annis 1843 et 1844 collecti. S. 135–148.
- Bd. II. Zoologie.
- Th. 1. Wirbellose Thiere: Annulaten. Echinodermen. Insecten. Krebse. Mollusken. Parasiten. 1851.
Grube E. Annulaten. S. 1–24.
Brandt F., Grube E. Echinodermen. S. 25–42.
Ménétriés E. Insecten. S. 43–76.
Erichson W.F. Hymenopteren und Neuropteren. S. 60–69.
Brandt F. Krebse. S. 77–148.
Fischer S. Brachiopoden und Entomostracen. S. 149–162.
Middendorff A. Th. v. Mollusken. S. 163–464.
Grube E. Parasiten. S. 465–503.
- Th. 2. Wirbelthiere. 1853.
 Lief. 1. *Middendorff A. Th. v.* Säugethiere, Vögel und Amphibien. S. 1–256.

Bd. III. *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. 1851.

Th. 1. Einleitung. S. I–LIV; Jakutischer Text. S. 1–96; Jakutische Grammatik. S. 97–397.

Th. 2. Jakutisch-deutsches Wörterbuch. S. 1–184.

Bd. IV. *Middendorff A. Th. v.* Uebersicht der Natur Nord- und Ost-Sibiriens.

Th. 1. Einleitung, Geographie, Hydrographie, Orographie, Geognosie, Klima und Gewächse.

Lief. 1. Einleitung, Geographie und Hydrographie. 1859. S. 1–200;

Lief. 2. Orographie und Geognosie. 1860. S. 201–332;

Lief. 3. Klima. 1861. S. 333–523 + Anhang I–V, S. I–XXV;

Lief. 4. Die Gewächse Sibiriens. 1864. S. 525–783 + Anhang I–V, S. I–LIV.

Th. 2. Die Thierwelt Sibiriens. Die Eingeborenen Sibiriens.

Lief. 1. Die Thierwelt Sibiriens. 1867. S. 785–1094. Anhang VI.

Nylander W. Lichenes Middendorffiani. 1866. S. IV–LVIII.

Lief. 2. Die Thierwelt Sibiriens. Schluss. (Haus- und Anspannthiere, Fahrzeuge, Fischfang und Jagd). 1874. S. 1095–1394.

Lief. 3. Die Eingeborenen Sibiriens. 1875. S. 1395–1615.

40. Beiträge zu einer Malacozooologia Rossica // *Mém. Acad.* 1847–1849. Série VI. T. 6. № 1; T. 8. № 2–3.

41. Grundriss für eine Geschichte der Malakozoographie Russlands // *Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou.* 1848. T. 21. № 2. S. 424–473.

42. Untersuchungen an Schädeln des gemeinen Landbären, als kritische Beleuchtung der Streitfrage über die Arten fossiler Höhlenbären // *Verhandlungen der russisch-kaiserlichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg.* 1851. Bd. 1850–1851. S. 7–99.

43. Die Anforderungen des Kavallerie-Wesens an die Pferdekunde // *Mélanges biologiques tirés du de Bulletin physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg.* 1852. T. 1. 4 Livraison. S. 456–489.

44. Zusatz zu dem Carl von Ditmars Aufsatz: Ueber die Eismulden in Sibirien // *Bull. phys.-math.* 1853. T. XI. № 19–20. Sp. 241–254.

45. Esquisse de la vie organique en Sibirie // *Compte Rendu de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg.* 1854. P. 131–155.

46. Die Isepiptesen Russlands. Grundlagen zur Erforschung der Zugzeiten und Zugrichtungen der Vögel Russlands // *Mém. Acad.* 1855. Série VI. T. 8.

47. Hippologische Beiträge // *Bull. phys.-math.* 1856. T. XIV. № 6. Sp. 81–93.

48. Über die Nothwendigkeit von Vorbereitungen für den Empfang vorweltlicher sibirischer Riesenthiere // *Bull. Acad.* 1860. T. 1. S. 557–563.

49. Anikiev, eine Insel im Eismeere, in der Gegend von Kola // *Bull. Acad.* 1860. T. 2. S. 152–158.

50. Die Barabá // *Mém. Acad.* 1870. Série VII. T. 14. № 9.

51. Der Golfstrom ostwärts vom Nordkap // *Petermann's Mittheilungen...* 1871. Bd. 17. S. 25–34.

52. Das Landesgestüt der livländischen Ritterschaft zu Torgel // *Mitteilungen der Kaiserlichen Livländischen gemeinnützigen und ökonomischen Sozietät.* 1872. № 3. S. 1–100.

53. Nachträge zur Kenntniss des Nordcapstromes // *Bull. Acad.* 1872. T. 18. Sp. 1–5.

54. Zur Frage über die Reinheit der Race des Orlow'schen Träberpferdes // *Österreichische Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Veterinärkunde.* 1873. Bd. 39. № 2. S. 81–222.

55. Einblicke in das Ferghana-Thal. Nebst chemischer Untersuchung der Bodenbestandtheile von C. Schmidt // *Mém. Acad.* 1881. VII Série. T. 29. № 1.

56. Über Rindviehrasse des nördlichen Russlands und ihre Veredlung // *Landwirtschaftliche Jahrbücher.* 1888. Bd. 17. S. 276–327.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ОБ А. Ф. МИДДЕНДОРФЕ

1. *Бэр К.М.* Новейшие известия об экспедиции г. фон Миддендорфа // СПб. ведом. 1844. № 20–22.
2. [*Богданов А.П.*] Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям. М., 1888. Т. 1. С. 497, 501–504 (с портретом).
3. *Веселовский К.С.* Воспоминания. Время президентства графа [Д.Н.] Блудова в Академии наук. 1855–1884 // Русская старина. 1901. № 12. С. 495–528.
4. *Гвоздецкий Н.А.* Труд А. Ф. Миддендорфа о Ферганской долине и современные проблемы географии Средней Азии // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1969. Вып. 237. Труды по географии. С. 182–189.
5. *Калнин В.* Годы учения А. Миддендорфа в Тартуском университете // Известия АН Эстонской ССР. 1966. Т. 15. Серия биологическая. № 2. С. 239–245.
6. *Конго Л.* О взаимоотношениях академиков К. Бэра и А. Миддендорфа // Folia Vaeriana. 1978. Т. 3. С. 218–225.
7. *Кумари Э.* Значение исследований А. Миддендорфа для развития теорий миграций и ориентации животных // Изв. АН ЭССР. 1966. Т. 15. Сер. биол. № 2. С. 257–264.
8. *Кумари Э.* Академик А. Ф. Миддендорф — основоположник экологической зоогеографии // Петербургская Академия наук и Эстония. Таллин, 1978. С. 119–128.
9. *Леонов Н.И.* Александр Федорович Миддендорф. М., 1967.
10. Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., 1917. Ч. 2. С. 28–33.
11. Отчет РГО за 1894 г. СПб., 1895. С. 6–9.
12. Отчет имп. Академии наук по I и III отделениям за 1894 г. СПб., 1895. С. 6–7.
13. *Паульсон О.М.* Миддендорф // Биографический словарь профессоров и преподавателей университета Св. Владимира в Киеве. Киев, 1884. С. 423–437.
14. *Пунг А.И.* О работе А. Ф. Миддендорфа по разведению сельскохозяйственных животных // Изв. АН ЭССР. 1966. Т. 15. Сер. биол. № 2. С. 247–256.

16. Путешествие Миддендорфа в Северную Сибирь для физических исследований [из отчета П.Н. Фуса] // СПб. ведом. 1845. № 104–108.
17. *Свенске К.Ф.* Обзорение главнейших путешествий и географических открытий с 1838 по 1848 г. // Вестн. РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. С. 96–100.
18. *Соколов В.Е., Шишкин В.С.* Развитие отечественной териологии в XIX веке. М., 2005. С. 159–190.
19. *Сочава В.Б.* Страницы из прошлого русской географии // Сибирский географический сборник. М., 1963. Т. 2. С. 215–236.
20. *Сухова Н.Г., Таммиксаар Э.* Александр Федорович Миддендорф 1815–1894. М., 2005.
21. *Штраух А.А.* Зоологический музей имп. Академии наук. Пятидесятилетие его существования // Зап. АН. 1889. Т. 61. Прил. № 3.
22. *Юргенсон П.Б.* Значение академика А.Ф. Миддендорфа в русской зоогеографии // Бюл. МОИП. 1961. Т. 66. № 1. С. 138–149.
23. *Юргенсон П.Б.* Неведомыми тропами Сибири. М., 1964.
24. *Юргенсон П.Б.* Александр Федорович Миддендорф как исследователь и его научное мировоззрение // Бюл. МОИП. 1966. Т. 71. Вып. 1. С. 142–148.
25. *Ячевский Л.А.* А.Ф. Миддендорф // Зап. СПб. Минералогического общества. Сер. 2. Ч. 31. Протоколы (8 февраля 1894 г.). С. 356–358.
26. *Alschner G.* (hrsg.). Middendorff, A. Th. v. Auf Schlitten, Boot und Rentierücken. Leipzig, 1956.
27. *Baer K.E. v.* Ueber des Herrn Prof. v. Middendorff Karte von seinem Wege durch das Russland Lappland // Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. 1842. Т. IX. P. 298–300.
28. *Baer K.E. v.* [A. Th.] v. Middendorff's denkwürdiger Expedition in das arktische Sibirien // Beiträge KRR. 1855. Bd. 9. Abteilung 2. S. 337–689.
29. *Barr W.* An introduction to Aleksandr Fedorovich Middendorff and his expedition to Taymyr 1843 // Polar geography and geology. 1991. Vol. 15. № 1. P. 3–62.
30. *Barr W.* The contribution of Alexander von Middendorff to the exploration of the Taymyr Peninsula in 1843 // Polar geography and geology. 1993. Vol. 17. № 3. P. 167–184.

31. *Blasius R.* Alexander Theodor von Middendorff. Nachruf // Ornithologisches Jahrbuch. 1894. Bd. 5. № 6. S. 221–233.

32. *Brunchhorst H.* (bearb.). Middendorffs Sibirische Reise mit ergänzenden Beiträgen // Schriftenreihe Nationalpark Schleswig-Holsteinisches Wattenmeer. Tönning, 1994. Bd. 4.

33. *Henze D.* Alexander Theodor von Middendorff // Enzyklopädie der Entdecker und Erforscher der Erde. Graz, 1991. Bd. 3. S. 461–483.

34. *Kirt K.A.* Th. Middendorffi päritolust ja tema tegevusest Hellenurmes [О происхождении А.Ф. Миддендорфа и его деятельность в Гелленорме] // Eesti Loodusuurijate Seltsi Aastaraamat 1969. Kd. 59. Lk. 224–245.

35. *Lackschéwitz K.* Alexander Theodor von Middendorff // Nachrichtenblatt der Baltischen Ritterschaften. 1994. Bd. 36. № 1. S. 1–3.

36. *Lackschéwitz Th.* Alexander Theodor von Middendorff (1815–1894). Forschungsreisender und Landwirt // Jahrbuch des Baltischen Deutschtums. 1961. Bd. 8. S. 112–118.

37. *Lackschéwitz Th.* Alexander Theodor von Middendorff. Herkunft und Vorfahren // Deutsches Familienarchiv. 1970. Bd. 43. S. 117–136.

38. *Lackschéwitz Th.* Alexander Theodor von Middendorff. Ergänzungen und Berichtigungen // Deutsches Familienarchiv. 1978. Bd. 70. S. 63–66.

39. *Päid K.* Akadeemik Alexander Theodor von Middendorff meile ja meie temast [Академик Александр Федорович Миддендорф нам и мы о нем]. Kaseküla-Elva, 1993.

40. *Posselt D.* Al.Th. von Middendorff (1815–1894). Forschungsreisender in Sibirien // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität-Jena. 1977. Bd. 26. S. 1039–1057.

41. *Rohn M.* Die Expedition Alexander Th. Middendorffs (1842–1845) und die Folgen. Münster, 2004.

42. *Stieda L.* Alexander Theodor von Middendorff // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1906. Bd. 52. S. 387–395.

43. *Tammiksaar E.* Alexander Theodor von Middendorff und die Entwicklung der livländischen Gesellschaft in den Jahren 1860 bis 1865 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung, 2010. 2011. Bd. 59. Hft. 2. S. 147–185.

44. *Tammiksaar E., Stone I.R.* Alexander von Middendorff and his expedition to Siberia (1842–1845) // Polar Record. 2007. Vol. 43. № 226. P. 193–216.

Имя А.Ф. Миддендорфа на картах

Мыс Миддендорфа на северном острове Новой Земли — к юго-западу от Ледяной Гавани. (Название дано в 1870 г. капитаном норвежской шхуны «Полярная звезда» Ф.-Э. Маком).

Гора Миддендорфа на острове Edgeoуа архипелага Шпицберген. (Название дано в 1871 г. зоологом Т. Гейглином).

Ледник Миддендорфа на острове Рудольфа архипелага Земля Франца Иосифа. (Название дано в 1874 г. полярным исследователем Ю. Пайером).

Мыс Миддендорфа на юге острова Таймыр вблизи Таймырского залива. (Название дано полярным исследователем А.-Э. Норденшельдом в 1878 г.)

Голец Миддендорфа в Восточном Саяне. (Название дано геологом Л. А. Ячевским в 1888 г.)

Ледник Миддендорфа в Восточном Саяне. (Название дано геологом Л. А. Ячевским в 1888 г.)

Залив Миддендорфа в Карском море. (Название дано Э.В. Толлем в 1900 г.)

Мыс Гелленорм на Таймырском полуострове напротив мыса Миддендорф. (Название дано Э.В. Толлем в том же году).

Мыс Миддендорф на северном берегу Гренландии в море Линкольна. (Между мысом Миддендорфа и мысом Вегенера находится залив Норденшельда).

ПРОСТЕЙШИЕ, РАСТЕНИЯ И ЖИВОТНЫЕ, НАЗВАННЫЕ В ЧЕСТЬ А. Ф. МИДДЕНДОРФА¹

ТИП APICOMPLEXA —

АПИКОМПЛЕКСЫ, ИЛИ СПОРОВИКИ

Eimeria middendorfi Arnastauskiene, 1977 (отряд Eucoccidiorida, сем. Eimeriidae) — кокцидия (эймерия), паразитирующая на полевке Миддендорфа (см. ниже).

ОТДЕЛ RHODORHYTA — КРАСНЫЕ ВОДОРОСЛИ

Cruoria middendorfi Ruprecht, 1850 (сем. Cruoriaceae); синоним *Petrocelis middendorfi* (Ruprecht) Kjellman, 1883 (сем. Phylloporaceae).

Delesseria middendorfi Ruprecht, 1850; синонимы: *Neohypophyllum middendorffii* (Ruprecht) M.J. Wynne, 1983; *Hypophyllum middendorffii* (Ruprecht) Kylin, 1924 (сем. Delesseriaceae).

ОТДЕЛ PINORHYTA — ХВОЙНЫЕ

Larix middendorfi Kolesnikov, 1946 (сем. Pinaceae, сосновые) — Лиственница Миддендорфа, возможно, не является особым видом.

ОТДЕЛ MAGNOLIORHYTA — ЦВЕТКОВЫЕ, ИЛИ ПОКРЫТО-СЕМЕННЫЕ

Polygonum middendorfi Kongar, 1973; синонимы: *Aconogonon middendorffii* (Kongar) Holub, 1974; *Polygonum ajanense* (Nakai 1930)

¹ Идея создания этого списка принадлежит В.И. Гохнаделю, который и подготовил его для первого издания книги. Для настоящего издания список полностью переработан и дополнен А.В. Куприяновым (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (СПб)).

Примечание А.В. Куприянова: Не имея возможности привести здесь полную библиографию работ, использованных при переработке списка, остановлюсь лишь на наиболее обобщающих основных источниках: по сосудистым растениям база данных — The International Plant Names Index (<http://www.ipni.org>); по водорослям — *Guiry M.D., Guiry G.M.* AlgaeBase (<http://www.algaebase.org>); по морским организмам в целом (водоросли, моллюски, многощетинковые черви, ракообразные) — World Register of Marine Species (<http://www.marinespecies.org>); по названиям животных в целом — Index of Organism Names (<http://www.organismnames.com>) и одно из старейших ныне действующих реферативных изданий по зоологии — Zoological Record; по наземным и пресноводным моллюскам — *Kantor Yu.I., Schileyko A.A., Vinarski M.V., Sysoev A.V.* Catalogue of the Continental Molluscs of Russia and Adjacent Territories (Version 2.3.1, published online on March 2, 2010); по птицам — AviBase, The World Bird Database (<http://avibase.bsc-eoc.org>); по млекопитающим — Mammal Species of the World. A Taxonomic and Geographic Reference (3rd ed) *Wilson D.E., Reeder Da. M.* (Eds). Johns Hopkins University Press, 2005; по вымершим организмам — Paleobiology Database (<http://paleobiodb.org>).

Grig. 1936 subsp. *middendorffii* (Kongar) Voroschilov, 1985 (сем. Polygonaceae, гречишные) — Таран Миддендорфа или Гречишник Миддендорфа.

Sedum middendorffianum Maximowicz, 1859; синонимы: *Aizopsis middendorffiana* (Maximowicz) Grulich, 1984; *Phedimus middendorffianus* (Maxim.) Hart't, 1995 (сем. Crassulaceae, толстянковые) — Очиток Миддендорфа.

Betula middendorffii Trautvetter et C.A. Meyer, 1855 (сем. Betulaceae, березовые) — Береза Миддендорфа.

Carex middendorffii Fr. Schmidt, 1868 (сем. Cyperaceae, осоковые) — Осока Миддендорфа.

Delphinium middendorffii E.R. Trautvetter, 1847 (сем. Ranunculaceae, лютиковые) — Живокость Миддендорфа.

Hemerocallis middendorffii Trautvetter et C.A. Meyer, 1855 (сем. Hemerocallidaceae, гемерокаллисовые, или лилейниковые) — Лилейник, или краснопев, Миддендорфа.

Род *Middendorfia* Trautvetter, 1842 (сем. Lythraceae, дербенниковые) — Миддендорфия.

Oxytropis middendorffii Trautvetter, 1847 (сем. Fabaceae, бобовые) — Остролодочник Миддендорфа.

Подвид *O. middendorffii* subsp. *submiddendorffii* Yurtzev, 1986.

Diercilla middendorffiana Carrière, 1853; синонимы: *Weigela middendorffiana* (Carrière) K. Koch, 1854; *Macrodiervilla middendorffiana* (Carrière) Nakai, 1936 (сем. Caprifoliaceae, жимолостные) — Вейгела Миддендорфа.

ТИП CNIDARIA — КИШЕЧНОПОЛОСТНЫЕ

Класс Anthozoa — Коралловые полипы

Donacophyllum middendorffii Dybowski 1874, современное название *Strombodes middendorffii* (Dybowski, 1874) (отряд Stauriida, сем. Курфорофиллиды) — вымерший представитель ископаемых тетракораллов-ругоз из ордовикских отложений Эстонии.

ТИП PLATYHELMINTHES — ПЛОСКИЕ ЧЕРВИ

Класс Turbellaria — Ресничные черви, или турбеллярии

Stenostomum middendorffii Braun 1885 (отряд Catenulida, сем. Stenostomidae).

ТИП ANNELIDA – КОЛЬЧАТЫЕ ЧЕРВИ**Класс Polychaeta – Многощетинковые черви**

Heteronereis middendorffi Malmgren 1865, в настоящее время название рассматривается как синоним *Nereis vexillosa* Grube 1851 (отряд Phyllodocida, сем. Nereididae).

ТИП MOLLUSCA – МОЛЛЮСКИ**Класс Polyplacophora – Панцирные моллюски**

Подрод *Middendorffia* Carpenter in Dall 1882, в настоящее время рассматривается как синоним родового названия *Lepidochitona* Gray 1821 (отряд Chitonida – хитоны, сем. Lepidochitonidae)

Chiton middendorffii Schrenck 1861 – современное название: *Mopalia middendorffii* (Schrenck 1861) (отряд Chitonida – хитоны, сем. Mopaliidae)

Класс Bivalvia – Двустворчатые моллюски

Род *Middendorffinaia* Moskvicheva et Starobogatov 1973 (отряд Unionida, сем. Unionidae – перловицы).

Anodonta middendorffii Siemaschko 1849 (отряд Unionida, сем. Unionidae – перловицы), современный статус названия неясен.

Keenocardium californiense middendorffii Kafanov 1999 (отряд Veneroida, сем. Cardiidae).

Macoma middendorffii Dall 1885 (отряд Veneroida, сем. Tellinidae).

Margaritana middendorffii Rosen 1926, современное название – *Kurilinaia middendorffii* (Rosen, 1926) (отряд Unionida, сем. Margaritiferidae – жемчужницы).

Mytilus middendorffii Grewingk 1850 (отряд Mytiloida, сем. Mytilidae – мидии) – ископаемая форма, распространенная в миоценовых отложениях близ тихоокеанского побережья Северной Америки.

Panopea middendorffii Adams 1854, в настоящее время рассматривается как синоним *Panopea norvegica* (Spengler, 1793) (отряд Euheterodonta, сем. Hiatellidae).

Unio middendorffii Westerlund 1890, современное название – *Nodularia middendorffii* (Westerlund 1890) (отряд Unionida, сем. Unionidae – перловицы).

Класс Gastropoda – Брюхоногие моллюски

Admete middendorffiana Dall 1885, признанное название вида –

Admete viridula (Fabricius 1780) (отряд Neogastropoda, сем. Cancellariidae).

Buccinum middendorffi Verkrutzen 1882 (отряд Neogastropoda, сем. Buccinidae).

Cincinna sibirica middendorffi Moskvicheva in Starobogatov et Zatravkin 1985, в настоящее время рассматривается как самостоятельный вид *Cincinna middendorffi* Moskvicheva in Starobogatov et Zatravkin 1985 (инфракласс Heterobranchia, сем. Valvatidae)

Helix middendorffi Gerstfeldt 1859, современное название — *Karaftohelix middendorffi* (Gerstfeldt, 1859) (отряд Pulmonata — легочные, сем. Bradybaenidae).

Helix middendorffi Mousson 1887, помен graeoccupatum (название, ранее предложенное для другого вида), в настоящее время рассматривается как синоним *Karaftohelix maacki* (Gerstfeldt, 1859) (отряд Pulmonata — легочные, сем. Bradybaenidae).

Limnaea peregra var. *middendorffi* Dybowski 1904, в настоящее время рассматривается как название самостоятельного вида *Limnaea middendorffi* Dybowski 1904 (отряд Pulmonata — легочные, сем. Лимнаеidae — прудовики).

Neptunea middendorffiana MacGinitie 1959, в настоящее время рассматривается как синоним *Neptunea heros* (Gray 1850) (отряд Neogastropoda, сем. Buccinidae).

Strombella middendorffii Dall 1891, современное название — *Volutosius middendorffi* (Dall 1891) (отряд Neogastropoda, сем. Buccinidae).

Trophon middendorffi De Grigorio 1885 (отряд Neogastropoda, сем. Muricidae), современный статус названия неясен.

Turbonilla middendorffi Bartsch 1927 (инфракласс Heterobranchia, сем. Pyramidellidae).

Класс Cephalopoda — Головоногие моллюски

Ceratites middendorffi Keyserling 1845, современное название — *Olenekoceras middendorffi* (Keyserling 1845) (отряд Ceratitida — цератиты, сем. Sibiritidae) — вымерший вид головоногих (аммонитов) из триасовых отложений Азии.

Gonatus middendorffi Kubodera et Okutani 1981 (отряд Oegopsida — кальмары-эгопсиды, сем. Gonatidae)

Polyptychites middendorffi Pavlow 1914, современное название — *Siberiptychites (Pseudoeuryptychites) middendorffi* (Pavlov 1914) (отряд

Ammonitida — аммониты, сем. Polyptychitidae) — вымерший вид головоногих (аммонитов) из меловых отложений Северной Америки.

ТИП ARTROPODA — ЧЛЕНИСТОНОГИЕ

Класс Branchiopoda — Жаброногие ракообразные

Estheria middendorffii Jones 1862 — вымерший вид рачков-конхостраков, современное название — *Bairdestheria middendorffii* (Jones 1862) (отряд Spinicaudata, сем. Eosestheriidae).

Branchipus middendorffianus Fischer 1851, современное название не вполне ясного статуса — *Chirocephalus middendorffianus* (Fischer, 1851) (отряд Anostraca, сем. Chirocephalidae).

Daphnia middendorffiana Fischer 1851 (отряд Cladocera — ветвистоусые, сем. Daphniidae — дафнии).

Класс Ostracoda — Ракушковые ракообразные

Airina middendorffi Melnikova 2000 — вымерший вид рачков-остракоид из ордовикских отложений.

Класс Malacostraca — Высшие ракообразные

Asellus middendorffi — непригодное название, результат ошибочного написания названия *Asellus hilgendorffii* Bovallius 1886 (отряд Isopoda — равноногие, сем. Asellidae — водяные ослики) в публикации, посвященной описанию нового вида сосущих инфузорий (Suctoria), обитавших на поверхности тела *A. hilgendorffii*.

Eualus middendorffi Bražnikov 1907 (отряд Decapoda — десятиногие раки, сем. Hippolytidae — креветки).

Pagurus middendorffii Brandt 1851 (отряд Decapoda — десятиногие раки, сем. Paguridae — раки-отшельники).

Класс Hexapoda, или Insecta — Шестиногие, или Насекомые

Amphidasys middendorffii Ménériés 1858, современное название — *Leucobrephephos middendorffii* (Ménériés 1858) (отряд Lepidoptera — чешуекрылые, или бабочки, сем. Geometridae — пяденицы).

Amphipsylla middendorffii Wagner 1915 (отряд Siphonaptera — блохи, сем. Leptopsyllidae), современный статус названия неясен.

Aspilota middendorffii Belokobylskii 2007 (отряд Hymenoptera — перепончатокрылые, сем. Braconidae — наездники-бракониды)

Bracon middendorffi Ratzeburg 1848, современное название — *Dendrosoter middendorffii* (Ratzeburg 1848) (отряд Hymenoptera — перепончатокрылые, сем. Braconidae — наездники-бракониды)

Carabus middendorffi Ménériés 1851, в настоящее время рассматривается в качестве названия подвида *Carabus (Morphocarabus) hummeli middendorffi* Menetries 1851 (отряд Coleoptera — жесткокрылые, или жуки, сем. Carabidae — жужелицы).

Ephemeropsis middendorffi Handlirsch 1906, в настоящее время это название рассматривают как синоним *Ephemeropsis trisetalis* Eichwald 1864 (отряд Ephemeroptera — подёнки, сем. Hexagenitidae) — вымерший вид из нижнемеловых отложений Сибири.

Feronia middendorffi Sahlberg 1875, современное название — *Pterostichus middendorffi* (Sahlberg 1875) (отряд Coleoptera — жесткокрылые, или жуки, сем. Carabidae — жужелицы).

Ichneumon middendorffii Erichson in Ménériés 1851 (отряд Hymenoptera — перепончатокрылые, сем. Ichneumonidae — наездники-бракониды).

Tipula middendorffi Lackschewitz 1936 (отряд Diptera — двукрылые, сем. Tipulidae — комары-долгоножки).

ТИП HEMICHORDATA — ПОЛУХОРДОВЫЕ

Класс Graptolithina — Граптолиты

Dicelograptus middendorffi Obut et Sobolevskaya 1964 — представитель вымершей группы полухордовых из ордовикских отложений Таймыра.

ТИП CHORDATA — ХОРДОВЫЕ

Класс Рыбы — Pisces

Hadropareia middendorffii Schmidt 1904 (отряд Perciformes — окунеобразные, сем. Zoarcidae — бельдюговые).

Lycoptera middendorffii Müller 1847 (отряд Lycoperiformes, сем. Lycoperidae) — представитель вымершего семейства пресноводных рыб, распространенного в верхнеюрских и меловых отложениях Сибири и Юго-Восточной Азии.

Класс Amphibia — Земноводные

Rana middendorffii Steenstrup 1869, в настоящее время это название рассматривают как nomen oblitum (забытое имя — отвергнутое ради стабильности номенклатуры название, не употреблявшееся в течение длительного времени для животного, ставшего впо-

следствии широко известным под другим названием), принятое в настоящее время название вида — *Rana amurensis* Boulenger 1886, сибирская, или амурская, лягушка (отряд Anura — бесхвостые, сем. Ranidae — настоящие лягушки).

Класс Aves — Птицы

Anser middendorffii Severtsov 1873, в настоящее время рассматривается как название одного из подвидов гуся-гуменника *Anser fabalis middendorffii* Severtsov 1873 (отряд Anseriformes — гусеобразные, сем. Anatidae — утиные).

Cinclus cinclus middendorffii Sushkin 1904, в настоящее время рассматривается как синоним названия *Cinclus cinclus baicalensis* Dresser 1892, байкальская оляпка (отряд Passeriformes — воробьинообразные, сем. Cinclidae — оляпковые).

Phyllopneuste middendorffii Meves 1871, в настоящее время это название рассматривается как синоним названия одного из подвидов зеленой пеночки — *Phylloscopus trochiloides plumbeitarsus* Swinhoe 1861 (отряд Passeriformes — воробьинообразные, сем. Sylviidae — славковые).

Класс Mammalia — Млекопитающие

Arvicola middenforffii Poliakov 1881, современное название — *Microtus (Alexandromys) middendorffii* (Poljakov 1881), полевка Миддендорфа (отряд Rodentia — грызуны, сем. Muridae — мышиные).

Myopus middendorffii Vinogradov 1922, в настоящее время это название рассматривают как младший синоним названия *Myopus schisticolor* Lilljeborg 1844, лесной лемминг (отряд Rodentia — грызуны, сем. Muridae — мышиные).

Ovis middendorffi Kowarzik 1913, в настоящее время это название рассматривают как младший синоним названия *Ovis nivicola* Eschscholtz 1829, снежный баран (отряд Artiodactyla — парнокопытные, сем. Bovidae — полорогие).

Sorex middendorffii Ognev 1933, в настоящее время это название рассматривают как младший синоним названия *Sorex (Sorex) tundrensis* Merriam 1900, тундровая буроzubка (отряд Insectivora — насекомоядные, сем. Soricidae — землеройковые).

Ursus arctos middendorffi Merriam 1896 (отряд Carnivora — хищные, сем. Ursidae — медвежьи) — кадьак (подвид бурого медведя, распространенный на о-вах Кадьякского архипелага).

СТАРЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ

Авинорм (Awinorm) — Авинурме (Avinurme)
Альт-Лайцен (Alt-Laitzen) — Вецлайцене (Vecclaicene)
Верро (Werro) — Выру (Võru)
Вольмарсгоф (Wolmarshof) — Кыю (Кõо)
Гелленорм (Hellenorm) — Хелленурме (Hellenurme)
Дерпт (Dorpat) — Тарту (Tartu)
Либава (Libau) — Лиепая (LieraĶa)
Лодензе (Lodensee) — Клоога (Klooga)
Оденпа (Odenpäh) — Отепя (Oterpää)
Пернов (Pernov) — Пярну (Pärnu)
Пэрафер (Pörrafer) — Пёэравере (Pööravere)
Райкюль (Rayküll) — Райккюла (Raikküla)
Ревель (Reval) — Таллинн (Tallinn)
Самгоф (Samhof) — Пяйдла (Päidla)
Саллоал (Salloal) — Салуала (Saluala)
Тапс (Taps) — Тапа (Tapa)
Торгель (Torgel) — Тори (Tori)
Феллин (Fellin) — Вильянди (Viljandi)
Чудлей (Choudleigh) — Вока (Voka)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арх. РГО — Архив Русского географического общества (Санкт-Петербург)

Бюл. МОИП. Отд. биол. — Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии.

Вестн. ЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета.

Вестн. РГО — Вестник Русского географического общества

Горн. журн. — Горный журнал

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

Журн. коннозав. — Журнал коннозаводства и охоты (1842–1864), Журнал коннозаводства (1865–1917)

Зап. АН — Записки императорской Академии наук

Зап. РГО — Записки императорского Русского географического общества

Изв. РГО — Известия императорского Русского географического общества

Морск. сб. — Морской сборник

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук

РГАДА — Русский государственный архив древних актов (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РНБ — Российская национальная библиотека, Отдел рукописей (Санкт-Петербург)

СПб. ведом. — Санкт-Петербургские ведомости

Тр. ВЭО — Труды Вольного экономического общества

Тр. ИИЕТ — Труды Института истории естествознания и техники

Учен. зап. АН по I и III отд. — Ученые записки Императорской Академии наук по I и III отделениям.

Beiträge KRR — Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens

Bull. Acad. — Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg

Bull. phys.-math. — Bulletin de la Classe physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg

BW — Baltische Wochenschrift

EAA — Eesti ajalooarhiiv (Эстонский исторический архив, Тарту)

EAM — Eesti ajaloomuuseum (Эстонский исторический музей, Таллинн)

EKM EKLA — Eesti kirjandusmuuseum, Eesti kirjanduslooline arhiiv (Эстонский литературный музей, Эстонский литературный архив, Тарту)

ERM — Eesti rahva muuseum (Эстонский национальный музей, Тарту)

FB Gotha, SPA PGM — Forschungsbibliothek Gotha, Sammlung Perthes, Petermanns geographische Mittheilungen Schriftenleitung (Научная библиотека в Готе, собрание Ю. Пертеса, архивные материалы журнала «Mittheilungen»)

DSHI 190 Estland 320 — Dokumentensammlung Herder-Institut. 190 Estland 320 (Собрание документов института имени Гердера в Марбурге. Письма К.М. Бэра к А.Ф. Миддендорфу).

НУК — Helsingin Yliopiston Kirjasto (Библиотека Хельсинкского университета)

LVVA — Latvijas Valsts Vestures Arhivs (Латвийский государственный исторический архив, Рига)

Mém. Acad. — Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg

Petermann's Mittheilungen — Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesamtgebiete der Geographie von Dr. A. Petermann

Mittheilungen der KföG zu St. Pbg. — Mittheilungen der Kaiserlichen freien ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg

РAАvU — Privatarhiv Andreas von Uexküll, Schweden (Частное собрание документов Андреаса Юксюля в Швеции)

РAВvM — Privatarhiv [Beate von Middendorff], Deutschland (это частное собрание теперь у Андерса Миддендорфа в Германии)

РАОЛ — Privatarhiv Odert Lackschewitz, Finnland (Частное собрание документов Одерта Лакшевица в Финляндии)

PAWL – Privatarchiv Wolf Lackschéwitz, Schweden (Частное собрание документов Вольфа Лакшевица в Швеции)

SBPK, Handschriftenabteilung – Staatsbibliothek zu Berlin Preussischer Kulturbesitz (Государственная библиотека прусского культурного наследия в Берлине, Отдел рукописей)

TKM – Tartu kunstimuuseum, Julie Hagen-Schwarzi arhiiv (Тартуский музей искусств, архив Юлии Гаген-Шварц)

UBG Nachlass von Baer – Universitätsbibliothek Giessen, Handschriftenabteilung, Nachlass von Baer (Библиотека университета Гиссена, Отдел рукописей, архив К.М. Бэра)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агассис, Луи (Agassiz, Jean-Louis-Roudolphe), 1807–1873 — 36, 62, 228–229
Агте, Николай Христофорович (Agthe, Nikolai von) 1816–1867 — 104–105, 283, 331–332, 335
Адамс, Михаил Иванович (Adams, Michael Friedrich), 1780–1836 — 293, 295–296
Алексей Александрович, великий князь, 1850–1908 — 99, 126, 132–133, 343
Александр II, 1818–1881 — 83, 86, 99, 126
Александр III, 1845–1894 — 162
Амундсен, Руаль (Amundsen, Roald), 1872–1928 — 314
Андреев, Александр Игнатьевич, 1887–1959 — 292
Анжу Петр Федорович (Anjou, Pétr), 1797–1869 — 302, 306, 312
Арсеньев, Константин Иванович, 1809–1842 — 279
Асмус, Герман-Мартин (Asmuss, Hermann Martin), 1812–1859 — 21, 28
Ауэрбах, Иван Богданович (Auerbach, Johann Alexander), 1815–1867 — 295
- Барановский, Ю.** — 190
Баренц, Виллем (Barentsz, Willem), 1550–1597 — 132
Бартольд, Василий Владимирович, 1869–1930 — 272
Бекетов, Андрей Николаевич, 1825–1902 — 242
Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич (Bellingshausen, Fabian Gottlieb Benjamin von), 1778–1852 — 38
Беляева, П. И. — 206
Берг, Лев Семенович, 1876–1950 — 215
Берг, Федор Федорович (Berg, Friedrich Wilhelm Rembert von), 1794–1874 — 55, 278, 330–332
Бергхауз, Генрих, (Berghaus, Heinrich Karl Wilhelm), 1797–1884 — 54
Беринг, Витус (Bering, Vitus Jonassen), 1681–1741 — 38, 202, 307
Беркгольц, Георг (Berkholz, Georg), 1817–1886, — 101–102, 181, 187–188
Бётлингк, Вильгельм (Böthlingk, Wilhelm von), 1809–1841 — 18
Бётлингк, Оттон Николаевич (Böthlingk, Otto von), 1815–1904 — 64, 72, 100–101, 270–271
Благодеров, Владимир Александрович. — 9
Блазиус, Рудольф (Blasius, Rudolf), 1842–1907 — 5–6
Блудов, Дмитрий Николаевич, 1785–1864 — 74, 80–82, 84, 109, 114, 120

- Богораз-Тан, Владимир Германович, 1868–1936 – 272
- Богославская, Анна (урожденная Миддендорф) (Bogoslavsky, Anna Helene, geb. von Middendorff), 1809–1894 – 14, 92, 149–150
- Богословский, Григорий Петрович, 1841–1899 – 150
- Боднарский, Митрофан Степанович, 1870–1953 – 292
- Бородин, Иван Парфеньевич, 1847–1930 – 243
- Борщов, Илья Григорьевич, 1833–1878 – 114
- Брандт, Федор Федорович (Brandt, Johann Friedrich), 1802–1879 – 21, 24, 34, 38, 57, 58, 64–67, 110, 113, 115, 120, 246, 248, 254, 285, 296
- Брант, Тор Эмилий (Branth, Thor Harald Emil), 1814–1854 – 9, 33, 44–46, 51, 53–56, 104, 114, 243, 269, 281
- Брант, Торе (Branth, Thore) – 8
- Бунге, Александр Александрович (Bunge, Alexander von), 1851–1930 – 191, 194, 315
- Буняковский, Виктор Яковлевич, 1804–1889 – 69–72
- Бух, Леопольд (Buch, Christian Leopold von), 1774–1853 – 225, 228
- Буш, Николай Адольфович, 1869–1941 – 215
- Бэр, Александр (Baer, Alexander Andreas Ernst von), 1826–1914 – 194
- Бэр, Карл Максимович (Baer, Karl Ernst von), 1792–1876 – 6, 8–9, 19–28, 30–39, 42, 46, 49, 50, 52, 54–55, 57, 58, 60, 63–65, 77, 88–89, 97–99, 102, 110, 113, 118, 120–121, 124, 134, 196, 198, 203, 210, 219–223, 225, 229, 231, 243, 248, 253, 258, 275–278, 280, 285, 295–298, 301–302, 319–320, 323, 330, 332, 338, 343
- Ваганов, Василий Васильевич, 1820–1851 – 42–46, 51, 53, 55, 104–107, 198–199, 203, 211, 310, 320, 333**
- Вагнер, Рудольф (Wagner, Rudolph), 1805–1864 – 19
- Вальтер, Герман Эдуардович (Walter, Hermann), 1864–1901 – 316
- Вальтер, Кристине (урожденная Миддендорф) (Walter, Christine), 1858–1928 – 89, 93–95
- Вальтер, Фриц (Walter, Johann Friedrich (Fritz) Hermann), 1850–1905 – 95
- Варминг, Евгений (Warming, Johannes Eugenius Bülow), 1841–1924 – 244–246
- Вашингтон, Джон (Washington, John), 1800–1863 – 31
- Вeer, Геррит, де (Veer, Gerrit, de), 1570 – после 1598 – 132, 211
- Вейденбаум, Густав Густавович, 1847–1878 – 130
- Вейпрехт, Карл (Weyprecht, Karl), 1838–1881 – 305–306, 313

- Вернейль, Филипп-Эдуард Пуллетье де (Verneuil, Philippe Édouard Poullétier de), 1805–1873 – 34
- Веселовский, Константин Степанович, 1819–1901 – 71, 72, 78, 81, 83–84, 114, 124, 142, 194, 220, 225, 335
- Вестерлюнд, Карл (Westerlund, Carl Aagardh), 1831–1908 – 8, 249
- Видеман, Фердинанд Иванович (Wiedemann, Ferdinand Johann), 1805–1887 – 101, 102
- Вильд, Генрих Иванович (Wild, Heinrich), 1833–1902 – 306
- Вилькен, Николай (Wilcken, Nicolai von), 1817–1885 – 18, 63, 90–91, 98, 100, 160, 183
- Винарский, Максим Викторович – 8
- Витсен, Николас (Witsen, Nicolas), 1641–1717 – 201, 289–290, 294
- Витте, Сергей Юльевич, 1849–1915 – 300
- Владимир Александрович, великий князь, 1847–1909 – 126–127, 343
- Воейков, Александр Иванович, 1842–1916 – 137, 218, 220–221, 232, 304
- Вонлярлярский, Иван Васильевич, 1804–1853 – 328
- Востоков, Александр Христофорович, 1781–1864 – 289–290
- Врангель, Фердинанд Петрович (Wrangell, Ferdinand von), 1797–1870 – 30, 88, 101, 183, 275–276, 278–280, 302, 306, 312, 324, 325, 332
- Вронченко, Федор Павлович, 1779–1852 – 324
- Гаврилов, Александр Михайлович, 1816–1848 – 325**
- Гаген-Шварц, Юлия (Hagen-Schwarz, Julie Wilhelmine Emilie), 1824–1902 – 90
- Гайек, Густав (Hayek, Gustav von), 1836–1911 – 189
- Ганеман, Фриц (Hanemann, Fritz), 1847–1877 – 307
- Гёбель, Фердинанд Иванович (Göbel, Karl Christian Traugott Friedmann), 1794–1851 – 17
- Геблер, Фридрих Вильгельмович (Gebler, Fridrich August von), 1782–1850 – 42
- Геденштром, Матвей Матвеевич (Hedenström, Mathias von), 1780–1845 – 302
- Гейглин, Теодор (Heuglin, Theodor von), 1824–1876 – 304, 305, 354
- Геккель, Эрнст (Haeckel, Ernst), 1834–1919 – 245
- Гельмерсен, Григорий Петрович (Helmersen, Gregor von), 1803–1885 – 26, 30, 36, 61, 63, 72, 121, 123, 183, 203, 277–279, 282
- Ген, Виктор (Hehn, Viktor), 1813–1890 – 101, 187

- Георги, Иван Иванович (Georgi, Johann Gottlieb), 1738–1784 – 230
Герценштейн, Соломон Маркович, 1854–1894 – 249
Гесс, Герман Иванович (Hess, Hermann Heinrich), 1802–1850 – 64, 248
Гёпперт, Генрих-Роберт (Göppert, Heinrich Robert), 1800–1884 – 63
Гиппиус, Карл-Фридрих (Hippius, Carl Friedrich), 1792–1875 – 88, 89, 122
Глуховских (Глуховской), Александр Иванович, 1838 – после 1915 г. – 286
Гмелин, Иоганн-Георг (Gmelin, Johann Georg), 1709–1755 – 131
Гоголь, Николай Васильевич, 1809–1852 – 273
Годунов, Пётр Иванович, ум. 1670 – 292
Гольберг, Нильс (Hollberg, Nils), – 9
Гольденберг, Леонид Аркадьевич, 1920–1989 – 292
Головкин, Юрий Александрович, 1749–1846 – 296
Головнин, Александр Васильевич, 1821–1886 – 85, 280, 282
Горчаков, Петр Дмитриевич, 1793–1861 – 32
Гохнадель, Виктор Иванович – 355
Гофман, Эрнст Карлович (Hofmann, Ernst Reinhold von), 1801–1871 – 17, 22, 89
Гризебах, Август (Grisebach, Heinrich August Rudolf), 1814–1879 – 244–245
Грюневальдт, Иван (Grünewaldt, Johann (Iwan) Engelbrecht Christoph von), 1796–1862 – 69
Грюневальдт, Мориц (Grünewaldt, Moritz von), 1797–1877 – 169
Гуиллемо де Виллебуа, Франц (Guillemot de Villebois, Franz), 1836–1890 – 96
Гук, Александр-Фридрих (Hueck, Alexander Friedrich von), 1802–1842 – 17–20
Гулд, Август (Gould, Augustus Addison), 1805–1866 – 247
Гуляев, В. В. – 299
Гумбольдт, Александр (Humboldt, Alexander von), 1769–1859 – 77, 116, 129, 217, 219, 226, 282, 283, 301, 338
Гурьянов, И. – 114, 115
Гюртль, Йозеф (Hyrtrl, Joseph), 1810–1894 – 19
- Давыдов, Дмитрий Павлович, 1811–1888 – 54
Давыдов, Сергей Иванович, 1789–1878 – 70
Даль, Владимир Иванович, 1801–1872 – 278, 279
Дальтон, Герман (Dalton, Hermann), 1833–1913 – 101, 102
Данилевский, Николай Яковлевич, 1822–1885 – 134
Дарвин, Чарлз (Darwin, Charles), 1809–1882 – 62, 160, 249, 263–264, 281

- Джексон, Джулиан (Jackson, Julian), 1790–1853 – 62
Джонстон, Александр (Johnston, Alexander Keith), 1804–1871 – 132
Деменьев, Георгий Петрович, 1898–1969 – 265
Дитмар, Карл (Ditmar, Karl Woldemar Bernhard Ferdinand von), 1822–1892 – 224
Докучаев, Василий Васильевич, 1846–1903 – 131, 132
Дове, Генрих-Вильгельм (Dove, Heinrich Wilhelm), 1803–1879 – 134, 338
Дондуков-Корсаков, Михаил Александрович, 1794–1869 – 20, 50
Дубровин, Николай Федорович, 1837–1904 – 300
- Екатерина II**, 1729–1796 – 58
Екатерина Михайловна, великая княгиня, 1827–1894 – 139, 153, 344
Елена Павловна, великая княгиня, 1806–1873 – 60, 100, 121, 139, 153, 158, 173, 174, 278, 303
- Завойко**, Василий Степанович, 1809–1898 – 333
Залеман, Карл Германович (Salemann, Carl), 1849–1916) – 316
Залеман, Роберт Карлович (Salemann, Robert Johann), 1813–1874 – 89, 90
Заленский, Владимир Владимирович, 1847–1918 – 300
Замен, Готтлиб (Sahmen, Gottlieb Franz Immanuel), 1789–1848 – 17
Зееберг, Фридрих Георгиевич (Seeberg, Friedrich), 1872–1902 – 100
Зейдлиц, Карл Карлович (Seidlitz Carl Johann, von), 1798–1885 – 180
- Иессен Пётр Петрович** (Jessen, Hans Peter Boje), 1801–1875 – 157–158
- Кабанис**, Жан-Луи (Cabanis, Jean-Louis), 1816–1906 – 257
Калнин, Виктор (Kalnin, Viktor), 1929–1992, – 18, 97
Канкрин, Егор Францович (Cancrin, Georg von), 1774–1845 – 34–36
Карелин, Григорий Сильч, 1801–1872 – 41
Карликов, Василий Ефимович, 1822 – после 1862 – 331
Карпинский, Александр Петрович, 1846–1936 – 301
Кастрен, Матвей Христианович (Castrén, Matthias Alexander), 1813–1852 – 267, 272
Катенин, Александр Андреевич, 1803–1860 – 114, 116
Кауфман, Константин Петрович (Kauffmann, Konstantin von), 1818–1882 – 138–141, 143, 144, 147, 285, 288
Кейзерлинг, Александр Андреевич (Keyserling, Alexander Friedrich von),

- 1815–1891 – 34, 60, 61, 63, 77, 103, 123, 169, 184, 298, 338
- Кёппен, Петр Иванович, 1793–1864 – 25, 77, 83, 117, 118, 275–279
- Киперт, Генрих (Kierpert, Heinrich), 1818–1899 – 210–211
- Кирилов, Иван Кириллович, ум. 1737 – 201
- Классен, Василий Иванович (Classen, William Heinrich Karl ?) – 190
- Клеменц, Дмитрий Александрович, 1848–1914 – 274
- Клуген, Адам-Георг (Klugen, Adam Georg von), 1757–1810 – 13
- Книпович, Николай Михайлович, 1862–1939 – 137, 138
- Ковалевский, Владимир Иванович, 1848–1934 – 144
- Ковалевский, Евграф Петрович, 1792–1867 – 82
- Кованько, Матвей Иванович, 1822–1874 – 331
- Козьмин, Николай Петрович, 1800–1854 – 211
- Коломейцев, Николай Николаевич, 1867–1944 – 316
- Колчак, Александр Васильевич, 1874–1920 – 317
- Комовский, Василий Дмитриевич, 1803–1851 – 321
- Константин Николаевич, великий князь, 1827–1892 – 108, 278, 279
- Коптев, Василий Иванович, ?–1888 – 167
- Коржинский, Сергей Иванович, 1861–1900 – 242
- Кропоткин, Петр Алексеевич, 1842–1921 – 130, 137, 218, 231, 303, 304
- Кошечкин, Борис Иванович, 1931–1995 – 24
- Крузенштерн, Иван Федорович (Krusenstern, Adam Johann von), 1770–1846 – 54, 320, 325, 329
- Крузенштерн, Павел Павлович (Krusenstern, Paul von), 1834–1871 – 302
- Крутиков, С. В. – 331
- Кумари, Эрик (Kumari, Eerik), 1912–1984 – 6, 7, 92, 258
- Куник, Арист Аристович (Kunik, Ernst Eduard), 1814–1899 – 72, 73
- Куприянов, Алексей Валериевич – 8, 159, 355
- Купфер, Адольф Яковлевич (Kupffer, Adolph Theodor), 1799–1865 – 31, 36, 38, 113, 203, 225
- Курмани, Карл (Kurmanu, Karl), 312
- Куторга, Степан Семенович, 1805–1861 – 24, 228
- Кушелев-Безбородко, Александр Григорьевич, 1800–1855 – 88
- Лайель, Чарлз (Lyell, Charles), 1797–1875 – 62, 226, 228, 249, 338**
- Лакшевиц, Аннемария (Lackschéwitz, Annemarie), 1923–2010 – 8**
- Лакшевиц, Вольф (Lackschéwitz, Wolf), 8, 89, 93, 94**
- Лакшевиц, Гедвига (урожденная Миддендорф) (Lackschéwitz, Hedwig,**

- (geb. von Middendorff)), 1854–1929 – 89, 93–94, 160, 193
- Лакшевиц, Клас (Lackschéwitz, Klas), – 8
- Лакшевиц, Одерт (Lackschéwitz, Odert), 1930–2009 – 8
- Лакшевиц, Пауль Мориц Александр (Lackschéwitz, Paul Moriz Alexandr), 1865–1936 – 94, 192, 193
- Лаперуз, Жан Франсуа (La Pérouse, Jean François), 1741–1788 – 325
- Лаптев, Харитон Прокофьевич, 1700–1763 – 34, 44, 46, 202–207, 210, 213, 307, 312, 316
- Лапуков, Тит – 43
- Левашев, Василий Васильевич, 1783–1848 – 169
- Левшин, Алексей Ираклиевич, 1798–1879 – 157, 158
- Ледебур, Карл-Фридрих (Ledebour, Karl Christian Friedrich), 1785–1851 – 17
- Ленц, Эмилий Христианович (Lenz, Heinrich Friedrich Emil), 1804–1865 – 31, 34, 38, 63, 70, 71
- Леонов, Николай Иванович – 7, 192
- Линген, Карл Максимович (Lingen, Karl von), 1817–1896 – 16, 18, 96–98
- Линген, Мария (урожденная Бэр) (Lingen, Marie Juliane von, geb. von Baer), 1828–1900 – 90, 96–98
- Липшиц, Сергей Юльевич, 1905–1983 – 243
- Литвинов, Дмитрий Иванович, 1854–1929 – 243
- Литке, Федор Петрович (Lütke, Friedrich Benjamin), 1797–1882 – 69, 84–86, 101, 102, 118, 119, 121, 142, 171, 198, 201, 277–280, 284, 285, 290, 302, 312
- Ломоносов, Михаил Васильевич, 1711–1765 – 273
- Мак, Ф.-Э. (Maack, F. E.) – 354**
- Маак, Рихард Карлович (Maack, Richard), 1825–1886 – 104, 248
- Майдель, Герард (Maydell, Gerhard Gustav Ludwig von), 1835–1894 – 224, 299
- Максимович, Карл Иванович (Maximowicz, Carl Johann), 1827–1891 – 119, 216, 234
- Мальман, Генрих (Mahlmann, Heinrich), 1830–1873 – 199, 200, 210
- Мальтус, Роберт (Malthus, Robert), 1766–1834 – 145
- Мария Фёдоровна, императрица, 1847–1928 – 88
- Маркс Адольф Фёдорович, 1838–1904 – 132
- Матюшкин, Федор Федорович, 1799–1871 – 312
- Матэ, Василий Васильевич (Вильгельм), 1856–1917 – 190
- Меглицкий, Николай Гаврилович, 1825–1857 – 283, 331

- Мейендроф, Александр Казимирович (Meyendorff, Christoph Gustav Alexander von), 1796–1865 – 277
- Мейер, Карл Андреевич (Meyer, Karl Anton), 1796–1855 – 34, 38, 65, 233, 234, 243
- Меккель, Иоганн-Фридрих (Meckel, Johann Friedrich), 1781–1833) – 19
- Мензбир, Михаил Александрович, 1855–1935 – 264
- Меньшиков, Александр Сергеевич, 1787–1869 – 328, 329
- Меркатор, Герард (Mercator, Gerhard), 1512–1594 – 198, 201
- Миддендорф, Андреас (Middendorff, Andreas von) – 8, 14
- Миддендорф, Аннелизел (Middendorff, Anneliesel von) – 8, 87
- Миддендорф, Бэате (Middendorff, Beate von) – 8
- Миддендорф, Владимир Андреевич (Middendorff, Wladimir von), 1826–1868 – 63
- Миддендорф, Гедвига (урожденная Гиппиус) (Middendorff, Hedwig Elisabeth von, geb. Hippus), 1825–1868 – 88, 89, 195, 343
- Миддендорф, Карл (Middendorff, Carl von), 1852–1871 – 89, 92, 133
- Миддендорф, Макс (Middendorf, Max von), родился и умер – 1856 – 89
- Миддендорф, Макс (Middendorf, Max von), 1861–1926 – 19, 89, 94–96, 140–143, 190, 192–194
- Миддендорф, Мэри (урожденная Вилкен) (Middendorff, Mary von, geb. von Wilcken), 1855–1938 – 91
- Миддендорф, Софья Ивановна (Middendorff, Sophie von, geb. Johanson), 1782–1868 – 13–15
- Миддендорф, Федор Иванович (Middendorff, Theodor Johann von), 1776–1856 – 10–17, 92, 149, 154, 275
- Миддендорф, Эллен (Middendorff, Elise Caecilie (Ellen) von, geb. Guillemot de Villebois), 1868–1922 – 96, 194
- Миддендорф, Эрнст (Middendorff, Ernst von), 1851–1916, 5, 89–94, 100, 122, 133, 143, 144, 154, 161, 166, 181, 189, 193, 194
- Миллер, Герард Фридрих (Müller, Gerhard Friedrich), 1705–1783 – 289
- Минин, Фёдор Алексеевич, род. ок. 1709 – 34, 202, 316
- Михаил Николаевич, великий князь, 1839–1909 – 122, 163, 172
- Михаил Павлович, великий князь, 1798–1849 – 60, 126
- Моисеев, С.А. – 312
- Муравьев, Михаил Николаевич, 1796–1866 – 279, 283
- Муравьев-Амурский, Николай Николаевич, 1809–1881 – 104, 106, 107, 283, 297, 317, 325–329, 331, 333, 335

- Мурчисон, Родерик Импи (Murchison, Roderick Impey), 1792–1871 — 34, 61, 62, 226, 228
- Мушкетов, Иван Васильевич, 1850–1902 — 138, 146, 148, 227
- Мюллер, Иоганнес (Müller, Johannes Peter), 1801–1858 — 19, 63
- Надеждин, Николай Иванович, 1804–1856 — 275, 280**
- Нансен, Фритъоф (Nansen, Fritjof), 1861–1930 — 137, 206, 232, 314–317
- Насонов, Николай Викторович, 1855–1939 — 300, 301
- Невельской, Геннадий Иванович, 1813–1876 — 312, 319, 325–330, 333
- Неверов, А. Д., умер в 1854 г. — 218, 269
- Нессельроде, Карл Васильевич (Nesselrode, Karl Robert von), 1780–1862 — 324, 325, 331
- Никитенко, Александр Васильевич, 1805–1877 — 71
- Николай Александрович, цесаревич, 1843–1865 — 99, 126
- Николай I, 1796–1855 — 24, 36, 55–57, 70, 150, 183, 279, 318, 321, 323–326, 330
- Николай II, 1868–1918 — 300, 314
- Николай Николаевич (старший), великий князь, 1831–1891 — 122, 126, 163, 172
- Ниландер, Вильям (Nylander, William), 1822–1899 — 234
- Норденшельд, Адольф-Эрик (Nordenskjöld, Nils Adolf Eric), 1832–1901 — 206, 207, 292, 310–314, 317, 354
- Норденшельд, Нильс (Nordenskjöld, Nils Gustav), 1792–1866 — 229
- Нордквист, Оскар (Nordqvist, Oscar Frithiof), 1858–1925 — 311
- Нордман, Александр Давыдович (Nordmann, Alexander von), 1803–1866 — 247, 250
- Норов, Авраам Сергеевич, 1795–1869 — 70
- Овцын, Дмитрий Леонтьевич, 1708–1757 — 34**
- Одоевский, Владимир Федорович, 1830–1869 — 277
- Ольденбургский, Петр Георгиевич (Oldenburg, Peter Herzog), 1812–1881 — 171
- Ортелиус, Абрахам (Ortelius, Abraham) 1527–1598 — 198
- Осборн, Шерард (Osborn, Sherard), 1822– 1875 — 303
- Остен-Сакен, Федор Романович (Osten-Sacken, Reinhold Friedrich von), 1832–1916 — 277
- Оуэн, Ричард (Owen, Richard), 1804–1892 — 62

- Пайер, Юлиус (Payer, Julius), 1842–1915 – 305, 313
- Паландер, Луи (Palander, Adolf Arnold Louis), 1842–1920 – 311, 312
- Паллас, Петр Симон (Pallas, Peter Simon), 1741–1811 – 191, 230, 248, 254, 264, 295, 296
- Пальмен, Иоган-Аксель (Palmén, Johan Axel), 1845–1919 – 257
- Пальмерстон, Генри-Джон (Palmerston, Henry John), 1784–1865 – 62
- Панкевич – 24
- Паррот, Егор Иванович (Parrot, Georg Friedrich), 1767–1852 – 31
- Паррот, Иоганн-Якоб-Фридрих-Вильгельм (Parrot, Johann Jacob Friedrich Wilhelm), 1791–1841 – 17
- Пастер, Луи (Pasteur, Louis), 1822–1895 – 159
- Пахтусов, Петр Кузьмич, 1800–1835 – 312
- Пекарский, Эдуард Карлович, 1858–1934 – 270, 271, 274
- Перру, Вильгельм (Perrou, Wilhelm), 1845–1906 – 140, 142
- Перовский, Василий Алексеевич, 1794–1857 – 23
- Перовский, Лев Алексеевич, 1793–1856 – 278, 279, 329, 331
- Петерман, Август (Petermann, August), 1822–1878 – 121, 132, 134–136, 138, 211, 302–310, 312, 317
- Петерс, Христиан (Peters, Christian Heinrich Friedrich), 1813–1890 – 63
- Пирогов, Николай Иванович, 1808–1881 – 17, 97
- Подъяконов, Сергей Аристархович – 224
- Позняков, Федор Иванович, 1797–1835 – 200, 206, 208
- Поло, Марко (Polo, Marco), 1254–1324 – 192
- Поплонский, В. К. – 328
- Попов, А. А. – 271
- Посьет, Константин Николаевич, 1819–1899 – 133, 181
- Пржевальский, Николай Михайлович, 1839–1888 – 192
- Прончищев, Василий Васильевич, 1702–1736 – 34, 202, 206, 207, 312, 316
- Пуркине, Ян-Эвангелиста (Purkyně, Jan Evangelista Ritter von), 1787–1836 – 19
- Путятин, Евфимий Васильевич, 1803–1883 – 129
- Пыпин, Александр Николаевич, 1833–1904 – 273
- Пяйд, Калев (Päid, Kalev) 1936–2001 – 7
- Рагозин, Николай Маркович, 1802–1870 – 312**
- Радде, Густав Иванович (Radde, Gustav Ferdinand Richard), 1831–1903 – 117–128, 234, 251, 254, 284

- Раден, Эдита Федоровна (Rahden, Editha von), 1823–1885 — 153, 173, 185, 188
Раевский, И. С. — 134
Ратке, Мартин-Генрих (Rathke, Martin Heinrich), 1793–1860 — 17
Ратцебург, Юлиус (Ratzeburg, Julius Theodor Christian), 1801–1871 — 19
Раупах, Макс (Raupach, Max Reinhold), 1833–1894 — 158
Рейнеке, Михайл Францевич (Reinecke, Michael) 1801–1859 — 312
Рейхерт, Карл (Reichert, Karl Bogislaus), 1811–1883 — 19
Ремезов, Семен Ульянович, 1664 — умер после 1720 г. — 158, 284, 289–293
Ретциус, Андерс-Адольф (Retzius, Anders Adolf), 1796–1860 — 62
Рикорд, Петр Иванович (Ricord, Peter), 1776–1855 — 277, 279
Риттер, Карл (Ritter, Carl), 1779–1859 — 60, 61, 109, 145, 215, 301
Рихтгофен, Фердинанд (Richthofen, Ferdinand von), 1833–1905 — 145
Ричардсон, Джон (Richardson, John), 1787–1865 — 239
Романов, Дмитрий Иванович, умер в 1873 г. — 334
Руперт, Вильгельм Яковлевич (Ruppert, Wilhelm), 1787–1849 — 33, 43, 49, 105
Рупрехт, Франц Иванович (Ruprecht, Franz Joseph), 1814–1870 — 63, 110, 234, 243, 338
Руссов, Валериан Фридрихович (Russow, Valerian Karl Michael), 1842–1879 — 140, 142
Рыкачев, Михаил Александрович, 1840–1919 — 137, 218, 304
- Савич, Алексей Николаевич, 1811–1883 — 203
Самойлович, Александр Николаевич, 1880–1940 — 272
Свенске, Карл Федорович (Svenske, Karl), 1796–1871 — 25, 196
Сéверцов, Николай Алексеевич, 1827–1885 — 112–117, 138, 147, 251, 265
Сéджвик, Адам (Sedgwick, Adam), 1785–1875 — 62
Селандер, Нильс Иоганн Теодор (Selander, Nils Johann Theodor), 1845–1922 — 312, 313
Семенов, Петр Петрович, 1827–1914 — 139, 140, 143, 285–288
Серошевский, Вацлав Л. (Sieroszewski, Waclaw), 1858–1945 — 272
Синюков, Валерий Васильевич — 100
Скарлато, Олег Александрович, 1920–1994 — 250
Скорсби, Вильям (Scoresby, William), 1789–1857 — 134
Слонимский, Леонард-Людвиг Зиновьевич, 1850–1918 — 145
Смирнов, Сергей Михайлович — 141, 142, 147
Соколов, Александр Петрович, 1816–1858 — 206, 207, 211, 307
Соссюр, Орас Бенедикт (Saussure, Horace Bénédict de), 1740–1799 — 227

- Сочава, Виктор Борисович, 1905–1978 – 6, 7, 235
Спасский, Михаил Фёдорович, 1809–1859 – 39, 41
Стасов, Владимир Васильевич, 1824–1906 – 169
Стебницкий, Иероним Иванович, 1832–1897 – 285, 287, 288
Стивен, Христиан Христианович (Steven, Chrétien), 1781–1863 – 117
Стеллер, Георг-Вильгельм (Steller, Georg Wilhelm), 1709–1746 – 254
Степанов, Александр Петрович, 1781–1837 – 205
Струве, Василий Яковлевич (Struve, Friedrich Georg Wilhelm), 1793–1864 –
203, 277–279
Струве, Бернгард Васильевич (Struve Bernhard), 1827–1889 – 106, 107
Сумгин, Михаил Иванович, 1873–1942 – 227
Сутгоф, Александр Николаевич, 1799 или 1800–1874 – 163
Сухова, Наталья Георгиевна – 6
- Таммиксаар, Эрки (Tammiksaar, Erki) – 8, 9
Танфильев, Гавриил Иванович, 1857–1928 – 132
Тебеньков, Михаил Дмитриевич, 1802–1872 – 324, 325
Токарев, Сергей Александрович, 1899–1985 – 273, 274
Толль, Эдуард Васильевич (Toll, Eduard von), 1858–1902 – 100, 191, 215,
232, 315–316, 354
Толль, Эмми (урожденная Вилькен) (Toll, Emmeline (Emmi) Magdalene
von, geb. von Wilcken), 1860–1943 – 100
Толмачев, Александр Иннокентьевич, 1903–1979 – 232
Траутфеттер, Рудольф Эрнестович (Trautvetter, Ernst Rudolf), 1809–1889
– 22, 63, 174, 203, 233–235, 243, 338
Третьяков, П. – 214
Трускотт, Иван Фомич, 1719–1786 – 213
Турчанинов, Николай Степанович, 1796–1863 – 33
Тюнен, Иоганн Генрих (Thünen, Johann Heinrich), 1783–1850 – 145
- Уваров, Сергей Семёнович, 1786–1855 – 11, 21, 23, 24, 35–37, 50, 51, 55, 56,
59, 60, 74, 276, 301, 321, 323
Ульянин, Василий Николаевич, 1840–1889 – 134
Устрялов, Николай Герасимович, 1805–1870 – 69–71
- Федоров, Василий Федорович, 1802–1855 – 203
Федотова, Анастасия Алексеевна – 8

- Федченко, Алексей Павлович, 1844–1873 — 138
- Филиппи, Рудольф-Амандус (Philippi, Rudolph Amandus), 1808–1904 — 61, 247
- Филиппов, Е. — 24
- Фомин, Николфор — 203
- Форбс, Джеймс (Forbes, James David), 1809–1869 — 225
- Франклин, Джон (Franklin, John), 1786–1847 — 239
- Френ, Христиан Данилович (Frähn, Christian Martin), 1782–1851 — 61, 301
- Фурман, Михаил (Fuhrmann, Mihkel), р. 1823 — умер после 1857 г. — 39, 45, 46, 51, 53, 54, 104, 243
- Фус, Павел Николаевич (Fuss, Paul Heinrich von), 1798–1855 — 23, 25, 32, 35, 37, 41, 44, 50, 54–60, 64, 68, 69, 71, 78, 81, 109, 166, 203, 248, 276, 277, 301, 320, 321, 323
- Ханыков, Яков Владимирович, 1818–1862 — 261, 281–283**
- Ходнев, Алексей Иванович, 1818–1883 — 171
- Циволька, Август Карлович (Ciwolka, August), 1810–1839 — 312**
- Чевкин, Константин Владимирович, 1803–1875 — 35, 36**
- Чекановский, Александр Лаврентьевич (Czekanowski, Aleksandr Piotr), 1832–1876 — 214
- Челюскин, Семен Иванович, около 1700–1764 — 202–207, 210, 307, 312, 313
- Чернышов, Александр Иванович, 1785–1857 — 331
- Чернышов, Феодосий Николаевич, 1856–1914 — 301
- Черский, Иван Дементьевич (Czerski, Jan), 1845–1892 — 231
- Чихачев, Платон Александрович, 1812–1892 — 278, 326, 327
- Шамиссо, Адельберт (Chamisso, Adelbert von), 1781–1838 — 18**
- Шарпантье, Жан (Charpentier, Jean de), 1786–1855 — 62, 228
- Шванн, Теодор (Schwann, Theodor Ambrose Hubert), 1810–1882 — 19
- Шварц, Людвиг Эдуардович (Schwarz, Peter Karl Ludwig), 1822–1894 — 8, 90, 122, 124, 144, 185, 200–201, 284, 331, 335
- Шварц, Петер (Schwarz, Peter) — 8
- Шергин, Федор, умер в 1839 — 29–31, 35, 221, 225
- Шёгрэн, Андрей Михайлович (Sjögren, Johann Andreas), 1794–1855 — 34

- Шиллинг, Николай Густавович (Schilling, Nikolai von), 1828–1910 — 94, 99, 100, 137, 218, 304
- Шиллинг, Паулина (урожденная Гиппиус) (Schilling, Pauline Emilie von, geb. Hippius), 1834–1912 — 90, 99, 100
- Шлагинтвейт, Роберт (Schlagintweit, Robert von), 1833–1885 — 116
- Шлейден, Маттиас-Якоб (Schleiden, Matthias Jacob), 1804–1881 — 19
- Шмидт, Карл (Schmidt, Carl Ernst Heinrich), 1822–1894 — 142, 143, 171
- Шмидт, Петр Юльевич, 1872–1949 — 250
- Шмидт, Федор Богданович (Schmidt, Friedrich Karl), 1832–1908 — 122–125, 137, 194, 216, 218, 284–297, 298, 304, 313–314
- Шренк, Александр Иванович (Schrenck, Alexander Gustav von), 1816–1876 — 18, 42, 61, 108, 203
- Шренк, Леопольд Иванович (Schrenck, Peter Leopold von), 1826–1894 — 108–112, 115, 119, 120, 191, 216, 225, 234, 251, 253, 264, 271–272, 274, 285, 299
- Штида, Людвиг (Stieda, Ludwig), 1837–1918 — 6
- Штилер, Адольф (Stieler, Adolf), 1775–1836 — 132
- Штраух, Александр Александрович (Strauch, Alexandre), 1832–1893 — 66, 142, 161, 190
- Штубендорф, Юлиус Иванович (Stubendorff, Julius), 1811–1878 — 18, 42, 104, 171, 327
- Шумахер, Петр Васильевич (Schumacher, Peter), 1817–1891 — 325, 334
- Щеглов, Дмитрий Алексеевич — 8**
- Щукин, Николай Семенович, 1793–1883 — 335
- Эверсман, Эдуард Александрович (Eversmann, Alexander Friedrich Eduard), 1794–1860 — 41**
- Энгельгардт, Егор Антонович (Engelhardt, Georg Reinhold Gustav von), 1775–1862 — 11, 276
- Энгельгардт, К. В. (Engelhardt, K. W.) — 153
- Энгельгардт, Мориц Федорович (Engelhardt, Otto Moritz Ludwig von), 1779–1842 — 17
- Эрман, Адольф (Erman, Georg Adolph), 1806–1877 — 29, 30, 61, 216
- Этцольд, Ингрид (Etzold, Ingrid), 1921–1999 — 9

Юкскюль, Андреас (Uexküll, Andreas von) — 8

Юкскюль, Бернгард (Uexküll, Bernard von), 1819–1884 — 8

Юргенсон, Петр Борисович, 1909–1971 — 6, 7, 78, 246, 265, 340

Явловский, И. Н. — 299, 300

Ярв, Эха (Järv, Eha) — 8

Яржинский, Федор Фаддеевич, 1839–? — 137, 218, 304

Ячевский, Леонард Антонович (Jaczewski, Leonard Feliks Stefan), 1858–
1916 — 192, 216, 224, 226, 227, 354

Наталья Георгиевна Сухова,
Эрки Таммиксаар

Александр Федорович Миддендорф

К двухсотлетию со дня рождения

Издание второе, переработанное и дополненное

Редактор *И.Ю. Сумерина*
Оригинал-макет *А.А. Крыласов*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 08.10.2015. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 23,75
Тираж 300 экз. Заказ № 90

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23